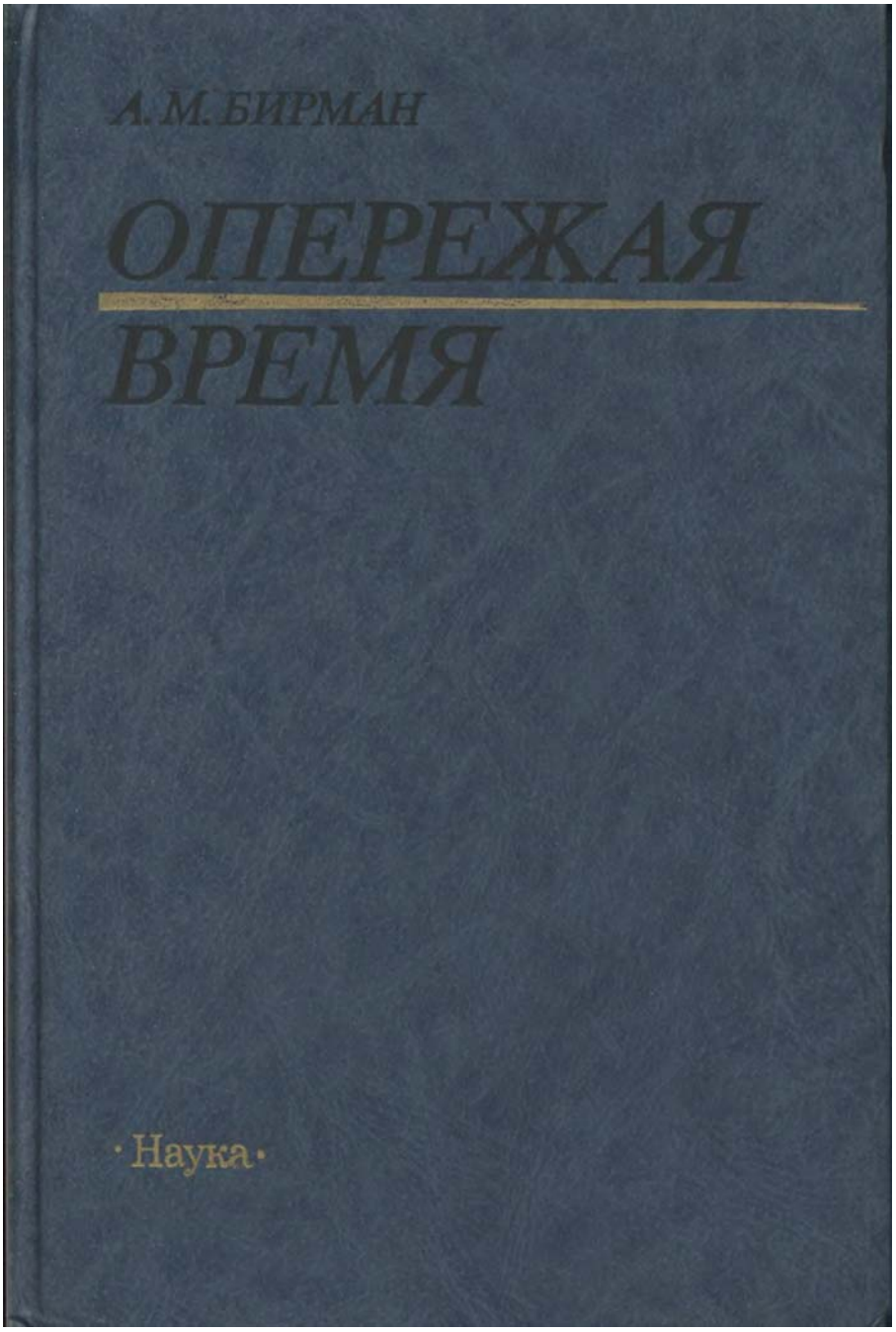

А. М. БИРМАН
ОПЕРЕЖАЯ ВРЕМЯ
Наука

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ
БИРМАН

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЭКОНОМИКИ

А. М. БИРМАН

ОПЕРЕЖАЯ ВРЕМЯ

Ответственный редактор
академик А. Г. АГАНБЕГЯН

МОСКВА «НАУКА»
1990

ББК 65.011.73
Б 64

Рецензенты:
член-корреспондент АН СССР Н. Я. ПЕТРАКОВ
доктор экономических наук В. И. ЧЕПЛАНОВ

Бирман А. М.

Б64 Опережая время.— М.: Наука, 1990.—381 с.
ISBN 5—02—012011—1

Сборник публицистических статей видного советского экономиста А. М. Бирмана — яркий пример взлета научной мысли периода реформы 1965 г. Опередили время почти на два десятилетия выдвигавшиеся уже тогда автором идеи полного хозрасчета, самофинансирования, закрытия убыточных предприятий, широкого развития оптовой торговли средствами производства. Написанные остро и выразительно, сочетающие научную глубину и доступность изложения, эти статьи звучат современно и для сегодняшнего, искушенного в этих проблемах читателя, и для того, кто впервые заинтересовался экономическими и социальными проблемами перестройки.

Для широкого круга читателей, интересующихся проблемами развития социалистической экономики.

Б $\frac{0601000000—155}{042(02)—90}$ 142,—II полугодие 1990 г.

ISBN 5—02—012011—1 © Издательство «Наука», 1990

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вниманию читателей предлагаются избранные статьи Александра Михайловича Бирмана, выдающегося советского ученого-экономиста и талантливого публициста. Большинство из них отделяет от сегодняшнего дня 20 и более лет. Правомерно ли их переиздание? Что может узнать современный читатель из этих работ, написанных, как сейчас нередко говорят, в застойное время? Для того, чтобы ответить на эти вопросы, лучше всего познакомиться с самими статьями. Но хотелось бы подчеркнуть, что работы А. М. Бирмана являются предтечей многих современных идей и проблем, рожденных сложным периодом перестройки и обновления. Именно он был одним из самых первых и талантливых представителей той волны экономической науки, которая задолго до наших дней защищала идеи развития социалистического рынка, формирования развитых современных товарно-денежных отношений. Именно в работах А. М. Бирмана дана аргументированная и обстоятельная критика дефицита, его причин и последствий, порочности карточной системы распределения ресурсов.

Многие статьи, книги, выступления А. М. Бирмана на многочисленных конференциях посвящены весьма актуальным и сегодня проблемам перестройки финансовой системы, реформы банков и кредита, судьбам убыточных предприятий. В них обостренно ставились проблемы банкротства этих предприятий, их расточительства с точки зрения общественных интересов.

В предлагаемых вниманию читателей статьях очень ярко и убедительно звучит гражданская позиция экономиста, призыв к честности и правдивости, к гражданскому и нравственному долгу экономистов-ученых и экономистов-практиков. Это мужественный призыв, и мы знаем, как нелегко следовать ему в жизни, и не только в те далекие годы, но и сегодня.

Особенностью публикаций профессора А. М. Бирмана являлось то, что почти каждая из них сразу же попадала в центр общественного внимания, становилась предметом острейших дискуссий. И самому автору порой эти статьи приносили не только славу. Им нередко сопутствовали проработки. Ведь указание на то, что автор является представителем так называемых товарников, сторонником рыночных методов регулирования социалистической экономики, звучало не просто как научная критика. Тогда это воспринималось нередко как оскорбление, а порой и как политический донос.

Времена изменились, изменились акценты в оценках и выводах, но надо ясно представлять себе, сколь непростым был путь к современной гласности, сколь сложно давалось постижение, казалось бы, элементарных сегодня представлений о моделях социалистической экономики.

Конечно, знакомство с публикациями создает невольное впечатление о тех надеждах, которые возлагались в те годы на проводимые или готовящиеся реформы. Можно встретиться и с тем, что сегодня воспринимается как неоправданные иллюзии и неоправданные ожидания. Изменившееся время заставляет по-новому осмыслить сказанное и написанное в 60-е и 70-е годы. Что можно сказать по этому поводу? Многое здесь можно оправдать, а если и не оправдать, то хотя бы объяснить. Ведь так хотелось и ученым, и всему обществу, чтобы желаемое осуществилось, и не когда-то в далеком будущем, а уже сегодня, в ближайшие дни. Была ли это вера иллюзорной? Думаю, что не совсем.

Мы действительно имели шанс, шанс достаточно реальный, для того чтобы вырваться из инерции старого хозяйственного механизма, обновить не только представление о социализме, но и сам социализм.

Шанс был, и то, почему мы не воспользовались им, почему он оказался утраченным и общество задержалось в своем обновлении на 2—3 десятилетия, это вопрос сложных и мучительных раздумий о прошлом и не менее ответственных раздумий о настоящем, о тех условиях и тех действиях и решениях, которые необходимы для того, чтобы вновь возникший шанс обновления не был утрачен. Здесь нужны взвешенные суждения, спокойствие, мудрость, т. е. как раз то, чего нам порой не хватает в нашем столь знакомом требовании немедленных и быстрых перемен.

И еще о том времени, когда создавались предлагаемые читателю труды. Публикация избранных статей А. М. Бирмана — это лишь маленький штрих, показывающий, что и в те застойные годы были люди, способные к творчеству, думающие о завтрашнем дне. Причем они не просто сидели в ожидании происходящих где-то «наверху» перемен, а говорили, боролись, защищали свои идеи. Это важно постоянно помнить для того, чтобы в истории не возникало новых белых пятен, чтобы была сказана вся правда о непростом и неоднозначном периоде нашей истории.

Многие, кто лично знал Александра Михайловича Бирмана и работал вместе с ним, не могут не сказать о его личных качествах. Он был не только выдающийся ученый, педагог и мастер полемики. Его всегда отличала теснейшая связь с жизнью, с практикой, которую он хорошо знал и которой посвятил немало лет своей трудовой деятельности. Он много общался с молодежью, со студентами, отдавал им тот интеллектуальный багаж, и отдавал щедро, который накопил за годы своей работы. Резкость полемики, бескомпромиссная защита своих идей удивительно сочетались в нем с мягкостью в общении, доброжелательностью и открытостью. Его любили и уважали все — от студентов и аспирантов до академиков.

К его мнению, к его голосу прислушивались и заводские экономисты, и работники центральных плановых и финансовых органов. Далеко не всегда и не во всем соглашались с его идеями, но неизменно уважали за глубину знаний, конкретность мышления и гражданское мужество. У него были и противники, которые также страстно ненавидели его образ мыслей, его непримиримость к догмам и канонам в экономической науке. И это лишь подчеркивает целостность его фигуры, его непримиримую гражданскую позицию, его мужество ученого.

Уверен, что лучше всего обо всем этом скажут сами статьи Александра Михайловича Бирмана, которые предлагаются вниманию читателей.

Академик Л. И. АБАЛКИН

СТО МИЛЛИОНОВ ГАЕК... [1]

Накануне XX съезда КПСС на Коломенском заводе проходил испытания паровоз новой марки. По всем показателям это была первоклассная машина. Но работа коломенцев в конце концов оказалась напрасной. *Принципиально.* Потому что направление их поисков шло не туда, куда звала жизнь.

Этот факт всплывает в памяти сейчас, когда у нас так много говорят и пишут о состоянии планирования, его достижениях и просчетах, поисках и проектах. На ноябрьском (1962 г.) Пленуме ЦК КПСС товарищ Н. С. Хрущев призвал к настойчивому усовершенствованию планирования. Вот и думается: а не трудятся ли иные экономисты сегодня, в век «плановой электрификации», над моделью совершенного «экономического паровоза»?

Первые наши перспективные планы поражают обилием общеэкономических и социологических изысканий, расчетов и проектировок. Подробно изучались источники ресурсов, способы их мобилизации, результаты использования. А конкретные задания были малодифференцированны: по крупным экономическим районам, по крупным отраслям. Это и понятно: в то время не было необходимых данных для большей конкретизации.

Потом перспективные и тем паче годовые планы становились все более детализированными. Чуть ли не каждый вид продукции распределялся в таблицах по областям, краям и автономным республикам. Дробились и продолжают дробиться нынче показатели материально-технического снабжения, «позиции», как их называют практические работники.

Сейчас годовой план развития народного хозяйства представляет собой свод нескольких десятков томов: тысячи страниц, сотни тысяч чисел. Номенклатура продукции, распределяемая в централизованном порядке, в 1960 г. содержала 13 105 сводных позиций. Ее перечень занимал 378 страниц убористого типографского шрифта. Комбайны, турбины, прокатные станы... И рядом: крючья телеграфные, вилы железные, нафталин, древесная стружка для упаковки яиц, семена тмина, этикетки для вина и пива, рыболовные крючки... В 1962 г. в централизованном порядке распределялись уже изделия 18 000 наименований. Кроме того, большое количество их планируется совнархозами, исполкомами местных Советов и непосредственно предприятиями.

Многие плановые работники полагают, что неувязка в снабжении предприятий оборудованием и сырьем вызываются недостаточной, на их взгляд, детальностью планирования. С вожделением

[1] Экон. газ. 1963. 30 марта. № 13(86).

смотрят они на электронно-вычислительные машины — с их помощью можно будет подсчитать по каждому заводу потребность по всей номенклатуре: гайки, прокладки, вентили и т. д. и т. п. В представлении таких экономистов народнохозяйственный план через несколько лет будет представлять собой огромную сводную ведомость потребности всех предприятий в бесконечном количестве отдельных конкретных вещей и предметов. Под эту позицию подводится и теоретическая база: дескать, при капитализме экономическая деятельность опосредствуется такими стоимостными категориями, как уровень рентабельности, скорость оборота средств, система цен и т. д. А в плановом хозяйстве организация экономики будто бы может непосредственно опираться на конкретные потребительные ценности: мотки пряжи, квадратные метры паркета и т. д.

Однако речь идет не только о номенклатуре изделий. Предлагаются самые различные измерители производственной программы, экономии в затратах. Премиальные системы должны, мол, учесть и ресурсы того или иного вида сырья, и степень напряженности плана, и качество продукции, и соотношение с однородными предприятиями. Мотивируются подобные предложения как будто вполне солидно: хозяйство многообразно, нельзя всех стричь под одну гребенку.

Некоторые авторы *пытаются уложить в конкретные нормы и задания бесконечное многообразие отраслей, условий хозяйствования, естественно-климатических факторов, размеров и типов предприятий, видов и значимости продукции, частоты ее обновления.* И хотят не только сделать это применительно к уровню какого-то одного года, но и отразить динамику, рост по отношению к прошлым периодам. *Отсюда и возникает мысль о совершенствовании паровоза в пору электрификации транспорта.*

Попытки уловить через конкретные и дробные задания все условия хозяйствования были и прежде. Правда, не в промышленности, а в работе машинно-тракторных станций. На каждого тракториста заводили учет по обрабатываемым им культурам и обслуживаемым колхозам, по периодам ранней и нормальной вспашки, по урожайности отдельных культур, по сохранности каждой машины, по количеству продуктов, сданных каждым колхозом, который обслуживал данный тракторист, по...

Заполнить эти простыни фактическими данными не было никакой возможности. Поэтому либо цифры брались с потолка, либо бланки оставались незаполненными.

А что получается подчас в промышленности и ряде других отраслей хозяйства?

Руководители предприятий недоумевают: как можно требовать с них заявки на материалы и оборудование за несколько месяцев до того, как утверждена производственная программа? Как можно заказывать сырье, не зная, для каких оно предназначено изделий? Между тем такая практика не прекращается. И вовсе не потому, что в снабах сидят люди, не способные понять столь элементарные

вещи. *А потому, что в более короткий срок действительно нельзя собрать заявки на сотни тысяч изделий, сгруппировать их, распределить между производителями.* Вместо того чтобы искать принципиально иные решения, многие плановики, как манну небесную, ждут вычислительные машины, способные считать быстро и без устали.

Торговые организации должны дать заказ швейной и обувной промышленности не позже I квартала года, предшествующего планируемому. Это значит, на основе спроса, бывшего весной 1962 г., придется определять количество, фасоны и модели платьев, костюмов, пальто, туфель и ботинок на 1963 год... Чего же удивляться залежам швейных изделий и обуви?

Насколько усложнено дело, видно из примера, приводимого в изданной в 1961 г. книге Ю. Колдомасова из серии «В помощь экономисту и плановику». Заявка автозавода им. Лихачева на подшипники, которые выпускает расположенный рядом ГПЗ-I, составляет документ весом в 200 кг, и проходит он через 14 планирующих и снабженческо-сбытовых органов.

Добро бы весь этот труд обеспечивал нормальный ход производства. Но ведь газеты ежедневно сообщают о прорывах и простоях, вызванных ошибками плановиков. Число подобных ошибок не уменьшается и не может не расти, ибо порочна, на наш взгляд, сама попытка собрать в одном документе океан изделий — от турбины до нафталина — и проследить за каждым из них из центра.

Действительно ли необходима подобная методика планирования, опирающаяся на заявки каждой фабрики, стройки, шахты?

Статистические органы, не опрашивая предварительно граждан, предсказывают численность населения на 20 лет вперед, количество мальчиков и девочек, которые родятся, число семей с двумя, тремя, четырьмя и более детьми. При строительстве городов проектируют размеры и расположение столовых, больниц, отделений связи, также не требуя предварительных заявок от будущих жильцов. Число подобных примеров можно увеличить. Но разве потребность в отдельных видах материалов менее закономерна, чем рождаемость? Разве экономическая наука не способна предложить более простые и достаточно точные способы подсчета потребности в электромоторах, угле и минеральных удобрениях, чем применяемые ныне?

Нам представляется утопичной попытка угнаться в народнохозяйственном плане за каждым шплинтом, за каждым движением рабочего. Внимание специалистов по методике планирования следует повернуть на 180 градусов: *от наименований отдельных изделий к крупным стоимостным показателям, к экономическим рычагам, обеспечивающим оптимальные условия его выполнения.*

В данной статье, естественно, могут быть изложены лишь самые общие соображения. И сводятся они вот к чему.

При современных масштабах хозяйства невозможно непосредственно регулировать планом выпуск каждого изделия, его качество, себестоимость, сезонность выпуска и так далее. Нельзя так-

же предусмотреть реконструкцию каждого станка, реализацию каждого лишнего метра кабеля. Цель, как нам представляется, состоит в том, чтобы определить объем производства, темпы роста основных отраслей и размещение производительных сил, обеспечить необходимые пропорции.

Рост производительности труда, уровень издержек, использование основных и оборотных средств, улучшение качества изделий и обновление ассортимента, совершенствование технологии и увеличение выпуска — все эти и другие стороны хозяйственной деятельности предприятий должны стимулироваться общими экономическими предпосылками: обоснованной системой цен, эффективными материальными поощрениями и санкциями, условиями финансирования, кредитования и расчетов. Мы не говорим уже о факторах моральных, роль которых непрерывно возрастает.

Огромные возможности вычислительных машин, по-видимому, должны быть использованы для тщательных расчетов балансовых связей в народном хозяйстве в целом, по отдельным союзным республикам, экономическим районам. В результате таких расчетов будут точно определены темпы прироста продукции, пропорции в развитии отдельных отраслей, объем нового строительства, расходы непроизводственной сферы.

Нам мыслится, что в общегосударственном плане следует перечислять лишь самые важные виды продукции: некоторые продукты химии, сталь, прокат, уголь, нефть, электроэнергию, ткани, цемент, уникальные станы, турбины, суда и некоторые другие продукты.

Для предприятий и совнархозов устанавливаются объемные (в рублях) задания по выпуску продукции, объем затрат и сумма накоплений, узкий перечень важнейших изделий. Натуральный состав программы, номенклатура изделий для каждого совнархоза и предприятия в централизованном порядке не устанавливаются. Они определяются на основе прямых договоров с предприятиями-потребителями и сбытовыми органами. Большинство же видов сырья, оборудования, инструментов и приборов, спецодежды и тары предприятия должны *приобретать в порядке оптовой торговли* — на базах межведомственных сбытовых органов в промышленных и строительных центрах.

«Как,— вскрикнет опытный снабженец,— торговать моторами? Кабелем? Красками?

А почему бы ими не торговать? Почему бы не отпускать их государственным и кооперативным предприятиям без фондов и нарядов, просто так, за деньги? Рассмотрим этот вопрос без ненужной торопливости и категоричности.

Первое. Могут ли быть против этого возражения теоретического порядка? Признаться, мы их не видим. В свое время были справедливо высмеяны левацкие «теории», выдававшие карточную систему распределения предметов потребления за преимущество социалистической экономики. Совершенно очевидно, что культурная советская торговля — основная форма удовлетворения потребностей населения до перехода к коммунистическим методам распре-

деления. Однако нигде не сказано, что торговать нужно хлебом и ботинками, а цемент и пряжу обязательно распределять по нарядам и фондам. Вынужденную необходимость не следует возводить в добродетель и увековечивать.

Второе. Как определить потребность без предварительных заявок? Оптовые торговые (сбытовые) органы, разумеется, обязаны будут знать нужды обслуживаемых ими предприятий. Общеизвестно, что структура потребления в огромной части повторяется из года в год. Специалисты должны будут разработать гибкие приемы определения потребности в отдельных средствах производства. Здесь, безусловно, также могут быть использованы вычислительные машины — для сбора информации о спросе, быстрой ее обработки и формулирования заказов. Вероятно, немало полезного найдется в этой области и у зарубежных фирм.

Третье. Как быть с материалами и оборудованием, которые пока дефицитны? Переход к торговле вместо распределения, безусловно, приведет к сокращению запасов во всевозможных снабсбытах и на предприятиях. Следовательно, количество дефицитных позиций сократится. Кроме того, дефицит чаще всего порождается ошибками в планировании: выдают наряды на большее количество того или иного вида продукции, чем производится. Эта причина, естественно, должна быть устранена. Что же касается изделий, которые пока действительно дефицитны, то временно для них можно оставить систему распределения.

Давайте условимся о следующем: против выдвинутых в данной статье предложений можно привести миллион возражений. И это естественно, так как вопрос сложный, конкретно не разработанный, экспериментально не проверенный. Поэтому хорошо бы для начала договориться о том, что методика планирования, стремящаяся охватить каждую гайку, бесперспективна. А тогда будет легче нам всем думать о других путях.

МЫСЛИ ПОСЛЕ ПЛЕНУМА [1]

Если не считать революционных преобразований, в результате которых были обобществлены средства производства, то хозяйственную реформу, провозглашенную сентябрьским (1965 г.) Пленумом ЦК КПСС и шестой сессией Верховного Совета СССР, на мой взгляд, можно считать третьей по своему значению за все сорок восемь лет существования Советского государства *. Первой реформой был переход к новой экономической политике в 1921 г. Второй — изменение условий хозяйственной деятельности в результате ряда важных правительственных актов на протяжении 1929—1932 гг.: предприятие (а не трест, как было до этого) стало основным хозяйственным звеном; коммерческий кредит с использованием векселей был заменен прямым банковским кредитованием; восемьдесят шесть видов платежей предприятий сведены в основном к налогу с оборота и отчислениям от прибылей; безвозвратное финансирование капитальных вложений стало преобладающим и др.

Правомерно ли ставить в один ряд эти три реформы?

Каждая из них формулировала и определяла условия хозяйственной деятельности предприятий и содержание экономической политики Советского государства на длительный период времени. Каждая была комплексной, охватывавшей не только чисто хозяйственные вопросы, а всю совокупность производственных отношений и, более того, общественных отношений. В настоящее время закладывается основа для хозяйственного развития опять-таки на длительный период — по меньшей мере до конца текущего двадцатилетия.

Многообразие экономических и политических актов, образующих в совокупности реформу, требует известного времени для их разработки и практического внедрения. Новая экономическая политика внедрялась на протяжении примерно двух лет после ее провозглашения на X съезде Коммунистической партии. Вторая

[1] Новый мир. 1965. № 12.

* *Примечание ред.* Решения сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС оценивались автором как принципиально новый подход к осуществлению экономической политики. Их пропаганду он считал одной из важнейших своих задач.

По договоренности с редколлегией журнала «Новый мир» был задуман цикл статей, которые были опубликованы в 1965—1969 гг., пронизанных единым стержнем — возродить ленинское понимание хозяйственного расчета, разъяснить его самым широким слоям общества и привлечь их тем самым к сознательному и активному осуществлению хозяйственной реформы (см. статьи этого сб.: Продолжение разговора, Талант экономиста, Суть реформы, Самая благодарная задача).

реформа — и это видно из дат, которыми она характеризуется,— также заняла более двух лет, наполненных сложными процессами в экономической и политической жизни страны. Правомерно и естественно, что и для нынешней реформы устанавливается примерно двухлетний срок.

* * *

Самое основное, на мой взгляд, что характеризует решения сентябрьского Пленума ЦК КПСС,— это то, что современное понимание сущности и закономерностей социалистического производства превращено в систему хозяйственного управления и руководства. В результате длительной и напряженной дискуссии, в которой участвовало много хозяйственников и научных работников самых различных отраслей познания — от инженеров и агрономов до экономистов и философов,— нам стали гораздо понятнее особенности первой фазы коммунистического способа производства, а именно социалистической фазы. Творческая атмосфера, сложившаяся в стране после критики культа личности, позволила в сравнительно короткий срок исследовать огромное количество проблем и по многим из них прийти к выводам, которые можно считать общепризнанными или же, во всяком случае, одобренными широким кругом хозяйственных, партийных работников и ученых. Тот факт, что экономическая дискуссия и соответствующие ей народнохозяйственные преобразования происходили не только в нашей стране, но и в других социалистических странах, с одной стороны, подтвердил общность и однородность общественных отношений во всех странах социализма при наличии некоторых особенностей и разновидностей в каждой из этих стран; с другой стороны, это позволило обмениваться опытом экономических экспериментов. Все вместе взятое ускорило принятие необходимых практических решений.

Поэтому, мне кажется, анализ решений Пленума ЦК КПСС следует начать именно с характеристики нашего понимания сущности и закономерностей социализма и раскрыть, как оно складывалось.

В работах Маркса и Энгельса характеристика особенностей производства при социализме, естественно, была весьма общей, хотя и содержала в себе все необходимые элементы для научного понимания первой фазы коммунизма. В них говорилось о том, что средства производства будут обобществлены, что хозяйство будет планомерным, что взаимоотношения между людьми будут отношениями товарищеского сотрудничества трудящихся и трудового соревнования. Большего ожидать от основоположников марксизма было нельзя. Как подлинные ученые, они могли строить свои научные выводы, лишь обобщая материал практики. Между тем практики социалистического хозяйствования не было и потому не могло быть разработанной в деталях и теории этой фазы развития человечества.

Если внимательно проштудировать предоктябрьские работы Ленина и работы, написанные им до середины 1918 г., то становится очевидным, что В. И. Ленин предполагал известную последовательность и постепенность в переходе от капиталистического к социалистическому способу производства. Первыми мерами намечалась национализация банков, передача земли крестьянам, установление рабочего контроля над предприятиями. Имелось в виду широко использовать в качестве командных высот пролетарского государства монополию внешней торговли, финансовую и кредитную политику и ряд других экономических рычагов. При этом не исключалась возможность использовать в определенной форме и пределах не только, так сказать, отечественные капиталистические элементы, но и привлекать иностранных концессионеров.

Отчаянное сопротивление помещиков и капиталистов, переход их к гражданской войне против молодого Советского государства и военная интервенция вынудили партию и государство круто повернуть и направление своей экономической политики. Как известно, в период военного коммунизма были резко сокращены товарно-денежные отношения, широко распространилось натуральное распределение того относительно малого количества материальных ценностей, которые можно было мобилизовать и распределить. И вот тут-то и появился соблазн перейти сразу к прямому продуктообмену между различными отраслями народного хозяйства, между промышленностью и сельским хозяйством прежде всего. Одновременно было проведено обязательное всеобщее кооперирование населения с тем, чтобы перейти к распределению предметов потребления среди трудящихся. Как указывал впоследствии В. И. Ленин, это была попытка «красногвардейской» атакой на капитал преодолеть путь от многоукладности экономики к социализму.

Однако эта попытка не увенчалась успехом.

В действительности в стране продолжали существовать — легально и полулегально — товарно-денежные отношения, шла торговля из-под полы, процветала разнузданная спекуляция самыми различными товарами и продуктами. Более того, административный запрет товарообмена привел к тому, что известная часть среднего крестьянства стала выступать против экономической политики Советского государства. Партия вовремя и глубоко проанализировала реальные экономические отношения и сделала единственно правильный, поражающий своей научной проникновенностью вывод о необходимости открытого перехода к товарно-денежным отношениям при условии концентрации в руках государства командных высот экономики и настойчивом и целенаправленном ее развитии в сторону социализма.

Представляет огромный интерес и большую актуальность детальная разработка ленинского наследства последних лет его жизни и деятельности. Если в первые годы Советской власти вопрос о товарно-денежных отношениях был еще не совсем ясен и Ленин

размышляет о том, являются ли продукты государственных предприятий в СССР товарами, в какой степени они являются товарами, а в какой — уже нетоварами, то в работах 1921—1923 гг. внимание Ленина сосредоточивается на другом. Самым тщательным образом он анализирует каждую деталь, каждую сторону и особенность хозяйственных взаимоотношений и находит в них необходимость использования товарооборота, денег, кредита, финансов, цен и других экономических рычагов, занимающих, по его мнению, решающее место в механизме перехода к социалистическому способу производства.

В первом параграфе Устава о трестах говорилось, что трест есть государственное предприятие, основанное на коммерческих началах с целью извлечения прибыли. Вполне возможно предположить, что за такого рода определение студент еще совсем недавно получил бы двойку на экзамене по политической экономии.

Между тем такое определение абсолютно правильно, и прошедшие с тех пор сорок четыре года показали, что нет необходимости поправить в нем ни единого слова. В самом деле, предприятие — *государственное;* в условиях Советской власти это значит — предприятие, принадлежащее народу, работающее в интересах народа, производящее продукцию хорошего качества, не могущее заниматься взвинчиванием цен и другими спекулятивными махинациями. *Основанное на коммерческих началах — это значит* работающее оперативно, без косности, бюрократизма, применяясь к потребностям народа и стремящееся полностью, быстро удовлетворить эти потребности. С *целью извлечения прибыли* — это значит работать эффективно, не только покрывать затраты по производству, но и создавать накопления, которые (о чем еще говорилось в решениях XII съезда партии) определяли судьбу диктатуры пролетариата в нашей стране.

Необходимо напомнить, что полностью ленинские идеи хозяйственного расчета и в целом управления и организации народного хозяйства не были реализованы на практике. С начала 30-х годов чем дальше, тем в большей мере экономические принципы руководства отодвигались на второй план, все шире распространялись методы организационного воздействия на темпы и пропорции расширенного воспроизводства. К тому же вся обстановка мало благоприятствовала развитию политической экономии социализма как науки.

Сочетание двух этих обстоятельств и привело к тому, что мы до недавнего времени очень плохо представляли себе сущность и закономерности социалистического общества, в котором мы живем. Впрочем, тут нет ничего удивительного. Несколько десятилетий — ничтожно короткий исторический срок. И неудивительно, что мы — современники и участники бурных и непрерывных исторических событий — не были в состоянии всесторонне и объективно разобраться в общественных отношениях, творцами которых и одновременно продуктом которых являемся.

В первые год-два после Великой Октябрьской революции имели хождение всякого рода теории относительно возможностей отказа от денег, замены их всякого рода трудовыми, энергетическими или другими марками или знаками. Однако эти взгляды довольно быстро были изжиты. Практически необходимость прочной и устойчивой советской валюты, сбалансированного бюджета, развитой кредитной системы была общепризнанной. Правда, к концу первой пятилетки «головокружение от успехов» вызвало рецидив левацких точек зрения на возможность отмены денег и торговли. Однако эти точки зрения довольно быстро испарились. Таким образом, практически расхождений насчет того, нужно или не нужно укреплять финансово-кредитную систему и совершенствовать торговлю, не существовало.

Гораздо сложнее обстояло дело в теории. До 1940 г. считалось общепризнанным, что закон стоимости не действует при социализме. Объяснить при таких условиях, что представляют собой цена, деньги, кредит, финансы, было невозможно. Если не действует закон стоимости, если стоимость как экономическая категория отсутствует, то, разумеется, не могут быть объяснены и формы стоимости — деньги и цена прежде всего. Теоретическая «пустота» была заполнена прикладными рассуждениями о том, что все перечисленные только что экономические категории есть пережиток, доставшийся социалистическому обществу от капитализма, эдакий аппендикс, малополезный и грозящий возможным воспалением. Правда, почти никто не договаривался до необходимости его хирургического удаления. Предполагалось, что формы стоимости постепенно отомрут сами по себе по мере усиления социалистических начал в народном хозяйстве, полной ликвидации частнокапиталистического сектора, приближения к коммунистическим условиям производства и распределения.

В 1940 г. было сформулировано, что при социализме закон стоимости действует, но «в преобразованном виде». В чем суть этой «преобразованности», подробно сказано не было. Но можно было полагать, что речь идет о том, что закон стоимости, воспринимаемый по-прежнему как наследие прошлого, подчиняется действию таких формирующих социалистический способ производства отношений, как общность владения средствами производства и планомерность развития.

Дискуссия вокруг проекта учебника политэкономии в начале 50-х годов хотя и дала немало для анализа сущности социалистического способа производства и его закономерностей, но в то же время послужила источником ряда неверных выводов. В работе Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» указывалось, что основная причина действия закона стоимости и использования форм стоимости состоит в наличии двух форм социалистической собственности. Устанавливалось, что товарами могут быть лишь продукты кооперативных предприятий и предметы потребления, изготовленные на государственных предприятиях, так как они переходят в использование в сферах кооперативной

и личной собственности. Подавляющая же часть народного хозяйства, все предприятия, основанные на государственной форме социалистической собственности, считались находящимися вне товарного производства, не рассматривались как товаропроизводители. Необходимость денег и всего «денежного хозяйства» объяснялась тем, что надо калькулировать, вести учет и знать, как идет работа предприятия.

При таком понимании существа дела нетрудно было видеть перспективу ближайшего развития не в развитии товарно-денежных отношений, а, напротив, в их свертывании. Не удивительно, что в ряде выступлений на XIX съезде КПСС говорилось о необходимости всемерно форсировать натуральный обмен между промышленностью и сельским хозяйством. Широко распространились натуральные отношения и между государственными предприятиями и колхозами. Достаточно сказать, что преобладающая часть оплаты за работы, выполняемые МТС, производилась, как известно, натурой. Да и в колхозах учет работ и распределение продукции носили натуральный характер. Денежные выдачи по трудодням были крайне малы.

Между тем вся практика развития народного хозяйства СССР восставала против подобного понимания экономических отношений. Повседневный опыт убеждал каждого объективного исследователя, каждого практического работника, что применение материального стимулирования (притом в денежной форме), экономически обоснованной цены, дифференцированного режима кредитования и финансирования не только не сдерживало развитие экономики, но, напротив, всемерно ему благоприятствовало. И это относилось не только к кооперативным предприятиям, но прежде всего и больше всего к предприятиям государственным. И, напротив, каждое сокращение сферы товарно-денежных отношений, любое ослабление экономических рычагов и замена их административными сдерживали рост народного хозяйства. Стоило в 1950 г. перевести проектные организации с хозрасчетного на бюджетный режим финансирования, как сразу же ухудшилась их работа, возникли многочисленные трения между ними и заказчиками.

Настоятельная необходимость ускорить темпы развития социалистической экономики потребовала внедрять подлинный хозяйственный расчет сперва в совхозах, а затем и в колхозах. Тем самым в сельском хозяйстве — в этой отрасли, где дольше и больше всего господствовали натуральные отношения и административные методы руководства,— оказалось необходимым в первую очередь внедрять широкую систему экономических методов управления. Это заставило задуматься многих экономистов и практических работников, еще и еще раз проанализировать, что же такое представляет собой социалистический способ производства, какими должны быть экономические отношения между работниками и предприятиями, между предприятиями внутри отрасли, между отраслями производства, между государственным и кооперативным сектора-

ми? И конец 50-х годов знаменуется началом активной и плодотворной экономической дискуссии, которая, иногда чуть затихая, но никогда не прерываясь, тянулась до 1965 г., когда решениями сентябрьского Пленума ЦК КПСС значительная часть спорных проблем была решена. И решена *по-новому*, т. е. на основе современного понимания сущности социалистического способа производства.

Каково же это понимание?

Подавляющее большинство советских экономистов, да и экономистов других социалистических стран стоит на том, что социалистическому способу производства органически присущи товарно-денежные отношения, ибо они являются формой связи между различными сферами разделения труда. Оказалось, что товарно-денежные отношения — нечто более общее, чем просто условие существования простого товарного производства или капиталистического способа производства. Видимо, товарно-денежные отношения могут быть не только при этих формациях человеческого общества. Но конкретное содержание этих отношений, вполне естественно, меняется: при капитализме они не те, что в простом товарном хозяйстве, а при социализме далеко не те, что в капиталистическом способе производства.

Оказалось, что закон стоимости точно так же может действовать в различных общественных формациях и что он вовсе не всегда и отнюдь не обязательно имеет стихийный характер. Опыт развития советской экономики, да и экономики других социалистических стран показывает, что закон стоимости не только не противоречит другим экономическим законам, например основному экономическому закону и закону планомерного развития, но, напротив, его использование — очень важный рычаг усиления действия других экономических законов, точно так же, как правильное использование закона планомерного развития усиливает воздействие закона стоимости на социалистическое производство.

Оказалось, что государственные социалистические предприятия (а тем более кооперативные) отнюдь не простые исполнители заданий государства. Они не кирпичики в здании и не винтики в машине. Предприятие в системе народного хозяйства при социализме — это живая клетка живого организма. Это целый мир со своими особенностями, интересами, законами. Имеются убедительнейшие доказательства того, что недоучет этих особенностей, интересов и законов наносит ущерб не только самой клеточке, но всему организму в целом. Иначе говоря, *государственные социалистические предприятия* (*и кооперативные тем более*) *на стадии социализма выступают в качестве товаропроизводителей.* Конечно, это не кимрские сапожники, вывозящие свой товар на ярмарку. Это товаропроизводители, действующие в условиях общественной собственности на средства производства, в условиях планомерного развития экономики, когда цель хозяйствования — максимально возможное удовлетворение потребностей народа путем непрерывного развития производительных сил и производственных отношений.

И тем не менее это товаропроизводители. Это значит, что отношения между ними — между двумя государственными предприятиями — отношения товарного обмена, где с неодолимой непреклонностью господствуют требования эквивалентности в отношениях. К сожалению, имеется слишком много примеров и доказательств того, что любое нарушение эквивалентности в обмене, в частности в результате действия экономически не обоснованных цен, приносит прямой ущерб развитию производства. Наличие дотации, планово и фактически убыточных предприятий и многие другие общеизвестные факты доказывают, как жизненно необходимо соблюдение требования эквивалентности в отношениях между предприятиями.

В чем причина того, что в период социализма государственные предприятия выступают как товаропроизводители? Почему с каждым десятилетием развития социалистического способа производства товарно-денежные отношения в нашей стране не только не ослабевают, а усиливаются, а сфера их использования не только не сужается, а непрерывно расширяется? Не означает ли это задержки в развитии социалистических производственных отношений, замедления перехода, перерастания социализма в коммунизм? Положительный ответ на последний вопрос естествен, если товарно-денежные отношения рассматривать, как раньше, в виде наследства, перешедшего нам от капитализма, в виде инородных тел, не присущих нашему общественному строю. Но совершенно другой ответ получается в том случае, когда мы считаем их органически присущими социалистическому способу производства.

Одно из принципиальных отличий первой фазы коммунизма — социалистической — от второй его фазы состоит как раз, по нашему мнению, в том, что социалистическая экономика есть экономика, развивающаяся в условиях товарно-денежных отношений, в отличие от коммунистической фазы, когда таковых отношений не будет. В самом деле, многие другие условия производства — общность средств производства, планомерность — остаются одинаковыми для обеих фаз, что, конечно, не исключает неизмеримо более высокого развития этих отношений и понятий в условиях коммунизма.

Итак, чем же объясняется тот факт, что государственные социалистические предприятия почти через полвека после установления Советской власти выступают как товаропроизводители? Видимо, *особенностями характера труда в период социализма.*

Обобществление средств производства и ведение народного хозяйства на плановой основе коренным образом изменили содержание труда, придав ему общественный характер. Если в досоциалистических формациях лишь на рынке, после реализации, устанавливалось, нужен ли товар обществу, то в нашей стране еще задолго до начала производства указаны поставщики и потребители. Однако, говоря об общественном характере труда, советские экономисты добавляют обычно, что он еще не до конца общественный. Полностью общественный труд будет лишь при коммунизме.

Но что значит не до конца? Какой экономический смысл вкладывается в эти слова и какие из них вытекают практические выводы?

Видимо, дело в том, что труд имеет общественный характер преимущественно со стороны его организации. Действительно, предприятия работают по плану, тем самым труд каждого рабочего заранее предусмотрен и целенаправлен. Тем не менее известны многочисленные факты, когда произведенная продукция — и средства производства, и предметы потребления — не находит покупателя. Не тот фасон, не тот срок, не то качество, отпала надобность у потребителя — таковы лишь некоторые из причин, порождающих трудности в сбыте определенных видов продукции, хотя они и были произведены по плану. Следовательно, на стадии социализма общество еще не имеет возможности абсолютно точно и безупречно определить свою потребность и организовать идеальное ее удовлетворение.

Конечно, в общем товарообороте доля изделий, не находящих сбыта, ничтожна. Но тревожит то, что она повышается из года в год. По мере того как исчезает дефицит, затруднения в сбыте отдельных видов товаров увеличиваются. Причем эти затруднения имеют не абсолютный, а, так сказать, отнсительный характер. Когда речь идет о каждом конкретном товаре, они вызваны теми или иными, в большинстве случаев организационными, неполадками. Однако наличие самих этих неполадок вряд ли можно считать случайным. Скорее всего, они объективно присущи данному уровню планирования и организации управления производством. Следовательно, неполнота общественного характера труда (с чем согласны все экономисты) состоит, видимо, во-первых, в том, что какая-то часть продукции не соответствует действительным потребностям общества, хотя она произведена в точном соответствии с планом.

Но не это главное.

Главное в том, то сам производитель еще не рассматривает свой труд как органическую потребность. Не для всех еще труд перестал быть вынужденной необходимостью. Чтобы труд стал органической потребностью, он должен быть интересным, приятным, дающим полное моральное и материальное удовлетворение. Развитие производительных сил и производственных отношений при социализме идет в этом направлении, но до полного достижения цели еще далеко.

Пока же труд для многих остается вынужденной необходимостью, должны быть найдены способы обеспечения трудовой дисциплины и непрерывного повышения его производительности. Причем речь идет не только об эффективности живого труда, т. е. непосредственной работы каждого отдельного человека, но и об эффективности использования овеществленного труда, т. е. труда, зафиксированного, олицетворенного в зданиях, оборудовании, материалах, топливе, инструментах и т. д. Чем выше техническая вооруженность производства, тем больше важность эффективности

использования именно овеществленного труда. Достаточно сказать, что в издержках производства в промышленности заработная плата в среднем не составляет 20%, тогда как средства производства занимают более 80%.

Но как свести воедино эффективность использования живого и овеществленного труда? Как измерить, с какой степенью успешности токарь тов. Иванов затрачивает свое рабочее время, использует токарный станок, резцы, металл и другие элементы производства? Это возможно лишь при сведении всех конкретных затрат ко всеобщей абстрактной форме. Такой абстрактной формой исторически стала стоимость, находящая свое внешнее выражение в денежном измерении. Сказав, что на производство одного стула предприятие вправе затратить, скажем, не более четырех рублей, мы тем самым запрограммировали необходимую степень эффективности использования живого труда, орудий и предметов труда. Но люди трудятся не индивидуально, они работают в коллективах, образуя социалистические предприятия. Следовательно, задача усложняется. Необходимо определить эффективность работы каждого из сотен или тысяч рабочих и служащих каждого из предприятий и их руководителей. Это опять-таки возможно, лишь сводя все виды затрат к общественно необходимым и выразив их в денежной форме.

Следовательно, общий вывод, к которому мы приходим на основе анализа десятилетий практики социалистического хозяйствования в СССР, может быть сформулирован так: *при данном уровне обобществления труда и возможной в период социализма степени его общественного характера необходимо стоимостное измерение затрат живого и овеществленного труда и необходима проверка действительной потребности каждого изделия путем его реализации, т. е. превращения товара в деньги.*

Именно этими обстоятельствами и определяется необходимость товарно-денежных отношений на первой стадии коммунистического общества. Наличие двух форм социалистической собственности, а также единоличных крестьян и некооперированных ремесленников вносит лишь некоторые дополнительно усложняющие обстоятельства, но не является основной причиной необходимости существования товарно-денежных отношений и действия закона стоимости.

При таком понимании сущности производственных отношений при социализме мы приходим к выводу, что основное в организации управления — это создание оптимальных условий для работы предприятия, потому что именно оно — клеточка социалистического экономического организма. Суть решений сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС и шестой сессии Верховного Совета СССР, как нам представляется, в том и состоит, что в центре планирования и управления поставлено предприятие. Все остальные органы, все формы и методы планирования и управления построены таким образом, чтобы дать предприятию возможность хозяйствовать оптимальным образом. Именно эти проблемы были в цент-

ре трехлетней экономической дискуссии, проходившей в нашей стране. И решения Пленума, как об этом говорится в докладе Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина, подвели итог этой дискуссии, превратив в законодательные положения те из возможных решений стоящих перед нами проблем, в отношении которых подавляющее большинство хозяйственников и ученых пришло к общему убеждению. Тем самым нынешняя реформа принципиально отличается от ряда организационных мероприятий, которые в течение последнего десятилетия проводились без предварительного изучения и научного обоснования.

* * *

Чем была вызвана эта экономическая дискуссия? Почему она разгорелась именно теперь? Чем объясняется ее острота?

И на эти вопросы мы находим ответ в материалах последнего Пленума ЦК КПСС и последней сессии Верховного Совета СССР. Выполнение семилетнего плана показало, как исключительно велики производственные мощности, созданные в нашей стране, как много может дать их умелое и эффективное использование. Немалое значение имел при этом переход от отраслевого к территориальному принципу управления промышленностью. Хотя в целом этот переход себя не оправдал, тем не менее нельзя отрицать того, что он вызвал значительное повышение хозяйственной активности во многих промышленных центрах и экономических районах страны. Производственные мощности и хозяйственные связи, которые десятилетиями создавались на территории всей страны, но были как-то разгорожены рамками министерств и ведомств, сразу превратились в многообразные совокупности, показав, как велики и значительны производственные центры, находящиеся в самых различных частях Советского Союза.

В то же время в ходе выполнения семилетнего плана обнаружились и явления, которые не могли не насторожить. Об этом также подробно говорилось на Пленуме. Несколько замедлился темп роста общественного продукта и промышленной продукции. Конечно, этот темп значительно выше, чем, скажем, в Соединенных Штатах Америки, но он обнаружил некоторую тенденцию к замедлению. Нет необходимости утешаться тем, что, скажем, 1% прироста в 1965 г. значительно больше, чем 2% в 1957 г. Нам нужны не утешения, а анализ тенденции и, что еще более важно, меры для ее преодоления. Чтобы догнать и перегнать по уровню производства на душу населения ведущие капиталистические страны, мы должны наращивать производство не только абсолютно, но и относительно, т. е. в процентах, в темпах.

Несколько уменьшилось то, что на языке экономистов называется фондоотдачей. Иначе говоря, на каждую тысячу рублей основных фондов (зданий, сооружений, машин, механизмов) мы стали получать ежегодно продукции меньше, чем три-пять лет назад. И здесь есть объяснения. В какой-то мере снижение фондоотдачи

вызвано изменением структуры промышленной продукции, освоением труднодоступных районов, понижением цен на выпускаемую продукцию. И опять-таки важнее не коллекционировать эти успокаивающие объяснения, а сосредоточить внимание на этой тенденции, чтобы ее преодолеть.

В ряде отраслей медленно растет производительность труда, иной раз даже отставая от роста фонда заработной платы. Между тем производительность труда, ее рост всегда были и будут основным фактором, обеспечивающим победу социализма над капитализмом в их мирном экономическом соревновании.

Не все благополучно с качеством продукции. Те высокие требования к качеству продукции, которые вызываются современной технологией производства и возросшими потребностями народа, далеко не всегда удовлетворяются нашей промышленностью.

Усложнилась проблема материально-технического снабжения и оптовой торговли. С одной стороны, все еще существует неудовлетворенный спрос на некоторые средства производства и предметы потребления. С другой стороны, непрерывно растут запасы и средств производства, и предметов потребления. Что обиднее всего, сплошь и рядом лежащая на складе продукция изготовлена из того же сырья и теми же людьми, которые могут сделать изделия, на которые спрос не удовлетворен. Вот один из многих примеров. Продолжают производить хлопчатобуманый штапель, вышедший из моды, и не делают хлопчатобумажного трикотажа, на который есть спрос.

Чем вызваны эти настораживающие нас явления, тенденции? Не симптомы ли это, органически присущие социалистическому способу производства?

Ни в коем случае! На этот счет все советские экономисты и практики-хозяйственники единодушны. Однако в объяснении причины мнения разошлись решительным образом.

Одни участники дискуссии полагали, что причина нежелательных явлений, о которых шла речь выше, состоит в том, что планирование и управление *количественно* отстали от масштабов хозяйства. Народное хозяйство разрослось до таких пределов, что его нельзя планировать при помощи арифмометров и счетно-клавишных машин. Нужна другая оргтехника. По мнению этих экономистов, если оснастить планирующие органы достаточным количеством электронно-вычислительных машин и разработать необходимые математические алгоритмы, то все будет в порядке. Можно будет по любому количеству изделий — хоть по каждой гайке в отдельности — составить детальный адресный план, указавши, кто, кому, когда и сколько должен поставить изделий,— и вся проблема решена.

По мнению других экономистов и хозяйственников, дело обстоит совершенно не так и причины этих явлений иные. По их мнению, концепция административного регулирования хозяйств противоречит экономической сущности социалистического способа производства, а именно необходимости создавать материально-тех-

ническую базу коммунизма в условиях действия товарно-денежных отношений. При таком подходе к делу централизованное планирование должно касаться лишь самых общих — и в то же время решающих, определяющих, жизненно важных — направлений и показателей: структура общественного производства, пропорции между отдельными отраслями, темпы роста, основные направления размещения производительных сил, соотношение между первым и вторым подразделением общественного производства, соотношение между потреблением и накоплением. Что же касается *механизма* хозяйственных отношений в реализации плана, то они должны осуществляться на основе хозяйственных договоров и прямых экономических взаимосвязей между производителями и потребителями, подрядчиками и заказчиками, клиентурой и транспортом, торговлей и населением.

Мы читали недавно в газетах такого рода сообщения: такая-то стройка ведется медленно, потому что такие-то главки и Совнархоз РСФСР, к примеру, забыли ее укомплектовать такими-то машинами, приборами. Но можно ли вообще ставить перед центральными планирующими и управляющими органами задачу укомплектовать каждую стройку тысячами и тысячами видов инструмента, оборудования и приборов, если учесть, что в нашей стране одновременно функционирует не менее ста тысяч строек?

По мнению второй группы экономистов, сама постановка задачи, сама попытка административными методами осуществлять производство и распределение общественного продукта нереальны, невозможны. И чем более многообразным становится хозяйство, тем, полагают эти экономисты, больше будет неувязок и недостатков в планировании, если оно останется таким, как было до недавнего времени, и никакие электронно-вычислительные машины и математические алгоритмы не смогут этому помочь.

Пленум Центрального Комитета партии и сессия Верховного Совета СССР согласились с этой позицией, признав, что существовавшая до недавнего времени система планирования и управления народным хозяйством не соответствовала возросшим масштабам народного хозяйства. Тем самым решение проблемы из организационно-технической и административной сферы было перенесено в сферу экономическую и социальную. В этом огромное принципиальное и историческое значение нынешней хозяйственной реформы.

* * *

В чем был основной порок системы планирования, управления и стимулирования, действовавшей до последнего времени? В том, что попытки утверждать из центра каждому предприятию все детальные условия его деятельности неизбежно, *объективно* приводили к механическому, уравнительному подходу. Поскольку невозможно точно знать обстановку на каждом предприятии, то исходили из каких-то средних, в действительности не существующих на

каждом данном предприятии условий и прибавляли к ним примерно одинаковый темп прироста — легкий для одних и непосильный для других. Это принуждало предприятия скрывать имеющиеся у них внутренние резервы, чтобы избежать «наступания на пятки», чрезмерных и непосильных плановых заданий.

В. И. Ленин уделял огромное внимание стимулам непрерывного роста социалистического производства. Отвечая тем, кто предрекал неизбежность краха Советской власти на том основании, что при ней отсутствует частнопредпринимательский стимул к непрерывному расширению производства, Ленин указывал, что на смену этому частнопредпринимательскому стимулу приходит новый, неизмеримо более мощный и эффективный стимул — стремление миллионов людей сделать как можно больше, быстрее и лучше. В самом деле, социалистический способ производства несовместим с частнопредпринимательским стимулом, который — этого никак нельзя отрицать — служит весьма действенной пружиной экономического развития капиталистических стран. Однако нам нечего бояться этой утраты. Ведь обобщение средств производства, превращение трудящихся в хозяев фабрик, заводов, земли, транспорта и других средств производства вызывает у них такой прилив творческой инициативы и создает такие возможности его практической реализации, по сравнению с которыми эффективность частнопредпринимательского стимула ничтожна. Беда последних десятилетий, однако, состояла в том, что система планирования, стимулирования и управления принуждала предприятия скрывать свои резервы, сдерживать инициативу, чтобы иметь возможность выполнять план и получать соответствующее материальное вознаграждение.

В самом деле, ведь известно, что сплошь и рядом план каждого последующего года содержал для предприятий примерно равную надбавку, допустим в шесть — восемь и более процентов к «базе», т. е. к уровню истекшего года. При таком положении предприятие, которое в истекшем году полностью мобилизовало все свои резервы, окажется в наступающем году в невероятно тяжелом положении, тогда как коллектив, сумевший в истекшем году работать в полсилы, получит соответственно меньшее задание и будет ходить в победителях.

Потери, которые несло народное хозяйство от необходимости предприятий в какой-то мере противопоставлять свои интересы интересам общества в целом, буквально не поддаются исчислению. И это общепризнано.

...Недавно вышла книга известного авиаконструктора Олега Константиновича Антонова «Для всех и для себя». Автор выступает в ней не как создатель самолетов, а как экономист. Книга его интересна во многих отношениях и заслуживает специального разбора. В данной же статье мы хотим сказать лишь то, что в ней приводятся десятки разнообразнейших примеров и фактов, показывающих, на какие ухищрения приходилось идти коллективам предприятий, чтобы ликвидировать или хотя бы уменьшить

отрицательные для общества потери, возникшие в результате неправильного планирования, непродуманных форм стимулирования и учета работы предприятий. Но совершенно очевидно, что методы планирования и руководства, которые наносят ущерб основному и решающему преимуществу социализма перед капитализмом — возможности неограниченного проявления хозяйственной инициативы миллионами трудящихся,— дольше терпеть было невозможно. Они должны были быть заменены. И они действительно заменены решениями сентябрьского Пленума ЦК КПСС и шестой сессии Верховного Совета СССР.

Что главное в этих решениях? *Выдвижение на первый план экономических методов управления.* Но это вовсе не значит, что государство отказывается от использования административных форм воздействия. Известно, что иные васьки способны в течение длительного времени слушать и есть, т. е. признавать на словах необходимость изменения и продолжать прежнюю, привычную, окостеневшую «линию». К такого рода деятелям государство применяло и впредь будет применять жесткие административные методы воздействия. Административные методы управления нужны и в десятках других случаев. Однако экономические методы планирования, руководства и стимулирования выдвигаются теперь на первый план.

Что это означает практически? А то, что *воздействие на коллективы предприятий и на каждого отдельного трудящегося государство будет* оказывать посредством воздействия на их *интересы.*

В. И. Ленин указывал, что классы и отдельные люди в своих действиях руководствуются прежде всего своими интересами. Это применимо и к социалистическому обществу, с тем только преимуществом, что при социализме, так как средства производства обобществлены и нет враждебных классов, интересы каждого отдельного трудящегося при правильной организации хозяйствования совпадают с интересами предприятия, а интересы предприятия — с потребностями общества в целом.

Имеются ли какие-то особые интересы у каждого отдельного трудящегося? Конечно, имеются. Они состоят в том, чтобы иметь возможность работать по способности, т. е. выполнять ту работу, к которой действительно имеет необходимые навыки и знания каждый трудящийся; чтобы иметь возможность производительно трудиться в течение всего рабочего дня; чтобы получать за свою работу эффективное материальное поощрение; чтобы активно участвовать в управлении производством, быть не только исполнителем, но и участником составления планов, мероприятий по их выполнению, иначе говоря — чтобы работа доставляла непрерывное и высокое моральное удовлетворение, которое является органическим элементом процесса труда в социалистическом обществе.

Имеются ли свои особые интересы у предприятия как у коллектива трудящихся?

Разумеется, имеются. Они состоят в том чтобы выполнить план,

а по возможности, и перевыполнить его и чувствовать себя по праву активным участником коммунистического труда; чтобы марка предприятия пользовалась заслуженной славой; чтобы продукцию предприятия искали; чтобы технический уровень производства непрерывно совершенствовался, оборудование, производственные площади отвечали требованиям сегодняшнего дня; чтобы успехи в работе эффективно материально поощрялись.

Совершенно очевидно, что интересы предприятий и трудящихся при социализме не только не противоречат хотя бы в малейшей мере потребностям общества, но, напротив, служат побудительной силой и источником высоких темпов развития социалистического производства. Здесь как бы замкнутый круг: чем лучше удовлетворяются интересы каждого работника, каждого предприятия, тем больше материальных благ получает общество и тем больше у него возможностей дополнительно удовлетворять потребности каждого трудящегося, каждого предприятия. Напротив, при недостатках в планировании, стимулировании, управлении чем более «зажато» предприятие, тем энергичнее оно скрывает свои внутренние резервы, тем ниже качество продукции, тем труднее внедрить там технические новшества, тем меньше отдача, получаемая обществом в целом.

Нет ли противоречия между стремлением воздействовать посредством интересов предприятий и трудящихся и централизованной системой планового руководства?

Если понимать план по-ленински — как программу борьбы народа за построение коммунизма,— то никакого противоречия нет. Потому что при таком понимании план воплощает в себе творческую инициативу народа, но придает ей при этом необходимую целеустремленность и последовательность.

Осуществление хозяйственной реформы, несомненно, принесет социалистической промышленности и всем другим отраслям народного хозяйства большие плоды. Мы сейчас просто не в состоянии представить себе их подлинный масштаб именно потому, что нынешняя хозяйственная реформа (может быть, впервые за все годы существования Советского государства) дает возможность полностью, на глубоко научной основе привести в соответствие и сомкнуть интересы десятков миллионов трудящихся и сотен тысяч предприятий с потребностями общества в целом, которое (общество), собственно говоря, и состоит их этих десятков миллионов трудящихся, работающих на самих себя, на свои семьи, на народ в целом.

* * *

Нет необходимости излагать решения Пленума ЦК КПСС и сессии Верховного Совета СССР — они читаются и изучаются всеми. Следует лишь обратить внимание на некоторые главные, как нам кажется, направления в экономической политике, намеченные в них.

Уже говорилось о том, что в центре всей системы планирования, управления и стимулирования становится предприятие. Чтобы расширить возможности его маневрирования, сокращено количество показателей, утверждаемых для предприятия «сверху». Теперь их установлено всего лишь пять: реализация продукции, ассортимент основных изделий, фонд заработной платы, прибыль и рентабельность, взаимоотношения с государственным бюджетом. Дело, однако, не только в том, что показателей стало меньше. Главное в другом — в *характере* оставленных показателей.

Основной показатель — это реализация продукции. Но что такое реализация? Это не упаковка, и не отгрузка, и не перевозка изделий. *Реализация — процесс экономический, а именно превращение товара в деньги.* Лишь после того, как потребитель оплатил поставленную ему продукцию, и состоялась реализация. Это не значит, что процесс производства отходит на второй план. *Производство всегда было и всегда будет основным видом хозяйственной деятельности.* Именно в процессе производства создаются материальные ценности, общественный продукт и национальный доход. Однако производство существует не для производства, а для потребления. Показатель реализации свидетельствует о том, что, пройдя через многочисленную разветвленную систему хозяйственных взаимоотношений, продукт принят тем, кому он предназначался, т. е. подтверждена на самой конечной и решающей стадии его необходимость и целесообразность затрат труда на его изготовление. В то же время, получив деньги от покупателя, поставщик в состоянии начать новый цикл производства. Пока товар не превращен в деньги, нет средств для нового хозяйственного цикла. Разумеется, практически нет нужды приостанавливать производство после отгрузки каждой отдельной партии продукции. Имеется в виду не такое примитивное понимание связи реализации с производством. Речь идет о том, что если продукция не оплачивается, то через какой-то небольшой промежуток времени производство приостанавливается.

Введение в качестве основного показателя реализации придает огромную действенность борьбы за качество продукции. Сейчас для каждого становится ясным, что изготавливать нужно то, что будет принято и оплачено. Из сферы убеждения и агитации качество продукции перешло в сферу практической дееспособности: непринятая продукция не зачисляется в исполнение плана со всеми вытекающими отсюда последствиями для каждого работника предприятия-поставщика. Но дело не только в этом. Бывает так, что сама по себе продукция хорошего качества не находит спроса либо потому, что она попросту не нужна, либо потому, что те, кому она требуется, не располагают средствами для ее приобретения. Наконец, в сфере торговли встречаются хорошие изделия, вышедшие из моды. Выдвижение на первый план показателя реализации продукции поднимает на должный уровень коммерческую сторону хозяйственной деятельности, которая была загублена в течение предыдущих десятилетий.

На абсолютно подавляющем большинстве наших предприятий нет даже самостоятельных и работоспособных финансовых служб, т. е. тех органов, тех частиц хозяйственного механизма, прямой служебной обязанностью которых является обслуживание денежного оборота. То, что называется финансовой работой на подавляющем большинстве предприятий, есть в самом деле элементарное финансовое делопроизводство — составление документов для сдачи в банк, получение и распределение денег. Теперь, когда благополучие каждого предприятия зависит от его потребителей, постановка коммерческой и финансовой работы приобретает для предприятия жизненно важное значение. Один неплательщик, задерживающий реализацию у десятка поставщиков, тем самым превращает их в фабрики и заводы, не выполнившие план со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В докладе А. Н. Косыгина указано, что, разумеется, механизм кредита будет использован для того, чтобы прийти на помощь «без вины виноватым». Однако такая помощь, и это всем ясно, не может быть непрерывной и беспредельной. Каждое хозрасчетное предприятие должно само заботиться о том, чтобы строго соблюдать платежную дисциплину. А это совсем не так просто, если иметь в виду, что ежегодно в нашей стране составляются и исполняются триллионы платежных документов и за каждым из них скрывается какая-то хозяйственная операция. На среднем машиностроительном заводе ежедневно оплачивается триста-четыреста счетов поставщиков и поступает сто пятьдесят — двести платежей от покупателей...

Не требует особых пояснений необходимость оставления среди показателей основного ассортимента продукции. Требование соблюдения пропорций в развитии народного хозяйства обязывает планирующий орган знать, сколько, когда и где изготовляется таких изделий, каждое из которых занимает особое место в развитии народного хозяйства. Тем не менее очевидно, что по мере совершенствования планирования и ликвидации искусственно созданных диспропорций круг таких прямо планируемых изделий будет энергично сокращаться. И сегодня уже существуют миллионы видов средств производства, которых вполне достаточно в стране; по ним безо всякого риска можно переходить к обычной оптовой торговле, отказаться от фондов и разнарядок. С каждым месяцем и с каждым годом этот круг будет все более расширяться, но какое-то количество изделий, разумеется, всегда будет поименно указываться в плане. Никогда оптовые базы не будут торговать блюмингами, турбинами, генераторами и ледоколами...

Особенно важное значение имеет выдвижение на первый план показателя прибыли и рентабельности.

До чего живучи предрассудки! Опросите любых пять человек, и трое из них, безусловно, скажут вам, что прибыль — понятие, чуждое социализму, взятое нами «напрокат» до поры до времени. Между тем ни классики марксизма-ленинизма, ни полувековая практика социалистического хозяйствования ни разу не выдвигали

сомнений в полезности прибыли и полном ее соответствии социалистическим принципам хозяйствования. Однако предрассудки, о которых идет речь, распространены не только среди неспециалистов (что было бы полбеды). В любом учебнике политэкономии можно встретить фразу о том, что цель производства при социализме — не получение прибыли, а удовлетворение потребностей народа. Значит, прибыль — это что-то противоположное интересам народа. Между тем достаточно очень немного подумать, чтобы убедиться в полной бессмысленности этой фразы.

В самом деле, что такое прибыль? Вот две текстильные фабрики. Допустим, что они совершенно во всем одинаковы и различаются только тем, что первая закончила 1964 г. с прибылью, а вторая — с убытком. В чем выразилось это различие? В том — и только в том,— что первая фабрика дала больше тканей или (что то же самое) на равное количество тканей затратила меньше хлопка, топлива, заработной платы и других издержек. Из сэкономленного хлопка и других издержек будет произведено дополнительно ткани то ли на этой фабрике, то ли на другой. Точно так же прибыль машиностроителей выражена в станках, кондитерской фабрики — в конфетах и т. д. Иначе и быть не может. Ведь прибыль — и этого никто не отрицает — есть денежное выражение стоимости прибавочного продукта, созданного прибавочным трудом, т. е. трудом, отданным на пользу обществу. Сперва этот прибавочный продукт, как и любая другая часть общественного продукта, производится в натуральной форме и лишь затем, после реализации, оседает в виде дополнительной суммы денег на счете производителя. Но ведь в деньги превращается не только прибавочный, а весь продукт. Следовательно, фраза: «Цель производства — не прибыль»,— может означать только одно: нам нужно не больше, а меньше хороших изделий...

Откуда же взялась эта сакраментальная фраза? Видимо, она возникла довольно простым способом. Классики марксизма-ленинизма неоднократно и справедливо говорили о том, что цель производства при капитализме — не удовлетворение потребности народа, а получение прибыли. Это действительно так! Капиталисту безразлично, что производить, и так как изготовление атомных бомб рентабельнее, чем печатание учебников или строительство жилых домов, то капиталы переливают в той мере, в какой только возможно, из мирных в военные отрасли...

Так вот из этого правильного марксистского положения по нехитрому принципу «у нас все наоборот», видимо, родилось противопоставление прибыли другим частям общественного продукта. Но разве прибыль в СССР — результат эксплуатации, нечеловеческой интенсификации производства, фальсификации продукции, спекулятивных махинаций с ценами? Нет, нет и нет! Только поверхностное представление о сущности социалистического способа производства могло породить и действительно породило предрассудок о несоответствии прибыли социалистическому способу производства. Между тем нетрудно понять, что в

действительности нашему обществу прибыль нужна в гораздо большей степени и в гораздо больших размерах, чем капитализму. Там речь идет о том, чтобы удовлетворить потребности господствующего класса и обслуживающих его кругов, которые в конце концов вряд ли составляют более 10—15% всего населения. Мы же ставим и решаем задачу полного удовлетворения потребностей всего народа. Значит, и прибыли нам надо гораздо больше.

Выдвижение прибыли в качестве одного из важнейших показателей работы предприятия важно по крайней мере по двум причинам.

Во-первых, в показателе прибыли отражается не только производственная деятельность, но все стороны хозяйствования: коммерческая сторона, подсобные предприятия, использование жилого фонда и т. д. Любое достижение увеличивает прибыль, любой промах уменьшает ее.

Во-вторых, прибыль *не только показатель*, она в то же время *источник* материального стимулирования предприятия в целом и каждого работника в частности. Здесь имеются в виду не только премии, но и создание возможности расширения предприятия.

Как известно, решениями Пленума ЦК КПСС предусмотрено образование на каждом предприятии фонда его технического развития и совершенствования, причем основную часть этого фонда образуют отчисления от прибыли. Точно так же отчисления от прибыли становятся основным источником фонда материального поощрения и фонда социально-культурных мероприятий, также создаваемых на предприятиях. Когда основными показателями была валовая продукция или выполнение заданий по себестоимости, то из них непосредственно не вытекало никаких плюсов или минусов для предприятий. Нужно было административным путем прикрепить к этим показателям фонд заработной платы, премии и другие рычаги воздействия на производство. Иное дело — прибыль. Она содержит в себе и показатель и средства, тем самым органически сплотив в одно целое программу работы предприятия и источники стимулирования выполнения и перевыполнения этой программы.

Это не значит, что показатель прибыли не может быть использован в ущерб интересам общества. Можно, например, в погоне за прибылью выпускать лишь дорогие изделия и пойти на извращения ассортимента и показателей плана. Но возможность отрицательного использования показателя вряд ли может считаться его недостатком. Необходимо лишь обеспечить должный контроль и общественное воздействие на производство. К тому же предприятие, чрезмерно нарушившее ассортимент, несомненно, столкнется с трудностью реализации продукции, и тем самым закон товарного обращения будет вынуждать его работать так, как этого требуют действительные потребности общества.

Фонд заработной платы, установленный как один из показателей для предприятий, определяет те пределы, в которых предприятие вправе использовать свои ресурсы для оплаты труда. Много было споров относительно того, нужно или не следует

утверждать сверху для предприятий фонд заработной платы. Имеются доводы и за и против. Пленум решил временно, до тех пор, пока не будут созданы необходимые резервы предметов потребления, установить предприятиям фонд заработной платы сверху. Можно не сомневаться в том, что успешное проведение хозяйственной реформы сделает в течение короткого времени ненужным утверждать и этот показатель, так же как задание по численности трудящихся и росту производительности труда. Ведь никому же не придет в голову считать, что показатели численности и производительности стали менее важными оттого, что их не утверждают сверху. Правила уличного движения необходимы не потому, что существуют милиционеры, а потому, что без них невозможно жить в городе...

Наконец, обязательному утверждению подлежат взаимоотношения предприятия с государственным бюджетом. Тут имеется в виду установление предприятиям длительных нормативов для взносов, отчисляемых ими в бюджет. Не будет преувеличением сказать, что введение таких нормативов равносильно замене «продразверстки» продовольственным налогом в области финансов. Тогда предприятия будут знать на пять лет вперед, сколько они должны внести в государственный бюджет; это будет иметь огромное значение для стабилизации всех экономических отношений на предприятиях. Одновременно принято решение существенно сузить сферу безвозвратного финансирования их бюджета, особенно на действующих предприятиях. Такие предприятия, если им не хватает собственной прибыли и амортизационных отчислений, будут обращаться за долгосрочными ссудами в Государственный банк и Стройбанк, будут платить за них проценты и погашать из полученной прибыли. «Даровым» деньгам приходит конец. За все надо платить. Это и есть выкорчевывание формального хозрасчета и замена его хозрасчетом настоящим, подлинным, ленинским!

Следует отметить, что длительные нормативы утверждаются не только для взаимоотношения с бюджетом. Имеется в виду решительно повысить роль перспективных планов, которые станут основными; в их пределах будут разрабатываться и утверждаться годовые планы.

Чтобы усилить экономическое стимулирование предприятий, кроме создания фондов, о которых уже говорилось, и расширения сферы кредита, установлена плата за фонды, предоставленные предприятиям. Эти фонды не с неба свалились. Они — продукт народного труда, и за их пользование, как уже говорилось, надо платить. Плата за фонды будет решительным стимулом к тому, чтобы высвобождать ненужные предприятиям машины и материалы, экономить на лимитах капиталовложений, эффективнее использовать действующие здания, сооружения, оборудование и другие материальные ценности. Предусмотрено возмещение всей суммы убытка, возникшего у потребителя по вине поставщика, что превращает хозяйственный договор в документ первейшего значения.

Вопрос об усилении материальной заинтересованности работников предприятий и предприятий в целом в непрерывном совершенствовании хозяйственной деятельности был одним из центральных на пленуме ЦК и сессии Верховного Совета СССР. Там указывалось, что материальное поощрение используется совершенно недостаточно, что возможности предприятий в этой области крайне ограниченны. В самом деле, за последние несколько лет непрерывно и значительно сокращается доля премий, получаемых инженерно-техническими работниками и рабочими. Половина промышленных предприятий систематически по тем или иным причинам не образует фонды предприятия.

В чем тут дело? Видимо, в совершенно неправильном понимании сущности материального поощрения при социализме. Министерство финансов СССР и Комитет по труду и заработной плате Совета Министров СССР все еще продолжают рассматривать премии как расход и при каждой необходимости балансировать бюджет обращаются к премиям в целях их сокращения. Между тем из всей сущности экономических отношений социалистического способа производства с непреложной очевидностью следует, что премии совершенно не являются расходом, а, напротив, образуют собой источник повышения доходов общества и тем самым государственного бюджета. Премии по их роли правильно уподобить семенам в земледелии или кормам в животноводстве. Конечно, и семена можно считать расходом, но только крайне неразумный хозяин будет сокращать нормы высева и ждать после этого обильных урожаев. Вся практика хозяйствования убедительно свидетельствует о том, что каждый рубль, использованный на материальное поощрение, возвращается народному хозяйству в пяти-, а то и в десятикратном размере, если, конечно, одновременно с этим обеспечить необходимые условия для нормальной деятельности предприятия.

* * *

В области управления хозяйственная реформа выражается в том, что на смену Советам народного хозяйства экономических районов, республик и СССР приходят отраслевые министерства. На Пленуме ЦК и шестой сессии Верховного Совета СССР достаточно подробно и убедительно мотивировалась необходимость введения отраслевого принципа управления в промышленности. Поэтому не стоит здесь подробно останавливаться на этом совершенно ясном вопросе. Однако следует обратить внимание на то, что в такой гигантской стране, как наша, не может быть применен только отраслевой принцип управления, как не мог быть использован только принцип территориальный. Необходимо глубоко продуманное и тщательное сочетание и совмещение отраслевого и территориальных принципов при ведущей роли отраслевого принципа, когда речь идет о промышленности, так как в этой отрасли, где очень стремителен технический прогресс, непрерывно происходит от-

почкование новых видов производства и требуется исключительно глубокое специализированное и квалифицированное техническое и экономическое руководство.

Крупный недостаток прежних министерств состоял в том, что они разгородили страну на узкие, ведомственные «коридоры». Каждое из предприятий пыталось иметь свои ремонтные и инструментальные цехи, автобазы, строительные организации и карьеры, школы по подготовке кадров, клубы и поликлиники, жилой фонд и стадионы и т. д. Таким образом, промышленные центры были искусственно разгорожены. Нередко были случаи, когда один и тот же материал одно министерство завозило по воде из Москвы в Горький, а другое тем же пароходом посылало из Горького в Москву...

За годы существования совнархозов в этой области было сделано немало полезного — были ликвидированы многие мелкие предприятия и созданы межотраслевые ремонтные, инструментальные, тарные, транспортные, строительные и другие предприятия. Были созданы предприятия, снабжающие в пределах данного города или области всех потребителей литьем, поковками, метизами и т. д. Было бы непоправимой ошибкой разрушить все эти связи, ликвидировать эти межотраслевые тылы и вернуться вновь к отраслевой раздробленности прежних лет. В выступлениях на Пленуме ЦК КПСС и на сессии Верховного Совета СССР, на собраниях партийного актива различных городов много говорилось о том, что нужно сохранить эти межотраслевые тылы, развивать и укреплять их. Это — задача большой важности, ее решение потребует постоянного внимания со стороны Госплана СССР и других руководящих хозяйственных организаций.

* * *

У многих возникает вопрос: не ослабевает ли роль централизованного государственного плана в связи с усилением самостоятельности предприятий и выдвижением на первый план экономических методов руководства и стимулирования?

С полной убежденностью можно ответить, что это не только не приведет к ослаблению планового начала, но, напротив, поднимет централизованное плановое руководство на высшую ступень, соответствующую нынешнему масштабу хозяйствования и современной квалификации кадров. Что касается уровня централизованного планового руководства, существовавшего до последнего времени, то он отвечал в основном масштабам хозяйства начала 30-х годов, когда он, этот уровень, сложился. Не может быть и речи о том, что Советский Союз, вступая во второе пятидесятилетие своего существования, намерен в какой бы то ни было степени сузить сферу или уменьшить эффективность централизованного государственного планового руководства экономикой. Речь идет совсем о другом: как понимать самый процесс дальнейшего совершенствования и углубления планового начала?

До недавнего времени Госплан СССР распределял в централи-

зованном порядке 18 тыс. видов средств производства. Кроме того, в централизованном порядке главснабсбытами и другими органами распределялись еще десятки тысяч различных видов материалов, инструментов, приборов и т. д. Из центра сверху вниз «спускались» утвержденные показатели численности работников предприятий и (в ряде случаев) размер средней заработной платы, полностью весь ассортимент продукции, по элементам нормативы оборотных средств и десятки других показателей. Но было ли это действительно экономически обоснованное научное планирование? Или же это были совокупные, наслаивавшиеся в течение нескольких десятилетий попытки с помощью мелких административных рычагов наблюдать за работой каждого предприятия и регулировать его деятельность? Вот на этот вопрос и нужно дать ответ. Мы все согласны с тем, что необходимо усиление централизованного планирования, но как понимать, как представлять себе результаты этого процесса? Означает ли процесс непрерывного совершенствования планирования, что, скажем, в 2000 г. в централизованном порядке будут распределяться не 18 тыс. наименований средств производства, а, скажем 40 тыс. или 400 тыс.? Или, может быть, напротив, успех научного централизованного планирования будет состоять в том, что, допустим, в 2000 г. ни один вид средств производства не будет непосредственно распределяться центральными плановыми органами? Вот в чем суть вопроса. Повторяем, все согласны с тем, что мы идем к усилению централизованного планирования, но многие по-разному представляют себе содержание и результаты этого процесса.

Десятилетия преобладания административных методов руководства с согласованием и увязыванием в десятках инстанций любого шага предприятия убедило многих плановиков в том, что именно в этом «конкретном» руководстве и состоит суть централизованного планирования. Однако убеждение этих товарищей, как бы оно ни было глубоко искренним, не имеет ничего общего с объективной действительностью. Подобно тому, как ракетой в космосе нельзя управлять с земли при помощи рычагов, а нужно использовать автоматически действующие дистанционные системы, подобно этому народным хозяйством СССР нынешнего масштаба и современных темпов развития попросту невозможно управлять из центра и планировать его сотнями и тысячами мелких и мельчайших административных и организационных предписаний и заданий, Но точно так же, как летящая в космос ракета не менее управляема, чем моторная лодка или грузовой автомобиль, точно так же народное хозяйство, руководимое и направляемое экономическими методами планирования и управления, будет развиваться целенаправленно и эффективно в неизмеримо большей степени, чем это делалось при господстве административных методов руководства.

* * *

В докладе А. Н. Косыгина на Пленуме ЦК КПСС говорилось, что наши ученые-экономисты мало занимаются анализом эффективности общественного производства и разработкой предложений по ее повышению. Приходится признать справедливость и обоснованность этого упрека.

Однако представляет интерес разобраться в некоторых причинах отставания экономической науки, тем более что упрек в ее адрес делается не впервые, что справедливость этих упреков многократно признавалась, между тем как положение дел изменяется в лучшую сторону не так быстро, как хотелось бы. В чем тут дело? Неужели экономические науки собрали вокруг себя одних только тупиц или бездельников, мечтающих лишь о том, чтобы получить побольше денег, пить коньяк и играть в преферанс? Может, существуют какие-то причины, которые сдерживают развитие экономической науки и не позволяют ей дать нашему народному хозяйству все то, на что она способна,— ведь она располагает в наше время высококвалифицированными кадрами научных и практических экономических работников и у нее накоплен гигантский опыт социалистического хозяйствования? Безусловно. И причин этих немало. Вот некоторые из них.

На первое место следует поставить *отсутствие статистических данных*. Конечно, за последние годы увеличился выход статистических справочников и публикация материалов. Однако справочники эти пригодны для общего ознакомления, для занятий в вузах, но совершенно недостаточны и непригодны для работы с ними экономистам. А ведь статистика для экономической науки — то же самое, что инструменты и приборы для других отраслей знания. И можно сказать совершенно определенно, что, пока в распоряжении ученых-экономистов не будет десятков общих и специализированных статистических справочников, содержащих необходимые абсолютные и относительные данные, до тех пор экономическая наука будет давать практике лишь малую толику того, на что она потенциально способна. За последние десятилетия статистическая служба нашей страны потеряла вкус к публикациям. Возможно, что нет необходимых штатов, бумаги и других условий. Такие условия должны быть созданы, иначе не преодолеть затянувшегося отставания экономической науки.

Недостаток экономических кадров, о котором так много и остро говорится в последнее время, также приводил и приводит к слабому участию экономической науки в практике социалистического хозяйствования. Какого обобщения практики можно ожидать, если один экономист с высшим образованием приходится в среднем на шесть-семь промышленных предприятий? Если в Москве нет и десяти начальников финансовых отделов предприятий с высшим специальным образованием? За последние десять лет сокращалась сеть экономических вузов и факультетов, уменьшались контингенты приема на дневные отделения и в аспирантуру. И еще одно.

В связи с энергичным и плодотворным проникновением математики в экономику студенты в последние годы получают дополнительно к прежним учебным планам сотни часов математики и техники, электронно-вычислительных работ. Это дополнительная огромная нагрузка к их прежнему учебному плану. Реагировало ли Министерство высшего образования на это изменение объема нагрузки студентов экономических вузов? Да, реагировало, и совершенно недвусмысленным образом: продолжительность учебы в экономических вузах была сокращена с пяти лет до четырех...

Ученым-экономистам не так просто *обсуждать волнующие их проблемы.* В силу самого своего характера экономическая наука требует широких обсуждений различных мнений, проектов, так как здесь невозможны лабораторные исследования, а применяемые эксперименты опять-таки в силу особенностей экономической науки, при всем их значении, не могут играть той роли, как в технических науках. Между тем подавляющее большинство экономических журналов является органами соответствующих ведомств, и на их страницах не так-то просто выступать с критикой деятельности этих ведомств. Перелистайте комплекты журналов «Финансы СССР», или «Деньги и кредит», или «Плановое хозяйство», «Вестник статистики», «Социалистический труд» за последние десять лет и попробуйте отыскать там хоть один абзац, содержащий критику в адрес соответствующих ведомств!..

И все же, несмотря на отставание, экономическая наука разработала десятки ценнейших предложений, большинство из которых на практике не применяется или внедряется с недопустимой медлительностью. Приведу хотя бы один факт. С 1949 г. большая группа научных работников исследует проблему совершенствования организации оборотных средств в СССР. При правильной их организации оборотные средства служат весьма эффективным экономическим рычагом совершенствования материально-технического снабжения, сбыта и производства.

В результате длительных исследований и практических проектировок была разработана и в 1958 г. на конференции в Ленинграде одобрена методика нормирования оборотных средств. Конференция обратилась к Госплану СССР и Министерству финансов СССР с просьбой рассмотреть ее рекомендации и приступить к научно обоснованному нормированию оборотных средств. Ответом было ледяное молчание Госплана СССР и поток критики (чаще необоснованной) и насмешек со стороны Министерства финансов СССР. Тем не менее 30 января 1962 г. Совет Министров СССР постановлением № 85 утвердил «Основные положения о нормировании оборотных средств» и «Типовую инструкцию по нормированию оборотных средств в промышленности». Госплан СССР и Министерство финансов СССР, Госбанк и Госстрой этим постановлением были обязаны в короткий срок разработать отраслевые инструкции и внедрить их с тем, чтобы с 1962 г. перейти в народном хозяйстве СССР на научную методику определения потребности в оборотных средствах.

С тех пор прошло около четырех лет, но решение это не выполнено, хотя были все необходимые условия для его выполнения. Причина? Упорное нежелание Министерства финансов СССР расстаться с «волевыми» методами финансового планирования и руководства и заменить их методами объективными, научно обоснованными хотя бы в одной части финансов предприятий, их оборотных средств. Что могли сделать в подобных условиях ученые-экономисты? Сигнализировать? Не исключено, что эти сигналы попадали в Министерство финансов СССР, где их читали и посмеивались над наивностью профессоров...

Приходится с огорчением отметить, что до самого последнего времени у экономической науки не было такого «хозяина», какой есть у физики, геологии, медицины и многих других отраслей познания. А им должен был бы быть прежде всего Госплан СССР. Резкая критика, которой в течение многих лет подвергается работа Госплана СССР, далеко не в последнюю очередь объясняется тем, что этот важный орган потерял контакт с экономической наукой и не пользуется ее помощью. Мы полны уверенности в том, что нынешняя перестройка Госплана СССР прежде всего и больше всего будет состоять как раз в глубоком проникновении экономической науки в содержание, формы и методы работы этого важного государственного органа.

На протяжении ближайших двух лет нам предстоит разработать и внедрить экономически обоснованную систему цен, премий, показателей планирования и десятки других нормативов, «Положений» и экономических документов. Необходимо, чтобы эти документы и нормативы создавались в тесном контакте работников экономических органов, практиков-хозяйственников и ученых-экономистов, чтобы эта работа проходила под глубоким и непрерывным партийным контролем. Только при этом условии возможно полное и квалифицированное решение большого числа чисто практических задач, которые и составляют содержание нынешней хозяйственной реформы. На собраниях нам часто доводилось слышать о том, что, к сожалению, нередко бывало и так, когда инструкции, издававшиеся Министерством финансов СССР, Комитетом по труду и заработной плате, Госпланом и Госбанком, а также некоторыми другими органами в целях развития тех или иных постановлений партии и правительства, сужали эти постановления, а иной раз и извращали их. Так, например, в известной инструкции о поощрении за снижение себестоимости продукции дело было сформулировано таким образом, что премия выдавалась лишь при наличии экономии фонда заработной платы. Между тем в некоторых отраслях группы «Б» для заработной платы в издержках производства не превышает 10%. Стоило только не иметь экономии по заработной плате, как работники предприятий лишались премии, хотя бы они сэкономили сотни тонн хлопка или других материальных ценностей. Так инструкция извратила и выхолостила важное постановление о борьбе за снижение себестоимости продукции.

Обоснованность требования практических работников привлекать их к разработке инструкций и других нормативных документов очевидна еще и потому, что во время экономической дискуссии, предшествовавшей Пленуму, получилось как-то так, что многие работники плановых, финансовых и других экономических органов высказывались против введения платности фондов, расширения сферы кредитования и сужения безвозвратного бюджетного финансирования, ограничения круга показателей, утверждаемых в централизованном порядке, и ряда других важнейших основ хозяйственной реформы. Мы не хотим упрекать этих товарищей: дискуссия для того и дискуссия, чтобы все могли свободно высказываться и сталкивать между собой различные точки зрения. Но теперь партия и правительство приняли определенного содержания и направления программу хозяйственного развития. Разработка вытекающих из нее нормативных документов передается в руки работников различных государственных органов, и дело теперь за тем, чтобы *каждый* из этих работников сумел полностью преодолеть точки зрения, отклоненные проводимой ныне реформой, и сумел способствовать наиболее быстрому и полному претворению ее в жизнь. Сказанное отнюдь не означает недоверия к тем или иным работникам экономических органов. Речь идет о правильном, соответствующем духу социалистической демократии сочетании различной категории работников при подготовке важнейших экономических документов.

Вряд ли мы найдем такое предприятие или учреждение, и притом не только в сфере хозяйства, где самым подробным образом, с большим интересом не обсуждались бы материалы Пленума и сессии Верховного Совета СССР. Из печати известно, что столь же широкие отклики Пленум и сессия вызвали и за рубежами нашей страны. Нет нужды останавливаться на домыслах наших недругов, желающих в каждом этапе развития социалистической экономики видеть «проявления кризиса», приметы «развала» и другие страсти-мордасти. Можно только удивляться, что на подобный товар все еще имеется какой-то спрос на зарубежных рынках. Для нас важно другое. Проводимая реформа означает, что на службу потребностям народного хозяйства становятся многие эффективные рычаги воздействия на производственную деятельность, основанные на глубоком проникновении в самую сущность производственных отношений социализма. Весь опыт развития нашего государства убеждает нас в том, что каждый раз, когда применялись меры, не соответствующие природе общественных отношений в нашей стране, такие меры отвергались жизнью и от них приходилось отказываться. И напротив — каждое решение, каждая реформа, вытекавшая из самой сущности социалистического способа производства, давала новый огромный стимул для развития производительных сил и производственных отношений нашего общества. Нынешняя хозяйственная реформа раскрывает широкий простор действию экономических законов социализма посредством правильно отобранного и четко сформулированного механизма хозяйствования.

ПРОДОЛЖЕНИЕ РАЗГОВОРА[1]
(Мысли после съезда).

Новый подход

Решения XXIII съезда партии охватывают широкий круг политических, социальных и экономических проблем. Их разработка станет делом всех общественных наук на протяжении ряда лет. Цель данной статьи — коснуться некоторых вопросов, о которых не так давно уже шел разговор на страницах «Нового мира» [2], и рассмотреть их в современных условиях, после съезда партии. Прежде всего речь пойдет о сущности и значении хозяйственной реформы, начатой мартовским и сентябрьским (1965 г.) Пленумами ЦК КПСС.

В докладах и выступлениях делегатов съезда, в его решениях подчеркивается та важная мысль, что предусмотренные мартовским и сентябрьским Пленумами ЦК КПСС хозяйственные мероприятия должны быть осуществлены полностью. И, как говорится в резолюции съезда о Директивах по пятилетнему плану развития народного хозяйства, разработанные партией в последние годы методы хозяйственного строительства и руководства экономикой должны получить дальнейшее развитие.

Что же представляют собой эти хозяйственные мероприятия?

В резолюции съезда по Отчетному докладу ЦК КПСС хозяйственная реформа характеризуется как «новый подход к руководству народным хозяйством», как «новая система хозяйствования», как «принципы экономической политики», разработанные партией на современном этапе развития социалистической экономики. Следовательно, речь идет не о тех или иных, хотя и важных, но частных, решениях, а о новом подходе к руководству народным хозяйством в целом.

Нужно ли задерживать внимание на этой стороне вопроса? Не ломимся ли мы в открытые двери?

Нам такая необходимость представляется безусловной; в основном мероприятия, проводимые различными органами государственного управления по осуществлению реформы, касаются чисто хозяйственных вопросов и проблем: порядка образования фондов, порядка распределения прибыли, системы материального поощрения, принципов долгосрочного кредитования капитальных вложений и т. д. Совершенно очевидно, что ее осуществление возможно лишь на базе подобных нормативных документов, и этим подчеркивается их значение. При всем том, однако,— и нам думается, что это прямо вытекает из решений съезда,— переход к экономическим методам управления народным хозяйством, осу-

[1] Новый мир. 1966. № 5.

[2] Новый мир. 1965. № 12. Статья «Мысли после Пленума» (см. настоящую работу. С. 11—38).

ществление того самого нового подхода, о котором идет речь, не может ограничиваться разработкой инструкций, положений и других чисто хозяйственных документов. Оценка, данная съездом новому этапу развития народного хозяйства СССР, обязывает к неизмеримо более широкому подходу к реформе.

Как известно, в дискуссии, которая предшествовала мартовскому и сентябрьскому Пленумам ЦК КПСС, в центре внимания были показатели планирования и отчетов о работе предприятий. «Вал» или НСО (нормативная стоимость обработки), «человеко-фондопродукция» или прибыль — вот о чем спорили прежде всего, в чем видели первоисточник всех бед и обид. Съезд ответил на этот вопрос подлинно научно, по-марксистски: причинами этих отрицательных фактов явились недостатки в управлении народным хозяйством, недооценка экономических методов руководства, хозяйственного расчета, неполное использование материальных и моральных стимулов, некоторые просчеты в планировании, субъективистский подход к решению ряда экономических проблем.

Административные методы руководства народным хозяйством вовсе не следует смешивать с административными функциями государства, что весьма охотно делают сторонники администрирования, желая, грубо говоря, навести тень на плетень. Административные функции присущи государству, и они будут им выполняться, пока оно существует. Более того, можно предположить, что после того, как в коммунистическом обществе государство отомрет, какие-то элементы административного регулирования, несомненно, останутся. Но речь идет вовсе не об этом. Партия совершенно четко указала, что под административными методами управления народным хозяйством она понимает совершенно другое, а именно попытки из центра регламентировать каждый шаг в деятельности каждого предприятия, ограничивать его десятками различных мелких заданий и показателей, оформлять выпуск любого изделия постановлениями и резолюциями.

Характеристика хозяйственной реформы, данная съездом, требует, на наш взгляд, прежде всего ответа на вопрос: почему понадобился новый подход к руководству народным хозяйством?

Это очень важный вопрос, и его разработка, можно в этом не сомневаться, потребует немало сил и времени у советской экономической науки. Дело в том, что прошедшие десятилетия для нашей страны, для Советского Союза,— уже история. Наш интернациональный долг состоит в том, чтобы самым тщательным образом разобраться в истории строительства социализма в СССР, выяснить и сказать народам, что мы делали правильно, что делали неправильно, однако поступали так потому, что не имели другой возможности, а что было и вовсе неправильным при всех условиях. Эта наша обязанность перед трудящимся человечеством в историческом плане по своему значению не только не меньшая, но, пожалуй, неизмеримо большая, чем даже конкретная помощь поставкой оборудования, передачей технического опыта или строительством заводов и институтов, при всем огромном значении этой помощи. Но чтобы сказать другим, надо сперва разобраться самим.

Итак, почему же потребовался новый подход? Легче всего ответить: потому, что выросло хозяйство, усложнились взаимосвязи между отраслями производства. Такой ответ, будучи правильным, предоставляется нам все же неполным и, так сказать, описательным. Есть и иной ответ на этот вопрос.

В короткий исторический срок у нас создана передовая техника, подготовлены кадры, в совершенстве владеющие техникой. И это стало возможным благодаря огромной созидательной работе партии и народа.

Но думается, что на каком-то этапе была допущена некоторая недооценка всей важности марксистско-ленинского положения о том, что исключительно высоким темпам развития производительных сил при социализме должно в полной мере соответствовать и совершенствование производственных отношений, а социалистический способ производства впервые в истории создает для этого все условия, но, разумеется не действует автоматически.

Это объяснение представляется нам чрезвычайно важным. В самом деле, в течение многих лет у нас явно недооценивали влияние и роль производственных отношений. Между тем В. И. Ленин придавал им значение исключительное [3].

В самые первые месяцы существования Советского государства Ленин в своих работах неоднократно ставил вопрос о том, что является самым важным для установления нового общественного строя. Казалось бы, что в условиях того трудного времени он будет говорить о создании вооруженных сил, подавлении белогвардейщины и т. д. Между тем Владимир Ильич на первый план выдвигает совершенно другое — организацию учета и контроля, понимания их, разумеется, не как бухгалтерские операции, а как привлечение миллионов трудящихся к управлению государством. Через год-другой Ленин ставит вопрос о том, есть ли у нас необходимые условия для построения социализма. Можно ожидать, что он начнет с перечисления природных ресурсов, производственных мощностей, специалистов и т. д. Это ведь было бы естественно, не правда ли? А какой ответ дает на это Владимир Ильич? Он пишет, что у нас есть все необходимое для построения социализма, не хватает лишь умения управлять [4]. В работе, написанной накануне Октября, поднимается проблема: при каких условиях начнется переход от социализма к коммунизму, от первой ко второй фазе коммунистического способа производства? Вроде бы уместно говорить о производстве на душу населения, о тоннах и киловатт-часах. А Ленин пишет совершенно иное: переход от социализма к коммунизму начнется тогда, когда каждый получит возможность и фактически будет участвовать в управлении производством [5].

Иначе говоря, всюду на первом месте — производственные отношения. Это отражено и в знаменитом, классическом опреде-

---

[3] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 175.
[4] Там же. Т. 45. С. 416.
[5] Там же. Т. 33. С. 102.

лении сущности коммунизма: Советская власть плюс электрификация всей страны, под которой (электрификацией) имелось в виду, конечно, не просто производство киловатт-часов электроэнергии, а полное преображение характера труда и процессов производства на базе высшей техники.

Сказанное совершенно не означает, что Ленин недооценивал или, более того, отрицал роль производительных сил в строительстве социализма. Напротив, он говорил о том, что мы экономим на всем, даже на школах, лишь бы создавать тяжелую промышленность; что, даже будучи свободными на свободной земле, мы погибнем, если не создадим тяжелую промышленность. Он подчеркивал, что социализм немыслим без машин, без современных средств транспорта и связи. При всем том, повторяем, на первом месте всюду стояли производственные отношения. Ленин четко различал материально-техническую базу общественного строя и сам строй; фундамент, на котором строится здание, и само здание. Их не надо противопоставлять, их нельзя отождествлять. Ведь машины, механизмы, тонны и киловатт-часы в огромном количестве производятся и в США, и в ФРГ, и в других капиталистических странах. Однако сами по себе, известно, они не создают никакого социализма.

В годы культа личности в указанной области произошли существенные изменения. Чем дальше, тем больше суть дела сводилась к созданию промышленных центров, количеству тонно-километров, киловатт мощностей и киловатт-часов электроэнергии. Задачи, стоявшие перед нашей страной после окончания Великой Отечественной войны, как известно, и были сформулированы в виде нескольких цифр, характеризовавших объем производства стали, угля, нефти и электроэнергии. При таком понимании сущности социалистического строительства условия хозяйственной деятельности, экономические рычаги отходят на второй план. При каких условиях строятся электростанции — не так важно, главное в том, что они были построены и производили электроэнергию. Поэтому — план любой ценой. Поэтому — прежде всего количество и пренебрежение к качеству. Поэтому — фетишизация показателей плана. Поэтому — административное требование выполнять любой показатель плана, хотя бы в изменившихся условиях хозяйствования изготовляемая продукция менее нужна, а то и вовсе не нужна.

Усиление роли производственных отношений должно сказаться решительно во всем, и потому было бы несерьезным пытаться в данной статье охватить все связанные с этим вопросы. Однако на некоторых из них остановиться необходимо.

Вероятно, прежде всего — и об этом говорилось в докладах и выступлениях делегатов съезда — должно значительно усилиться внимание к социальным аспектам и последствиям развития экономики. Эти социальные аспекты, если говорить формально, не входят ни в какие колонки производственных заданий и не поддаются исчислению в процентах. Тем не менее их важность и значение для создания материально-технической базы коммунизма

исключительно велики. Бесспорно, что за годы семилетки мы достигли успехов в развитии металлургии, химии или реконструкции железнодорожного транспорта неизмеримо больших, чем, скажем, в ликвидации различного рода предрассудков и пережитков прошлого в сознании людей. Такой результат не в последнюю очередь объясняется тем, что зачастую отождествляются человек и выполняемое им дело. Точнее говоря, в центре внимания не сам человек, а выполняемая им работа. Мы сплошь и рядом судим о человеке лишь по его делам. Это правильно, если в таком подходе соблюдать необходимую меру. И это совершенно неправильно, если попросту отождествлять человека и работу: можно быть передовиком на стройке, на заводе или в совхозе и совершенно отсталым человеком в быту. К сожалению, таких примеров куда больше, чем хотелось бы.

Отсюда новая и сложная задача — разработать на каждом предприятии не только пятилетний план прироста производственных мощностей и увеличения реализации продукции, но и принять конкретные и решительные меры для духовного роста трудящихся.

Что будет с каждым рабочим и служащим данного цеха, предприятия в 1970 г.? Каким станет каждый из них? В какой мере удастся им осуществить свои мечты, желания, планы, которые, естественно, не сводятся только к тому, чтобы на столько-то процентов больше выплавить чугуна или изготовить обуви. Сейчас, разумеется, трудно говорить об этой работе конкретно — для этого попросту нет никаких данных. Здесь непочатый край работы для социологов, и нужно отдать справедливость — они горячо и широко берутся за эту работу. Однако в общей форме о социальном разрезе пятилетнего плана необходимо говорить и прямо, непосредственно, когда речь идет об экономике.

В предыдущем очерке в «Новом мире» мы обращали внимание читателей на важную особенность экономических методов управления народным хозяйством, которая состоит в том, что надо добиваться повышения производительности общественного труда, соблюдения режима экономии, улучшения использования фондов и в конечном счете роста рентабельности производства, воздействуя на *интересы* каждого трудящегося, каждого коллектива. Среди этих интересов, как нам представляется, на первом месте стоит естественное стремление каждого человека работать по способностям, дать выход своим наклонностям, стремлениям, иметь возможность делать ту работу, к которой лежит душа. Только в этом случае будет покончено с текучестью рабочей силы (хотя, разумеется, одного этого недостаточно), с пассивностью, с безынициативностью какой-то части рабочих и служащих, с халатностью, с браком и другими недостатками.

В этом важном экономическом вопросе, как, впрочем, и во всех других, не следует забегать вперед и заниматься прожектерством. Только на стадии коммунизма общество будет располагать возможностью получать *от каждого* по способности. Следовательно, речь идет не о том, чтобы решить эту исключительной сложности

проблему в течение, скажем, данной пятилетки. Нет, постановка вопроса куда более скромная. Имеется в виду серьезный подход к этой задаче, начало ее осуществления, подразумевая под началом планомерную работу коллективов предприятий, местных Советов, партийных и других организаций; имеется в виду, чтобы эта сторона экономики, эта сторона организации общественного труда привлекала бы столько же внимания и разрабатывалась бы так же по-деловому, как, скажем, составление баланса использования оборудования или сырья. Уделяем же мы (и правильно делаем) огромное внимание правильности использования каждого вида продукции! Стремимся же мы каждую тонну материала применить именно там, где только она может быть применима, и заменять ее менее дефицитным или более дешевым материалом, где то позволяют технология и экономика! Почему же не подойти с такой же точно меркой к организации общественного труда, к использованию кадров? Совершенно очевидно, что такая организация, такой уклон в работе с кадрами куда более соответствует достигнутому уровню развития производственных отношений в нашей стране, чем просто набор людей.

На съезде заслуженно уделялось большое внимание проблеме воспитания, в частности воспитанию молодежи. В этой области важно преодолеть, если так можно выразиться, «параллельное» решение экономических и воспитательных проблем, когда в одних колонках и графах предусматриваются задание, выработка и заработная плата, а в других — проблемы воспитания. Решать обе эти задачи как одну — вот что вытекает из решений съезда, вот что, как нам представляется, включает в себя новый подход к руководству народным хозяйством.

В этой связи следует более внимательно подумать о социальных последствиях тех чисто конкретных экономических рычагов, которые применяются в народном хозяйстве: нормы выработки, формы и методы установления расценок, системы оплаты труда и т. д. Известно, что недостатки тех или иных чисто экономических показателей (того же «вала», к примеру) состояли ведь не только в том, что искажались цифры, характеризующие работу предприятия. Нередко при этом наносился огромный моральный ущерб, если люди были вынуждены поступаться своей совестью, если на это их толкали задания производственной программы и существовавшие методы материального поощрения и оценки работы. Короче говоря, речь идет опять-таки о социологическом подходе к хозяйству.

Из сказанного вовсе не следует, что в экономике нет ничего устойчивого. Мораль другая: не надо связывать себя догмами, положениями, правильными при одних условиях и подчас бессмысленными в других. Возможно, что воплощение в жизнь этого требования подлинной экономики окажется наиболее сложным делом при проведении хозяйственной реформы.

Мало менять колонки, таблицы и показатели, важно серьезно перестроить психологию командиров производства. Надо нау-

читься по-настоящему «смотреть в корень». Не все то золото, что блестит. Самое трудное состоит, видимо, в том, что опять-таки не может быть единой команды для всех. И вовсе не требуется все брать под сомнение. То, что не годится в текстильной промышленности, может дать огромный эффект в лесозаготовительной или на железнодорожном транспорте. Еще и еще раз полезно вспомнить слова Ленина о том, что в такой огромной стране как наша, и в таком новом деле, как строительство коммунизма, шаблон и рутина недопустимы, вредны и опасны.

Станки, моторы, ботинки и конфеты изготовляют не только в СССР, но и в капиталистических странах. Можно предположить, что технология производства более или менее одинакова, а политические и экономические последствия диаметрально противоположны. В результате роста производства в нашей стране укрепляется и совершенствуется социалистический строй, диаметрально противоположный и принципиально отличный от строя капиталистического. Поэтому никак нельзя забывать о социальной стороне хозяйствования.

Но нередко именно об этой стороне хозяйствования забывают, отчего получается вред, который не возместить никакой суммой дополнительных рублей накоплений. Впрочем, в подобных случаях — и это закономерно — и накоплений получается не больше, а меньше.

Что имеется здесь в виду? Да хотя бы бессмысленная работа. Изготовление изделий, не имеющих сбыта; спешка, ведущая к браку в проектах, и т. д. Ведь эта работа не только убыточна в прямом смысле этого слова. Она наносит огромный моральный ущерб, так как работающие не могут не понимать, что поступают они плохо. И тот факт, что они вынуждены работать плохо, что условия оплаты труда и показатели выработки, установленные для них, заставляют их именно так трудиться, разумеется, сводит на нет любые политбеседы и другие мероприятия, проводимые общественными организациями для повышения политического уровня этих работников.

Или же другой пример. В свое время в печати проводились факты, когда шоферы грузовых машин выливали десятки литров бензина, оказавшегося «сэкономленным», так как им приписывали тонно-километры работы, которых в действительности не было. Разве не очевидно, что совершая такое, по сути дела, преступление шоферы теряли морально (и общество в целом вместе с ним) не меньше, чем стоил вылитый бензин. А какие социальные последствия имеет так называемая «выводиловка», которая на ряде строек давно уже заменила сдельную форму оплаты труда! Свое название эта «система» оплаты получила потому, что строителю независимо от его действительной работы «выводят» определенный заработок, допустим, сто десять рублей в месяц. Чтобы эта цифра не бросалась в глаза, ее несколько разнообразят: сто рублей в январе и, допустим, девяносто рублей в феврале. Таким легким способом иные прорабы прикрывают простои и другие промахи

в организации работ. Но можно ли покрыть моральный ущерб, наносимый трудящимся подобного рода действиями?

«Эта самая вредная, прямо-таки трагическая сторона в действии неудачно назначенных показателей планирования,— пишет известный авиаконструктор Герой Социалистического Труда О. К. Антонов в книге «Для всех и для себя».— Мы идем к коммунизму, но сколько препятствий нагромождаем сами подчас на этом пути, каким испытаниям подвергаем совесть простого труженика, честь и совесть руководителя! Что может сделать воспитательная работа, проводимая на собраниях и лекциях, литературой, кино и живописью, если в своей трудовой практике советский человек порой принуждается неуклюжими «показателями» к действиям, противоречащим его совести, пониманию общественной пользы?

Ведь трудовой фактор в воспитании — это фактор не эпизодический. Уже если заложено противоречие между «планом» и совестью, то оно действует ежедневно, ежечасно и в массовом масштабе».

Трудно согласиться с тем, будто все эти беды вызваны тем, что основным показателем хозяйственной деятельности служит валовая продукция, попросту говоря «вал». Мы думаем, что такое представление наивно. Дело, конечно, не в показателях, а в тех методах администрирования, при которых реальные возможности работников влиять на организацию производства в ряде случаев были крайне ограниченны. Разве не ясно, что, не будь всего этого, «выводиловка» или другие подобные явления не могли бы продержаться ни одного дня независимо от того, в каких показателях планируется и учитывается деятельность предприятия?! Это обстоятельство нужно особо отметить, потому что неправильное указание причин толкает и на неправильное следствие. Можно ввести любые другие показатели, но если не осуществлять на деле проводимый партией курс на широкую демократизацию основ хозяйственной деятельности, то всякого рода извращения (а мы перечислили далеко не все) сохранятся и в дальнейшем.

Хотя после октябрьского (1964 г.) Пленума ЦК КПСС прошло не так много времени, тем не менее и за этот короткий срок многое сделано для выкорчевывания шумихи, хвастовства, шапкозакидательства, очковтирательства и многих других явлений, чуждых и не совместимых с социалистическими производственными отношениями, но прилипших к ним и цепко держащихся. Хозяйственная реформа — и об этом четко сказано в решениях XXIII съезда партии — органически включает в себя развитие демократического централизма, расширение прав коллективов предприятий и их возможностей влиять на условия хозяйствования. Дело теперь за тем, чтобы линию партии и в этом вопросе проводить в жизнь до конца.

Однако расширение демократических основ хозяйствования — проблема не только моральная, но и чисто экономическая в самом прикладном смысле этого слова. И вот почему. Частный

предприниматель, принимая то или иное решение, отвечает за него своим капиталом. В одних случаях это приводит к осмотрительности, в других — стимулирует риск. Работник министерства или главка, как и директор завода, в нашей стране находится в ином положении. Экономическая пружина *непосредственно* на каждого из них не давит. Поэтому иной раз и появляется безответственный оптимизм или столь же безответственный запрет. В первом случае выпускаются десятки тысяч ненужных швейных машин, во втором — возникает дефицит горчичников или лезвий для безопасных бритв.

Коллективный разум и коллективная воля — единственное противоядие против подобных субъективных ошибок хозяйственных руководителей.

Новый подход к руководству народным хозяйством будет состоять, по-видимому, и в крутом изменении оценки работы каждого предприятия коллективом самого этого предприятия. Тридцать-тридцать пять лет назад, когда впервые складывались основы централизованного планирования и им охватывались предприятия, задача, естественно, состояла в том, чтобы каждый коллектив отвечал за *свою* работу, как она выглядит в *его* балансе. В этих условиях, понятно, снижение себестоимости продукции рассматривалось как важнейшей показатель, и показатель себестоимости продукции действительно был важнейшим. Необходимо было приучить предприятия к строжайшему соблюдению режима экономии, к комплексной экономии на всех этапах производства. Однако в дальнейшем оказалось, что такой подход уже недостаточен. При всем том, что строительство материально-технической базы коммунизма ведется с помощью товарно-денежных отношений, что коллектив каждого предприятия выступает как товаропроизводитель, ответственный перед обществом за сохранность и приумножение переданного этому коллективу национального достояния (уставный фонд), что для этой цели действительно необходимо стремиться к максимально возможному уменьшению издержек производства и обращения, — при всем том преобладающим является социалистическая собственность на средства производства. Любое другое советское предприятие коллективу каждого предприятия должно быть так же близко, как и свое. Отсюда следует, что пришла пора подняться на высший класс оценки результатов хозяйствования и мерить успехи не только балансом данной фабрики, данного завода, а балансом народного хозяйства в целом. И тут еще трудно сказать, что важнее: сэкономить ли три рубля на своем заводе или, потратив их и добившись повышения качества продукции, получить для общества в целом гораздо большую прибыль, хотя она пойдет по отчету другого предприятия.

Но здесь вторично предоставим слово О. К. Антонову: «Что важнее: себестоимость или „тебестоимость“?». Слово «тебестоимость», приведенное О. К. Антоновым, выражает одну из центральных идей его книги — в основу оценки работы предприятий ставить интересы и потребности народного хозяйства. Практически

эти интересы выражает потребитель — предприятие или каждый из нас. Если встать на такой путь, изчезнет планирование программы производства оборудования в тоннах, перевозок — в тонно-километрах, задания леспромхозам — в виде количества спиленных деревьев, программы трактористов — в гектарах и т. д.

Выражая это справедливое мнение, сентябрьской (1965 г.) Пленум ЦК КПСС и утвердил в качестве основного показателя работы предприятия реализацию продукции, т. е. получение и оплату потребителем, что, разумеется, не умаляет значения производственной деятельности, которая была, есть и будет основным видом хозяйственной деятельности. Однако разработкой конкретных показателей соответствующие органы будут заниматься еще в течение довольно длительного времени и, как нам представляется, им, безусловно, было бы полезно учесть замечание, которое приводит автор:

«Сделаем небольшой расчет, показывающий эффективность работы завода. Если завод ремонтирует в год «скоростным» методом 13 500 автопокрышек, эти покрышки выдержат 6 750 000 км пробега. А если как следует отремонтировать 5 тыс. покрышек, они будут выдерживать по 5 тыс. км пробега каждая вместо 500. И общий пробег составит 25 млн км. Следовательно, экономический эффект от деятельности завода увеличится в 3,7 раза, а срок службы автопокрышки в 10 раз. Разве можно отмахиваться от таких выводов, особенно если учесть, что автопокрышки очень дефицитны».

Кто же мешает повернуть всю работу предприятий в сторону максимального учета нужд потребителей? Как ни странно... задания по снижению себестоимости продукции! В свое время, в начале 30-х годов, было целесообразно указывать предприятию, на сколько оно должно снизить себестоимость продукции. Это был период, когда планирование только-только входило в практику хозяйствования и надо было приучить предприятия укладываться в пределы общественно необходимых затрат на производство и реализацию продукции. Невозможно отрицать тот факт, что в течение нескольких десятилетий задание по снижению себестоимости продукции было основным показателем, характеризовавшим качество производственной деятельности предприятий. В силу многих причин — и теоретических и практических — прибыль в те годы не могла играть присущей ей при социализме роли, и ее место с достаточным успехом занимал показатель себестоимости продукции.

Однако в последние годы положение существенно изменилось. Сейчас в очень многих случаях для народного хозяйства выгоднее произвести некоторые дополнительные затраты в процессе производства и получить машины, приборы или любые другие изделия с гораздо большей прочностью или надежностью. Оказывается, что экономия такого рода на издержках разорительна для народного хозяйства. Однако показатель по снижению себестоимости продукции, поскольку он был в свое время утвержден, получил ди-

ративную неколебимость и стал действовать вслепую, независимо от тех действительных последствий этой так называемой экономии для народного хозяйства. Вот что, кстати, пишет по этому поводу О. К. Антонов:

«Казалось бы, кто может сомневаться в том, что себестоимость продукции надо снижать? Да, снижать надо, если народное хозяйство получает ту же продукцию, того же качества при меньших затратах труда, материалов, энергии и т. п. Тут все ясно. А как быть, если народнохозяйственную полезность продукции можно резко повысить, но это вызывает и некоторое повышение себестоимости?

На это современная система планирования и показатель «себестоимости» отвечают однозначно: не повышать полезность, если это повышает себестоимость!»

Фетишизация показателей, как и любая другая фетишизация, способна причинить огромный ущерб. Года два назад в издательстве «Знание» вышел сборник научно-художественных очерков «Если дружить с экономикой...». В умном и глубоком очерке под интригующим названием «Разоблачение икса» О. Р. Лацис показал, какие любопытные обстоятельства складываются порой в хозяйственной деятельности. При определенных обстоятельствах бывает так, что ручной труд оказывается эффективнее механизированного; при определенных обстоятельствах менее долговечные подшипники лучше более прочных; перерасход кожи порою выгоднее, чем ее экономия, и т. д. и т. д.

Проблема «тебестоимости», т. е. оптимального сочетания интересов потребителя и производителя, решается преимущественно посредством экономически обоснованных цен. Поставщику должно быть гарантировано возмещение в цене плановых, объективно необходимых издержек производства и образование нормальной рентабельности. При этом он должен иметь возможность повышать затраты, если они окупаются дополнительной выгодой для народного хозяйства. Потребителю тоже должно быть выгодно применять самые прогрессивные машины, приборы и материалы.

Интересы потребителя и поставщика не всегда прямо совпадают. Первые экземпляры новых машин и материалов могут быть очень дороги. Возможны и другие несовпадения. Их должна предусмотреть экономически обоснованная, гибкая система цен для поставщиков, сбытовых органов, потребителей. В соответствии с указаниями Пленумов ЦК КПСС сейчас идет напряженная работа над проблемой цен *. Но уже подходит пора выносить проекты из стен кабинетов на суд общественности.

Учить думать!

Недостаточная полнота представления о масштабах хозяйственной реформы сказывалась до XXIII съезда КПСС, в частности, и в том, что реформа охватывала только сферу производства, точ-

* *Примечание ред.* Имеется в виду реформа оптовых цен на промышленную продукцию, начатая с 1 января 1967 г.

нее говоря, преимущественно промышленность. Экономическая наука, подготовка кадров экономистов, разработка программ, учебников и учебных пособий продолжались более или менее по-старому, словно бы их не касались принципиальные изменения, предусмотренные мартовским и сентябрьским Пленумами ЦК КПСС. Чтобы не давать повода для кривотолков, надо пояснить, что, собственно, имеется в виду. Разумеется, во всех программах и учебных планах, в лекциях и на семинарских занятиях, а также в рукописях учебников и учебных пособий решения Пленумов нашли широкое отражение. Иного и представить себе невозможно! Однако это отражение состояло в том, что были вписаны соответствующие страницы в те разделы, которых непосредственно касались решения Пленумов, были изменены отдельные формулировки в прежних программах и т. д. Иначе говоря, *по-старому говорили о новом.* Между тем очевидно, что новый подход должен затронуть саму экономическую науку: и разработку проблем, и обучение студентов.

Можно ли представить себе, что в то время, когда директора предприятий, плановые, финансовые и другие работники должны проделать огромную, не только чисто экономическую, но и психологическую работу, чтобы оказаться способными осуществить хозяйственную реформу, как того требует партия, подготовка экономических кадров для нужд завтрашнего дня будет вестись вчерашними и даже позавчерашними методами?

Вряд ли можно сомневаться в том, что новый подход к управлению народным хозяйством означает и новый подход к разработке экономических проблем, к подготовке экономических кадров, к обучению экономике будущих инженеров, агрономов и других специалистов. Разумеется, в данной статье не ставится задача сформулировать суть этого нового подхода. Лишь в результате многих научных и методологических дискуссий и конференций, в которых будут участвовать тысячи научных работников и преподавателей вузов, будет сформулирован такой ответ. Однако для начала некоторые вопросы следует поставить.

Что должно быть основным, коренным в обучении экономике? Нам думается — проблема *эффективности, рентабельности* производства. О чем бы ни шла речь — о размещении предприятий или их специализации, о техническом прогрессе в промышленности или о выведении новых пород скота, о тарифной системе или распределении прибыли — все должно рассматриваться под углом зрения того, какой эффект получает народное хозяйство при том или ином варианте решения вопроса. Как нам представляется, подобный подход к проблеме позволит решительно ликвидировать «словесный» характер изучения экономических наук, описательность, господствующую во многих учебниках и программах. А это едва ли не наибольшие беды экономической науки и обучения экономике сегодня.

Из сказанного вовсе не следует, что рентабельность — это единственный критерий, что ее значение нужно фетишизировать. И все же следует еще раз напомнить, что Программа партии выд-

вигает как важнейшее требование задачу получения наибольшего результата для народа при наименьших затратах.

Новый подход к экономически проблемам, несомненно, коснется и *методики* ведения научных исследований, методики обучения экономике. Не секрет, что здесь преобладает пока что стремление наполнить голову студента и аспиранта как можно большим объектом фактических знаний. Однако нередко такой действительно многознающий студент, придя на предприятие в качестве молодого специалиста, оказывается не подготовленным к практическому использованию своих знаний. Темы дипломных и курсовых работ чаще всего нацеливают на анализ и описание явлений, а не на их изменение к лучшему. Будущим молодым специалистам в стенах экономических вузов в совершенно недостаточной мере прививаются организаторские навыки, умение управлять, руководить.

Касаясь методики обучения, делегаты съезда, выступавшие устно и в печати, сформулировали основное требование в виде лозунга: учить думать! Это требование, безусловно верное применительно к любому специалисту, во сто крат важнее для тех, кто занимается экономикой, для экономистов, потому что здесь неизмеримо больший выбор возможных вариантов, а их конечные последствия куда менее очевидны, чем когда речь идет о тех или иных формах технологии производственного процесса. Полезно напомнить слова Маркса о том, что в области экономических наук мало помогают микроскоп или химические реактивы, здесь важнее всего способность к научной абстракции, т. е. проще говоря, к всестороннему умственному представлению о выборах путей решения той или иной практической задачи и о возможных его результатах.

«Пусковой импульс»

Чтобы привести в движение гигантский многомоторный самолет, достаточно небольшого толчка стартера. Соотношение между мощностью моторов и стартера может быть как между миллионом и единицей. Однако без действия стартера моторы не заработают.

Проблема «пускового импульса» представляется чрезвычайно важной и когда речь идет о хозяйственной реформе. В самом деле, в течение десятилетий миллионы людей изо дня в день работали, добивались успехов, допускали ошибки, но в общем делали свое дело, и неплохо. Теперь речь идет о том, чтобы они в короткий срок не только стали работать значительно лучше, но во многом преодолели навыки, складывавшиеся в течение этих десятилетий в силу тех объективных условий, в которых протекала их производственная деятельность.

Скажем, раньше при разработке плана на предстоящий год приходилось учитывать, что этот план хорошо бы выполнить на несколько дней досрочно; что сверх этого плана будут социалистические обязательства, их тоже неплохо бы выполнить досрочно; что от прибыли, полученной сверх плана, отчисления в премиаль-

ные фонды в несколько раз выше, чем от той же суммы прибыли, если она была заранее занесена в план. Практическим последствием указанных объективных условий была тяга к некоторому прикрыванию резервов, к использованию их исподволь. Теперь все меняется. Прямая выгода каждого предприятия состоит в том, чтобы решительно все имеющиеся резервы вложить в план. Эта выгода изложена в соответствующих параграфах соответствующих положений и инструкций. Достаточно ли этого, одного этого, чтобы миллионы людей повернули на сто восемьдесят градусов?

Во всех учебниках по экономике и организации производства написано, что необходимо стремиться к сокращению вспомогательного времени, к уменьшению переналадок оборудования, к увеличению объема производимой партии однородной продукции. Между тем хозяйственная реформа требует от тысяч предприятий, изготавливающих предметы потребления, крутых перемен и в этой области: быстрого приспособления программы к требованиям моды, малых партий однородных товаров, как можно большего расширения ассортимента, производства дополнительных затрат, если они увеличивают спрос или по другим причинам выгодны народному хозяйству в целом.

Могут ли подобные изменения произойти сразу и в течение короткого срока? А ведь никто не заинтересован в том, чтобы новые формы хозяйственного руководства внедрялись в вялом темпе и в течение многих лет. Поскольку все мы убеждены, что переход к экономическим методам управления несет с собой огромную дополнительную выгоду народному хозяйству, то очевидно, что желательно сократить период перехода, разумеется не создавая спешки и сутолоки. Точно так же мероприятия, намеченные мартовским и сентябрьским (1965 г.) Пленумами ЦК КПСС и подтвержденные XXIII съездом партии, предусматривают существенное расширение прав предприятий и усиление элементов демократизма на самих предприятиях. Опять-таки эти изменения не могут быстро и эффективно воплотиться в жизнь на том лишь основании, что будут выработаны соответствующие положения и инструкции. Нормативные государственные документы, безусловно, необходимы. Однако одних их недостаточно. Требуется «пусковой импульс» — совокупность организационных, моральных и материальных мер и стимулов, в результате которых каждый работник предприятия — от директора до кладовщика — сразу почувствует, что действительно введены в действие новые методы управления народным хозяйством, новые формы планирования, руководства, стимулирования.

Можно бы сказать, что в общем виде эти вопросы ни с чьей стороны не вызывают возражения. Однако горячие дебаты начинаются вокруг того, есть ли у нас материальные ресурсы для указанного «пускового импульса». И расстановка сил здесь примерно такая: хозяйственники убеждены, что такие ресурсы есть в достаточной степени, а некоторые работники Комитета по труду и заработной плате и особенно Министерства финансов клятвенно заверяют, что средств нет и потому рассчитывать сразу на что-

нибудь крупное и ощутимое не приходится. Иначе говоря, они отрицают, по существу, возможность создания этого «пускового импульса» в той части, в какой он касается материального поощрения.

«Чем больше Минфин односторонне экономит на фонде зарплаты, штатах и премиях и чем больше вводит всевозможных ограничений и запрещений по расходованию государственных средств, тем труднее становится сбалансировать бюджет»,— пишет О. К. Антонов.

Верны ли приведенные слова? Нам трудно, разумеется, дать совершенно точный ответ: его могут дать лишь работники Министерства финансов. Но что в процессе выполнения семилетнего плана ряд заданий оказался невыполненным в связи с нехваткой ресурсов — это бесспорно. Да и сейчас проблема ресурсов приобретает исключительное значение. Чтобы проводимая хозяйственная реформа дала тот колоссальный эффект, который в ней потенциально заложен, необходим немалых размеров «пусковой импульс». Проще говоря, нужно существенно повысить материальную заинтересованность трудящихся в результатах хозяйствования. Где же взять ресурсы для поощрений?

Проблема эта сейчас оживленно обсуждается в средах тех практических работников, которые участвуют в экспериментальном переводе предприятий на новую систему хозяйствования. Как и во всякой дискуссии, выявились две точки зрения. Одни считают, что нужно сперва в результате новых форм хозяйствования получить значительные дополнительные накопления и затем из них увеличить стимулирование. Другие полагают, что без указанного «пускового импульса» реформа будет проходить в вялом темпе и даст крайне малую долю того, на что она способна. Повторяя уже сказанное в своей первой статье, мне хочется еще раз поставить вопрос: что же такое премии — расход или семена? Если семена, то, видимо, с их использования начинается борьба за урожай.

Когда не хватает угля, обращаются к шахтерам. Когда нужны дополнительные ресурсы, правомерно посмотреть на работу Министерства финансов. Где, в чем и как оно ищет и находит ресурсы?

Впервые я познакомился с работой этого ведомства ровно тридцать лет назад. Работники отраслевых отделов и управлений Наркомата финансов анализировали бухгалтерские отчеты предприятий, выделяли внереализационные доходы и потери: первые, чтобы изъять доход из бюджета, вторые, чтобы исключить из «базы» и не допустить тем самым преуменьшение заданий по прибыли в плане будущего года. Они кропотливо изучали размеры и состав административно-управленческих расходов с тем опять-таки, чтобы внести предложения по их сокращению. Рассматривая отчеты строительных организаций, они концентрировали внимание на лежащих на площадках материалах, требуя (и совершенно справедливо) их употребления в дело. Чем занимаются сейчас, тридцать лет спустя, работники финансовых органов? *Тем же*

самым. Формы, методы, содержание работы финансового аппарата за это время не изменились или почти не изменились.

А между тем народное хозяйство, как известно, совершенно не то, что было в годы второй пятилетки, и ресурсы нужно искать совсем не там.

...Каждая пора года имеет у нас свои характерные приметы. Зима и особенно декабрь — период покупки сейфов, ненужных ковров, одним словом, лихорадочные траты средств тысячами предприятий, организаций и учреждений по всей стране — от Курильских островов до Бреста. Эта тема неувядаема. Фельетонисты, куплетисты, карикатуристы ежегодно возвращаются к этой теме и развлекают читателей, слушателей и зрителей рассказами о том, как бессмысленно и бесхозяйственно тратятся народные деньги. Но кто же эти одержимые покупатели? Почему их так много? Почему они повсюду и почему они поступают таким образом? Неужели мы имеем дело лишь с глупцами и дураками? Разве тот факт, что судорожная трата денег повторяется ежегодно и на территории всей страны,— разве этот факт не указывает на наличие какой-то объективной и устойчивой причины подобных действий?

По заверению знатоков, существующая система бюджетного финансирования со строгим расписанием каждой копейки по полочкам и изъятием неизрасходованных средств в конце года стара, как мир. Бюджетные ассигнования предусматривают определенные расходы. Выдаются средства в течение года скуповато и лишь в конце, поближе к декабрю, выделяются в полной сумме. Если их не израсходовать, то в будущем году действительно дадут меньше — «на уровне базы». Израсходовать же их целесообразно полностью не удается, так как, повторяем, в течение года они поступают крайне неравномерно. Такова прозаическая подоплека того явления, которое ежегодно с точностью астрономических процессов вспыхивает на экранах телевизоров и появляется на страницах газет и сатирических журналов.

Лет сорок назад, когда уровень механизации был незначителен, доля заработной платы в издержках производства велика, а структура и штаты многих органов действительно чрезмерно велики, была настоятельная необходимость изыскивать ресурсы для развития народного хозяйства в административно-управленческих расходах, в штатных единицах. Тогда попросту не было других значительных источников, и подобное направление работы финансовых органов было оправданно. Еще раз напомним слова Ленина: «Мы экономим на всем, даже на школах». К счастью, однако, в результате полного преобразования нашей экономики сейчас появились неизмеримо более мощные и перспективные источники ресурсов. Беда финансовых органов состоит в том, что они упорно не желают их видеть и отругиваются в ответ на все попытки повернуть их лицом к современной структуре нашего народного хозяйства.

О. К. Антонов приводит множество примеров, когда миллио-

ны и десятки миллионов рублей теряются лишь из-за того, что финансовые органы упорно не видят подлинных источников народнохозяйственного накопления. Мы ограничимся лишь несколькими. Оказывается, что изменение профиля металлов, поставляемых Аэрофлоту, способно в течение первого же года эксплуатации самолетов окупить некоторые дополнительные затраты на изготовление нужных профилей металла. А улучшение авиационного оборудования и снижение его веса дают дополнительные резервы в десятки миллионов рублей в год. Дополнительные затраты окупятся в первый же год, а иногда в первые полгода эксплуатации. Поощрение повышения качества покрышек дает в год сто миллионов рублей экономии. Эта сумма, вероятно, не меньше того чистого дохода, который в масштабах РСФСР дает реализация билетов денежно-вещевой лотереи в течение года. Однако лотереей финансовые органы занимаются непрестанно, а проблема увеличения «ходимости покрышек», насколько нам известно, никогда не была в центре внимания Министерства финансов РСФСР.

Некоторые дополнительные затраты, обеспечивающие увеличение надежности и долговечности работы станков, несут с собой миллиарды рублей дополнительных накоплений.

Короче говоря, основной резерв гигантских, в крайне малой степени используемых источников роста национального дохода — во всемерном содействии быстрому внедрению новой, погрессивной техники и технологии. Все рычаги финансового аппарата должны быть направлены на преодоление рутины, косности, на содействие рационализаторам и изобретателям.

Нам представляется, что с участием Академии наук СССР и Государственного комитета по науке и технике должны отбираться важнейшие изобретения и открытия, широкое внедрение которых даст в короткий срок значительные денежные накопления. Такие технические и экономические новшества имеются в каждой отрасли. Сведенные и утвержденные в едином государственном документе, допустим для проведения в 1967 г., они станут объектом специального контроля со стороны финансовых органов. Разумеется, финансист не может и не должен решать научную проблему по существу. Но, когда она решена и рекомендована авторитетными органами для внедрения, финансовый работник очень многое может сделать для ускорения оформления смет, проектов, штатов и ставок, цен, короче говоря, для уменьшения «хождения по мукам», отнимающего подчас годы и годы. И такая роль — представляется нам — более благодарна и плодотворна, чем погоня за экономией на командировках.

Но есть резервы, к которым подступиться попроще, полегче. О. К. Антонов совершенно справедливо не пренебрегает и ими. Как-то, проходя по одной из улиц Москвы, он остановился около грузовика, с которого две девушки сгружали кирпич для стройки. Поскольку им оплачивали сдельно, с количества груженого кирпича, а шоферу — с количества сделанных тонно-километров, то кирпич вовсе не сгружали, а просто сбрасывали на землю, отчего

около трети его (по подсчетам автора) тут же превращалось в щебень. Автор подсчитал, что если бы эти девушки получали заработную плату с каждой тысячи доставленного и уложенного в целости кирпича и так же точно оплачивалась бы работа шофера, то была бы получена экономия, равная стоимости полутора машин кирпича. Из этой суммы можно было бы значительно повысить заработок работницам и шоферу и дополнительно дать государству отчисления от прибылей строительных организаций.

Второй пример. Так называемый половняк не идет на кладку стен, потому что при этом уменьшается выработка каменщиков и им нужно несколько повысить заработную плату. Добиться этого невозможно, и, экономя копейки фонда заработной платы, мы теряем рубли, овеществленные в материалах.

— Так что же нам стать ходоками у предприятий, быть у них на посылках? — так в запальчивости спросила меня однажды после доклада сотрудница Министерства финансов, подразумевая под «ними» предприятия, народное хозяйство.

Да, быть на посылках, если считать «посылкой» роль танков прорыва, артиллерии на переднем крае и самолетов по отношению к идущей в атаку пехоте.

Затронув этот вопрос, следует сказать, что в поисках ресурсов мы незаслуженно оставляем в стороне целые сферы, которые при правильной организации дела могут одновременно значительно повысить уровень жизни народа и дать дополнительные накопления для развития экономики. Возьмем хотя бы жилищную кооперацию. В течение последних двадцати лет многие экономисты настойчиво говорили о том, что нужно существенно повысить долю кооперативов в жилищном строительстве. В последнее время это сделано, но, как нам представляется, в совершенно незначительных размерах. Конечно, если сразу требовать, чтобы при вступлении в кооператив вносить сорок процентов стоимости будущей квартиры, то это под силу лишь очень ограниченному контингенту трудящихся. Однако нигде не доказано, что вносить нужно сорок, а не, скажем, пять процентов. Почему бы в самом деле не сделать жилищное строительство в городах в основном кооперативным? Сделав вступительный взнос доступным каждому рабочему и служащему, можно резко усилить темпы жилищного строительства и одновременно привлечь значительные дополнительные ресурсы. Скажем, ежемесячный взнос в пять рублей в счет пая доступен практически любому человеку. В масштабе страны это дает гигантские ресурсы.

А не означало ли бы такое изменение характера жилищного строительства каких-либо политических или социальных отступлений от социалистических принципов развития экономики? Нисколько. Кооперация в том числе и жилищная,— форма социалистической собственности, и кооперативные предприятия (колхозы, потребительская кооперация, рыболовецкая и другие) — полноправные, теоретически и практически оправданные элементы социалистическиой экономики. Доказано, что в большинстве случаев жильцы-пайщики гораздо более внимательно и по-хозяйски отно-

сятся к жилому фонду, их участие в управлении жилищными делами приносит пользу и служит в известной мере школой воспитания общественных навыков. Что касается того, что квартиры не будут предоставляться бесплатно, то это нас не должно смущать, как не смущает и то, что хлеб, учебники и даже лекарства мы ведь также отпускаем за плату.

Не меньшим источником одновременного улучшения обслуживания населения и создания накоплений может стать сфера быта. Кинотеатры, цирки, прачечные, фотоателье, ремонтные и прокатные пункты и т. д. и т. д. могут создаваться без единой копейки бюджетных ассигнований, за счет небольших первоначальных кредитов и последующего использования образуемой прибыли. Для создания этих предприятий не требуются бог весть какие материалы и оборудование, их можно накопить либо за счет сокращения потерь, либо дополнительного производства из местных недефицитных ресурсов. Подобный подход к сфере быта позволил бы в течение текущей пятилетки решить бытовые проблемы в огромной мере, если не полностью, для значительной части населения страны и дать одновременно дополнительные ресурсы государству. Многим хозяйственникам подобный подход кажется слишком легким, однако нам ни разу не доводилось слышать сколько-нибудь аргументированных возражений. Полезно, может быть, еще раз напомнить, что ларчики сплошь и рядом открываются просто...

Проводимая в настоящее время реформа требует гигантских ресурсов. Их вполне достаточно в недрах народного хозяйства. Их можно мобилизовать в чрезвычайно короткий срок, если только ресурсы эти будут образовывать в результате непрерывного и эффективного возрастания материального стимулирования и — на его основе — совершенствования организаций хозяйствования.

С этих позиций представляется целесообразным тщательное и всестороннее изучение финансовой политики и работы финансовых органов на современном этапе нашего хозяйственного развития. Этого требует «пусковой импульс», значение которого для успеха хозяйственной реформы невозможно преувеличить.

* * *

Многие миллионы людей во всем мире с огромным интересом следили за работой XXIII съезда Коммунистической партии Советского Союза. Доклады, представленные съезду, их обсуждение, принятые решения будут в течение длительного времени находиться в центре внимания самых широких кругов народных масс и в нашей стране, и в других социалистических государствах, и во всех странах мира. Для советских экономистов, как указывается в материалах съезда, сейчас наступила особенно ответственная пора: надо добиться, чтобы пятилетний план, разрабатываемый на основе утвержденных съездом директив, в наиболее возможной степени был оптимальной программой развития народного хозяйства на предстоящий чрезвычайно важный период времени.

ТАЛАНТ ЭКОНОМИСТА [1]

...В электричестве и паре любви к человеку больше, чем в целомудрии и в воздержании от мяса.

А. П. ЧЕХОВ

От чего отстает экономическая наука?

Вот уже много лет об отставании нашей экономической науки говорится как об аксиоме. Кое для кого из экономистов это стало чем-то вроде прикрытия от конкретной критики: отстаем, чего ж от нас требовать?

Любопытно отметить, что термин «отставание», кроме науки экономической, в тех же масштабах применяется у нас еще, пожалуй, лишь к педагогике. Об остальных ветвях человеческого познания так говорить почему-то не принято. Медицина как наука существует тысячелетия. Только в СССР работает более трех тысяч кафедр в медицинских вузах. Между тем не существует радикальных способов излечения не только рака, но и насморка. Несмотря на устойчивый интерес со стороны многих лекторов, астрономы все еще не могут сказать, существует ли жизнь на Марсе. Геологи и сейсмологи не предсказали землетрясения в Ташкенте, и, по совести, ничего внятного на этот счет не говорят и сейчас. Число примеров легко умножить. Но никто не говорит об отставании медицины, астрономии, геологии. Говорят о нерешенных задачах.

В чем же дело? Думается, в том, что предмет и проблемы экономики кажутся широким кругам слишком легкими, общедоступными, и если они все еще не решены, то это может быть объяснено только отставанием.

Но так ли проста область экономики? Математики, пришедшие на помощь экономистам, признают, что формулы и вычислительные машины, вполне пригодные для решения технических и подчас даже биологических задач, пасуют перед «орешками», встречающимися в экономике. И это уже на первых порах, когда исследованию подвергаются, в сущности, лишь первые, самые простые взаимосвязи и взаимозависимости.

Советской экономической науке нет еще и пятидесяти лет. За это время она разработала основы и методику планового ведения народного хозяйства на всех уровнях — от гигантской страны в целом до цеха и участка.

Та самая система хозяйственного расчета, которую мы в на-

[1] Новый мир. 1967. № 1.

стоящее время справедливо критикуем и — на твердой базе решений мартовского и сентябрьского (1965 г.) Пленумов Центрального Комитета партии — существенно улучшаем, была неизвестна человечеству еще сорок пять лет назад; она была впервые открыта в Советском Союзе, на ее основе построен социализм в нашей стране, ее опыт использован в других социалистических странах, а во многом и во вставших на путь самостоятельного развития несоциалистических государствах Азии, Африки и Америки.

Советская экономическая наука немало сделала для марксистского, научно объективного анализа современного капитализма, для творческого освоения теоретического наследия прошлого. Наконец, на основе обобщения богатой практики социалистического строительства настойчиво вскрываются и формулируются законы, которые управляют развитием социалистической экономики. А ведь выявление законов — о том свидетельствует история всех наук — дело исключительно сложное и нескорое.

На совещании экономистов предприятий, перешедших на новые методы планирования и стимулирования, был задан вопрос: какую роль сыграла экономическая наука в подготовке хозяйственной реформы? Б. М. Сухаревский ответил, что, к сожалению, никакой. Все, мол, сделали практические работники. Но ведь и план ГОЭЛРО, и денежная реформа 1922—1924 гг., и пятилетние планы, и нынешняя хозяйственная реформа — все это *одновременно* этапы и хозяйственной практики, и роста советской экономической науки.

Нет сомнения в том, что объективный анализ фронта отечественных наук накануне пятидесятилетия Октября покажет, что советская экономическая наука за прошедшие полвека развивалась не только не медленнее других наук, но — как это ни покажется парадоксальным — во многом быстрее их. Мало в какой области человечество за этот отрезок времени продвинулось так далеко, как в области познания своих экономических отношений на принципиально новой, впервые в истории возникшей основе.

От чего же в самом деле отстает экономическая наука? *От настойчивых требований жизни.*

Развитие производительных сил в СССР и других социалистических странах создало огромные возможности быстрого роста производства и резкого повышения уровня жизни. Это ощущается всеми, буквально носится в воздухе. Всеми ощущается также, что мы в повседневной работе, в текущей хозяйственной деятельности реализуем далеко не все, что можно бы реализовать. Причиной тому было несовершенство экономических форм и методов хозяйственного руководства, планирования и стимулирования. Отсюда настойчивые и справедливые требования к экономической науке — быстрее дать необходимые рекомендации. Отсюда и обоснованность критики. У каждой науки были — и будут — подобные периоды в ее развитии. Достаточно вспомнить «кризис современной физики», о котором писал В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме».

Правильное определение сущности отставания экономической науки в СССР важно по многим причинам. Одно дело, если в основе его — сложные и неизвестные явления и процессы, подлежащие всестороннему изучению. И совсем другое, если перед нами в общем-то заурядные задачи, которые не решают то ли из-за расхлябанности, то ли из-за бесталанности исполнителей.

Не секрет, что подобное, второе, представление достаточно широко распространено не только среди молодежи, поступающей в вузы, но также среди хозяйственников и руководителей высшей школы. Только этим можно объяснить, что в подавляющем большинстве хозяйственных органов и предприятий экономической работой руководят не экономисты. А из всех высших учебных заведений в стране четырехлетний срок обучения установлен лишь для вузов экономических и библиотечных.

Правильное определение нынешнего состояния экономической науки должно привести к строительству экономических вузов и лабораторий, появлению новых журналов и изданий, созыву съездов и конференций экономистов, уравнению экономистов во всех отношениях с инженерами, агрономами и другими категориями специалистов. Это и будет практический путь ускорения прогресса экономической науки в СССР.

Сфера экономической деятельности

Существует ли своя особая сфера деятельности у экономиста? Это вопрос далеко не праздный. Немало людей искренне убеждены в том, что самостоятельными делами занимаются инженеры, агрономы, а дело экономиста — лишь «обсчитать», что получится...

Между тем истинная сфера деятельности экономиста необычайно широка и разнообразна: от Госплана СССР до совхоза, от машиностроительного завода до отдела по организации концертов в Госфилармонии. Сфера эта соприкасается со всеми сферами нашей жизни. Можно сказать, что так в любой специальности. Но здесь имеются важные отличия. Инженеру, работающему над конструкцией аппарата для сахароварения, мало дела до забот свекловодческих колхозов и совхозов. Врача, обслуживающего продавцов в ГУМе, также (по долгу службы) вряд ли занимают проблемы доходов покупателей. Но экономисты сахарной промышленности обязательно учитывают экономику сельского хозяйства, а экономисты торговли — динамику денежных доходов населения (и не только в целом, но и отдельно городского и сельского) по различным группам доходности, районам страны и т. д.

Иначе говоря, широта эрудиции и кругозора для экономиста не только желательна, но столь же необходима, как, скажем, наличие музыкального слуха для желающего поступить в консерваторию.

Полезно, может быть, привести несколько цифр, характеризующих экономику СССР. В 1965 г. в народном хозяйстве было занято 76,9 млн рабочих и служащих и 18,9 млн колхозников и кол-

хозниц. Функционирует около 50 тыс. крупных и средних промышленных предприятий, 200 тыс. строек, около 12 тыс. совхозов и почти 37 тыс. колхозов. Более 800 тыс. торговых организаций и предприятий, а также многие тысячи снабженческих организаций занимаются снабжением предприятий и сбытом их продукции. Перевозки и связи обслуживаются более чем сотней тысяч транспортных предприятий и органов связи. По денежным документам проходят через учреждения Государственного банка сотни миллиардов рублей в год.

Все эти потоки — производство, перевозки, продажа, потребление, миграция населения и подготовка специалистов, обороты денежных средств, международные связи — объединяются в едином государственном плане, приводятся в определенное соответствие и соотношение. И создание такого плана — работа экономическая.

Научная и практическая деятельность в области экономики, как и подготовка студентов и аспирантов, страдает оттого, что не определено точно, каким же должен быть настоящий экономист. И дело не в том, что нет на этот счет «Положения» или инструкции — они невозможны и не нужны. Речь идет о неопределенности по существу, которая приводит к печальным последствиям на практике. Ограничимся одним примером.

В учебном плане любого экономического факультета математические дисциплины занимают примерно вдвое больший удельный вес, чем специальные. Точно так же наибольший отсев на вступительных экзаменах происходит из-за недостаточных оценок по математике. Между тем многие экономисты (в их числе автор этих строк) убеждены, что самые квалифицированные, талантливые экономисты вырастают из юношей и девушек, имеющих склонность к гуманитарным наукам. Математика — мощное оружие в руках экономиста, это бесспорно. Но самый мощный телескоп не заменит астронома, умеющего сопоставить и оценить разумом итоги своих наблюдений.

Гуманитарии нужны экономическим вузам потому, что их кругозор шире, они лучше знают историю страны, ее экономическую географию, их общеобразовательный ценз выше. И я позволю себе предположить, что человек, читающий на память Блока и Есенина, не запроектирует предприятия на берегу Байкала и не допустит уничтожения лесов в водоохранной зоне. Конечно, в дальнейшем нужно будет дифференцировать и гуманитариев: у одних склонность к филологии, у других к юридическим наукам и т. д.

Определяя сферу экономической деятельности, научной и практической, следует помнить, что В. И. Ленин говорил о политике как о концентрированной экономике.

Конечно, построение коммунизма — задача не только экономическая, и мы должны попытаться из большого числа элементов коммунистического строительства выделить именно те, которые могут быть отнесены к экономике. В таком отпочковании неизбежны условности, так как важнейший фактор развития общест-

ва — труд человека — многогранен, выделить, что в нем относится к экономике, что к социалогии, этике и т. д.,— трудно.

Процесс производства независимо от отрасли народного хозяйства есть одновременно овладение силами и богатствами природы и осуществление определенных взаимоотношений между людьми, овладевающими этими силами и богатствами. Сами действия, связанные с использованием сил и богатств природы, с некоторой условностью можно отнести к области техники (а в сельском хозяйстве и к агрономии). И занимаются такими делами люди, имеющие технические (агрономические) специальности.

Где здесь место экономики?

Думается, что она решает две задачи. Первая — *дать измеритель эффективности техники на каждом отдельном участке* (конструкции машины, урожайности сельскохозяйственной культуры, организации производства в цехе, на предприятии, в отрасли) *исходя из позиций всего народного хозяйства страны.*

В узком смысле этого слова эффективность каждой новой конструкции или действующих механизмов (сортов культур, пород скота и т. д.) дает инженер (агроном). Он скажет, что при таких-то условиях, при такой-то затрате производительность домны возрастет на столько-то тонн чугуна в сутки. Но осуществить ли затраты в черной металлургии или использовать эти средства, к примеру, для развития производства пластических масс — это уже проблема экономическая. Она не может быть решена непосредственно ни из законов технологии доменного процесса, ни из технологии изготовления пластмасс.

Более того, даже в пределах одной отрасли одними только техническими расчетами нельзя решить многие проблемы, допустим проблему размещения предприятий. Сам по себе крупный приборостроительный завод производительнее мелкого. А с учетом необходимости использовать труд населения небольших городов и ряда других обстоятельств оказывается подчас значительно более выгодным рассредоточить изготовление многих видов продукции.

Вторая задача, решаемая экономикой в сфере производства, состоит, на наш взгляд, в том, чтобы *открыть (изобрести?) систему ведения хозяйства, систему рычагов, стимулов, показателей, побуждающих каждого трудящегося, все предприятия и отрасли стремиться к непрерывному и ускоренному повышению эффективности техники.*

В сфере производства соотношение между техникой и экономикой таково. Экономика оценивает эффективность техники, определяет распределение ресурсов для развития тех или иных отраслей техники и тем самым в большой мере предрешает темпы дальнейшего развития самой техники, отдельных ее отраслей [2]. При этом, однако, сама эффективность во многом определяется техническими успехами, развитием технических наук. Может быть, в целях наглядности экономике позволительно отвести в сфере

[2] Здесь мы оставляем в стороне оборонные и другие внеэкономические факторы.

производства то место и ту роль, которые в организме человека имеет нервная система с ее центром — головным мозгом?

Произведенный продукт распределяется; распределение это осуществляется, как известно, в двух формах — натуральной и стоимостной.

В натуре любая продукция, допустим нефтепродукты, распределяется между потребителями.

Каков должен быть *экономический механизм* распределения общественного продукта? Снабжать или торговать? Сейчас этот вопрос решен в пользу постепенного, но неуклонного перехода к оптовой торговле массовыми средствами производства, т. е. их отпуска без предварительных — за полгода — заявок, фондов и т. д. Но еще три года тому назад сама постановка такого вопроса казалась многим экономистам крамольной. В учебниках утверждалось, что фондирование и вся система административного регулирования распределения средств производства — отличительная черта и преимущество социалистической экономики. Между тем огромное число хозяйственников всех рангов называет такую систему материально-технического снабжения одной из главных помех полному использованию внутренних ресурсов хозяйства. Следовательно, спор не схоластический, а жизненно важный.

Но распределение имеет еще один аспект — стоимостной. Распределяются не только нефтепродукты в натуре, но и их стоимость. Часть этой стоимости пойдет на возмещение расхода сырья, ремонт оборудования и на другие производственные издержки. Часть образует доходы рабочих и служащих, произведших и реализующих нефтепродукты. Какая-то часть должна пойти на покрытие общегосударственных расходов (по обороне страны, управлению, на социально-культурные и другие цели).

Сложность распределения и перераспределения национального дохода главным образом не техническая, разумеется: много таблиц, строк и колонок. Дело в том, что способы, формы и методы этого распределения должны не только состоять в изъятии у одних и предоставлении другим, но обязаны одновременно стимулировать рост производительности труда, экономию в использовании материальных ресурсов, повышение качества продукции, внедрение новой техники — словом, составлять механизм, позволяющий экономике решать задачи, которые перед ней ставит политика. При этом следует иметь в виду, что местные интересы отдельных участников хозяйственного процесса не всегда совпадают, а нередко и противоположны: транспорту выгодно возить на большие расстояния, поставщику удобнее отгрузить сразу партию материала, равную, допустим, трехмесячной потребности, и т. д.

Огромно значение экономики в сфере обмена: изучение спроса, цены, порядок образования и финансирования запасов, стимулирование роста товарности хозяйств, поощрение лучшего обслуживания потребителей. Эти скупо перечисленные вопросы — каждый из них — в действительности составляют огромную и сложную сферу человеческой деятельности.

Уровень организации обмена самым непосредственным образом влияет на потребление — заключительную стадию процесса воспроизводства. И не только в том смысле, что определяет объем и структуру потребления, но и затраты труда, связанные с потреблением. В этой области в последнее время происходят отрадные перемены.

Еще несколько лет тому назад учитывались лишь издержки производства и обращения: затраты на получение продукции, ее доставку и на отпуск потребителям. Шла борьба за снижение себестоимости продукции, за экономию на издержках обращения. При этом совершенно не учитывались издержки потребления: затраты времени и труда на покупку продуктов и приготовление пищи, на пошивку платья и т. д. Так как покупают в нерабочее время, то оно считалось как бы бросовым.

Чтобы не дать повода для кривотолков, сделаем небольшое отступление. Известно, что экономическая обстановка в течение многих лет была такова, что очереди за многими товарами были неизбежны. Неразумно было держать трех продавцов там, где и одному делать нечего. Но в данной статье речь идет о другом, о принципиальной постановке вопроса. Пока нет возможности распределять продукты по потребности, тем не менее такая задача давно сформулирована, и это имело огромное значение. Между тем, повторяем, об экономии свободного времени в экономической науке речи не было; было лишь стремление как можно больше снизить издержки обращения и как можно больше повысить долю труда, занятого непосредственно в сфере производства. Лишь совсем недавно в Новосибирском академгородке занялись проблемой свободного времени. Выяснилось, что сокращение рабочего дня само по себе еще вовсе не означает увеличение свободного времени, и еще неизвестно, что труднее: стоять у станка или томиться в очереди за продуктами?

За последние годы многое сделано для изжития примитивного утилитаризма. Понятие «издержки потребления» завоевало право гражданства. Предстоит количественно определить величину этих издержек; насколько сокращается брак, повышается производительность труда, удлиняется период работоспособности по мере улучшения работы автобусов, магазинов, парикмахерских, ремонтных и других мастерских [3].

Анализ проблем потребления и быта показал, что далеко не всегда пробелы в данной области вызывались объективными причинами. В очень многих случаях достаточно приложить минимум усилий, чтобы преодолеть «проблему» починки электробритвы или пошивки костюма. Имеется рабочая сила, под рукой местные строительные материалы, несложно изготовить немудреное оборудование, банк дает ссуды на эти цели. Не хватило лишь (если говорить об экономическом аспекте) понимания значения и знания цены свободного времени.

---

[3] Разумеется, не только в этом смысл улучшения обслуживания. Однако мы ведем речь лишь об экономической стороне дела.

Между тем Маркс, как известно, цель развития человечества усматривал в том, чтобы как можно меньше времени надо было уделять добыванию хлеба насущного и как можно больше оставалось его для духовного развития. Именно это он считал переходом человечества из царства необходимости в царство свободы.

Экономический механизм

Охарактеризовав коротко сферу экономической деятельности, перейдем к рассмотрению инструментария, которым пользуются экономисты. Это поможет нам в дальнейшем сформулировать требования, предъявляемые к экономисту, и выразить, в чем же состоит или должен состоять талант экономиста.

Если говорить о советском экономисте или экономисте любой другой социалистической страны, то на первое место, думается, надо поставить *планирование*.

Справедливо было замечено одним талантливым писателем, что мы разучились удивляться. Но говорить о планировании без удивления и восхищения невозможно.

Тысячи лет люди вели хозяйство кто как мог. При крайней слабости взаимных связей большой беды в этом не было, хотя уже первые социалисты-утописты мечтали о согласованности и плане. С конца первой четверти прошлого века начались судороги экономики, разразились кризисы — сигнал о том, что возросшие производительные силы уже попросту спотыкаются о стихию. Но лишь после победы Октября народнохозяйственное планирование стало явью.

Здесь нет необходимости излагать историю, но полезно обратить внимание на реакцию, вызванную разработкой планов. Известно, что за рубежами СССР она была враждебной или иронической со стороны широких кругов. Разумеется, такая позиция возникла прежде всего из актикоммунистической позиции. Но только ли? Можно ли считать Уэллса «антикоммунистом», «агентом монополий» или просто обывателем? А ведь он так и не смог понять сущности и значения планирования: сперва счел наши планы утопией, а потом начал заверять, что и при капитализме планирование возможно. Вернее предположить, что даже многие прогрессивные люди, в том числе экономисты, оказались просто не подготовленными к восприятию и пониманию того принципиально нового этапа развития человеческой деятельности, которая началась с плана ГОЭЛРО.

В наше время, казалось бы, нет нужды доказывать необходимость и значение плана. Но тем более заслуживает тщательного внимания некоторый, если так можно выразиться, плановый нигилизм, наблюдаемый сейчас у ряда экономистов.

В течение последнего года я беседовал со многими экономистами Югославии, Польши, Чехословакии, ГДР и, разумеется, с советскими экономистами. Некоторые из них считают необходимым пересмотреть устоявшиеся представления о роли и значении плана.

Именно роль и значение, а не методику или организацию плановой работы, против чего вряд ли можно возражать.

План *или* рынок? — так можно сформулировать вопрос, занимающий многих и многих экономистов, при этом немалая их часть решительно заменяет план рынком. Кое-где считается даже ретроградством любое сомнение в целесообразности подобной замены.

Не затрагивая проблемы в целом, возьмем только те ее стороны, которые относятся к теме данной статьи. Послушаем различные точки зрения и попытаемся в них разобраться.

По мнению некоторых экономистов, плановое развитие экономики состоит в том, что центральный планирующий орган страны, опираясь на достигнутый уровень производства, устанавливает темп роста на предстоящий период (год, пятилетку). Разработанная программа распределяется по отраслям и предприятиям. Необходимые для работы материалы, оборудование заранее заказываются потребителями и выделяются им в виде конкретных, адресно указанных фондов, не подлежащих перераспределению. Точно так же регламентируются издержки производства и обращения, капитальные вложения и другие виды деятельности.

Указанная система, продолжают ее критики, делает экономику крайне негибкой. Технический прогресс внедряется с трудом, структура общественного продукта меняется медленно. Недостаток прав у руководителей предприятий и запланированное распределение всех резервов ограничивают возможность материального стимулирования инициативы. Отсюда снижение фондоотдачи, замедление темпов роста народного хозяйства.

Что предлагается взамен?

Рынок. Разумеется, социалистический. Ничего не устанавливается сверху, так как производственная программа определяется самим характером предприятия: автомобильный завод ботинки изготовлять не будет. Потребители заявляют о своих потребностях, объявляют конкурсы; изготовители соревнуются, предлагая наилучшее качество или более низкую цену, более краткий срок и т. д. Прибыль частично идет в доход государства, частично на расширение производственных мощностей, остальное распределяется среди трудящихся. Новое строительство ведется преимущественно за счет банковского кредита; государство не отпускает безвозвратно средств на капитальные вложения, а направляет их на увеличение ресурсов банков.

Разумеется, позиция «рыночников» изложена схематично; при внимательном рассмотрении в ней можно увидеть широкую палитру оттенков — от полной обособленности отдельных предприятий друг от друга до признания отраслевого управления в виде министерств и главков. Но нас интересует не организационная сторона, а отношение к планированию как экономическому рычагу.

Нетрудно заметить, что критика централизованного планирования родилась в ответ на рост и усиление административных методов его организации и осуществления. Очень многое в такой

критике представляется нам правильным, а многое — заслуживающим внимания. Беда в том, что критики, как это часто случается, вместе с водой выплескивают младенца. А он очень и очень пригодится, особенно когда подрастет.

Нельзя отождествлять недостатки в планировании с самим планированием. План ГОЭЛРО ничего и никого не стеснял (кроме стихии, разумеется). По методам его разработки и содержанию он был грандиозной комплексной стратегической программой, выполнение которой не только не уменьшало возможности для проявления инициативы, но, напротив, создавало для такой инициативы основу и стимул. Вместо разобщенности и разброда создалась целеустремленность. Раздробленность отдельных хозяйствующих коллективов, которая более соответствовала производительным силам XVIII в., чем XX, получила наконец адекватную этим производительным силам общественную форму их проявления.

Может ли рынок заменить план?

Рассмотрим конкретнее состав обращающейся продукции. Ее следует прежде всего разделить на продукцию сельского хозяйства и промышленности.

При всем влиянии естественно-климатических факторов объем производства продукции растениеводства и животноводства по стране в целом поддается плановому прогнозу. Почему нельзя применительно к плановым проектировкам заранее заключить договоры с колхозами и совхозами, подготовить тару, транспорт, производственные мощности для переработки сельскохозяйственной продукции?

Неразумно и вредно предписывать из Москвы, Киева или Алма-Аты, что где сеять и какой где держать скот. Но почему на основе расчетов самих колхозов и совхозов нельзя заранее составить план сельского хозяйства по району, области, республике, страны в целом? В чем такой план стесняет инициативу колхозов и совхозов? И нужно ли из крайности административной ударяться в крайность децентрализации?

Если взять промышленную продукцию, то ее следует разделить на средства производства и предметы потребления. В свою очередь, средства производства бывают индивидуально определяемые и массовые. Блюминг или горный комбайн могут изготовляться лишь по индивидуальному заказу, и такой заказ нужно дать задолго, за год-два минимум. Для нас безразлично, получит ли Новокраматорский завод заказ на блюминг в результате конкурса или по письму министерства.

Итак, портфель заказов на индивидуально определяемые средства производства, скажем, на 1969 г. известен уже в конце 1967 г. Почему нельзя включать его в централизованный план. В чем здесь противоречие рынку?

Массовые средства производства изготовляются производителями на основе спроса, определяемого разными способами: прямыми заказами, применительно к динамике роста производства

(метизы, запчасти для ремонта и т. д.) и др. Они продаются в порядке обычной оптовой торговли. Но объем производства, как и объем оптовой торговли, раз они определены самими промышленными и торговыми предприятиями, может без ущерба для их инициативы быть включен в централизованный план.

Не обедняется ли этим значение централизованного планирования? Не должно ли оно активно воздействовать на формирование программы? Должно, разумеется, но, думается, не в порядке административной записи, а *экономически*, о чем речь пойдет чуть далее.

Предметы потребления тоже неоднородны. Продукты питания, предметы санитарии и гигиены, канцелярские и многие другие товары не знают особых влияний моды. Объем спроса легко определяется статистическими методами, без опроса каждого из нас, будет ли он и в будущем году чистить зубы и носить башмаки. А это ведь и создает надежную основу для планирования работы пищевой и ряда отраслей легкой промышленности. Наиболее «неустойчивы» товары более длительного пользования: одежда, обувь, культтовары, мебель. Здесь влияние моды наибольшее. В этой области и следует предельно ограничить плановые показатели, предоставив широкий плацдарм для маневра.

Что же оказывается? Нет объективных оснований для отказа от централизованного планирования. Нынешняя хозяйственная реформа позволяет устранить все то, что мешало подлинному планированию, и привести его организацию и методику в соответствие с потребностями нашего времени. Рынок ведь не в том, чтобы покупатели и продавцы толклись, допустим, в здании биржи и заключали сделки, ударяя по рукам. И не в том, чтобы узнавать о потребностях и возможностях из рекламных проспектов. Рынок — это глубокое знание потребностей хозяйства и оперативное приспособление к изменению этих потребностей. Эти изменения относительно устойчивы хотя бы в пределах одного года (если говорить о преобладающей массе товаров), и годовой план вполне может их предусмотреть. Может быть, взаимоотношения между планом и рынком подобны отношениям между конструктором и технологом: первый решает, что делать, а второй — как, каким образом. Административный догматизм принес нам немало вреда. Не меньше может его быть от догматизма «рыночного», если вовремя не раскритиковать его!

Вторым по важности экономическим инструментом являются *нормы, нормативы*. Строго говоря, план основан на нормативах, но их значение куда шире, чем только быть расчетной основой плана. Норма есть конкретно выраженное требование народного хозяйства к тому или иному элементу производства, учитывающее оптимально возможные условия работы. Не случайно во всех докладах о хозяйственной реформе и пятилетке подчеркивается необходимость развить и укрепить «нормативное хозяйство».

Здесь нет нужды начинать на пустом месте. За годы Советской власти накоплен огромный опыт нормирования труда, использо-

вания материалов и оборудования, образования запасов и др. Но работа предстоит колоссальная — все нормы должны соответствовать современным условиям. Они должны быть в какой-то мере едиными, чтобы можно было сравнивать работу разных предприятий, и в то же время дифференцированными — применительно к конкретным условиям работы. Нормативы основываются на реальных обстоятельствах и фактах, но они не просто фотографируют сегодняшний день, а несут в себе мобилизующее, прогрессивное начало. Указанные и другие диалектические противоречия легко перечислять, но очень трудно практически воплотить, да еще в стране, раскинувшейся от Тихого океана до Черного моря.

Самое сложное в разработке конкретных норм, думается, лежит опять-таки в том, что хотя нормы устанавливаются на данном конкретном предприятии, но отражать они должны народнохозяйственный счет. Вот один пример. Тракторному заводу в Челябинске выгодно из Магнитогорска получать металл небольшими партиями, это ускорит оборот его средств. Но у Магнитогорского комбината десять тысяч покупателей, и ему выгоднее прокатывать крупные партии: снижаются издержки, растет прибыль. И железнодорожникам расчет возить эшелонами, да потяжелее. Вот и надо сопоставить: убытки от «пролеживания» металла, прибыль от укрупнения партии материалов и доходы транспорта. Не исключено, что электронная машина подскажет вообще другого поставщика.

Из всех норм, которые предстоит уточнить и разработать, самые сложные, на наш взгляд, это нормы оплаты труда. Как обосновывается то, что часовая ставка рабочего первого разряда в машиностроении составляет 0,42 рубля, а не 0,25 или не 1,50? Специалисты по труду в большом долгу перед экономикой. От волюнтаризма в нормировании оплаты шел волюнтаризм в распределении национального дохода на потребление и накопление. На первой сессии Верховного Совета СССР седьмого созыва отмечалась необходимость уточнить эти пропорции.

Некоторые экономисты призывают вообще отказаться от нормирования, так как нормы, дескать, уменьшают права предприятий и сковывают их маневроспособность. В частности, предлагается отказаться от нормирования оборотных средств.

Легко заметить, что здесь опять-таки смешиваются экономический и организационный аспекты. Разумеется, нет нужды утверждать сверху предприятию размер отдельных элементов оборотных средств, да и вообще незачем утверждать норматив в качестве обязательного показателя. Но само-то предприятие для себя должно на научной основе определить потребность в средствах? Разве правила уличного движения необходимы лишь потому, что существует ОРУД?..

Чрезвычайно важным и, вероятно, самым сложным и тонким экономическим инструментом являются *цены*. Вот уже тридцать лет, как идет речь о несовершенстве цен. В последнее время дискуссия о принципах ценообразования достигла особой остроты.

Широкий круг читателей-неспециалистов никак понять не может: почему не договорятся, почему не упорядочат цены?

Можно сказать, что позиция в вопросах ценообразования — лакмусовая бумажка для характеристики экономиста в целом. Поэтому на данном вопросе задержимся чуть больше.

Исторически цена возникла как орудие измерения стоимости товара, т. е. общественно необходимых затрат на его производство и реализацию. Цена — денежное выражение стоимости. В условиях капиталистического хозяйства, особенно на монополистической стадии капитализма, адекватность цены и стоимости, конечно, подвергается большим колебаниям, но тем не менее в самой общей форме приведенное определение остается верным.

В дореволюционной России цены колебались вокруг стоимости товаров, и цены 1926—1927 гг., близкие к уровню 1913 г., также, в общем, выражали совокупную стоимость товаров. Однако с начала индустриализации страны, а затем в годы первой пятилетки произошли серьезные изменения.

Чтобы их понять, необходимо иметь в виду следующее объективное противоречие, присущее социалистической экономике.

Так как процесс социалистического воспроизводства совершается в форме товарно-денежных отношений, то должно соблюдаться основное требование — эквивалентность обмена. Если производитель реализует товар стоимостью в тысячу рублей, то и выручить он должен тысячу рублей. Данное требование не следует понимать примитивно, но как закон товарного обмена оно обязательно.

С другой стороны, государство для выполнения присущих ему функций должно создавать централизованные фонды денежных ресурсов, т. е. иметь доходы и получать их, разумеется, безвозмездно, иначе они не были бы его доходами. Следовательно, в отношениях социалистического государства с предприятиями и населением принцип эквивалентности должен быть нарушен. Необходимость одновременно соблюдать и нарушать эквивалентность в экономических отношениях образует объективное противоречие нашей экономики.

Как оно разрешалось на протяжении истекших лет?

Мобилизация в доход государственного бюджета части ресурсов сельского хозяйства происходила главным образом путем изъятия продукции в натуральной форме: продовольственная разверстка, продовольственный налог, обязательные поставки, натуральная оплата работ, выполненных МТС, гарнцевый сбор и другое. Исторический опыт убедил в крайнем несовершенстве подобного механизма образования доходов государственного бюджета.

Дело в том, что изымать можно лишь часть прибавочного продукта, иначе затормозится развитие отрасли. Но все зерна пшеницы и все кипы хлопка в натуре одинаковы: и те, что выражают стоимость материальных затрат, подлежащих восстановлению, и те, в которых воплощены необходимый продукт и прибавочный. Конечно, когда в колхозе сдавали все зерно, включая семена, то ясно, что был перебор. Но какая часть урожая или прироста стада

может быть изъята без ущерба для развития хозяйства? На этот вопрос натуральная форма продукта не отвечает. Известно, что на очень высоких надоях молока колхозы терпели убытки, так как сверх определенного уровня затраты были больше стоимости продукта. Можно получить по 20 ц с гектара и иметь при этом меньше прибыли, чем при 15. Только выразив затраты и выручку в экономически обоснованных ценах, можно оптимальным образом распределить общественный продукт. Этим еще раз подчеркивается значение ценообразования.

Но с ценами произошло следующее. В то время как ресурсы сельского хозяйства привлекались на общегосударственные цели преимущественно в натуральной форме, ресурсы других отраслей, особенно легкой и пищевой промышленности, привлекались главным образом через повышение цен. Цены, скажем, 1932 г. были намного выше, чем 1926—1927 гг. Одновременно росла и заработная плата, особенно в тяжелой промышленности, и, следовательно, себестоимость продукции этой отрасли. Но цены на уголь, металл, машины, строительные материалы, минеральные удобрения и другие изделия тяжелой промышленности до 1936 г. вообще не повышались, затем были повышены в 1936 и 1949 гг., но в недостаточной мере. И сегодня основная масса продукции тяжелой промышленности реализуется по ценам ниже стоимости. По опубликованным расчетам [4] для 1959 г. недобор прибыли и налог с оборота по этой причине составили 17,5 — 26 млрд руб. Соответственно меньшими были и ассигнования на капитальные вложения и прирост запасов.

Для нас из всей этой истории нужен лишь ее вывод, а именно цены в настоящее время в СССР существенно отклоняются от уровня общественно необходимых затрат на производство и реализацию. Этот вывод никем не оспаривается. Задание по сближению цен и уровня затрат сформулировано в решениях последних Пленумов ЦК КПСС и XXIII съезда партии.

Однако, когда речь заходит о практической реализации этих решений, экономисты не находят общего языка. Одни утверждают, что значительное отклонение цен от уровня общественно необходимых издержек искажает все соотношения в народном хозяйстве, не позволяет сказать, что такое хорошо и что такое плохо, затрудняет международное разделение труда в странах СЭВ. Если машина ценой в 5 тыс. руб. приводит к экономии фонда заработной платы на сумму 6 тыс. руб., то ее применение представляется экономически выгодным. Но если к этой цене добавить дотацию, полученную шахтами Донбасса, многими леспромхозами и металлургическими заводами, то мнение может измениться. Эти экономисты считают, что в стране должны быть цены единого уровня — рубль должен содержать в себе одно и то же количество труда и в угольной и в парфюмерной промышленности. Только при этом будет мера для выявления эффективности. Если же в одном

[4] См.: *Белкин В. Д.* Цены единого уровня и экономические измерения на их основе. М.: Экономиздат, 1963.

метре сто сантиметров, а в другом — шестьдесят восемь или сантиметры разной протяженности, то ничего хорошего ожидать не приходится.

Другие экономисты отрицают такой подход к ценам в условиях социализма. Признавая цену денежным выражением стоимости, они полагают, что цены должны быть использованы и для решения многих других задач: стимулирования или сдерживания развития отдельных производств, рационального размещения производительных сил, перераспределения части доходов населения и др. При таком подходе неизбежен во многих случаях существенный отрыв цены от уровня затрат. Возникающие от этого затруднения данная группа экономистов предлагает решать каждый раз конкретно, применительно к затруднениям и преимущественно административными мерами.

Кардинальное решение вопроса затрудняется двумя обстоятельствами, которые никак не могут быть сброшены со счетов. Во-первых, исторически сложились и более 30 лет существуют определенные соотношения между ценами, и нелегко в один присест сломать сложившуюся систему. Во-вторых, в реальной жизни проблема куда сложнее, чем это изложено в статье. К примеру, мы говорим о взаимоотношениях между потребителями и производителями. Но среди самих производителей очень много различий. Себестоимость одной тонны руды колеблется в разных районах страны в амплитуде 1:5, каменного угля 1:9, газа 1:50 и т. д. Цена для производителя должна исходить из уровня затрат на производство, цена для потребителя — из содержания металла в руде. Но между содержанием металла и себестоимостью добычи руды нет прямой зависимости, а во многих случаях и вовсе никакой зависимости. От дополнительной надежности приборов выигрывает потребитель, а расходы несет поставщик и т. д.

Еще раз полезно напомнить, что все эти проблемы приходится решать в масштабе народного хозяйства, насчитывающего более миллиона хозяйственных предприятий и организаций.

По решению сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС сейчас завершается работа по подготовке новых оптовых цен на продукцию тяжелой и легкой промышленности. Можно предполагать, что методология, положенная в основу их разработки, и сами проекты цен до их утверждения станут объектом обсуждения хозяйственников и научной общественности.

Из сказанного ранее вытекает, что ни натуральные формы изъятия, ни цены не могут в сколько-нибудь значительных размерах применяться для образования доходов государственного бюджета. Остается еще одна совокупность экономических рычагов, именуемая финансами: налоги, сборы, отчисления, займы, страхование и др.

Особенность финансовых способов мобилизации ресурсов состоит в том, что она (мобилизация) производится после того, как прибавочный продукт создан и реализован. Это позволяет в самом процессе хозяйствования полностью соблюдать принцип экви-

валентности. Предприятия реализуют продукцию по экономически обоснованным ценам, движение и воспроизводство общественного продукта полностью и правильно характеризуется оборотом денежных средств. Видны действительные затраты, их результат и эффективность. Но вот данный цикл производства (и реализации) закончен. Причитающаяся часть доходов предприятий и работников передается государственному бюджету.

Насколько правильнее становятся все экономические отношения, видно из расчета, приведенного в цитированной выше книге В. Д. Белкина. По бухгалтерским данным за 1959 г. прибыль и налог с оборота составили 55,2 млрд руб., из которых 30 млрд руб., или почти 60%, дали легкая и пищевая промышленность, а тяжелая промышленность — 12,6 млрд руб. Если же этот год посчитать, допустим, по ценам, равным стоимости, то общая сумма денежных накоплений возрастет до 81,2 млрд руб., но на долю легкой и пищевой промышленности приходится лишь 6,1 млрд руб., или 7,5%, а на долю тяжелой промышленности — 28,2 млрд руб., или 30,5%.

Любой человек, как бы далек он ни был от экономики, согласится, что не может того быть, чтобы тяжелая промышленность СССР, где сосредоточено около 80% всех производственных основ фондов и цвет рабочего класса, дала прибавочного продукта в 2,5 раза меньше, чем легкая и пищевая промышленность. Но так выглядят отношения в реальной действительности из-за неправильных цен.

Достоинство финансовых методов мобилизации ресурсов состоит еще в том, что одновременно осуществляется контроль рублем за работой предприятий, что приводит к росту накоплений. Наряду с выгодой для государства достигается и непосредственная выгода для трудящихся (займы, государственное страхование, вклады). Имеется возможность дифференцировать размер изъятия средств в зависимости от состава семей, возраста работающих и т. д. Высокая мобильность и исключительная гибкость финансовых методов определяют их место в общем экономическом механизме. Не случайно проведение хозяйственной реформы резко усилило значение финансов в народном хозяйстве.

К сожалению, в практике работы финансовых органов острие финансовых инструментов нередко направлялось не туда, куда требовали интересы народного хозяйства. Здесь имеется в виду не только завышение ставок сельскохозяйственного налога до 1953 г., что причинило огромный ущерб сельскому хозяйству, но и более поздние действия, сужавшие и выхолащивавшие хозяйственный расчет и материальное стимулирование на предприятиях. Фискальный подход к предприятиям, ведомственное противопоставление интересов государственного бюджета интересам предприятий продолжают оставаться бедой многих работников финансовых органов. От этого теряют все: бюджет, предприятия, трудящиеся. Поэтому исключительно актуально звучит сказанное на первой сессии Верховного Совета СССР седьмого созыва: с связи с проведением экономической реформы, расширением хозяйственной самостоятельности предприятий должен быть изменен характер работы банков и

некоторых органов финансовой системы; финансовые и кредитные органы должны не только осуществлять финансовый контроль, но и активно воздействовать на улучшение коммерческой деятельности промышленных и торговых предприятий. На первый план выдвигается задача наиболее целесообразного направления банковских ресурсов и использование кредита для развития прогрессивных производств, предприятий сферы бытового обслуживания, для ускорения оборачиваемости средств и повышения доходности предприятий.

Продукция экономиста

Врач лечит. Геолог ищет и находит. Конструктор создает. В чем выражена продукция, производимая экономистами?

Слово продукция мы не заключили в кавычки, так как глубоко убеждены в том, что страна получает от работы экономистов большой и реальный эффект. Проблема в том, как его выделить и измерить. Продукция, как известно, создается лишь производительным трудом. Профессии педагогов и врачей, возможно, самые почетные и нужные, но продукции они не создают, их труд относится к непроизводственной сфере.

А экономист? Думается, что здесь правомерна полная аналогия с оценкой работы и места инженеров, занятых на предприятиях и в научно-исследовательских институтах. Наука становится, стала непосредственно производительной силой. В том числе и экономическая наука.

Но трудности остаются. Надо выделить эффект работы экономистов из общего итога, получаемого в результате развития экономики. Скажем, плановое развитие народного хозяйства СССР не может полностью относиться к заслуге экономистов, это одна из отличительных черт социалистической экономики, одно из решающих ее преимуществ перед капиталистической системой.

Что же безусловно должно быть занесено в актив экономиста?

Видимо, три обстоятельства.

Первое — открытие и формулирование законов и возможностей социалистической системы хозяйства.

Второе — разработка механизма, позволяющего в максимальной степени использовать объективные возможности нашего общественного строя.

Третье — практическая реализация этих возможностей, *степень* использования преимуществ социалистической экономики.

В течение всего периода существования народного хозяйства СССР коэффициент электрификации технологических процессов в промышленности у нас по сравнению с США относительно выше, чем соотношение производства электроэнергии. Из каждого рубля оборотных средств в СССР более 65 коп. занято в сфере производства и лишь около 35 коп.— в сфере обращения; в США соотношение иное — 20:80. Доля накопления в национальном доходе СССР выше, чем в капиталистических странах. В этих и многих

других фактах выражена продукция экономиста — повышение эффективности общественного производства.

Там, где производится продукция, к сожалению, встречается и брак. Не обходится без него и работа экономистов.

Вследствие плохого планирования и материального обеспечения строительства многие шахты, к примеру, строятся не 4—5 лет, как то предусмотрено нормативами Госстроя, а 8—12, по этой причине ежегодно недополучаются миллионы тонн угля. Из-за отсутствия синхронности в расширении производственных мощностей у потребителей и производителей иной раз годами простаивают цехи и предприятия. Тысячи вагонов возят нередко продукцию взад-вперед из-за нерациональных связей. Неправильные цены искажают ассортимент вырабатываемых изделий. Нередки случаи, когда рабочий зарабатывает больше инженера. Число «огрехов» в работе экономистов легко увеличить.

Но там, где есть брак, должна быть и борьба с браком. Почему бы ЦСУ или Академии наук СССР не проанализировать годовой план по какому-либо министерству или союзной республике и сказать: вот потери, которые понесла страна из-за того, что такие-то экономисты использовали бывшие в их распоряжении ресурсы не наилучшим образом? Почему бы не поступить подобным же образом министерству по отношению к предприятиям, а директору завода — к цехам?

Директор совхоза отвечает за каждую телку, за каждую баранью голову. Начальник цеха понесет суровое наказание за бракованные детали. Шофер идет под суд, если даже сшиб человека непредумышленно. Почему же нет спроса с экономиста, если по его вине понесены потери? И почему среди лауреатов в ряду других профессий нет экономистов? Почему ни с кого не спрашивают за то, что годами те или иные предложения экономистов не осуществляются?

Очевидно, что обезличенность результата труда экономистов и связанная с нею безответственность обходятся народному хозяйству очень дорого. Новый подход к управлению народным хозяйством, по-видимому, скажется и в данной области.

* * *

Следует подчеркнуть, что сфера действия экономической науки и практики и экономические рычаги обрисованы в самых общих чертах. За пределами статьи остались проблемы размещения, специализации и кооперирования и многие, многие другие. Ничего не сказано о новом, вносимом в экономику применением математики и электронных вычислительных машин, социологических исследований. Дать подробную характеристику экономике под силу многотомной энциклопедии. Наша задача была неизмеримо более скромная: подготовить плацдарм для характеристики тех качеств, которые, представляется, мы вправе ожидать у талантливого советского экономиста: партийности, научного подхода к

проблемам, комплексности, принципиальности, предприимчивости. С полным основанием можно утверждать, что такие черты должны быть присущи не только экономисту; однако мы их проанализируем применительно к данной профессии. С не меньшим основанием можно сказать, что партийность включает в себя все за ней перечисленное; мы в данном случае условно выделяем эту черту для более детального ее исследования.

Партийность

Термин этот безгранично широк. Где его экономический аспект? Вероятно, его следует искать в том же ленинском определении соотношения политики и экономики, которое приводилось выше. Из него следует, что концентрированная экономика составляет основу политики. Следовательно, каждый элемент экономики, каждая ее молекула содержит в себе атомы политики. Значит, нет и не может быть аполитичной экономики. Любой вариант плана, даже на уровне цеха, любая цифра бухгалтерского отчета политична, работает на политику партии или против нее. Когда же речь идет о крупных экономических явлениях, то они прямо и непосредственно входят в политику. Ленин называл план ГОЭЛРО второй программой партии.

Ярким примером коммунистической партийности является хозяйственная реформа, проводимая в нашей стране на основе экономической политики, разработанной мартовским и сентябрьским (1965 г.) Пленумами ЦК КПСС и XXIII съездом партии. Определив задачи коммунистического строительства на современном этапе, партия осуществляет новый подход в управлении народным хозяйством. Весь дух реформы, вся ее тенденция состоит в том, чтобы привести практику хозяйствования в максимально возможной степени в полное соответствие с требованиями экономических законов социализма и дать тем самым неизмеримо большую, чем до сих пор, возможность привести в движение резервы и преимущества плановой социалистической экономики.

Руководствуясь принципом партийности, составители пятилетних планов и Центральный Комитет партии, утверждавший проекты этих планов, обеспечивали преимущественное развитие тяжелой промышленности, без которой социализм погиб бы, несмотря на все трудности, вызываемые подобным курсом экономической политики, несмотря на все наскоки извне и внутри партии на этот курс. При любой нехватке ресурсов ведущие отрасли получали необходимое для их быстрого развития.

Партийность в экономике находила свое выражение в целеустремленном движении к независимости народного хозяйства от капиталистического рынка — и страна, ввозившая до 1914 г. серпы и каменный уголь, через 20 лет (из которых треть заняли войны) добилась такой независимости.

Партийность требовала — и обеспечивала — постепенную ликвидацию капиталистических элементов в экономике, закрытие всех

источников, щелей и каналов, которые питали воспроизводство капиталистических элементов. Уже к 1937 г. доля социалистического сектора составляла: в промышленной продукции — 99,8%, в сельском хозяйстве — 98,5, в основных производственных фондах страны — 99%.

Коммунистическая партийность, органическая черта которой — пролетарский интернационализм, раскрывалась в преимущественно высоких темпах роста экономики республик Средней Азии, Закавказья, Казахстана и других ранее отсталых районов страны, в широкой помощи ставшим на путь строительства социализма странам Европы, Азии, Америки, а также бывшим колониям и другим зависимым странам. Нередко приходилось делиться самым дефицитным, самым последним.

Партийность в экономике включает в себя безграничную веру в силы и способности трудящихся масс. Вера в народ носила и носит не мистический характер, а определяется сознанием того, что экономическая программа партии выражает коренные интересы трудящихся и потому ей обеспечена безусловная поддержка народа. Поэтому забота о благе народа органически входит в экономические планы СССР, во всю экономическую политику КПСС и советского правительства.

Каждое явление становится выпуклее, осязаемее на фоне его альтернативы. Что является противоположностью партийности в экономике? Думается, прежде всего ведомственный подход, местничество, делячество.

Может быть, полезно начать с мелочей. Когда весной 1965 г. ряд машиностроительных предприятий был передан из ведения совнархозов в состав отраслевых комитетов, некоторые директора заводов в Новосибирске тут же выселили из общежитий проживавших там «чужих» рабочих, а из детских садов — «чужих» детей...

Куда более разорительным является стремление иметь «свои» — и только для своего ведомства — инструментальные цехи, предприятия по производству тары, ремонтные заводы, карьеры, автомобильные хозяйства, базы и склады. С сожалением приходится наблюдать, как в ряде мест растаскиваются на части (или превращаются в узковедомственные) предприятия, созданные для обслуживания нужд целого района, области. А тяжба между железнодорожниками, речниками, моряками и автомобильными хозяйствами? А карликовые научно-исследовательские институты, не имеющие кадров и оборудования, но зато «свои»?

Было б легким делом объяснить ведомственность ограниченностью тех или иных хозяйственников. Очевидно, что причины глубже, и одна из них — слабая разработка экономической наукой проблемы высшей рентабельности социалистического производства.

В нашей стране нет частной собственности, экономика развивается целеустремленно, по плану. Это дает нам неоспоримые преимущества, и эти преимущества, думается, состоят не только в том, что мы экономнее маневрируем ресурсами, добиваемся более высо-

ких темпов, но и в том, что мы имеем возможность оценивать каждый свой шаг с общехозяйственной вышки. В СССР нет технической и коммерческой тайны. Госплан и ЦСУ знают все. Поэтому каждую проектировку, каждый новый заказ, каждый рубль, направляемый в капитальное строительство, должны оцениваться не только тем, какая будет прибыль на данном участке, но какова максимально возможная эффективность для народного хозяйства в целом. Испрашивая ассигнования на новое строительство или проведение эксперимента, располагает ли хозяйственник данными о сроках окупаемости вложений в родственных отраслях, производящих взаимозаменяемую продукцию? Очень редко, чтобы не сказать никогда. Приучен ли он считать не только со своей, а и с народнохозяйственной «колокольни»? К сожалению, нет. Следовательно, мы сами себя обедняем, обкрадываем. Мы не используем полностью исключительную, принципиальную особенность нашего народного хозяйства, состоящую в том, что в СССР один хозяин — народ. Иначе говоря, мы измеряем (в лучшем случае) рентабельностью предприятия, а не высшей рентабельностью хозяйства в целом.

Понятию «высшая форма рентабельности» не повезло.

В конце 20-х годов оно было выдвинуто в борьбе с теми, кто возражал против форсированного создания совхозов как предприятий якобы нерентабельных. Было сказано, что к понятию рентабельности нельзя подходить торгашески, с точки зрения сегодняшнего дня, а надо видеть перспективу, результат для всего народного хозяйства. Бесспорно, что такая позиция была совершенно правильной. Но в дальнейшем все переменилось. Термин «высшая рентабельность» стал вывеской для оправдания убыточной работы конкретных предприятий и целых отраслей, находившихся в обычных, нормальных условиях: ширмой, за которой удобно было укрываться нерадивым хозяйственникам и беспринципным экономистам: незачем заботиться о прибыльности каждого завода и совхоза — у нас-де рентабельно хозяйство в целом.

Восстановление принципов хозяйственного расчета покончило с этой демагогией, но снова — в который раз — младенец был выплеснут из ванны вместе с водой. Термин «высшая рентабельность» у экономистов оказался в опале, а вышка для анализа и сопоставлений — усеченной. Это обстоятельство немало помогло и помогает сохранению ведомственного подхода к экономическим проблемам. Впрочем, не только ведомственности, но и местничества, которое есть ведь не что иное, как «горизонтальный» вариант ведомственности.

Было б долго рассматривать все конкретные формы проявления местничества. Ограничимся двумя, самыми дорогостоящими: распылением капитальных вложений и противопоставлением интересов предприятий интересам всего народного хозяйства.

Первое постановление, направленное против распыления капитальных вложений, вышло более тридцати лет назад. С тех пор эта проблема не сходит со страниц экономической печати. Но

«отдача» незначительна: поныне в каждом крае, области существует куда больше строительных площадок, чем может быть бесперебойно снабжено рабочей силой, механизмами и материалами. В чем причины этого живучего бедствия? Не последняя из них та, что убытки, которые несет общество, никем не подсчитываются и ни с кого не взыскиваются.

А если б так: подсчитать в точной сумме убыток, нанесенный стране тем, что в Кемеровской области, к примеру, некоторые стройки возводятся дольше, чем положено по существующим нормам, и удержать эту сумму из лимитов на строительство, намеченных для области на следующий год? Тогда областные организации, вместо того чтобы поддерживать необеспеченные заявки отраслевых министерств, станут придирчиво проверять реальность включаемых в титульный список объектов. И это будет хорошим подспорьем Госплану, на который обрушивается напор заявок. Вероятно, могут быть предложены и лучшие рецепты. Главное состоит в том, чтобы найти эффективное экономическое средство и покончить с распылением ресурсов в строительстве. Тридцатилетний срок показал полное бессилие одних лишь административных мер и ограничений в этом деле.

Что касается столкновения интересов предприятий и народного хозяйства, то мы касались этого вопроса в предыдущих статьях [5], но с другой стороны: выясняли идущие сверху причины, которые приводят к указанной коллизии. Здесь же уместно подойти с позиции предприятия.

Но прежде всего существуют ли различные интересы у предприятия и в целом у народного хозяйства? Многие экономисты долго отрицали это различие, клеймили руководителей предприятий по любому поводу и добились лишь того, что загнали болезнь вглубь. Мы думаем, что возможно противоречие между интересами предприятия и народного хозяйства в целом. Цель одна, разумеется, а конкретные интересы могут в каком-то случае не совпасть. Почему? Да потому, что в условиях существования товарно-денежных отношений предприятие в известной мере обособлено. Ему выделен уставный фонд, оно отвечает за его сохранность; оно обязано платить за фонды и хочет получить прибыль. Вот оно и отстаивает свои интересы.

В такой позиции нет ничего предосудительного. Плохо тогда, когда защита позиции превращается в ее противопоставление народному хозяйству. Применяют в строительстве железобетон и тогда, когда это нецелесообразно. Но он дороже кирпича и помогает выполнить план (в рублях); дробят предприятия, чтобы их количество стало больше, и тогда трест перейдет в высшую категорию; отказываются производить продукцию на сторону, хотя производственные мощности недогружены; применяют менее стойкие материалы, чтобы снизить у себя издержки, не задумываясь об ущербе, который получит потребитель, и т. д.

---

[5] См.: Новый мир. 1965. № 12; 1966. № 5.

Разумеется, изживать такие явления нужно экономически, т. е. соответствующими показателями в строительстве, в штатных делах и т. п. Но независимо от этого подобное противопоставление противоречит партийности в экономике, а это есть тема, нас интересующая. В том-то и принципиальное отличие хозяйственного расчета от капиталистической погони за прибылью, что хозрасчет исходит из наличия общественной собственности на средства производства, из единства социалистической экономики. Поэтому возможные противоречия между интересами частными и общими должны решаться оптимально и открыто, закрепляться соответствующими нормативами, ценами и так далее, а не путем стихийного противоборства. Подход к любой задаче с позиций общегосударственных должен стать рефлексом советского экономиста.

Большим и трудно изживаемым недостатком является делячество, которое часто и охотно маскируется под деловитость и даже пытается прикрываться ссылками на В. И. Ленина.

Часто цитируются ленинские слова: «Дельный экономист, вместо пустяковых тезисов, засядет за изучение фактов, цифр, данных, проанализирует наш собственный практический опыт и скажет: ошибка там-то, исправлять ее надо так-то. Дельный администратор, на основании подобного изучения, предложит или сам проведет перемещение лиц, изменение отчетности, перестройку аппарата и т. п.»[6].

В целом к этому исключительной важности указанию мы вернемся дальше. Здесь же посмотрим на него под углом зрения деловитости как требования к экономисту. Могут ли приведенные слова хоть в какой-то мере послужить оправданию делячества? Ни в малейшей! Во-первых, Ленин возражает не против любых тезисов, а против пустяковых. Во-вторых, речь идет о том, что в продовольственном и топливных планах были допущены ошибки и исправлять эти ошибки надо не писанием пустяковых тезисов, а анализом опыта. В-третьих, речь идет именно о деловитости, а не о делячестве.

В чем различие между этими двумя понятиями? Думается, в *масштабе перспективы*. Где-то у Макаренко я читал, что, какова мечта человека, таков и сам человек: один мечтает о благе народа, другой — о своем будущем, а третий — о ближайшем обеде...

Для экономиста-деляги характерен браконьерский подход к народному хозяйству, к природе, к людям. Сегодняшний пятак ему милее завтрашнего рубля. Упреки, которые ему делают, он называет «философией», считая это слово бранным. Вероятно, есть много причин, порождающих делячество, но две из них просятся на бумагу.

Экономическую работу выполняют в основном люди, не имеющие специального образования. Даже в Свердловске один дипломированный экономист приходится на шесть заводов. Неподготовленность

---

[6] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 345. Об этой цитате, кстати, полезно подумать тем, кто отрицает правомерность особой науки об управлении.

готовленному человеку трудно охватить широкую совокупность явлений в большой перспективе, вот он и берет то, что поближе и попроще. И немощь свою возводит в теорию. Это причина первая.

Вторая, думается, кроется в недостатках преподавания общественных наук в экономических вузах. О чем спорили шестьдесят пять лет тому назад «Рабочая мысль» и «Рабочее дело», в чем выражался кризис естествознания в начале века и каков основной экономический закон рабовладельческой формации — об этом говорят на лекциях и семинарах. А о политических, философских и экономических корнях делячества — никогда. Как и вообще об этических, политических и других требованиях, которые предъявляются экономисту. Считается, что лишь студенты-медики должны давать клятву о добросовестном и ответственном отношении к делу. Как будто жизнь и здоровье людей зависят меньше от экономики, чем от медицины.

Посмотрим на деляческий подход к людям, трудящимся. При размещении предприятий порой не думают о людях, которые будут на них работать. В результате множество ткачих уезжают из текстильных районов — невозможно создать семью. В районах Востока преобладают молодые рабочие, рождаемость высока, а количество мест в детских садах и яслях на тысячу жителей обычное; приходится уезжать, так как некому смотреть за ребенком. Из-за тяжелых условий труда рыбаки не должны быть в море непрерывно более четырех месяцев, но, чтобы лучше использовать суда, их держат там зачастую по шесть-восемь-десять месяцев. Результат? Большая текучесть кадров. Экономят на бензине, и многие шоферы автобусов и такси, работающие в ночную смену, не могут добраться после работы домой.

Во всех этих примерах чувствуется примитивный меркантилизм экономиста. Он сегодня сэкономил, а после — хоть потоп.

А деляческий подход к природным богатствам? Жигулевские горы пытались перерабатывать в гравий — ближе к стройке, экономия на транспорте. Воды Байкала хотят использовать при выработке корда: не надо очищать, вода и так чистая.

На мягкие земли Кировской и Вологодской областей пускают огромные мощные тракторы, пригодные для Казахстана: уменьшение числа типов тракторов снижает их себестоимость.

Воспитание экономистов в духе партийности — самая сложная из всех задач по повышению уровня экономической работы, перестройке ее применительно к потребностям хозяйственной реформы. Использованию математики можно обучить в год-два, новые показатели — и даже цены — требуют не большего срока. А вот добиться того, чтобы в условиях широкой самостоятельности *каждый* хозяйственник, *каждый* экономист ежедневно и ежечасно подходил к делу с меркой коммунистической партийности — здесь требуется огромная работа партийных, советских и общественных организаций. Думается, что общественным и конкретным экономическим наукам также следует активизироваться в этой области.

Научный подход

Марксизм-ленинизм — подлинная наука, и требование научности в экономической работе органически входит в понятие партийности. Человечеству неизвестен более добросовестный, педантичный и неумолимый редактор, чем был Маркс, готовя к печати первый том «Капитала».

Что имеется в виду, когда идет речь о научной строгости, о научной добросовестности в экономике? Что имел в виду Маркс, говоря, что в этой отрасли познания не могут быть использованы химические реактивы и микроскопы?

Вероятно, прежде всего следует назвать объективный анализ действительности. Дельный экономист, по словам Ленина, засядет за изучение фактов, цифр, данных, проанализирует практический опыт. Правда, какова бы она ни была,— основа экономики. Не дать увлечь себя маниловщиной, не принимать желаемое за действительное — вот что важно.

Конечно, установить факты и правильно их проанализировать — дело очень тонкое и сложное. Экономическое явление не поместить ни в колбу, ни под линзу. При всем их неоспоримом значении экономические эксперименты в отличие от биологических, химических и других дают не так много. В экономике все время сказываются результаты огромного количества явлений, непрерывно меняющихся. Разумеется, большинство экономических процессов в СССР протекает на плановой основе. Но одновременно выполнение планов миллионом предприятий и организаций не может не содержать в себе отклонений в разные стороны, а совокупность этих отклонений создает иной раз неожиданные ситуации. К тому же не все поддается планированию: международные отношения, открытие природных богатсв, стихийные бедствия и др.

В многообразной жизни, указывал Ленин, можно подобрать факты и фактики в поддержку любой концепции. Трудность в том и состоит, чтобы не свести реальную действительность к сумме примеров. Здесь неоценима роль статистики. Научной уровень работы экономиста в невероятно большой степени определяется суммой знаний, информации, которую он может почерпнуть из статистических данных.

Но с анализа экономика лишь начинается. Факты для ученого, говорил академик И. П. Павлов, это как воздух для птицы, на который она опирается в полете. Но летает она при помощи крыльев. А крылья для экономиста — это знание законов общественного развития, понимание перспективы движения производительных сил. И здесь мы снова вспомним план ГОЭЛРО.

В исключительно трудных условиях 1920 г. Центральный Комитет партии, Ленин пошли не по пути мелких починок, заплат, а наметили план строительства социализма, опирающийся на самую прогрессивную форму энергетики — электричество. И в дальнейшем советская экономика проектировалась на перспективные,

прогрессивные направления развития производительных сил, продолжая строго придерживаться ленинского курса на прогрессивное в науке и технике. Только поэтому в СССР раньше, чем где-либо, появились «катюши», космические корабли, атомный ледокол.

Учет требований экономических законов социализма воплощается в хозяйственной реформе: в усилении внимания к кооперативной форме собственности, повышении уровня хозяйственного расчета и материальной заинтересованности, постепенном переходе к оптовой торговле средствами производства. Партия своевременно одернула тех, кто пытался заменить заработную плату общественными фондами потребления, смазать различие между двумя формами социалистической собственности.

Непременным элементом научного подхода в экономике является *предвидение* процессов и явлений, которые возникнут в будущем. Руководить — это значит предвидеть! Это правильное положение, возможно, более всего подходит к экономической деятельности, где будущее не вытекает однозначно из прошлого и настоящего.

Противоположностью научной объективности в экономике является волюнтаризм, причинивший немалый ущерб народному хозяйству СССР.

В экономике волюнтаризм проявлялся в игнорировании реальных возможностей и подмене их безответственным оптимизмом. Результатом было невыполнение тех или иных экономических задач и возникновение диспропорций.

В чем истоки волюнтаризма? Нельзя же объяснить его только особенностями характера или темперамента того или иного лица. Нельзя его сводить лишь к некомпетентности или безответственности, хотя они питают волюнтаризм.

Объективная возможность волюнтаризма заложена в самой системе, в самом процессе планирования. Не нужно бояться этих слов. Маркс и Энгельс писали, что возможность религиозных воззрений объективно заложена в самом процессе научной абстракции. Когда вместо реальных яблока, груши, вишни мы создаем категорию «плод», то сотворяем нечто такое, чего в реальном мире нет. То же самое при планировании. Госплан располагает общественным продуктом определенного объема. Как он будет распределен, сколько металла пойдет на ремонт оборудования и сколько на выпуск холодильников — это зависит в немалой мере от людей, работающих в Госплане, в том числе от соотношения сил между отдельными управлениями Госплана. Здесь нет объективной меры, которая автоматически гарантировала бы необходимое соответствие. Если прибор, рассчитанный на сто двадцать семь вольт, включить в двухсотдвадцативольтную сеть, то он выйдет из строя тут же. Если же годами не давать материалов на ремонт жилого фонда, то последствия станут очевидными не сразу.

Отсюда ощущение «экономической невесомости», испытываемое многими плановиками, а от него рукой подать до «чего хочу,

то и ворочу». В некоторых социалистических странах существует термин «административное предприятие». Это значит, предприятие было построено не потому, что оно экономически необходимо, а потому, что по разным причинам этого хотели те или иные работники.

О возможности волюнтаризма, вытекающего из самого характера процесса планирования, хорошо сказано у Канта: «*Составлять планы* — дело легкое и тщеславное, посредством которого даешь себе вид творческого гения, требуя того, чего сам не можешь исполнить, порицая то, чего не умеешь исправить, и предлагая то, чего сам не знаешь, где найти...» [7]. Но плановая социалистическая экономика имеет и мощное противоядие против волюнтаризма. Им является демократизм, органически присущий социалистическому строю, науке. Широкое обсуждение проектов, представительные научные конференции и совещания, дискуссии, конкурсы и многие другие формы привлечения широкой общественности к экономической деятельности являются радикальным средством от волюнтаризма. К сожалению, в данной области возврат к ленинским нормам происходит крайне медленно. Госплан и другие экономические органы никак не отделаются от келейности. Разработка документов по переходу на новые формы управления народным хозяйством, проектов оптовых цен и других важных мер, к сожалению, все еще чрезмерно «засекречена».

Научный подход к экономическим проблемам никак не совмещается и с шаблоном, чиновничьим догматизмом, которые в масштабах такой огромной страны, как СССР, особенно вредны. Общеизвестно, какой ущерб был нанесен торопливой отменой многих льгот в некоторых районах страны, нежеланием учесть конкретные условия работ (при упорядочении заработной платы) и другими подобными актами. Особенно много шаблона в трудовых и финансовых нормах и нормативах, в практике кредитования. Без преувеличения можно сказать, что для научно-исследовательских учреждений, например, где регламентация менее всего возможна, шаблон — враг номер один. Но и другие отрасли народного хозяйства страдают не менее.

Ограничимся двумя анекдотическими примерами.

Первый касается геологии. Программу для геологоразведочных организаций, как и для строителей, утверждают в денежном выражении, в рублях. Допустим, что в действительности для получения необходимого результата пришлось пробурить не сто запланированных скважин, а всего тридцать пять и потратить лишь часть ассигнованных денег. План в таких случаях считается сорванным... И были партии, где бурили зря, «для плана».

Пример второй: совхозы и колхозы, экономно расходовавшие горючее, до недавнего времени платили штраф «за невыборку фондов».

Шаблон крепко въелся во многих работников, и истребить его

---

[7] *Кант И.* Пролегоменты. М.: Соцэкгиз, 1937. С. 14.

нелегко. Он облегчает работу, не нужно думать, вникать. И только одно средство помогает — критика, гласность. Новый подход к управлению народным хозяйством, предоставление широких прав предприятиям помогут нам выкорчевать шаблон, к чему так страстно призывал в своих послеоктябрьских работах В. И. Ленин.

Комплексный подход

В данной статье уже несколько раз говорилось о необходимости подходить комплексно к проблемам экономики, так как они подчас взаимозаменяемы, переплетены, взаимозависимы. Мы вновь возвращаемся к этому вопросу, так как он очень злободневен. Трудно назвать еще профессию, где бы так приходилось воистину объять необъятное. К тому же время не стоит на месте: то, что давало положительный эффект, допустим, в 1955 г. может стать тормозом десять лет спустя. Все это выясняется при комплексном решении вопросов. Например, определяя наиболее выгодную этажность зданий, возводимых в городах, учитывали лишь издержки на строительство. Оказалось, что экономичнее всего пятиэтажные дома. Но стоило добавить затраты на городские сооружения — и вывод изменился коренным образом. Зачастую комплексными решениями пренебрегают строители гидростанций, не желающие учитывать издержки общества в связи с сокращением фонда пахотных земель и лесов. Плохо учитывают интересы сельского хозяйства и лесозаготовители. В погоне за более легким выполнением плана они нередко уничтожают водоохранные зоны, вызывают эрозию почв.

Жизнь настоятельно требует непрестанного усиления комплексности во всех возможных проникновениях. Крупные открытия происходят на стыке наук: проникновение химии в технику открывает все новые свойства материалов; совершенствование разделения труда позволяет многие работы делать объединенными усилиями областей, союзных республик, социалистических государств. Нам думается, что узким местом является отставание в области разработок теории комплексности. Но не общих рассуждений «про значение и пользу», а теории, могущей быть руководством к действию.

Предприимчивость

Слово это в нашей действительности не в чести. Его часто отождествляют с незаконными махинациями, блатом. И напрасно. Ленин не раз требовал воспитывать в коммунистах эту важную черту деловых людей. В эпоху мирного соревнования с капитализмом предприимчивость нужна коммунистам не менее, чем военные навыки и способности в годы войны. Особенно это относится к экономистам — в сфере экономики объективно больше возможностей для маневра. Чтобы их использовать для блага народа, и требуется живинка в деле, предприимчивость.

Можно бы привести сотни и тысячи ярких фактов на протяжении всех десятилетий жизни Советского государства, когда находчивость, изобретательность экономистов (в содружестве с рабочими, инженерами и другими) позволили «из ничего» делать продукцию, обеспечивать фронт и тыл, строить. Одно лишь перебазирование сотен крупнейших заводов в тыл и организация их работы в короткий срок осени 1941— лета 1942 г. дает материал для интереснейших книг и статей, которые, верим, будут написаны. А восстановление разрушенных районов? А стройки семилетки?

Хорошие примеры предприимчивости дают морской и воздушный флот СССР. Они активно и успешно борются «за место под солнцем».

В то же время только вялостью, неинициативностью, инертностью экономистов можно объяснить завоз в иные области и республики за тысячи километров простейших товаров домашнего обихода или гибель фруктов, которые могут и должны быть переработаны на месте.

Вопиющим примером недостатка предприимчивости является положение с туризмом в СССР. В Италии, Югославии, Франции и многих других странах счет туристам ведется на миллионы. Но ни в одной из этих стран нет такой совокупности красот, как водная магистраль Москва—Пермь, Закарпатье, районы Подмосковья и Закавказья и многие, многие другие. Туризм дает рынок для сельского хозяйства и народных промыслов, способствует преобразованию дорог, строительству гостиниц, транспорта и связи. Что, кроме предприимчивости, нужно для развития туризма? Денежные средства могут быть собраны путем выпуска туристских сертификатов (как это делал в конце 20-х годов Автодор), строительные материалы для легких зданий имеются повсюду. Почему нельзя найти нигде путеводителей, справочников, открыток, сувениров? Какие фонды и лимиты из центра нужны для этого?

В условиях капитализма ежедневно и ежечасно идет «естественный отбор» деловых людей. Те консультанты, которые дают плохие рекомендации, изгоняются из фирм. Те предприниматели, которые туго маневрируют, вылетают в трубу.

Нельзя отрицать, что отсутствие риска понести материальный ущерб, так как средства производства обобществлены, способствует беспечности и флегматизму многих экономистов. К этому объективному основанию добавляются многочисленные административные рогатки и препоны. Известно ведь, что даже передача в подарок музею частной коллекции или библиотеки сопровождена для дарующего такими формальностями, которые далеко не каждому под силу преодолеть.

Предприимчивость следует воспитывать в людях, обучать ей так же, как анализу, обобщению, но, разумеется, другими методами. Вероятно, пример должны подать «школы деловых людей», созданные в виде особых факультетов в некоторых вузах страны.

Пока, правда, эти факультеты являются обычными курсами повышения квалификации. Но постепенно они станут на ноги, и можно надеяться, что обучение предприимчивости займет подобающее место.

Принципиальность

Широкое хождение имеет такой обывательский анекдот. На вопрос, сколько будет пятью пять, экономист отвечает: «А сколько вам надо?».

Разумеется, анекдоты — не исходная база для исследования. Но ведь не придуман он относительно врачей, агрономов или инженеров. Дыма без огня чаще всего не бывает.

Речь идет именно о принципиальности, а не о честности. Когда приписывают к отчету продукцию, фактически не изготовленную; когда зря передают продукцию с одного завода на другой, чтобы увеличился «вал»; когда применяют неправильные нормы и расценки, незаконно выдают и берут премии и так далее, то это мошенничество. Мы же говорим о принципиальности, а следовательно, и о беспринципности.

Следует сказать, что профессия экономиста допускает соблазн поступиться принципом, чтобы не спорить с начальством. Дело в том, что результат беспринципности виден далеко не сразу, а то и вовсе тонет в море действий и противодействий, причин и следствий. «Зачем мне сегодня, в 1966 г., спорить с начальством относительно проектировки на 1970 г., — рассуждает иной незадачливый экономист. — Лучше мне уступить, а через пять лет вряд ли кто с меня спросит».

До недавнего времени Госплан вместе с проектом годового плана представлял список постановлений, которые не могут быть в плане учтены из-за отсутствия ресурсов. Между тем ни одно постановление на выходило без визы Госплана. Значит, люди, визировавшие нереальное постановление, вводили в заблуждение правительство...

Еще два примера. В семилетнем плане была принята совершенно правильная установка на повышение удельного веса нефти и газа в топливном балансе страны. Нашлись экономисты, внесшие «вклад» в решение этой проблемы тем, что свернули строительство новых угольных шахт, резко сократили материальное поощрение шахтеров. Видимо, такие же экономисты, чтобы показать успехи в применении железобетона в строительстве, закрыли почти 8 тыс. кирпичных заводов из 12 тыс. заводов страны.

Немалый вред приносят работники, скрывающие действительное положение вещей путем неправильного подбора данных, односторонним освещением фактов, тем, что говорят не только правду и не всю правду. Некоторые из них оправдывают такие действия чуть ли не патриотизмом, нежеланием выставлять напоказ недостатки. Хочется повторить приведенные в одной из статей И. Эренбурга слова Монтескьё: «Нужно быть правдивым во всем, даже

в том, что касается родины. Каждый гражданин обязан умереть за свою родину, на никого нельзя обязать лгать во имя родины». В данном случает ложь или полуправда еще более омерзительны потому, что они вызваны не обязательством, а карьеризмом или трусостью.

История советской экономики полна примеров высокой принципиальности экономистов. Она проявлялась в первые годы Советского государства, когда закладывались основы народного хозяйства, и в последующем — при составлении и исполнении пятилетних планов, в монографиях и учебниках, в пропаганде особенностей и преимуществ социалистической экономики.

Мы хотим, однако, закончить этот раздел статьи не таким масштабным рассмотрением проблемы, а более простым, житейским примером. Мы расскажем историю, происшедшую осенью 1942 г., и на ней покажем место подвигу и принципиальности в экономике.

Дело происходило осенью 1942 г., когда подход немцев к Сталинграду создал огромные трудности в снабжении мазутом предприятий страны. В это время, когда каждая цистерна была на вес золота, местные организации одного важного центра военной промышленности сообщили, что у них обнаружены значительные запасы торфа и что через три — шесть месяцев они переведут электростанции и котельные военных предприятий на торф. Велика была радость по этому поводу, но на всякий случай уполномоченному Госплана СССР по данной области было поручено проверить представленный материал.

От уполномоченного поступил доклад, полностью отрицающий возможность сколько-нибудь значительного использования торфа в ближайшие несколько лет. Автор доклада был вызван для устного сообщения. Он подвергся резкому допросу, выслушал град обвинений и оскорблений, заседание длилось весь вечер и всю ночь, но уполномоченный твердо стоял на своем: идея использования торфа — авантюра. Переоборудование котельных грозит остановкой военных заводов. Дело закончилось тем, что его попросту выгнали из кабинета. «Я уйду, разумеется, — ответил уполномоченный, — но заводы на торфе работать не будут». Настойчивость уполномоченного побудила еще раз проверить его выводы. Они полностью подтвердились.

* * *

Талант потому и талант, что сверх того, на что он условно расчленяется, остается еще что-то, чему трудно придумать рубрику. Как назвать это «что-то»: озарением, сверхинтуицией? Оно известно в любой сфере человеческой деятельности. Мы хотим показать его на двух событиях в области экономики.

Первое — переход к нэпу в 1921 г. В стране, где были почти полностью ликвидированы товарно-денежные отношения (во всяком случае официально), при абсолютном господстве централизованного административного управления экономикой разглядеть

единственно возможный выход в переходе к хозрасчету, допущении торговли, в том числе частной, концессий, частного предпринимательства, сформулировать суть такой политики, отстоять ее и провести в жизнь — для подобного нет названия, кроме гениальности.

Второе — неизмеримо меньшее по значимости, на поражающее по замыслу и его осуществлению: денежная реформа 1922—1924 гг. Из океана денежных знаков, ценность которых падает непрерывно, показались островки-червонцы. Тоже напечатанные на бумаге, с тем же государственным гербом. Но с непоколебимым курсом: один червонец равен десяти золотым рублям. И платили царской золотой десяткой за червонец, а одно время даже доплачивали по двадцать — пятьдесят копеек сверх номинала...

Загадочны и таинственны, а потому привлекательны пути в физику и химию, биологию и астрономию. Но не менее сложны и неизведанны перспективы экономической науки. И только недалекие люди полагают, что дело экономистов нехитрое: считают что-то на счетах.

Великое будущее экономической науки и практики требует большого числа людей, специально отобранных и хорошо обученных. В этой области явное неблагополучие. А исток неблагополучия — в пренебрежении к экономике со стороны значительной части молодежи.

По данным обследования, проведенного Новосибирским государственным университетом, при выборе профессий следовали «дорогой отцов» 54% детей «техников», 32% «естественников» и лишь 27% «гуманитариев». В составе последней группы нет ни одного юноши... При оценке (по десятибалльной системе) выпускниками школ степени привлекательности экономики последняя получила лишь 5,28 очка, в том числе у юношей —4,30. Этот балл — самый низкий из всех наук.

Удивляться нечему. Популярных экономических журналов у нас нет, в общих журналах экономические очерки — редкие и не всегда умные гости. Началам экономики в школах не обучают, летних сборов и олимпиад не проводят. Научно-популярных фильмов по проблемам экономики не снимают. В серии «Жизнь замечательных людей» нет книг о Кржижановском, Межлауке, Квиринге, Вознесенском. По своей специфике экономические вузы на всевозможных смотрах и «днях открытых дверей» выглядят бледно по сравнению с техническими: нет двигающихся моделей, не мигают лампочки. У молодежи составляется впечатление, что дело это не увлекательное, не стоящее.

Такое впечатление подтверждается вроде бы и тем, что работают же на тысячах должностей экономистов люди без специального образования. И ничего, справляются. Зачем же идти в вузы?

В нынешнем году был большой наплыв на экономические факультеты. На отделение экономической кибернетики Московского института имени Плеханова было подано четырнадцать за-

явлений на одно место. Это приятный факт, но его значение не следует переоценивать. Далеко не каждый из поступавших знает, что такое экономика, и хочет стать экономистом. Многих привлекает математика.

Будущее экономики требует, чтобы была разработана в общегосударственном масштабе комплексная программа отбора и подготовки экономистов и обучения экономике всех других специалистов, занятых в сфере хозяйствования. Надо разъяснить миллионам людей (и убедить их), что экономика — это не просто игра в цифры, а важная область человеческой деятельности, от которой во многом зависит победа коммунизма. Станки и котлы, турбины и линии электропередач, минеральные удобрения и полимеры — это не просто технические открытия и изобретения, а оружие раскрепощения человечества от власти сил природы. В этом смысл слов А. П. Чехова, взятых в качестве эпиграфа к данной статье.

СУТЬ РЕФОРМЫ [1]

...Теория становится материальной силой, как только она овладевает массами [2].
К. МАРКС

I

Уже само название статьи располагает к философским размышлениям. Займемся ими и попытаемся выяснить, в чем *суть* реформы. Правда, нам вряд ли удастся до конца решить эту задачу — современники видят не все. Тем не менее попытаемся.

Внешне содержание реформы состоит в том, что одни показатели плана заменены другими, по-новому создаются поощрительные фонды, расширяются права предприятий. Спрашивается: почему понадобились изменения и почему именно в таком направлении они произошли?

Обратимся к причинам, вызвавшим реформу. Они могут быть разделены на, так сказать, положительные и отрицательные. К первым относятся выполнение и перевыполнение семилетнего плана, несмотря на то что некоторые отрасли, и в первую очередь сельское хозяйство, не выполнили план в значительной степени. Тот факт, что в целом семилетний план был выполнен, несмотря на такой крупный прорыв, показал советским экономистам, что они, видимо, не учитывают каких-то крупных резервов при составлении плана, так как, не будь этого прорыва, действительный выпуск продукции в 1965 г. был бы значительно выше плановых наметок. Следовательно, сложившаяся система планирования недоучитывала каких-то возможностей народного хозяйства. В ней были какие-то серьезные дефекты.

К этим же причинам относятся, как нам кажется, и некоторые стороны деятельности совнархозов. Хотя в целом от совнархозов в силу многих обстоятельств пришлось отказаться, тем не менее было бы ошибкой не видеть некоторых положительных последствий их существования. Территориальное объединение производительных сил позволило нам взглянуть на нашу страну с несколько иных позиций, чем до этого. При отраслевых министерствах народное хозяйство было разделено по вертикали отраслевыми перегородками. При этом терялись территориальные совокупности. Совнархозы показали их нам чрезвычайно выпукло. Оказалось, что не только, скажем, в США существуют такие крупные экономические совокупности, как, например, районы Нью-Йорка, Чикаго, Лос-Анжелеса и другие, но и в Советском Союзе есть мно-

[1] Новый мир. 1968. № 12.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 422.

гочисленные комплексные центры производителных сил: Западная Сибирь, Центр, Средняя Волга, Приднепровье и т. д.

Стало очевидным, что система планирования и управления, не полностью учитывающая это обстоятельство и оставляющая этим центрам лишь роль исполнителя директив, идущих сверху, не позволяет полностью использовать действительные возможности социалистической экономики, сдерживает темпы расширенного социалистического воспроизводства и потому подлежит совершенствованию.

В не меньшей мере на необходимость существенных экономических преобразований указывал ряд неблагоприятных тенденций, выявившихся в процессе выполнения семилетнего плана. Как известно, стал замедляться темп роста общественного продукта и особенно развитие такой важной отрасли экономики, как сельское хозяйство. Резко упала фондоотдача, т. е. выпуск продукции на каждую тысячу рублей стоимости производственных фондов.

Мы вкладывали ежегодно огромные ресурсы в новое строительство, расширяли производственный аппарат страны, но отдача с каждой единицы оборудования, производственной площади систематически сокращалась.

Серьезные нарекания стало вызывать качество продукции. Оно улучшалось медленно, и многие изделия — как средства производства, так и предметы потребления, — изготовленные на советских заводах, не только не достигали мирового уровня, но и все более от него отдалялись. В некоторых отраслях промышленности медленно повышалась производительность труда, а кое-где темп роста фонда заработной платы начинал обгонять повышение производительности труда. Наконец, с каждым годом все более очевидными и нетерпимыми становились недостатки в системе материально-технического снабжения предприятий.

В то время как общий объем запасов на складах и строительных площадках непрерывно рос, предприятия и стройки испытывали голод во многих и многих видах материалов, оборудования, инструментов и приборов. Самым обидным было то, что и изделия, лежавшие мертвым кладом, и те, в которых был острый недостаток, зачастую производились из одного и того же сырья и на одних и тех же предприятиях. Речь, следовательно, шла не о каком-то абсолютном дефиците, а о плохом знании действительной потребности народного хозяйства, в результате чего производили много ненужного и не изготовляли необходимое.

Какие же последствия вызывали все эти положительные и отрицательные явления, обнаружившиеся в ходе выполнения семилетнего плана? Потребовались ли кардинальные перемены в области техники и технологии производства? Нет, в решениях мартовского и сентябрьского Пленумов (1965 г.) ЦК КПСС нет указаний о том, как сеять пшеницу, выращивать скот, изготовлять металлы и ткани. Речь там все время идет об *экономике*, об экономических отношениях. Эти отношения, поскольку они экономи-

ческие, естественно, выражаются в каких-то показателях, нормах и нормативах.

Но почему выбраны именно данные показатели?

Скажем, почему отменен показатель валовой продукции и вместо него установлен показатель реализации?

Узкоэкономический ответ состоит в том, что «вал» не вызывает интереса к конечной судьбе продукта: главное — изготовить, а будут ли проданы изделия или нет — к «валу» это не относится.

«Вал» возрастает от одной лишь передачи изделия с предприятия на предприятие. Автомобильный мотор стоит, к примеру, триста рублей. Если моторный цех входит в состав автомобильного завода, эти триста рублей войдут в валовую продукцию завода. Если же моторы выпускать на отдельном заводе, то триста рублей в объеме валовой продукции отразятся дважды: в продукции и мотоpостроительного завода, и автомобильного. Возникал соблазн создавать иной раз излишние промежуточные звенья в производственной цепочке...

Вдумаемся в эти ответы: «вал» не создавал *интереса* к конечной судьбе продукта. Возникал *соблазн* иной раз зря создавать ненужные промежуточные производственные звенья.

Интерес. Соблазн. Уж не собираемся ли мы подменять деловую экономику туманной психологией? Эмоциями?

Остов реформы — и с этим все согласны — состоит в том, что при сохранении и усилении централизованного государственного управления экономикой существенно расширяются права предприятий, увеличивается возможность проявления ими самостоятельности, инициативы, предприимчивости.

Самостоятельность. Инициатива. Предприимчивость. Ни в одном учебнике по народнохозяйственному планированию или отраслевой экономике нет таких категорий. Нет колонок для их планирования и учета.

Что же получается: обнаружились совершенно конкретные, поддающиеся числовому выражению народнохозяйственные явления, а выводы из этого сделаны, меры приняты какие-то вроде бы и не «деловые» — расширена самостоятельность, повышена заинтересованность, усилена предприимчивость!

И вот тут, я думаю, мы начинаем подходить к сути дела.

II

Когда Владимир Ильич Ленин утверждал, что социалистическая революция может победить в одной отдельно взятой стране, конкретно говоря — в России, что именно он имел в виду, на что он рассчитывал?

Ему известен был и низкий уровень экономики, и почти поголовная безграмотность населения, и отсутствие ресурсов для быстрого развития производительных сил. Было ясно ему и то, что помощи от капиталистических стран ждать нечего — напротив, предстояла смертельная борьба с ними. Не приходилось надеяться и на

техническую интеллигенцию: она была и не так уж многочисленна, и в массе своей чуждалась революционного переустройства.

На что же рассчитывал Ленин, зовя партию и народ на вооруженное восстание? На несокрушимую поддержку масс, на их готовность идти на любые жертвы во имя победы социализма, на их способность выдвинуть тысячи и тысячи талантливых людей, которые смогут в короткий срок освоить культурное наследие прошлого и стать руководителями фабрик, заводов, банков, торговых объединений.

Почему он был уверен, что народные массы изъявят готовность бороться и умереть за победу социализма? Откуда, считал он, возникнет — и в короткий срок — подобная сознательность и решимость у неграмотных крестьян Сибири, европейского Севера, Закавказья и Белоруссии, у рабочих Урала и Донбасса, Иванова и Баку?

Из их жизненных интересов.

Да, крестьянин глухой дореволюционной деревни мог быть неграмотным и уж, конечно, не слышал о Марксе. Но он знал, что, пока землей будут владеть помещики, ему не видеть хорошей жизни, а его детям — батрачить; он понял, что землю, мир, грамотность, свободу и человеческое достоинство ему дадут лишь большевики, и потому шел за ними и умирал за революцию. Еще в большей мере это понимали заводские рабочие и фабричные работницы, шахтеры и грузчики. В этом был залог непобедимости революции. Этого так и не смогли понять высокообразованные Каутский, Плеханов, Мартов.

Впрочем, этого не понимали и те члены ЦК РСДРП (б), которые были против Октябрьского штурма, боялись его. Вооруженные статистическими выкладками и книжной премудростью, они не в состоянии были понять слов Маркса, приведенных в эпиграфе к этой статье: теория, овладев массами, становится материальной силой, и столь материальной, что опрокидывает армии четырнадцати стран-интервентов, внутреннюю контрреволюцию, преодолевает голод и разруху.

Но одной революционной решимости было мало. Самое гениальное в Ленине — научная трезвость, объективность, дальновидность. Многие революционеры верили в народ и звали его на баррикады. Так было до 1917 г., и так происходит в наше время в угнетенных странах. Но редко кто из них оказывается способным осознать то обстоятельство, что в основе революционного энтузиазма масс лежат их повседневные, «прозаические» жизненные потребности и интересы. И потому забота об удовлетворении этих потребностей и интересов должна составлять основу всей экономической политики победившего пролетариата, а апелляция к этим интересам, воздействие через эти интересы — основу экономического механизма построения социализма и коммунизма.

Ленин, созданная и воспитанная им партия коммунистов из этого исходили. Отсюда, из сочетания безграничного революционного энтузиазма и самоотверженности с трезвым деловым учетом

реальных общественных отношений,— отсюда «чудо» жизненности нашего советского общественного строя.

В самом деле, посмотрите, как сочетаются одновременно, казалось бы, различные и противоположные линии экономической политики:

крайняя разруха страны — и план ГОЭЛРО;

крайний недостаток предметов первой необходимости — и против уравниловки в потреблении;

«мы экономим на всем, даже на школах» — и требование установления высоких окладов специалистам;

борьба насмерть со всеми видами соглашательства с капитализмом — и политика иностранных концессий.

Подлинная научность марксизма-ленинизма в том и состоит, что он берет за исходное реальную, объективную действительность, не выдумывает ее, не выдает желаемое за действительное, всесторонне, диалектически анализирует реальные условия. Поэтому становится видной не только плоская поверхность явлений, но вся толща обстоятельств и условий. Возникает возможность увидеть в целом и единое, и борьбу составляющих его противоположностей, вскрыть законы развития и прогнозировать будущее.

Глубоко веря в народ, Ленин высмеивал тех социалистов, которые мечтали сперва вырастить каких-то стерильных, идеальных людей и «из них» строить социализм. Партия трезво смотрела фактам в лицо, но это не вселяло в нее пессимизма. Победа была гарантирована тем, что партия выражала неистребимые и неотвратимые жизненные интересы народа. Суть дела состояла в том, чтобы в конкретной экономической политике, с учетом реальных возможностей наилучшим образом удовлетворить эти интересы, понимая их в единстве: и как интересы сегодняшнего дня, текущего потребления, и как классовые интересы, требующие обеспечения экономической независимости страны, ее индустриализации, ее обороноспособности. Именно поэтому, как только кончилась гражданская война, в ход были пущены такие «прозаические» методы управления экономикой, как хозяйственный расчет, стали использоваться такие рычаги, как прибыль, кредит, премии и т. д.

Почему же понадобилась хозяйственная реформа?

III

Если бы интересы народа были однозначны или, лучше сказать, одинаковы, управление народным хозяйством, организация экономики были бы делом легким. Проблема в том, что к общей цели — строительству коммунизма — разные общественные группы трудящихся идут разными путями. И различие это вызвано опять-таки объективными причинами: исходным уровнем жизни, образованием, традициями. Суть правильной экономической политики, как нам представляется, в том и состоит, чтобы, не подавляя и не подстригая под одну гребенку многообразие различных интересов, напротив, создавая благоприятные условия для их развития, для

удовлетворения,— свести разные интересы в одно общее. Так, к примеру, поступает талантливый дирижер.

Следует признать, что на определенном этапе развития социалистической экономики в нашей стране внимание к интересам стало ослабевать. На первое место все более выдвигались тонны, кубометры, киловатт-часы и другие показатели работы предприятий. Понять причины трансформации нетрудно. Страна отставала на 50—100 лет от передовых капиталистических государств. Угроза военного нападения нависала тучей. Возникло желание поскорее преодолеть разрыв, «проскочить». Учет интересов, достижение необходимой цели через воздействие на интересы начали казаться сложной и медлительной системой. Приказы, директивы действовали вроде бы лучше, во всяком случае быстрее.

Постепенно экономические рычаги расшатывались. Сперва оторвались от реальных условий производства цены на сельскохозяйственные продукты. Потом на изделия тяжелой промышленности. К началу 30-х годов едва ли не вся тяжелая промышленность стала планово-убыточной, т. е. перешла на государственную дотацию. Чтобы сбалансировать доходы государства с расходами, были подняты вверх цены на предметы потребления. В некоторых из них налог с оборота превышал затраты на производство в 2—3 раза и более. Материальное поощрение стало эпизодическим и незначительным. Интерес к прибыли был в существенной степени утерян.

Коль скоро непосредственный интерес к совершенствованию производства у многих трудящихся и на ряде предприятия ослабел, пришлось заменить его детальным административным воздействием. Так в послевоенные годы появились на свет около полусотни директивных показателей, которые центр утверждал каждому предприятию, 330 тыс. нормативных актов, регулировавших экономику страны до реформы.

Разумеется, наше народное хозяйство непрерывно развивалось и вширь и вглубь, однако в годы семилетки значительно медленнее, чем объективно могло бы развиваться. Особенно с большим скрипом внедрялись технические новшества. Каждое из них требовало лимитов капиталовложений, дополнительных материалов и приборов, фонда заработной платы. Чтобы все это получить, надо было ждать очередного планового периода, включать в план и добиваться его утверждения. Сами планы намечались, исходя из фактически достигнутых результатов с примерно одинаковыми надбавками на рост из года в год. В результате в выигрыше оказывались те, кто сумел на каком-то этапе представить заниженный план, припрятать кое-какие резервы и затем исподволь пускать их в ход. Тот факт, что из сверхплановой прибыли в поощрительные фонды отчисляли примерно в 10 раз больше, чем из прибыли, полученной в пределах плана, в свою очередь, толкал ряд хозяйственников на занижение проектов планов. Иначе говоря, интересы человека, предприятия и общества в целом иной раз стали противоречить друг другу. Все это, вместе взятое, и привело

к тем отрицательным явлениям в развитии народного хозяйства в годы семилетки, о которых говорилось выше.

Стало очевидным — нужна реформа.

IV

Каков современный этап хозяйственной реформы?

На этот вопрос советские экономисты дают не просто два разных, а прямо противоположных ответа.

Одни из них утверждают, что реформа в промышленности завершится в нынешнем году: все предприятия начнут работать по-новому — будут переведены на новые условия планирования, управления и материального стимулирования. Другие, возражая им, говорят, что реформа рассчитана на многие годы и что в нынешнем году действительно на всех промышленных предприятиях будут изменены условия планирования, управления и стимулирования, но эти изменения отнюдь не исчерпывают существа реформы.

Следовательно, мы вновь подходим к вопросу о сути реформы.

Она состоит, по нашему мнению, в том, чтобы главной опорой в основе всей экономической политики, системы управления и планирования были интересы трудящихся. Решения Пленума ЦК КПСС и XXIII съезда партии о выдвижении на первый план экономических методов управления экономикой взамен административных мы и понимаем как подлинное восстановление в современных условиях ленинских принципов хозяйствования. А Ленин, как известно, учил нас, что подвести миллионы и миллионы трудящихся к строительству коммунизма нельзя непосредственно на революционном энтузиазме, а надо, используя революционный энтузиазм, делать это на основе личной материальной заинтересованности, на основе хозяйственного расчета.

При таком понимании сути хозяйственной реформы становится совершенно очевидным, что замена одних показателей другими, одного порядка образования поощрительных фондов другими не исчерпывает ни в малейшей мере содержания экономической политики нашей партии в период строительства материально-технической базы коммунизма, а образует лишь некоторые правовые, организационные и экономические предпосылки для работы по-новому. Действительная суть реформы состоит в том, чтобы вся система планирования и управления воздействовала на темпы и пропорции экономического развития через людей непосредственно, через создание у них эффективной материальной заинтересованности в ежедневном и ежечасном улучшении организации производства, повышении производительности труда и усилении режима экономии. Тем самым будет создана и непосредственная личная ответственность каждого рабочего и служащего, инженера и техника, колхозника и колхозницы за любой недостаток в работе предприятия, учреждения, организации.

Но интересы различны. И потому реформа, как мы полагаем, включает в себя многообразные направления, приемы и способы, и лишь их правильно скоординированная совокупность даст те результаты, которых мы вправе ждать от преобразований, проводящихся в настоящее время в нашей стране по решению партии.

Начнем с интересов трудящегося человека.

Но предварительно замечу, что с самых первых дней существования Советского государства целью всей его экономической политики было удовлетворение потребностей народа. Даже в самые тяжелые годы, когда на счету был каждый пуд хлеба, партия не одобряла «левацкого» аскетизма, а четко указывала, что держит курс на максимальное удовлетворение материальных и духовных потребностей людей. Миллионы квадратных метров жилых домов, десятки миллионов тонн пищевых товаров, изготовляемых ежегодно, сотни миллионов пар обуви и миллиарды метров тканей в год — лишь некоторые плоды линии партии в этой области. В чем же тогда *новый* подход? Да именно в самом *подходе*!

Разумеется, в любую из пятилеток, когда производили сталь, кирпич или сливочное масло, то все это шло людям, делалось для людей. Но счет шел от продукции: чтобы произвести столько-то продуктов, нужно столько-то людей. Новый подход, как нам представляется и состоит в том, что идти мы будем в наших планах уже не от товаров к людям, а от людей к плану размещения производительных сил, к темпам и пропорциям развития общественного производства. Разумеется, эти слова не надо понимать примитивно. Мы не предполагаем, что в колонках планов вместо продукции отдельных отраслей появится население страны, разбитое по полу, возрасту и национальности. В этих колонках по-прежнему будут стоять разнообразные виды продукции. И тем не менее подход к ним — и в этом суть реформы — пойдет от людей, и прежде всего от интересов отдельного человека, коллектива людей, предприятия.

Что главное в этих интересах?

Многочисленные социологические обследования дают поразительный по своей однозначности ответ на то, что важнее всего работающему человеку на любом посту — от вахтера до министра? Оказывается, больше всего ценится сам характер работы, по душе ли работа. Если человек делает то, что ему нравится, меньше усталость (и не «вообще» меньше, а совершенно точно, в определенном проценте, показываемом соответствующими приборами!), интереснее проходит время, лучше качество продукции, больше изобретений. Именно потому, мы уверены, труд и будет органической потребностью человека при коммунизме, что каждый будет заниматься тем делом, которое ему по душе.

Разумеется, когда речь идет о ста двадцати миллионах трудящихся, то устроить каждого из них так, чтобы он делал именно то, к чему у него склонности — дело очень сложное. Молодой человек живет в городе, где нет никаких предприятий, кроме, скажем, текстильных или консервных, а он мечтает об электронике или ра-

диотехнике. Человек освоил пятый разряд, хочет и может расти дальше, но на данном предприятии нет работы более сложной. Не повышать же разряд специально для данного работника! Семейные обстоятельства приводят иногда людей в такие районы, где они не могут применять свои силы и знания,— и речь идет вовсе не только, скажем, о женах военнослужащих. Можно долго еще перечислять множество причин, в силу которых сегодня, да и завтра не будет еще возможности предоставить *каждому* именно ту работу, к которой у него больше лежит душа.

Но если эту задачу нельзя решить для каждого, то это вовсе не значит, что ею не нужно заниматься вовсе. Для миллионов и миллионов людей ее можно решить уже сегодня и завтра, если только поставить эту задачу в качестве самостоятельной. Изучение жизни показывает, что в очень многих случаях первопричина пассивности, аморальных поступков, низкой трудовой дисциплины, брака, грубости и многих других огорчающих нас явлений — в недовольстве работой. И это недовольство не может быть погашено никакими дополнительными мероприятиями вроде участия в кружках самодеятельности, стрельбы из лука или коллективном сборе грибов при всем положительном значении этих и подобных им мер. Значит, составляя перспективный план развития предприятия на очередную пятилетку, надо думать не только о том, как будет использован каждый станок, каждый квадратный метр производственной площади и каждая тонна сырья, но — и в первую очередь — как будут удовлетворены стремления людей в каждом цехе и на каждом участке. На многих предприятиях Москвы, Ленинграда, Львова, к примеру, так и поступают.

Интересы трудящегося, далее, состоят в том, чтобы иметь возможность плодотворно, нормально трудиться в течение целого дня. В начале этого года в «Известиях» было опубликовано обследование группы молодых рабочих одного из луганских предприятий. Оказалось, что разболтанность на работе является прямым последствием перебоев в снабжении. Одна из работниц сказала, что ей полагается по норме обработать сорок восемь деталей. Соревнуясь с другими товарищами, она обязалась обрабатывать шестьдесят деталей. Однако из-за недостатка деталей ей выделяют на целую смену всего лишь двадцать одну. Работать треть дня не разрешают. Вот она и растягивает эту двадцать одну деталь на весь рабочий день, слоняется по цехам, разбалтывается сама и мешает работать другим. К сожалению, этот пример отнюдь не редкое исключение.

Последствия такой неорганизованности многочисленны и разнообразны. Разбалтывается человек, теряется чувство ритма и уважения к рабочему времени. «Почему я должен сегодня беречь каждую минуту, если на прошлой неделе я попусту терял часы?» Страдает заработок, и это очень болезненно сказывается на каждом из нас. Не лучше и в тех случаях, когда администрация тем или иным способом прикрывает простои и обеспечивает сохранение средней заработной платы. Тут, правда, нет непосредственно материального ущерба, но моральный урон куда больше и страшнее.

Между тем приходится признать, что недостатки в организации производства, штурмовщина и простои — все еще частые явления, в том числе и на тех предприятиях, которые перешли на новые условия планирования. Однако этого факта — наличия простоев и штурмовщины на предприятиях, работающих по-новому,— достаточно для того, чтобы видеть разницу между новыми показателями и сущностью реформы в целом.

Интересы трудящегося состоят в том, чтобы хорошо зарабатывать. Написав эти слова, мы четко представили себе оторопь и ужас на лицах некоторых читателей. Ведь многие из них искренне убеждены в том, что говорить о высоком заработке «стыдно», что это шкурничество и т. д. Нередко приходится слышать от начальников цехов и других средних командиров производства, что им попадает от начальства, если рабочие получают заработную плату выше, чем это представляется нужным начальнику отдела труда и заработной платы завода.

— У меня работает медник высочайшей квалификации,— рассказывает начальник одного цеха.— По существующим нормам и расценкам он зарабатывал около двухсот рублей в месяц. Высокое качество изготовляемой им продукции в значительной степени обеспечивает успешную работу всего цеха. Тем не менее ежемесячно у меня скандалы с главным бухгалтером и начальником ОТИЗ. «Что он, профессор у тебя, что ли?»— спрашивают они. «Да,— отвечаю им я.— В своем деле он профессор, а может быть, и академик».— «Смотри, останешься без премии».

Откуда эта боязнь высокого заработка, выведенного на основании существующих норм и расценок, добытого напряженным квалифицированным трудом? Прямо можем сказать: не от марксизма-ленинизма. Она — от мелкобуржуазного ханжества и лицемерия, которое может быть искренним и тем не менее остается немарксистским, вредным для дела.

Стремление к высокому заработку не имеет ничего общего со шкурничеством, это — естественное желание жить лучше, зарабатывая честным трудом. Потому наша партия всегда выступала, выступает и будет выступать против уравниловки, за то, что различия в оплате труда — экономически обоснованные — побуждают к повышению квалификации, укреплению трудовой дисциплины, росту изобретательства и рационализации, т. е. в конечном счете к повышению производительности общественного труда — самого важного и самого главного условия построения коммунизма.

Наконец, интересы трудящегося состоят в том, чтобы активно участвовать в управлении государством. Формы этого участия в нашей стране многочисленны: депутат местного Совета, член постоянного производственного совещания, участник группы народного контроля, общественного бюро экономического анализа и тысячи других. Чем больше таких форм, тем лучше, если только они не надуманны, а наполнены конкретным содержанием.

До реформы, когда все детали работы предприятия были рас-

членены соответственно показателям, утверждаемым в центре, роль предприятия зачастую сводилась к исполнению этих показателей и возможности для привлечения каждого трудящегося к участию в управлении были относительно ограниченными. Сегодня и тем более завтра нет уже никаких оснований для того, чтобы хоть один рабочий или служащий оставался в стороне от участия в управлении.

Следовательно, суть реформы применительно к отдельному трудящемуся, как нам представляется, должна состоять в том, чтобы решительно *каждый* чувствовал, что осуществляется новый подход, новые методы планирования, управления и стимулирования и чтоб это ощущение вытекало не только из передач по радио, из газет и политзанятий, но из реальных повседневных обстоятельств его трудовой деятельности.

Разумеется, подобный поворот в организации производства не может быть осуществлен ни в один день, ни в один год. Это ясно. Речь идет о том, чтобы подобное направление хозяйственной деятельности стало главным и постепенное, но неуклонное осуществление хозяйственной реформы проходило именно в таком направлении.

Следует сказать, что за годы, прошедшие после мартовского и сентябрьского Пленумов ЦК КПСС, по справедливости преимущественное внимание обращалось на область собственно хозяйственную. Но вот что говорят данные одного из опросов, проведенных на Луганском тепловозостроительном заводе, напечатанные в «Известиях» (1968. № 58). 405 рабочим был задан вопрос: «Что дала производству и вам лично экономическая реформа?» Ответы видны из таблицы.

Производству			Мне лично		
Увеличение продукции и прибыли	Мало, ничего	Не знаю	Увеличение заработка, премий	Мало, ничего	Не знаю
141	43	221	94	130	181

Если в Луганске на передовом промышленном предприятии в начале 1968 г. из 405 молодых рабочих 181 не знает, что дала реформа ему лично, и 221 — что она дала производству, а 130 и 43 считают соответственно, что либо им лично, либо производству реформа дала мало или ничего не дала, то тут есть над чем подумать.

V

Люди работают коллективами. Эти коллективы называются фабриками, заводами, шахтами, стройками, совхозами, колхозами, магазинами, ателье и т. д. У предприятий свои интересы, несколько отличные от интересов каждого отдельного трудящегося, но в ко-

нечном счете, разумеется, совпадающие с ними, ибо предприятие — это коллектив людей.

Предприятие заинтересовано в том, чтобы быть технически оснащенным по-современному; располагать здоровыми, удобными, красивыми условиями для работы; чтобы выпускать продукцию, на которую был бы повышенный спрос; чтобы получать за свои изделия медали, дипломы на выставках в нашей стране и за рубежом. Подобное стремление естественно у каждого коллектива, видящего смысл своей деятельности в удовлетворении блага народа, в повышении экономического могущества страны. До реформы материальные возможности каждого предприятия в области технического совершенствования были крайне ограниченны.

Реформа существенно меняет положение дел. Отныне на действующих предприятиях расширение и реконструкция будут производиться за счет собственных средств, с помощью в необходимых случаях долгосрочных кредитов банка. Это дает огромную возможность привлечения всего коллектива к творчеству в данной области. Как сделать завод современным, рациональным, красивым? В какой цвет окрасить оборудование, как его расставить, какие применить способы транспортировки, вентиляции, освещения? Какую иметь спецодежду? Может быть, она должна быть различной в разных цехах, для мужчин и женщин? Одним словом, речь идет о том, что подобно тому, как хозяева уделяют большое внимание своей квартире и каждой детали обстановки, подобно этому каждый рабочий и служащий может и должен быть кровно заинтересован в том, чтобы его предприятие создавало оптимальные условия для работы. Одновременно он будет заботиться и о том, чтобы своей работой дать больше прибыли, без наличия которой любые планы и пожелания останутся лишь на листах чертежей и в докладных записках проектов.

И опять-таки дело не только в том, что цех станет красивее, хотя и это важно. Одновременно произойдут — не могут не произойти — глубокие психологические изменения в сознании людей. Если в цехе чисто и если рабочий убежден, что и его труд помог заводу получить средства для этой окраски, то он будет беречь чистоту в цехе, поддерживать ее без всяких плакатов, уныло требующих уважения к труду уборщиц. Ведь не случайно же в московском метро чисто, хотя ежедневно им пользуются миллионы людей. Забота о чистоте стен по цепной связи вызовет заботу о рабочем месте, о сохранности инструмента, об экономии сырья, о недопустимости брака, о подтянутом внешнем виде. А подтянутый, собранный рабочий не будет сквернословить, его не потянет к выпивке.

Конечно, подобные рассуждения могут показаться вульгарно-примитивными, если их рассматривать в такой плоской связи, что мы сегодня с утра покрасим стены, а завтра все люди станут иными. Но читатель, наверное, догадался: имеется в виду отнюдь не столь примитивная взаимосвязь.

Интересы предприятия, так же как и каждого отдельного трудящегося, состоят в том, чтобы иметь возможность нормально рабо-

тать, иметь долгосрочную перспективу, разрабатывать экономическую и техническую тактику и стратегию. Многие виды производства, и не только машиностроение, не укладываются в годовой отрезок времени. Им нужно иметь «портфель» заказов и направление специализации на пять, а то и более лет вперед. Реформа дает для этого необходимые правовые основания. «Положение о предприятии» предусматривает стабильность планов и возможность внесения изменений в них лишь в редких случаях и только с согласия предприятия. К сожалению, это «Положение» нарушается слишком часто, и пока не слышно, чтобы виновные понесли за это взыскание. Следовательно, и здесь, в этой чрезвычайно важной предпосылке нового подхода к управлению производством, еще не произошли те изменения, которые необходимы, а без них замена одних показателей другими даст, разумеется, очень мало по сравнению с тем, что она может и должна дать.

Интересы предприятия требуют, чтобы у него были существенные фонды, и не только для развития, но и для удовлетворения социально-культурных потребностей, жилищного строительства, материального поощрения. Эти фонды не должны идти за счет уменьшения платежей в бюджет или вложений в капитальное строительство. Они — плод дополнительных усилий, возросшей производительности труда, улучшенной организации производства; они — часть той прибыли, которая получена, так сказать, из ничего, из того, что сегодня, а тем более вчера пропадало, портилось, вообще не производилось.

Как велики могут быть эти фонды?

Некоторых экономистов этот вопрос очень волнует и пугает: не дай бог, они будут чрезмерны. Такого рода страхи сродни боязни высоких заработков. В действительности, коль скоро соблюдаются интересы государственного бюджета и расширенного воспроизводства, фонды предприятия могут быть как угодно велики, и чем они больше, тем лучше: тем больше возможностей для повышения культурного уровня, для усиления морального и материального воздействия на каждого трудящегося.

А моральное воздействие — это не проповеди, не лекции и не призывы только. Моральное воздействие — это хороший совместный отдых, это стадионы и бассейны, турбазы и охотничьи хозяйства, дома отдыха и санатории, клубы и библиотеки, концертные и театральные залы. Чтобы полностью удовлетворить этими материальными средствами культуры миллионы людей, нужны миллиардные фонды предприятий. Их не надо бояться, так как образуются они из прибыли, а прибыль есть не что иное, как денежное выражение произведенных и проданных, т. е. оплаченных, материальных ценностей. Значит, за каждым рублем прибыли стоит полезная материальная ценность. Чем больше прибыли, тем больше этих ценностей, тем богаче наша страна, тем шире ее возможности удовлетворения духовных и материальных потребностей трудящихся.

Наконец, предприятие еще в большей мере, чем отдельные

трудящиеся, заинтересовано в том, чтобы практически участвовать в управлении народным хозяйством. Возможности для этого чрезвычайно велики и разнообразны. Разработка плана самим предприятием, всевозможные технические конкурсы, смотры, выставки; прямые связи с поставщиками и потребителями, научными учреждениями и вузами — таковы лишь некоторые из большого числа форм участия предприятий в управлении народным хозяйством. Следует сказать, что сейчас у нас пока еще лишь самые первые ростки этого несомненно могучего дерева, плоды которого будут обильны и высокоэффективны.

Совершенно очевидно, что предоставление наибольшего простора для удовлетворения интересов каждого трудящегося и каждого предприятия означает одновременно и обеспечение интересов народного хозяйства в целом, ибо интересы предприятия, трудящегося и хозяйства в целом в нашей стране едины.

Экономическая реформа именно потому и предусматривает в качестве плановых показателей реализацию продукции и прибыль, что через эти показатели самым непосредственным образом смыкаются все три вида перечисленных нами интересов. Реализация продукции и выражает как раз тот факт, что изготовлено именно то, что требуется потребителю в необходимом количестве и в нужный срок и что у потребителя имеются средства, чтобы оплатить поставленную ему продукцию. Иначе говоря, прозаическая операция оплаты счета (а счетов ежегодно в нашей стране оплачивается несколько миллиардов) показывает, что сработала многозвенная цепь, первый элемент которой — заявка потребителя, прошедшая через многочисленные плановые и хозяйственные звенья, а конечное звено — поставка продукции. Непрерывное «срабатывание» цепи — это лучшая характеристика планомерности и пропорциональности, ритмичности, слаженности и организованности гигантского, бесконечно разнообразного хозяйственного механизма страны.

VI

До сих пор речь шла о том, как реформа влияет на человека. А каким должен быть человек, чтобы соответствовать требованиям реформы, чтобы в наибольшей степени содействовать ее успеху?

Мне приходилось в течение последних трех лет много раз беседовать о реформе в самых различных аудиториях. Несмотря на разнообразие слушателей, поражало и огорчало одно обстоятельство: радуясь реформе, искренне желая, чтобы она наступила как можно ранее, некоторые товарищи в то же время ждали, что реформу для них сделает кто-то. Работники цехов адресовались к директорам предприятий, те — к начальникам главков, те — к министрам и т. д. Между тем совершенно очевидно, что подобное представление о роли и задачах человека в условиях реформы в корне противоречит самой сути экономической политики партии в современных условиях.

Не следует закрывать глаза на то, что переход на новые условия хозяйствования — дело сложное во всех разрезах: и техническом, и экономическом, и даже психологическом. Одно дело провозглашать в общей форме необходимость сочетания централизованного государственного планирования с широким предоставлением прав предприятиям и совсем другое дело — наладить тот экономический механизм, который повседневно обеспечивал бы оптимальное сочетание обеих задач, не давая перекоса в ту или другую сторону. На ходу приходится решать огромное множество сложных и разнообразных задач, чисто практических, чтобы от общих, хотя и правильных слов перейти к прозаическим, но необходимым делам.

Точно так же существует большая разница между «общим» пониманием необходимости перехода от фондированного материально-технического снабжения к обычной оптовой торговле средствами производства и реальным решением этой задачи.

Создать разветвленную сеть торговых предприятий, знать спрос на десятки тысяч видов средств производства, суметь одновременно обеспечить гибкость удовлетворения запросов потребителей и стабильность производственной программы производителей — эти и многие другие вопросы требуют огромного и напряженного труда, экспериментов, исправлений.

Наконец, не следует недооценивать и чисто психологические барьеры. Работники министерств и ведомств, плановых и финансовых органов за последние десятилетия привыкли к определенной системе работы. Она казалась им единственно правильной, и им не так-то просто переучиться и приспособиться к новым условиям. Все эти и многие другие трудности не следует ни преуменьшать, ни преувеличивать. Они будут преодолены тем быстрее, чем больше будет масса преодолевающих и чем энергичнее она будет действовать. Конечно, каждому неохота портить отношения с начальником главка, Министерством финансов, Госпланом и другими органами. Отсюда и желание подождать, пока кто-то, где-то, откуда-то за нас сделает реформу. Вряд ли нужно доказывать, что подобные настроения несовместимы с теми требованиями, которые сформулированы в решениях Пленумов ЦК КПСС, XXIII съезда партии и последующих документах, в которых выражено, в частности, содержание экономической политики в период построения материально-технической базы коммунизма.

Немало трудностей — экономических и психологических — имеется внутри предприятия. Десятилетиями хозяйственники привыкали к тому, что лучше при составлении плана быть осторожным, придержать кое-какие резервы, имея в виду возможность дополнительных обязательств. Да и сама система материального поощрения, когда, как уже говорилось, от сверхплановой прибыли давали в 10 раз больше премий, чем от плановой, невольно толкала на некоторое сдерживание резервов.

Ныне обстановка меняется. *Формально* в условиях реформы

выгоднее раскрыть все резервы в процессе составления плана, так как от прибыли, полученной по плану, отчисления в премиальные фонды куда выше, чем от сверхплановой прибыли. И тем не менее анализ показывает, что и до сих пор многие предприятия не раскрывают всех возможностей, которые в действительности имеются. В чем тут дело?

Действуют факторы психологические. Сложившиеся десятилетиями привычки не могут быть преодолены сразу. Но дело не в них только и, может быть, даже не главным образом в них. Дело в том, что и сегодня еще предприятие не уверено в том, что не будет подвоха со стороны поставщиков или транспорта, что не будет изменения плана и дополнительных заданий со стороны министерства. А раз так, то лучше иметь план поменьше, но выполнить его наверняка, чем вложить все резервы в план, при его выполнении получить действительно несколько больше премий, но зато при срыве (а от него сегодня полной гарантии нет еще) остаться вовсе на бобах.

Между тем, не преодолев этого, мы не получим от хозяйственной реформы всего того, что она призвана дать. Дело ведь в том, что плановому народному хозяйству сюрпризы ни к чему. Плановому народному хозяйству нужно заранее знать, что, где и когда будет произведено. Иначе станки, изготовленные с предельным напряжением, будут месяцами лежать на строительных площадках, так как не созданы условия для их монтажа. Скрывая резервы при составлении плана, а затем в середине года выявляя их фактически или в обязательствах, предприятия дают меньше эффекта народному хозяйству, чем оно получило бы, если бы все возможности были известны с самого начала, в момент составления плана.

Нам кажется, что из всех требований, предъявляемых реформой человеку, особенно хозяйственнику, самое первичное — это необходимость смотреть на свое предприятие глазами потребителя его продукции. Нам не раз уже приходилось цитировать книгу «Для всех и для себя», написанную известным авиаконструктором О. К. Антоновым. Среди многих правильных мыслей и афоризмов, содержащихся в этой книге, один из них представляется нам наиболее важным. О. К. Антонов предлагает, полушутя-полусерьезно, дополнить, а может быть, и заменить показатель себестоимости продукции показателем «тебестоимость». Он хочет этим сказать, что достоинство продукта должно измеряться не только тем, во что он обошелся производителю, но главным образом тем, какую выгоду от него получит потребитель, т. е. народное хозяйство. Опыт развития народного хозяйства показывает, что иная «экономия» разорительнее любого расточительства. В современных условиях, когда технический прогресс предъявляет к материалам, механизмам и приборам необычайные требования в смысле прочности, точности, надежности, удобства использования, скорости и т. д., оправданы любые затраты производителя, если они компенсируются дополнительными выгодами для народного хозяйства в целом.

К сожалению, многие хозяйственники совершенно не обучены такому подходу к делу. Предстоит своего рода реформа, переориентацию требований к производству. На столе у каждого директора-поставщика должна быть наиболее подробная последняя информация о нуждах потребителя, о его пожеланиях и требованиях. Потребитель всегда прав — этому предстоит обучить не только продавцов в магазинах, но и хозяйственников всех рангов, без исключения.

Наконец, совершенно нетерпимы в современных условиях такие «методы» работы, как включение в план «липовой» продукции, выдача фондов или нарядов на заведомо несуществующие материальные ценности, помпезные обязательства, заведомо невыполнимые, и т. д.

Мужество требуется не только космонавтам и подводникам. Не меньше его — правда, в другой форме, может быть, незаметной,— нужно и работнику Госплана, чтобы отказать в удовлетворении заявки, пусть даже самой необходимой и неотложной, если нет реальных возможностей для ее удовлетворения, если включение ее в план приведет к диспропорциям, к дезорганизации какого-то участка народного хозяйства.

Об этой стороне дела, о требованиях, предъявляемых к экономисту, о требованиях, которые можно сформулировать в виде темы «Экономика и этика», у нас говорится очень мало, а делается в этой области еще меньше. Между тем в условиях централизованного народнохозяйственного планирования и руководства, когда судьба десятков и сотен предприятий в немалой мере может зависеть от отдельного сотрудника Госплана или Министерства финансов, вопрос об их ответственности, об их этических нормах, нравственной устойчивости и принципах становится непосредственно экономическим вопросом.

Не только теория становится материальной силой, но материальные результаты и последствия определяются нравами, обычаями, складывающимися отношениями. Если по-прежнему останутся безнаказанными действия тех работников плановых и других органов, которым подчас ничего не стоит включить в план заведомо нереальные задания и фонды, то экономические и социологические результаты реформы будут не вполне такими, какие нужны нашему обществу и на какие оно вправе рассчитывать.

Таким образом, оказывается, что в проблеме «человек и реформа» дело не только в том, чтобы обратить конкретное содержание реформы к интересам и потребностям каждого человека, но и в том, чтобы каждый человек подтянулся и оказался готовым и достойным тех требований, которые ему предъявляет реформа.

Как же развить качества, черты и нравы, нужные человеку в условиях реформы? Как экономист, я укажу лишь на экономические факторы, которые могут тут сыграть важную роль. Это все те же знакомые нам материальные рычаги — поощрение и ответственность. Существенное материальное поощрение при правиль-

ной его организации настроит интересы каждого человека и каждого предприятия таким образом, чтобы в максимальной степени удовлетворять требованиям реформы. Ощутимая материальная ответственность — неотвратимая и гласная — будет подхлестывать всех тех, кому неохота расставаться с прежними навыками и приспосабливаться к новым условиям. Но это вовсе не значит, повторяю, что все способы воспитания сводятся к рублю. Просто разговор сейчас идет на тему сугубо экономическую.

VII

К идее хозяйственной реформы в нашей стране настороженно относилось немало людей, настороженно относятся они и к ее осуществлению.

Общеизвестно, что мартовскому (1965 г.) и сентябрьскому (1965 г.) Пленумам ЦК партии предшествовала активная дискуссия, в которой участвовали хозяйственники, экономисты, философы — тысячи людей. В ходе ее сталкивались между собой различные мнения и взгляды. Некоторым не по душе были намечавшиеся изменения, и они, не скрывая, говорили об этом. В обмене противоположными мнениями — и смысл дискуссии. «Моя партийная совесть не позволяет мне голосовать за прибыль»,— сказал один видный экономист, и он, несомненно, был искренен, полагая, что охраняет чистоту социалистического общества от опасности буржуазного грехопадения.

Критиков необходимости реформы можно разделить, несколько условно, может быть, на «теоретиков» и «практиков».

«Теоретики» — это преимущественно та часть преподавателей политэкономии, которые, к сожалению, оторваны от практического хозяйствования, десятилетиями не бывают на предприятиях, не знают реальной жизни, но хорошо разбираются в текстах и цитатах. Они утверждали и продолжают утверждать, что при социализме невозможны и не нужны товарно-денежные отношения. Что продукция наших предприятий — это не товар, а деньги — лишь расчетные знаки, необходимые для калькуляции, для учета. Что касается прибыли, материального поощрения и других элементов социалистического хозяйствования, то к ним «теоретики» относятся с большим подозрением, и, будь в их власти, они давно свели бы их на нет. Свою позицию они обосновывают некоторыми работами Маркса и Энгельса, а также высказываниями В. И. Ленина в первый период Советской власти, до перехода к нэпу.

Известно, что основоположники марксизма — Маркс и Энгельс — не предполагали, что социалистическая революция может начаться в отдельной стране, которая в течение сравнительно длительного периода будет существовать в капиталистическом окружении одна. Видимо, они полагали, что социализм прежде всего победит в наиболее промышленно развитых странах. При таком прогнозе исторической перспективы они считали, что пе-

реходный период от капитализма к социализму будет, вероятно, не очень длительным и сложным, а общество через некоторое время сможет перейти к организации производства и распределению материальных благ, не прибегая к помощи денег и товарно-денежных отношений.

Правда, излагая таким образом взгляды Маркса и Энгельса, мы несколько упрощаем, огрубляем их. Но мы поступаем так потому, что именно подобным образом воспринимают взгляды Маркса и Энгельса теоретические противники хозяйственной реформы. В действительности же у основоположников марксизма есть немало высказываний относительно того, какую роль сыграет кредит, в частности, в построении социалистического общества. А ряд высказываний говорит о том, что взгляды Маркса и Энгельса не были столь категоричны в вопросе о товаре и деньгах, как его излагают указанные нами экономисты.

Что касается высказываний В. И. Ленина, то действительно на заре Советской власти и особенно в период военного коммунизма, когда обстоятельства вынуждали перейти к непосредственному распределению в натуре скромных материальных ресурсов, имевшихся в распоряжени Советского государства, В. И. Ленин допускал возможность введения прямого продуктообмена, исключающего товарно-денежные отношения. Приводя эти высказывания Ленина, политэкономы, о которых идет речь, не говорят почему-то о том, что к концу гражданской войны В. И. Ленин на основе подлинно марксистского анализа развития народного хозяйства пришел к выводу, что «красногвардейской атакой» капитализма не взять, что необходим более медленный, но зато более реальный и, несомненно, успешный путь к построению социализма, а именно с использованием торговли, финансов, кредита и др.

Начиная с 1921 г. В. И. Ленин ни разу не возвращается более к мыслям о возможности строительства социализма вне использования товарно-денежных отношений. Напротив, с огромной настойчивостью и целеустремленностью он приучает партию и советский народ к мысли о необходимости научиться торговать, о значении хозяйственного расчета, прибыли, рентабельности, о том, что деньги нам нужны надолго, и т. д.

Но беда «теоретиков» состоит не только в том, что они произвольно приводят одни цитаты и опускают другие. Антимарксистский характер их методологии выражается в том, что они напрочь отмстают полувековой опыт строительства социализма в нашей стране, а также опыт развития других социалистических государств. А этот опыт дает совершенно категорический ответ: всякие попытки сузить использование закона о стоимости и товарно-денежные отношения, перепрыгнуть через этап, когда они нужны, приносят громадный ущерб делу развития социализма. И напротив, гибкое, продуманное комплексное использование товарно-денежных отношений в сочетании со всеми другими элементами экономической политики Советского государства приносит социалистической экономике быстрые и явные успехи.

Отрыв от жизни и неспособность извлекать уроки из практики хозяйственного развития приводят к тому, что и на четвертом году хозяйственной реформы есть экономисты, продолжающие упорно и однообразно повторять уже приевшиеся азы, настороженно относиться к проводимым в нашей стране мероприятиям и использовать любой повод для того, чтобы возбудить недоверие к экономическим методам управления. Стоит только какому-нибудь предприятию и тем более отрасли перевыполнить план по прибыли на несколько процентов больше, чем план производства продукции в натуре, как сразу же ставится вопрос об ослаблении плановой дисциплины, торгашеском стремлении к накоплению и т. д. Как ни печально, но эту часть экономистов убедить в необходимости и пользе хозяйственной реформы, видимо, не удастся: практический опыт они не усваивают, а цитаты, которыми они обосновывают свои взгляды,— увы!— измениться уже не могут.

Что касается «практиков», то их опасения по поводу реформы вызваны ее новизной, непривычностью к новому способу хозяйствования. Ведь до 1965 г. было так удобно: каждая деталь в работе предприятия предписывалась из центра, все подлежало согласованию и увязке. Был порядок. А каково теперь, когда самому предприятию надо решать большинство вставших перед ним проблем?!

Анализ деятельности наших предприятий за три года показывает, что далеко не все практические работники перестроились на деле. Многие из них, вопреки твердой воле партии и правительства, продолжают работать по-старому, будто не было ни Пленумов ЦК, ни XXIII съезда партии.

Почему они так поступают и как быть дальше?

Позволю себе привести пример из собственной практики. Несколько лет назад в Московском институте народного хозяйства имени Г. В. Плеханова к каждой лаборатории был прикреплен технический работник: к одной — электрик, к другой — столяр и т. д. В своей лаборатории у каждого из них работы было мало, обслуживать «чужие» лаборатории они отказывались. Проще всего было бы объединить всех этих работников в одну бригаду и обязать ее обслуживать весь институт. Этой «реформе» воспротивился работник Министерства финансов РСФСР, ведающий финансированием вузов. Мотив? Не полагается. Казалось бы, если руководству института доверяют обучение и воспитание 14 тыс. студентов, то, пожалуй можно доверить и управление десятком столяров, слесарей и т. д. На такой довод мы получили красноречивый ответ: «Если Министерство финансов будет передоверять такие дела вузам, все развалится...».

Совершенно очевидно, что люди, в течение нескольких десятилетий воспитывавшиеся в таком вот духе, искренне убеждены, что всякое проявление инициативы приведет к краху народного хозяйства, и всеми силами стараются его не допустить, тормозя эту инициативу, создавая на ее пути бюрократические рычаги.

Сложнее обстоит дело с теми сторонниками централизован-

ного государственного руководства экономикой, которые допускают проявление инициативы со стороны предприятий, но считают, что руководство народным хозяйством должно осуществляться лишь методами, которые применялись в 30—50-х годах.

Такие хозяйственники и работники экономических органов полагают, будто плановое развитие экономики возможно лишь при утверждении народнохозяйственного плана во всех деталях. При этом в течение года раз пять, а то и чаще план меняют. И делается ведь это не по злому умыслу. И при централизованном планировании бывают огрехи, ничего не поделаешь. Дело в другом: инициатива предприятия, по мнению таких хозяйственных руководителей, должна проявляться именно в том, чтобы выполнить план при любых меняющихся обстоятельствах.

Сторонники подобной организации управления социалистическими предприятиями обидятся, если им сказать, что трудящимся они отводят роль «винтиков» в хозяйственном механизме, но в действительности дело обстоит именно так. Реформу они проводят искренне и ревностно, но по своему разумению, т. е. вместо одних показателей утверждают другие, уровень рентабельности определяют по отношению не к себестоимости, а к стоимости фондов. Требования предприятий менять *стиль* взаимоотношений считают блажью, которая скоро пройдет, а разговор о совершенствовании производственных отношений — «философией», т. е. делом, недостойным серьезных людей.

Как быть тут? Полагаем, что таким товарищам следовало бы серьезно изучить политическую экономию социализма, основы социологии и социальной психологии. Им необходимо объяснить объективную неизбежность построения материально-технической базы коммунизма в условиях товарно-денежных отношений, убедить их в том, что хозяйственный расчет не просто метод управления предприятиями, а единственно возможная система социалистического хозяйствования; что государственные предприятия — товаропроизводители, определенным образом обособленные, и что их отношения с государством — экономические, а не только административные; что деньги — не счетный знак, облегчающий калькуляцию и учет, а форма стоимости; что прибыль — не унаследованный нами от капитализма подозрительный пережиток, а обобщающий показатель эффективности хозяйствования и основной источник ресурсов для расширения воспроизводства и т. д.

Подобно тому как ранее партия поставила перед большевиками в качестве важнейшей задачи овладение техникой и успешно решила ее, в наши дни необходимо поставить и решить задачу обучения хозяйственников, партийного и профсоюзного актива предприятий экономике, научному управлению, современным производствам, социологии. Решать такую задачу нужно по-государственному, а не эпизодическими лекциями в конце рабочего дня и семинарами раз в месяц.

Еще серьезнее обстоит дело с объективными основами волюнтаризма.

Было бы неверно думать, что в плановых органах и министерствах сидят люди, которые только тем и заняты, что создают трудности предприятиям. Дело, разумеется, не только в косности отдельных работников, в привычке к определенным приемам работы. Проблема состоит в том, что по своей сути планирование не имеет и не может иметь тех жестко определенных параметров, которые существуют в технике.

Когда конструктор создает машину определенной мощности, то он совершено точно знает, какой ему нужен материал по прочности, стойкости и т. д. В экономике подобная точность невозможна. Даже при полном расцвете математических методов в экономике никакие ЭВМ сами не смогут решить, какой из возможных вариантов должен быть принят, так как, кроме экономической выгоды, существуют политические, национальные, стратегические, исторические, социологические и другие факторы, которые не могут быть сброшены со счетов. Поэтому субъективный фактор никогда не будет исключен в экономике.

Следует иметь в виду еще одно обстоятельство. Неисчислимые природные богатства страны и огромные возможности повышения эффективности производства в результате модернизации фондов вызывают неослабевающее стремление у хозяйственников получать ассигнования на капитальное строительство и строить. В каждом отдельном случае обоснования эффективности капитальных вложений действительно выдающиеся, и «жаль» упустить возможность их реализовать. Отсюда большой нажим «снизу» на Госплан в части лимитов на строительство. Не всегда удается до конца противостоять этому натиску. Тогда в ответ на излишние (против реально возможных) капитальные вложения для их обеспечения в плане производители строительных материалов и оборудования получают задания, также не полностью обеспеченные материально.

Образуется заколдованный круг.

Дело осложняется и тем, что принимающий решения хозяйственный руководитель еще не в полной мере несет ответственность за свои решения. Если в результате неразумной перестраховки возникнет дефицит лезвий для бритья или вследствие необоснованного оптимизма магазины будут завалены швейными машинами, то уровень и условия жизни соответствующих работников министерств и главков не изменятся. Это обстоятельство имеет исключительное значение, и им нельзя пренебрегать.

Означает ли сказанное, что социалистическое общество бессильно против проявлений волюнтаризма? Ни в коей мере! Следует лишь проанализировать опыт истекших 50 лет и сделать из него правильный вывод.

На наш взгляд, этот опыт, рассматриваемый сугубо экономически, свидетельствует о том, что все попытки изжить волюнтаризм одними административными мерами или заклинаниями ничего не дают. Сотни фактов убеждают нас в том, что нужно действовать экономическими методами — заставить хозяйственные

органы компенсировать полным рублем тот ущерб, который они причинили предприятиям нарушением их прав, своей плохой работой. Разумеется, здесь неуместно решать, в каких случаях, за счет каких фондов эти органы могут осуществлять такую компенсацию; это вопросы практические, финансовые, легко разрешимые. Пусть сперва убытки покрываются за счет министерства или главка (а счет не бездонный!). Затем, естественно, появится необходимость затронуть и зарплату конкретных виновных лиц. Полезно напомнить, что В. И. Ленин требовал конфискации имущества руководителей трестов, допустивших убытки, и передачи государству выручки от продажи этого имущества. Реформа должна перевоспитать тех хозяйственников, которые медленно приспосабливаются к новым условиям развития экономики. Предприятия получат устойчивую базу для широкого привлечения масс к участию в управлении. Сказанное, разумеется, ни в малейшей мере не умаляет роли моральных, организационных и политических форм и методов воздействия и воспитания.

VIII

В заключение несколько слов о «человеках», интересующихся нашей реформой за рубежами Советского Союза. Как следует из предыдущей фразы, имеются в виду не друзья СССР и не те объективные исследователи, которые пытаются разобраться в существе экономической политики нашего государства на современном этапе. Речь идет о тех буржуазных экономистах и пропагандистах, которые используют любой шаг в развитии нашей страны для того, чтобы клеветать на социализм, активизировать антикоммунизм и пытаться ловить рыбу в замутненной ими же воде.

Общеизвестно, что переход к экономическим методам управления народным хозяйством вызвал подъем антисоветской клеветы во многих буржуазных странах. Вывод — обыкновенный, знакомый нам уже полвека: марксизм потерпел крах, Советский Союз, мол, восстанавливает прибыль, потому что капиталистические методы хозяйствования оказались неистребимыми.

Что действительно беспокоит этих экономистов и пропагандистов — это большие потенциальные возможности, заложенные в реформе, быстрый рост экономики Советского Союза — как экономического потенциала страны, так и уровня жизни народа. Чем дальше, тем чаще подобные нотки вырываются сквозь зубы «специалистов» по советской экономике. Тут ничего не поделаешь, нам придется их все время огорчать. Те огромные успехи, которые принесла реформа нашему народному хозяйству за последние три года, это еще даже не цветочки, за которыми следуют ягодки, это только самые первые всходы, которые дали экономические методы хозяйствования, выражающие интересы каждого трудящегося. Однако такие всходы достаточно наглядно показывают, какой урожай ждет нас впереди. Именно это обстоятельство сильнее всего тревожит дальновидных экономических обозревателей солидных буржуазных газет и журналов.

* * *

Мы закончим этот очерк, пожалуй, тем же, с чего его и начали. Самое главное, коренное преимущество нашего социалистического общества перед капиталистическим состоит, как уже говорилось, в органическом единстве интересов каждого человека, каждого предприятия и страны в целом. В истории человечества не было еще подобного общественного строя. Это единство интересов превратилось в гранитную стену, о которую разбились на заре Советской власти все попытки ее врагов уничтожить советский строй.

Хозяйственная реформа в еще большей мере, чем когда бы то ни было до этого, создает условия для того, чтобы интересы трудящихся проявлялись и удовлетворялись в наиболее полной мере, и притом так, чтобы индивидуальные и коллективные интересы гармонически переплетались и сливались в единый общий народный интерес. Само собой разумеется, что столь большое и сложное дело, как хозяйственная реформа, не может осуществляться без сучка и задоринки и не может дать полного эффекта за два-три года. Нас не должны смущать никакие частные недостатки и срывы, более медленное, чем хотелось бы, решение каких-либо вопросов. Это вполне естественно и неизбежно при решении задачи столь многогранной и сложной. Зато важно другое: переход к новым условиям хозяйствования происходит неотвратимо, расширяясь и углубляясь, накапливается опыт, отсеивается неверное, ненужное и утверждается прогрессивное.

САМАЯ БЛАГОДАРНАЯ ЗАДАЧА [1]

Можно лишь поражаться прозорливости тех, кто предложил утвердить строгую надпись «Ленин» на фронтоне Мавзолея. Действительно, любая попытка более подробно выразить величие и значение Ильича привела бы к обратным результатам — неминуемо оказалась бы суженной какая-либо сфера его деятельности, обойденной какая-либо грань. С каждым годом, с каждым десятилетием мы убеждаемся в этом все больше, какой бы области мы ни коснулись.

Вот и теперь: проводимая в нашей стране экономическая реформа, по единодушному мнению, представляет собой осуществление ленинских заветов в области экономики, развитие ленинских принципов хозяйствования в новых условиях. Необходимое на новом этапе оружие партия берет из арсенала ленинизма. Каждый раз, решая кардинальные проблемы строительства коммунизма, партия советуется с Лениным.

...Для успешного управления необходимо, *кроме* уменья убедить, кроме уменья победить... уменье *практически организовать* [2].

В. И. ЛЕНИН

I

Разумеется, немыслима попытка в одной статье коснуться всех вопросов, разработанных Лениным даже применительно к народному хозяйству. Ограничимся одним из них — организацией управления народным хозяйством, памятуя, что данную сферу Ленин считал самой трудной во всей области управления. Многократные указания Владимира Ильича относительно того, что управление после обобществления средств производства есть прежде всего воздействие на экономические отношения, общеизвестны, нет нужды их приводить вновь. «И это — самая благодарная задача, ибо лишь после ее решения (в главных и основных чертах) можно будет сказать, что Россия стала не только советской, но и социалистической республикой» [3].

Выбор для рассмотрения данной проблемы не случаен. Мы глубоко убеждены в том — и попытаемся убедить читателя,— что дальнейшее совершенствование организации *управления* экономикой представляет собой то звено, ухватившись за которое мы

---

[1] Новый мир. 1969. № 12.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 173.

[3] Там же.

быстрее и эффективнее двинем все дело хозяйственной реформы, так как затруднения, ощущаемые в ходе реформы, вызваны прежде всего и больше всего нерешенностью ряда проблем, относящихся к управлению. «С сожалением приходится отмечать, что львиная доля потерь на предприятиях, стройках связана с недостатками в управлении» [4],— пишет первый секретарь Омского горкома КПСС В. Демченко.

В документах Пленумов ЦК КПСС и XXIII съезда партии подчеркивается, что суть реформы — в выдвижении на первый план экономических методов руководства народным хозяйством. К ним, как известно, относятся: прибыль; материальные поощрения и санкции; самофинансирование потребностей расширенного воспроизводства предприятиями из ресурсов, накопленных в результате хозяйственной деятельности; воздействие на предприятия через тарифную систему, цены, процентные ставки, через методы финансирования и кредитования и др.

Но пришлось ли, проводя реформу, менять что-либо в экономической природе этих категорий, в отношениях собственности, во взаимоотношениях социалистической экономики с экономикой капиталистических стран? Нет. Все осталось незыблемым, неизменным. Сегодня, как и прежде, денежные накопления наших предприятий состоят из прибыли и налога с оборота, выражающих стоимость прибавочного продукта, созданного в процессе производства. Незыблемы основы оплаты труда, ценообразования, монополия внешней торговли, обобществление средств производства.

Что же преобразила реформа? *Методы использования* экономических рычагов. Потому в партийных решениях экономическая реформа и характеризуется как новый *подход* к управлению народным хозяйством, новые способы решения одной и той же задачи — строительства коммунизма.

Акцент на проблемы управления может вызвать возражения, сводящиеся к тому, что экономические отношения, интересы мы замещаем вопросами организационными, чуть ли не административными. Но так ли понимал Ленин управление народным хозяйством? Он писал: «Главное, чего нам не хватает,— культурности, уменья управлять» [5]. И далее: «10—20 лет правильных соотношений с крестьянством и обеспечена победа в всемирном масштабе» [6]. И далее: «Никто не может нас погубить, кроме наших собственных ошибок» [7].

Итак, имеются все необходимые предпосылки, чтобы построить социализм; имеется *возможность*, которую предстоит превратить в *действительность*. Для этого необходима правильная политика партии и Советского государства, правильные *действия* пар-

---

[4] Известия. 1969. 20 авг.
[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 416.
[6] Там же. Т. 43. С. 383.
[7] Там же. Т. 42. С. 249.

тийных организаций и государственных органов, без чего самые лучшие намерения так намерениями и останутся. Иначе говоря, как писал Ленин, необходимо, отвоевав Россию, ею управлять [8].

Что же *конкретно* вкладывает В. И. Ленин в понятие управления?

За последние пять—семь лет в нашей стране достигнуты значительные успехи в развитии науки об управлении. Она признана «законнорожденной». Включены в научный оборот довольно богатые и интересные, хотя во многом наивные и устаревшие разработки 20-х и начала 30-х годов. По-деловому изучается зарубежный опыт. Появились кафедры и научные советы, занимающиеся проблемами сбора и использования информации, организации делопроизводства. При некоторых вузах созданы так называемые «деловые школы» — факультеты, призванные готовить администраторов в области экономики, начинается научная разработка основ штатного дела, иерархии управленческих органов. Очень многообещающи, хотя еще далеки от практического внедрения различные автоматические системы управления (АСУ).

Невозможно переоценить значение этой работы и назвать все направления эффекта, который она, несомненно, даст в ближайшем будущем. Беда лишь в том, что энтузиасты-«управленцы» к перечисленным делам сводят все ленинское наследство в области управления, что — как мы попытаемся показать — приносит практический ущерб.

Но сперва выясним: придавал ли организатор Советского государства значение этой, так сказать, административно-технической стороне проблемы управления?

Громадное! Десятками можно назвать выступления — от речей до кратких записок,— посвященные борьбе с волокитой, установлению контроля за выполнением поручений, личной ответственности работников за порученное дело и т. д. Вряд ли где еще так беспощаден стиль, безграничен гнев, неумолима ирония, как при столкновениях с расхлябанностью, безответственностью, казенным равнодушием! Во всех этих явлениях Ленин усматривал не только личные недостатки тех или иных людей, но и возможную форму сопротивления революционным преобразованиям, форму саботажа со стороны свергнутых классов. Организации учреждений, определению обязанностей сотрудников и множеству других чисто административных вопросов Владимир Ильич придавал чрезвычайно большое значение, так как разболтанность хотя бы одной «шестеренки» мешала становлению новой государственной машины в целом [9].

Упомянем также часто цитируемые слова Ильича, характеризующие дельного экономиста: вместо «общих» рассуждений он выясняет причины надостатков и намечает пути их устранения. И Ленин добавляет: «Дельный администратор, на основании по-

---

[8] Там же. Т. 36. С. 172.

[9] Там же. Т. 38. С. 96—102, 171.

добного изучения, предложит или сам проведет перемещение лиц, изменение отчетности, перестройку аппарата и т. д.» [10].

Таким образом, не приходится отрицать значение административно-технической стороны организации управления. Но к этому ли сводится дело? Неужели только штаты, делопроизводство и тому подобное имел в виду Ленин, указывая, что для построения социализма нам не хватает «только» умения управлять?

II

Одним из важнейших доводов врагов партии (и колеблющихся внутри нее) против ленинского курса на социалистическую революцию в России был низкий культурный уровень трудящихся масс, отсутствие специалистов, согласных перейти из лагеря капиталистов и помещиков в лагерь пролетариата и помогать строить государство и экономику нового типа. Ленин снимал это возражение полностью. Придавая громадное значение государству как орудию осуществления задач диктатуры пролетариата, он видел выход в том, чтобы сразу, немедля передать дело управления в руки рабочих и крестьян. Их революционный энтузиазм и практическая сметка должны были в какой-то мере возместить отсутствие опыта даже в таких «тонких» делах, как руководство банками, налаживание дипломатических отношений с капиталистическими государствами, организация обороны страны. Ни в малейшей мере не идеализируя трудовой народ, не «выдумывая» его, абсолютно чуждый какой бы то ни было маниловщине, великий стратег пролетарской революции был твердо убежден в наличии в народе тысяч и тысяч талантов, которые капитализм мял и душил и которые способны расцвести при Советской власти [11].

Проследите практические действия Ленина при каждом затруднении — военном ли, продовольственном, топливном. Они однозначны: обращение к народу. Ленин находил выход из мучительно трудного положения в создании красногвардейских или продовольственных отрядов, в коммунистических субботниках. Так же подходил он к проблеме кадров для органов управления и видел возможность удесятерения государственного аппарата в привлечении трудящихся к повседневной реботе управления государством. И отнюдь не потому, что управлять легко и просто. Как известно, наладить в масштабе народного хозяйства учет и контроль — а это лишь некоторая часть работы по управлению — Ленин считал более трудным, чем прогнать капиталистов и помещиков.

Но дело не только, так сказать, в подборе кадров. Привлечение каждого трудящегося к повседневному участию в управлении государством Ленин связывал с самой сущностью социалистического строя.

---

[10] Там же. Т. 42. С. 345.
[11] Там же. Т. 35. С. 195.

Что есть социализм?

Это, по Ленину, не только определенный, довольно высокий уровень материального производства, не только обобществление средств производства, но и непременное участие трудящихся в управлении производством, всей страной. Даже не участие — такое слово недостаточно,— а *осуществление* управления самими трудящимися. Социализм — это самоуправляющееся через государство общество трудящихся. И Ленин озабочен тем, чтобы в составе руководящих партийных и государственных органов была значительная прослойка людей, непосредственно работающих у станков, на производстве. Более того, он считает необходимым, чтобы рабочий день каждого трудящегося был разбит на две части: одна — производству, другая — управлению [12].

Актуальны ли сегодня эти слова? Состав работников государственного аппарата и органов хозяйственного управления принципиально изменился сравнительно с началом 20-х годов. Значительная часть хозяйственников и служащих происходит из рабочих и крестьян или дети рабочих и крестьян. Наша советская интеллигенция в корне отлична от буржуазной интеллигенции. В составе административно-управленческих работников значительна партийно-комсомольская часть.

Так вот в этих условиях, в конце 60-х годов, актуальны ли слова Ленина о необходимости повседневного участия каждого рабочего и крестьянина в управлении? [13] Совместима ли подобная задача с возросшими профессиональными требованиями к работнику исполкома местного Совета, банка, сотруднику заводоуправления? Теряет ли наше народное хозяйство от того, что мы пока далеко не в полной мере выполнили данный ленинский завет?

Для ответа на поставленные вопросы обратимся к жизни.

III

Под рубрикой «Деревня сегодня» газета «Известия» опубликовала 2 августа с. г. статью С. Ярмолюк «Пойми человека». Стержень статьи в том, что на определенном уровне обеспеченности материальное стимулирование начинает терять свою эффективность. Журналист пишет: «И когда по привычке колхознику просто говорят: «Поработай подольше — больше получишь», он все чаще отвечает: «А мне хватает...»».

Должен сказать, что от ряда районных работников на Украине и Северном Кавказе я еще раньше слышал подобное, но не придавал этому значения. Когда же явление привлекает к себе внимание газеты, да еще под столь многозначительной рубрикой, оно требует осознания.

Во избежание кривотолков сделаю небольшое отступление. Ни автор статьи в «Известиях», ни пишущий эти строки не

---

[12] Там же. Т. 36. С. 141.

[13] Там же. Т. 36. С. 202, 147—148.

перескакивают через этап, не считают решенными все проблемы повышения уровня жизни и не страшатся, что вот-вот наступит пресыщение. Требуется немалое время и громадные усилия всего советского народа, чтобы обеспечить каждую семью современной квартирой и в достатке предметами необходимости. Значение материального стимулирования, сочетаемого со стимулами моральными, не только не ослабевает, но на протяжении многих лет будет возрастать и усиливаться. И все же совершенно очевидно, что по мере дальнейшего повышения уровня жизни широких слоев трудящихся наряду с материальным стимулированием для непрерывного повышения производительности труда потребуются — и будут усиливаться — другие стимулы, порожденные социалистическими производственными отношениями. Какие же?

С. Ярмолюк сформулировала их, на наш взгляд, очень верно. Нам придется подробно процитировать:

«Если задуматься — что, в самом деле, обещается колхознику в будущем? Еще больший достаток, большие удобства? В общем все в том же плане материального благополучия, сытости. А не мало ли человеку только этого?.. Давно отмечалось, что люди способны проникаться общественным духом гораздо в большей степени, чем принято предполагать. И как бы ни вел себя человек внешне, что бы ни наговорил в сердцах, не привык и не хочет он быть «одиноким отшельником»... Ему предлагают поработать лишние часы, обещая лишний рубль или пять, а человеку, кроме того, нужна возможность выбрать профессию, применить свои знания, показать в конце концов, на что он способен. Хочется самостоятельнее мыслить, разнообразнее жить. Но ему зачастую преподносят готовые решения, а на сложный вопрос дают формальный ответ.

...Вот с такими проблемами пришлось столкнуться в этом хорошем колхозе. Пока они остро стоят лишь в немногих хозяйствах, но завтра могут стать общими. И тогда совместными усилиями несомненно найдется их разумное решение. Но надо ли ждать до той поры? Научное управление обществом как раз и состоит в том, чтобы предвидеть сложные вопросы и искать ответа на них заранее».

Вот как диалектически повернулась проблема самоуправления за полвека существования Советского государства! Да, отпала надобность привлекать трудящегося к контролю за чиновниками-саботажниками. Да, аппарат управления наш, советский. Но из самих производственных отношений, из самих успехов социалистической экономики во весь рост поднимается необходимость участия работника в управлении как фактора дальнейшего повышения производительности его труда. На определенном этапе развития экономики — и передовые предприятия, естественно, к нему ближе остальных — ее дальнейшее преуспевание попросту не может быть достигнуто лишь совершенствованием технологии, повышением квалификации и возрастанием заработка. Оказывается необходимым пустить в ход такие «не относящиеся к делу» отно-

шения, как участие коллектива в приеме и увольнении работников, выборе форм и порядка поощрения. Отражая и выражая указанную объективную необходимость, партия придала особое значение дополнению экономического планирования социальным. Требование дальнейшего совершенствования производственных отношений проходит красной нитью через все партийные документы последних лет. Повседневное участие в управлении выдвигается в качестве конкретного, реального и прикладного способа дальнейшего повышения эффективности общественного производства.

IV

Подойдем теперь к рассматриваемому вопросу еще с одной стороны. Займемся так называемым ленинградским экспериментом. Суть его изложена в трех номерах «Правды» (11, 12, 14 мая с. г.), откуда и почерпнуты приводимые в данном разделе статьи цифры и факты *.

Так вот, стандартный инструмент для собственных нужд в Ленинграде изготовляют свыше полутораста заводов, «свои» участки пластмасс имеют 76 предприятий, ремонтом станков в городе заняты 600 цехов и участков, изготовлением литых заготовок — 270 цехов (в основном мелких, в среднем менее 100 рабочих на один цех), сварных конструкций — 58 таких же мелких цехов. Из-за распыленности производства искусственно образуется нехватка рабочих и хуже используется оборудование: на заводе имени Лепсе коэффициент сменности за последние три года уменьшился с 1,52 до 1,31, а на заводе «Редуктор» — с 1,24 до 0,91. И таких заводов в Ленинграде не один, не два. Естественно, что потери огромны. Каждый токарный резец, изготовленный на заводе имени Егорова, обходится в 12 раз, а на заводе «Редуктор» — в 22 раза дороже, чем на специализированном предприятии.

Подгоняемые спросом на продукцию, отраслевые министерства проектируют дальнейшее строительство и расширение кустарных предприятий и производств, а если и намечают специализацию, то опять-таки «свою», внутриотраслевую, не учитывающую наличие других фабрик и заводов в городе. Применительно к отдельному производству каждое такое намерение безусловно благое. А сведенные воедино, они приносят горькие плоды.

Под руководством партийной организации в Ленинграде начата большая комплексная работа, рассчитанная до 1980 г., по специализации предприятий исходя из возможностей и потребностей города как единого целого. Обеспечение литьем, поковками, инструментом и другими массовыми «тыловыми» изделиями будет

---

* *Примечание ред.* В 1969 г. в Ленинграде была принята комплексная программа совершенствования машиностроения. Суть ее состояла в глубокой специализации и всесторонней кооперации машиностроительных заводов города. Цель эксперимента — повышение фондоотдачи и производительности труда в этой важнейшей отрасли промышленности.

организовано на оптимальных основах и независимо от ведомственной подчиненности предприятий. Подсчеты специалистов показывают, что затраты окупятся в два-три года, а затем народное хозяйство ежегодно будет получать дополнительно десятки миллионов рублей прибыли «из ничего», лишь от ликвидации бесхозяйственности. Осуществление намеченной программы идет не очень гладко, но об этом речь впереди. Сейчас нас занимает другое.

Тактически усилия ленинградцев сосредоточены на том, чтобы рационально координировать работу предприятий своего экономического района. Недаром слова «экономический район» многократно приводятся в упомянутых статьях в «Правде». При осуществлении координации приходится преодолевать многие трудности, препираться с министерствами по множеству мелких поводов, и для устранения в дальнейшем подобных трудностей необходимо выяснить в целом вопрос об экономических районах, о взаимоотношениях внутри них, о наиболее эффективной организации управления.

Объективный процесс развития производительных сил означает неизбежность дробления наук, отраслей производства на все более мелкие подразделения. Подобно тому как насчитывается 19 «химий» и 15 «физик», имеется свыше 60 подотраслей машиностроения, 15 подотраслей текстильной промышленности, 25 — пищевой и т. д. Организационно отпочкование производств сопровождалось в нашей стране разделением в 30-х годах ВСНХ на большое число наркоматов с еще большим количеством главков.

Углубление и специализация руководства отдельными подотраслями, давая громадный положительный эффект, сопровождаются одновременно распадом единых территориальных совокупностей на отраслевые коридоры, «пеналы». Были случаи, когда баржа выгружает в Московском порту привезенный из Горького металл и тут же грузит *такой* же металл для горьковских предприятий другого министерства. Особенно разбухают тылы: снабженческие и сбытовые органы, ремонтные и транспортные службы, изготовление инструмента и т. п. Многократные проверки выявляли наличие в таких городах, как Свердловск, Челябинск, Куйбышев и другие, по 300—400 снабженческих организаций в каждом. Средняя площадь склада в Ярославле составляла 20 кв. м; легко представить себе размер накладных расходов на каждую тонну груза.

Не подлежит сомнению тот факт, что в гигантской стране с необычайно сложным и разветвленным производственным аппаратом управление экономикой не может быть построено только по отраслевому признаку. Оно должно содержать в себе организационные подразделения, отражающие территориальные взаимосвязи и взаимоотношения. Иначе — громадные потери. Совнархозы и родились из этой объективной потребности. Они наметили и в какой-то мере осуществили много полезного в укрупнении и

специализации предприятий, «расселении» научных учреждений, комплексном использовании природных богатств и другом.

Совнархозы показали экономику СССР в территориальном плане, и оказалось, что в нашей стране за годы Советской власти выросли многочисленные производственные центры, каждый из которых представляет собой совокупность промышленности и строительства, сельского хозяйства и торговли, транспорта и бытовых услуг: Западная Сибирь, Приднепровье, Северо-Запад, Центр и т. д. Стало очевидным, что этим экономическим районам под силу вершить большие дела, и это должно быть учтено при организации управления экономикой. Побывайте в любом городе и в любой области — и вам покажут многие добрые дела, осуществленные совнархозами.

Однако с самого своего рождения совнархозы в том виде, как они были созданы, были обречены на скорую смерть, так как они пытались заменить собой отраслевые министерства и главки, т. е. «отменить» разделение труда и специализацию, вызванные объективным процессом развития производительных сил. Конечно, в каждом совнархозе были отраслевые управления. Но в масштабе всей страны отрасли «были утеряны». Появилось несколько «черных металлургий»: уральская, приднепровская, Центра и др. Стала невозможной единая техническая политика, распались единые нормирование, калькулирование, учет. *Замена* отраслевого принципа управления территориальным вместо их *сочетания* себя не оправдала. Еще раз подтвердилась старая истина: недостатки суть достоинства, перешедшие за нужный предел. Попытки подправить дело путем образования отраслевых государственных комитетов ничего не дали, так как реальных прав комитеты не имели и совнархозы их не слушались.

В решениях сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС и XXIII съезда партии четко сформулировано требование сочетать отраслевое управление с территориальным. Создаваемые министерства, указывается в решениях партии, не должны копировать методы работы министерств, существовавших до 1957 г. Предстояло усилить роль республиканских и областных плановых органов. Большие надежды возлагались на межобластные (примерно в границах экономических районов) плановые комиссии: свободные от «текучки», от повседневных забот, они должны были разрабатывать глубокие перспективные планы развития экономики. Первые успехи «ленинградского эксперимента» вновь показывают, как важно добиваться эффективного сочетания обоих принципов управления — отраслевого и территориального.

Почему же так необходим территориальный принцип одновременно с отраслевым? Узкоэкономический ответ состоит в том, что лучше загружаются станки, сокращаются перевозки и т. д. Однако это не вся правда. Допустим, что с помощью автоматических систем управления (АСУ) через несколько лет окажется возможным в Москве, в Госплане Союза, иметь информацию о производственных мощностях всех крупных экономических районов и оп-

тимально распределять производственную программу без оглядки на ведомственную подчиненность предприятий. Такое допущение не является фантастическим. Отпадет ли в подобных условиях потребность в привлечении к участию в планировании местных органов?

Достаточно так поставить вопрос, чтобы стало очевидным — участие местных плановых и других органов, местных Советов и партийных организаций, самих предприятий необходимо не потому, что они лучше знают свои возможности (это тоже важно), а потому, что планирование и организация управления экономикой не сводятся к подбору цифр и лучшей их раскладке по клеткам. Речь идет о творчестве. Машина в процессе экономического творчества никогда не заменит человека; самые разработанные и отточенные математические программы не уменьшают роли таланта в экономике.

Территориальный принцип управления экономикой необходим потому, что он создает необходимые организационные формы для включения инициативы миллионов трудящихся в определение производственных мощностей, норм расходов и запасов, оптимальных вариантов организации производства и т. д. Не только каждый рабочий, колхозник, служащий, но и их организации (Советы, профсоюзы, общества изобретателей, бюро экономического анализа и многие, многие другие), сопоставляя, варьируя, экспериментируя, находят все новые и новые резервы. Эти резервы рождаются в самом процессе их поисков!

Дело идет успешнее, когда моральный стимул переплетается с материальным — если львиная доля доходов местных бюджетов поступает в виде отчислений от денежных накоплений предприятий, расположенных на территории Совета (плата за фонды, налог с оборота, лесной доход, фиксированные и рентные платежи и др.). Тогда возможность открыть дополнительно еще один детский сад ставится в какую-то зависимость от качества работы родителей.

Но и это еще не все и даже не главное. Само привлечение миллионов трудящихся к участию в управлении делает их физический труд неизмеримо более одухотворенным, повышает их самосознание и рождает такие импульсы, которые и представить себе нелегко. Начинается цепная реакция активности. Сегодня, скажем, приняли мое предложение о лучшей загрузке станка. Завтра я на своем рабочем месте, у станка, работаю с большей ответственностью, с возросшей хозяйской заботой.

Маркс указывал, что одно только объединение работников в помещении мануфактуры рождает дополнительную производительность труда, проистекающую из самого существа человеческой натуры. Но то, что верно для неграмотных и эксплуатируемых пролетариев XVIII в., во сто крат более применимо к рабочему классу, колхозному крестьянству и советской интеллигенции. Участие в самоуправлении — и не только на уровне предприятия, но и в районных и городских хозяйственных органах, комиссиях, бригадах — раскрывает широкие двери для отдачи на пользу об-

щества гигантского опыта, обширнейших познаний, накопленных миллионами людей и далеко еще не полностью нами используемых. Поэтому сочетание отраслевого и территориального принципов управления не сводится лишь к координации работы учреждений, а требует привлечения к повседневному участию в управлении миллионов трудящихся.

Сказанное не означает, что организационные мероприятия могут заменить экономические интересы, а участие в комиссии — премию. Не противопоставлять, а — сочетать!

Таким образом, мы приходим к выводу, что управление экономикой объективно требует одновременного и равноправного участия в планировании и в организации выполнения плана как отраслевых министерств, так и территориальных общегосударственных органов (местные Советы и их функциональные отделы и комиссии). Равноправность подчеркивается, так как опыт отраслевых государственных комитетов до 1965 г. и зональных плановых комиссий после 1965 г. подтверждает неэффективность учреждений, не имеющих власти: басня насчет кота и повара не устарела.

Практически это значит, что в крупных промышленных центрах при исполкомах Советов должны быть органы, обязанные и имеющие права делать ту крайне необходимую работу, которая получила название «ленинградского эксперимента». Проблема эта слишком важна, чтобы ее решение зависело лишь от инициативы местных организаций и соотношения сил между ними и отраслевыми министерствами.

Два возражения очевидны.

Первое состоит в том, что «вертикальная» и «горизонтальная» стороны никогда между собой не договорятся. Кто будет арбитром? Госплан СССР и Госпланы союзных республик: в их составе имеются и отраслевые, и территориальные подразделения. Думается, что арбитры потребуются лишь в «пусковом периоде». Совместная работа быстро родит общий язык, так как разногласия-то ведь не антагонистические и спорят между собой советские люди, равно заинтересованные в успехе общего дела. Жизнь подтверждает сказанное. Участвующее в ленинградском эксперименте Министерство приборостроения, средств автоматизации и систем управления активно содействует успеху работы. Оно представило детальные предложения министерства на 1971—1975 гг. по каждому предприятию своей отрасли. Эту отраслевую проектировку требуется «наложить» на территориальный вариант, чтобы получить комплексный оптимум. В процессе его нахождения обе стороны, естественно, будут корректировать свои исходные позиции.

Второе возражение имеет более принципиальный характер — возрастут штаты. Кроме министерств и отраслевых главков появятся еще какие-то звенья управления: начальники, плановики, машинистки.

Принципиальный характер этого возражения состоит в том,

что сам подобный подход представляется в корне неправильным.

При решении штатных вопросов мы до сих пор, к сожалению, частенько руководствуемся так называемым здравым смыслом, согласно которому чем учреждение имеет меньше сотрудников, тем лучше. Ссылаются при этом на Ленина: он требовал, чтобы государственный аппарат был дешевым. Но Ленин говорил иначе: «дешевым и эффективным» [14].

Если посмотреть данные, скажем, за последние десять-двадцать лет, то во всех странах, и в том числе в СССР, наблюдается увеличение числа служащих государственного аппарата, а на предприятиях — инженерно-технических работников. Растет численность сотрудников научно-исследовательских институтов. Можно, разумеется, привести примеры излишеств в штатах того или иного НИИ или сослаться на надуманность некоторых учреждений, но, очевидно, это не объясняет глобальной тенденции. А она противоречит «здравому смыслу», как, впрочем, и идея, что не Солнце обходит Землю, а Земля вращается вокруг дневного светила.

Чем же руководствоваться специалистам по штатным делам? Очевидно, эффективностью, плодами работы того или иного органа управления. Если создание, к примеру, в Ленинграде специального полномочного органа по специализации промышленности даст в год дополнительных накоплений столько-то миллионов рублей, а содержание этого органа обойдется во столько-то тысяч рублей, то промедление с созданием этого органа неоправданно. Точно так же неоправданно сокращение численности вспомогательных рабочих, если их работу начинают выполнять квалифицированные станочники, или исключение из штатного расписания стенографисток и лаборантов и тому подобная «экономия», приносящая ущерб по меньшей мере 1 : 10. Не подлежит сомнению возможность большого сокращения численности работников аппарата управления. Но лишь при условии создания научно обоснованной структуры управления и комплексной механизации и автоматизации управленческого труда.

Создание территориальных органов управления экономикой в дополнение к отраслевым поможет выполнить еще один ленинский завет в области управления.

Известно, что В. И. Ленин был резким противником анархосиндикализма, всякого рода партизанщины. «...Полным отказом от социализма,— писал он,— является всякое, прямое или косвенное узаконение собственности рабочих отдельной фабрики или отдельной профессии на их особое производство, или на их права ослаблять или тормозить распоряжения общегосударственной власти...» [15]. Ленин указывал, что без централизованного руководства социализма не построить. Но не менее известно, что Ленин требовал демократического централизма. Единство в основном, в главном должно, по Ленину, сочетаться с недопущением губи-

[14] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 405.
[15] Там же. Т. 37. С. 422.

тельного шаблона, чиновничьего однообразия, бюрократической «стройности».

Привлечение самых широких слоев трудящихся к управлению народным хозяйством имеет много форм.

На самом предприятии сюда относится участие каждого работника — непосредственно и через общественные организации — в повседневном руководстве деятельностью цехов, отделов, служб. Было б утопией в данной статье расписывать, каким образом токарь *А* или слесарь *Б* могут принимать участие в направлении работы бухгалтерии или планового отдела. Жизнь найдет и подскажет необходимые формы. Но внимание следует обратить на то, что планы социального развития, составляемые на предприятиях, как раз вопросы самоуправления нередко обходят. Требование партии о дополнении экономического планирования социальным на многих фабриках и заводах выполняется таким образом, что кроме обычных производственных показателей утверждаются: программа по повышению квалификации коллектива, сеть социально-культурных учреждений, мероприятия по улучшению бытового обслуживания и др. Но нет планов постепенного и неуклонного вовлечения коллектива в работу по управлению предприятием.

Наши слова сказаны не в упрек составителям планов. Дело это новое, его значение громадно. Мы хотим лишь привлечь внимание к возникшему пробелу и тем помочь его устранению. Разве нельзя попытаться — по годам и проблемам — наметить, когда и в какой последовательности отдельные вопросы станут компетенцией не только директора, начальника цеха, мастера, но и производственного совещания, группы народного контроля?

Конечно, дело это — архитонкое и сложное. Спешка и соревнование — «кто раньше» — здесь недопустимы. В этом нас убеждает переоценка роли народных дружин, имевшая место несколько лет тому назад. Но действовать необходимо, памятуя, что без поисков не будет и находок.

Если от предприятия перейти к поселку, городу, то возникает проблема отношений между предприятием и местным Советом.

Сегодня их взаимоотношения нельзя считать оптимальными. Директора крупных предприятий порой пропускают мимо ушей требования и пожелания местных органов власти. Достаточно вспомнить о загрязнении воды и воздуха, о мелких заводских электростанциях в пределах ряда городов и т. д. Местные Советы редко обсуждают работу, скажем, металлургического или машиностроительного завода, обычно в поле их зрения лишь предприятия бытового обслуживания. А между тем в составе депутатов Совета есть передовые металлурги и машиностроители; они могут помочь советом и критикой не менее, чем работники главка.

Конечно, вряд ли местный Совет займется текущей хозяйственной деятельностью предприятий союзного и республиканского значения; речь идет не об этом. Имеется в виду забота Советской власти на местах обо всем, что находится на ее территории, и реальная ответственность за качество работы предприятий.

Большой и самостоятельный вопрос — интересы предприятия и интересы города — также подчас решается «по вертикали». И тогда возникают «встречные перевозки» детей в ясли и сады из конца в конец города, закрытые для «чужих» клубы и стадионы, неоправданная растянутость транспортных и других коммуникаций и многие другие беды.

И наконец, отношения между местным Советом и главком, министерством. Во всех тех случаях, когда, по мнению Совета, действия отраслевого руководящего органа наносят ущерб предприятию, Совет должен располагать точными, законом предусмотренными методами вмешательства. Разумеется, могут быть случаи местничества. И речь не идет о предоставлении Советам права «вето».

Какие изменения в указанной сфере общественных отношений произошли в ходе осуществления реформы? Крайне незначительные и далеко не всюду. Есть ли хоть одно решение Междуведомственной комиссии, где рассматривались подобные проблемы? Да и члены этой комиссии будут, несомненно, удивлены самим предъявлением к ним подобных претензий! Но тогда, следовательно, новый подход к экономике, которого требует партия, нередко заменяется новыми показателями планирования и стимулирования...

В одной из статей в «Новом мире»[16] я приводил данные социологов о том, что значительная часть рабочих в начале 1968 г. имела смутное представление о сущности и значении реформы. За истекшие два года многое, разумеется, изменилось, но, конечно же, не все. В чем причина? Давайте проследим детально ход реформы на каком-то условном предприятии. Опубликованы решения сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, резолюции XXIII съезда партии. Сеть партийного просвещения, газеты, радио и телевидение разъясняют содержание реформы, возбуждают к ней интерес. Каждый видит существующие в работе недостатки, внутренние резервы. До реформы возможностей повлиять на улучшение работы было недостаточно. Теперь их должно стать неизмеримо больше. Требуется новый подход к работе.

Многое действительно изменилось. Вместо абстрактного «вала» судьбу плана решает реализация продукции. Значит, выдавай продукцию ритмично, хорошего качества. Выросли премии, появился фонд развития предприятия. Здания и оборудование перестали быть даровыми: за них нужно платить государству. Все это понятно, правильно и импонирует хозяйскому чувству каждого подлинного труженика.

Но появился ли новый подход? Тут изменений все еще мало. Содержание собраний, производственных совещаний, организация социалистического соревнования и другие формы и способы управления изменились далеко не достаточно. Верно, в обязательствах появились новые показатели, усилилось внимание к качеству продукции, появилась забота о прибыльности. Но весь стиль вза-

---

[16] См.: Новый мир. 1968. № 12.

имоотношений внутри предприятия и за проходной — «климат» экономических отношений — еще не могут нас удовлетворить. Подчас на первый план выдвигаются такие проблемы, которые по самой сути своей не привлекают к себе массового внимания. Не могут же, в самом деле, миллионы людей волноваться по поводу того, взимать плату за фонды с первоначальной или с остаточной стоимости оборудования!..

V

Учение Ленина об организации управления общественным производством в услових строительства социализма содержит в себе не только указание о роли масс, но и *способах* их привлечения к управлению.

Основным и решающим преимуществом социализма перед капитализмом является единство интересов — каждого трудящегося, каждого коллектива трудящихся и социалистического общества в целом. Это единство покоится на обобществлении средств производства, ликвидации эксплуатации, направлении всех материальных и духовных ресурсов социалистического государства на удовлетворение непрерывно растущих потребностей народа *. В монолитности социалистического общества великий создатель нашей партии и нашего государства видел залог непобедимости Советского Союза; залог достижения более высокой, чем при капитализме, производительности труда и на этой основе — полной и окончательной победы в экономическом соревновании социализма с капитализмом.

При этих предпосылках суть и назначение экономической политики социалистического государства состоят в создании оптимальных условий для проявления каждым трудящимся, каждым предприятием, каждым районом страны максимума производственной и общественной активности; в координации действий отдельных предприятий и придании им той целеустремленности и научной направленности, без которых при современном уровне развития производительных сил нечего и думать о достижении успеха в развитии экономики. Сочетание обоих исходных начал развития социалистической экономики — инициативы и управления — Ленин определил как демократический централизм [17]. Соблюдение его требований принесло успехи экономике СССР, а нарушение — с любой стороны — крупные экономические провалы в некоторых других странах.

Энтузиазм, вызванный победой революции,— указывал В. И. Ленин,— не мог быть единственным рычагом, поднимающим миллионы и миллионы людей на повседневный самоотверженный труд [18]. На базе революционного энтузиазма должна была быть приведена в действие глубоко продуманная, научно обоснован-

---

* *Примечание ред.* Статья отражает принятую в 60-е годы терминологию.

[17] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 152.

[18] Там же. Т. 44. С. 151.

ная система материального поощрения и материальной ответственности, охватывающая каждого человека и каждое предприятие. Ленин успел заложить основы такой экономической системы. Под названием хозяйственного расчета она вошла в теорию и практику социалистического хозяйствования.

Почему же потребовалась реформа?

Потому, что за прошедшие десятилетия постепенно накопился груз отдельных недостатков в формах, методах, способах планирования, стимулирования и управления предприятиями; административные методы управления стали преобладать над экономическими, форма — над содержанием. Экономические рычаги, отодвинутые на второй план, мало-помалу атрофировались: цены оторвались от уровня общественно необходимых издержек производства и обращения; в условиях фондированного снабжения упала роль хоздоговоров и платежной дисциплины; появилось много убыточных, и в том числе планово-убыточных, предприятий; была взята под сомнение «благонадежность» прибыли как экономической категории; эффективность премий и санкций существенно снизилась. В результате происходящих процессов в хозяйственном расчете, как указал сентябрьский Пленум ЦК КПСС, стало много формализма, его действенность ослабла.

Как известно, сентябрьский Пленум ЦК для преодоления сложившихся недостатков выдвинул на первое место экономические методы управления народным хозяйством. В чем они состоят? Их экономическая сущность была рассмотрена в предыдущей статье [19]. Сечас мы займемся организационной стороной.

Из сказанного выше следует, что управлять экономическими методами — значит создать оптимальные организационные условия для того, чтобы индивидуальные интересы слились с общественными: интересы человека, предприятия и общества в целом, не утрачивая своих объективных особенностей, работают друг на друга, питают друг друга.

Нам думается, что это может быть достигнуто через показатели, в которых выражено задание государства предприятию и трудящемуся, через систему стимулов и санкций, посредством которых экономически оценивается и поощряется выполнение программы. Что изменилось в указанном механизме за годы реформы? В какой мере прогрессивны происшедшие изменения?

Основными стали показатели реализации продукции и рентабельность, отражающие потребность общества в изготовленных изделиях и эффективность процесса производства и обращения продукции. Значение этого шага невозможно переоценить, хотя жизнь, естественно, потребует дальнейших шагов. Однако дело не доведено до конца: ведь реализовать можно лишь то, что произведено, а показатели производства не всегда удачны. В печати не раз указывалось, что установление металлургическим, многим машиностроительным и химическим предприятиям задания в тон-

[19] См.: Новый мир. 1968. № 12.

нах наносит ущерб народному хозяйству. В подавляющей массе проката нужен не вес, а площадь; от оборудования требуется не массивность, а мощность, а от минеральных удобрений — количество полезного вещества. Точно так же не отвечают духу реформы оплата сельских механизаторов с гектара, выражение программы транспортных организаций в тонно-километрах, оплата услуг сбытовых органов с оборота и др.

Особенно неудовлетворительно измерение важнейшего из всех экономических показателей — производительности труда. Нет нужды напоминать о значении роста производительности труда. Между тем как раз в этой обасти успехи реформы, пожалуй, самые скромные, если верить статистическим данным. На необходимость преодолеть отставание в области производительности труда указывается во всех относящихся к экономике документах Центрального Комитета партии и правительства.

Но как измеряется ныне производительность труда? Делением стоимости произведенной продукции на отработанное время. Допустим, что перед нами две швейные фабрики, абсолютно тождественные во всем, что определяет подлинную производительность труда. Но первая шьет платья из ситца, а вторая — из шерстяных тканей. Статистика показывает, что производительность труда на второй фабрике выше, чем на первой. И если стоимость метра ситца, допустим, 2 руб., а шерстяной ткани — 30 руб., то разница в производительности труда будет примерно как 2 : 30. Как же в таких условиях добиваться замены цветных металлов пластмассами, внедрения заменителей?

Сторонники существующего показателя отводят подобную критику ссылкой на то, что в целом по отрасли не бывает крутых изменений в составе сырья, а взаимные отклонения цен вверх и вниз погашаются... Но что такое «в целом» в масштабах СССР? Дальше будет показано, во что обходится народному хозяйству отсутствие научного измерителя производительности труда.

Не все благополучно и с рентабельностью. Требование рентабельности понимается иногда формально.

Ограничимся тремя примерами. В ряде совхозов Казахстана при определении характера специализации отказались от овощеводства, откорма свиней, кур, так как эти участки хозяйства сами по себе были убыточны. Но исключение таких вспомогательных видов деятельности затруднило полную загрузку работников, ухудшило их снабжение. В результате усилилась текучесть кадров, упала рентабельность основных культур, страна стала получать не только меньше мяса, овощей, но и пшеницы. Таковы плоды неправильного понимания рентабельности. Хозяйский же подход требует совокупного счета по совхозу в целом. Впрочем, и издательства аналогичным образом подходят к рентабельности книг...

Второй пример касается железнодорожного транспорта. Чтобы дорога «в целом» выглядела хорошо, ее управление манипулирует доходными ставками низовых хозрасчетных подразделений:

снижает ставки у получивших большую прибыль и повышает менее рентабельным. О чем говорит в таких условиях прибыль, полученная отделением дороги? И есть ли стимул улучшать работу? Примерно так же поступают нередко в торговых организациях: перераспределяют наценки и скидки, подрывают хозрасчет баз и магазинов и выдают все это за заботу о рентабельности.

Нет слов, критиковать показатели легче, чем предложить лучше. Ведь родились и живут они не по прихоти. На первых порах планирования имелось в виду прежде всего овладеть производством. В ряде случаев эти показатели неплохо характеризуют работу поставщика. Действительно, нелегко заменить, скажем, оплату с оборота в сфере сбыта или с тонно-километра на транспорте. И мы в данной статье не предполагаем рекомендовать рецепты и тем более предлагать некую панацею. Речь идет о другом. Провозглашение реформы требовало сплошной «инвентаризации» накопившихся за полвека показателей и рассмотрения каждого из них с позиций нового подхода к управлению. Нужна громадная исследовательская работа, эксперименты. Такая работа началась с опозданием и проводится крайне вяло. Поэтому и сегодня интересы работника, предприятия нередко заставляют его действовать не так, как это лучше для общества. Металлургический завод производит и реализует больше тонн проката; таким образом, он выполняет заданную программу и образует поощрительные фонды. Но разве здесь действуют экономические методы управления? Машиностроительный завод, выполняя свою программу, немалую часть этих тонн превратит в стружку.

Не все доделано и в области санкций и поощрений. Как и четыре года назад, невыполнение договорных обязательств карается весьма условно, малоощутимо; полученный ущерб не возмещается, что также противоречит духу реформы. В области финансов и кредита произошло много полезных изменений, но осталось немало непригодного и спорного. И сегодня большинство предприятий передает в доход государственного бюджета 60—80% полученной прибыли. Более того, хотя преимущественная часть прибыли носит название «свободного остатка» и по смыслу термина должна вноситься в бюджет, лишь когда она составляет остаток, не нужный предприятию, в действительности она изымается при всех условиях.

Поясним, о чем ведется разговор. Допустим, что завод должен по плану получить в 1970 г. 10 млн руб. прибыли, 3 млн использовать для своих потребностей и поощрения, 1 млн внести в качестве платы за фонды, а 6 млн отдать в виде так называемого свободного остатка в доход государственного бюджета. В данном примере остаток составляет 60% всей прибыли. Пусть в первом квартале по какой-то причине получено не 2 млн руб., как намечалось планом, а лишь 1 млн. Очевидно, что никакого остатка, да еще свободного, нет и в помине. Тем не менее платежи «свободного остатка» от полученной прибыли пойдут в государственный бюджет.

Министерство финансов мотивирует свои действия приорите-

том государственного бюджета перед всеми другими потребностями предприятий; приоритет действительно должен быть. Имея его в виду, реформа предусмотрела обязательные, имеющие силу налога платежи (налог с оборота, плата за фонды, рентные платежи). Что же касается свободного остатка прибыли, то он был задуман в качестве гибкого амортизатора.

Что значит изъять у предприятия несозданную прибыль? Это значит уменьшить его оборотные средства, затруднить его возможности своевременно расплачиваться с поставщиками и тем самым и их втянуть в финансовый прорыв. Разве это экономические методы управления?

Что касается Государственного банка, то его активное участие в проведении реформы бесспорно. Но следует обсудить вот какой вопрос. Государственный банк взял на себя полностью финансовое обслуживание предприятий. Он оплачивает счета поставщиков, перечисляет платежи в бюджет, погашает сам себе задолженность предприятий, если средств на счетах клиентов к сроку не хватает, выдает им ссуду. С точки зрения организационной техники достигнута большая экономия труда и материалов, и внешний результат хороший — подавляющая масса расчетов проходит в срок. Но не выхолащивается ли зачастую действительная суть контроля рублем?

Основанием для подобных, кажущихся риторическими вопросов служит то, что одновременно с упорядочением расчетов идет непрерывный рост сверхнормативных запасов материальных ценностей в народном хозяйстве. Следовательно, оборот денег не всегда отражает и выражает оборот материальных ценностей. Тогда к чему все это «денежное хозяйство»?

Но больше всего нечеткости в материальном поощрении. Теперь это уже признают все, но по-разному. Поскольку из различий в оценке вытекают и разные предложения на будущее, в этом полезно разобраться.

В. И. Ленин требовал, чтобы организация поощрения была проста, наглядна, оперативна и доступна пониманию каждого рабочего. От этого зависит эффективность премий. Не зря ведь утверждают итальянцы: «Кто дает быстро, тот как бы дает дважды» [20].

При переводе предприятий на новые условия управления, планирования и стимулирования для каждого из них разрабатывались индивидуальные нормативы, учитывающие особенности. Нормативы должны были быть стабильными, что гарантировало предприятия от «наступления на пятки».

К сожалению, доверие предприятий нарушено. Нормативы едва ли не ежегодно пересматриваются, в результате чего сумма поощрительных фондов остается на одном и том же уровне, хотя реализация продукции и объем прибыли непрерывно возрастают. Более того, в тех случаях, когда фонд заработной платы (вместе с премиями) обгоняет в своем росте повышение производитель-

---

[20] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 192; Т. 42. С. 151, 212.

ности труда, поощрительный фонд временно не распределяется.

Но мы уже видели, что показатель производительности труда не отвечает своему названию, он характеризует выработку продукции, а не производительность труда.

Вопрос имеет еще одну сторону. Если материал раскраивать продуманно, без излишней спешки, если при ремонте запасные части не выбрасывать, а восстанавливать, если смазочные материалы собирать и очищать для повторного использования, вообще говоря, если бережно обращаться с материальными ценностями, то общество становится богаче. Но показатель производительности труда падает. Таким образом, несовершенство показателя наносит ущерб народному хозяйству.

VI

Сегодня, по истечении четырех лет со дня сентябрьского Пленума ЦК КПСС, доказывать жизненность и эффективность хозяйственной реформы — значит ломиться в открытые двери. При всем том, что реформа еще далека от завершения в промышленности и, по существу, только начинается в строительстве и некоторых других отраслях народного хозяйства, уже достигнуты такие практические успехи — количественные и качественные, — произошло такое усиление экономических начал в управлении предприятиями, что мы с полным основанием говорим о новом этапе в развитии социалистической экономики СССР — этапе, сулящем нам дальнейшее существенное повышение эффективности общественного производства, ускорение технического прогресса и усиление научной организации производства и управления.

Отмечая успехи в проведении реформы, Совет Министров СССР одновременно указал на многие существенные недочеты и потребовал сконцентрировать усилия для их преодоления. Представляется поэтому целесообразным попытаться разобраться в том, почему так быстро и значительно сказались результаты реформы; что необходимо сделать для ее дальнейшего развития, для перехода во второй этап реформы; в чем должен состоять этот второй этап.

Почему реформа, хотя она еще только развивается, так быстро, с первого же года, дала столь большую очевидную отдачу? Да потому, что недостатки хозяйственного руководства, указанные в решениях Пленума, не вытекали из сущности экономических отношений социализма, не были органически присущи нашей экономической системе, а были привнесены организационными наслоениями, были, так сказать, искусственными. Стоило начать их убирать, как проявились внутренние живые силы и начали двигать вперед все стороны хозяйственной деятельности. Стоило заменить абстрактно-статистический показатель валовой продукции, как сразу нетерпимыми стали недостатки в ценообразовании, усилилось внимание к финансам, широко стал внедряться подлинный внутризаводской хозрасчет.

И если мы сегодня отмечаем наряду с успехами и недочеты

в развитии реформы, то причина тому лишь одна — недостаточно полное и комплексное использование экономических методов управления как результат еще не изжитого недоверия к ним. Второй этап реформы, как нам представляется, и будет состоять в создании комплексной, всеохватывающей системы экономических методов управления — всех сфер хозяйственной деятельности и всех звеньев хозяйствования.

Чем питается довольно широко распространенное недоверие к экономическим методам управления народным хозяйством? Опасением, будто они уменьшают роль государства в руководстве экономикой, ослабляют плановость в развитии народного хозяйства, ведут к противопоставлению личных интересов общественным. В качестве доказательства приводятся факты из развития экономики некоторых зарубежных стран.

Что же, эти факты действительно имеют место, их надо учитывать, но нельзя отказываться от экономических методов потому, что они где-то были применены неправильно: не отменяем же мы деньги на основании того, что могут существовать фальшивомонетчики...

В действительности же экономические методы управления — цены, прибыль, премии, санкции, кредит, финансы, оптовая торговля средствами производства и др. — не только не отменяют планирования и не уменьшают его значения, но, напротив, создают единственно возможную оптимальную базу для его расцвета, так как они соединяют с планом интересы трудящихся и предприятий. Опыт развития народного хозяйства СССР, в том числе четырехлетний опыт осуществления реформы, показал, что при нынешнем масштабе хозяйственной деятельности попросту невозможно — технически и физически — достигать желаемых результатов без полного участия в этом деле самих предприятий. Достаточно ограничиться одним доказательством.

При разработке условий образования поощрительных фондов главная цель состояла в том, чтобы побудить предприятия к раскрытию всех своих резервов на стадии составления плана, к повышению из года в год темпов реализации продукции. Для этого отчисления в премиальные фонды от плановой прибыли в несколько раз больше, чем от сверхплановой; размер отчислений зависит от темпа прироста продукции и уровня рентабельности. Казалось, предусмотрено все. А между тем многие предприятия по-прежнему придерживают резервы — и это основной недостаток первого этапа реформы. Почему так получиось? А потому, что интересы предприятия не побуждают его к раскрытию всех резервов: в течение года задания увеличиваются, почти всю прибыль забирает бюджет, гарантированного материально-технического снабжения нет. Коль скоро интересы «не сработали», самые, казалось бы, продуманные показатели повисли в воздухе. Причина? Переход на новую, специализированную продукцию требует серьезной перестройки производства. На какой-то период времени уменьшится объем реализации продукции, механизация труда сократит численность

работающих и фонд заработной платы. В результате — сокращение поощрительных фондов...

Основной вывод после четырех лет осуществления реформы состоит, на наш взгляд, в том, что предприятия следует поставить в такие условия, чтобы они руководствовались не стремлением к достижению тех или иных показателей как самоцели, а конечной эффективностью их деятельности как для народного хозяйства в целом, так и для них самих. Решение такой задачи требует существенной перестройки многих звеньев организации управления. В рамках данной статьи ограничимся лишь некоторыми из них, начав, так сказать, «с конца».

Уже очевидно, что экономическая система не дает всего возможного эффекта, если предприятию безразлична сумма полученной прибыли; а она безразлична, так как вся прибыль, кроме необходимой для удовлетворения плановых расходов, становится «свободным остатком» и изымается в доход государственного бюджета. Вывод? Следует вернуться к порядку, существовавшему в 20-е годы, и оставлять предприятию независимо от плановых потребностей часть прибыли, допустим 10—15% ее, в виде финансового резерва. Излагать порядок его образования и возможного использования здесь не место.

Заинтересовав предприятия в получении возможно большей прибыли, надо сделать так, чтобы прибыль была результатом непрерывного улучшения работы предприятия с точки зрения интересов всего народного хозяйства. Здесь, как уже говорилось, мы сталкиваемся с тем, что многие действующие показатели требуют замены. Необходимо подобную замену осуществить, чтобы обеспечить гармоничное сочетание интересов предприятия и общества.

Предприятие должно делать лишь то, что действительно в конечном счете нужно обществу, и делать все лучше и лучше. Здесь, кроме изменения многих показателей, потребуется активизировать цены. Исключительная гибкость цен на конкретные изделия при сохранении централизованной системы ценообразования — такова одна из первоочередных задач, которые предстоит решить.

Но предприятие хозяйствует не в одиночку. Его успехи и прорывы в большой мере определяются поставщиками и потребителями, транспортом и органами снабжения, банком и главком, проектными институтами и строительными организациями. Очевидно, предстоит совершенствовать систему материальной ответственности за причиненный предприятию ущерб; он должен быть компенсирован до последней копейки, иначе цепь товарно-денежных отношений разрывается. Представляется полезным установить, что часть прибыли каждого предприятия распределяется среди всех предприятий и организаций, которые содействовали получению этой прибыли.

Однако наличие денежных средств — лишь предпосылка для улучшения хозяйствования. Многие предприятия уже убедились, что «не так хорошо с деньгами, как плохо без них». Необходима

реальная возможность «отоварить» фонды предприятий. И опять-таки истекшие годы убеждают, что этой задачи не решить без оптовой торговли средствами производства. Впрочем, мы думаем, что без нее нельзя добиться и резкого ускорения технического прогресса: он несовместим с заявками за полгода — год на каждую тонну металла и на каждый прибор.

Все перечисленное выше упирается в существенное совершенствование народнохозяйственного планирования. Необходимо до конца выполнить требования сентябрьского Пленума ЦК КПСС, подтвержденные XXIII съездом партии, о стабильности и сбалансированности планов предприятий. Надо теснее сомкнуть планы предприятий в пределах подотраслей и отраслей. Следует совершенствовать организацию разработки планов: сроки, последовательность, этапы.

VII

Бюрократизм, волокиту и другие беды государственного аппарата В. И. Ленин выводил из экономической отсталости, бездорожья, почти поголовной неграмотности населения старой России. В те годы никакое обучение делопроизводству и оргтехнике не могло кардинально решить проблему, хотя им уделялось по справедливости много внимания. Сегодня мы находимся в условиях, полностью благоприятствующих научной организации управления народным хозяйством. Значит, эту задачу необходимо поставить во весь рост.

Попытаемся перечислить имеющиеся в этой области проблемы, начав с относительно более простых.

Вероятно, полезно было бы начать с фотографии существующего. Группа научных работников экономической лаборатории Московского института народного хозяйства имени Г. В. Плеханова подробнейшим образом исследовала организацию финансовой службы в одном из машиностроительных министерств. Оказалось, что ни главк в составе министерства, что ни завод в составе главка — то иная организационная структура финансовой службы, разные штаты, различное распределение обязанностей. Некоторые участки работы дублируются бухгалтерией, плановым отделом, управлением капитального строительства, сбытом, отделом труда и заработной платы. Другими не занимается никто. Элементарный вывод — необходимо разрабатывать типовые (дифференцированные для различных типов предприятий) структуры, штаты, служебные обязанности. Точно так же необходимы типовые наборы инвентаря и приспособлений, вычислительной и множительной техники — всего того, что облегчает труд служащих и повышает его эффективность.

Особо стоит вопрос об отборе, распространении, использовании и хранении информации. До сих пор, помимо узаконенной, существует огромная «дикая» отчетность. В печати сообщалось, что создание в министерствах отделов научной организации труда вызвало... поток анкет и запросов в тресты и на заводы.

Об автоматизированной системе управления уже говорилось. Зачинателем ее выступает Министерство приборостроения. Проблема эта «модна», вокруг нее толпится способная молодежь, и есть все основания ждать успехов. К организационно-технической области проблем управления относится и подготовка секретарей, референтов, обучение деловой корреспонденции всех без исключения руководителей и многие другие вопросы.

Всеми этими проблемами кто-то должен заниматься специально. Между делом они не получаются.

Гораздо более сложной — и новой — является разработка рациональной иерархии органов управления в народном хозяйстве. Экономическая наука должна ответить: какие размеры и структуры предприятия оптимальны для данной отрасли в данном районе страны? На основе экономических рекомендаций наука об управлении должна дать схему управления: завод — фирма — главк — министерство, или фирма — главк — министерство, или предприятие — трест — главк — министерство, или фирма — министерство. В Латвии, к примеру, местная промышленность построена по схеме: завод — министерство. Очевидно, что угольные шахты Украины не могут работать по такой схеме.

Разработке подобных рекомендаций будут предшествовать исследования, эксперименты. Здесь дел на годы и годы.

Третью группу проблем мы уже называли: стыкование отраслевого и территориального принципов управления. Как обеспечить необходимую координацию без излишней работы и потери времени? И в данной области управленцы будут работать бок о бок с экономистами. Очевидно, экономисты скажут, что нужно, а управленцы — каким образом.

И, наконец, большая группа общегосударственных вопросов управления: как организовать внесение необходимых изменений в план, не подрывая его стабильности; как проводить изменение цен на отдельные товары, чтобы оно было гибким и в то же время обеспечивало государственный контроль; как координировать работу различных контролирующих органов, чтобы изжить дублирование, и многие другие.

Следует выделить проблему, которой В. И. Ленин придавал самостоятельное значение,— превращение Государственного банка в общенародный орган счетоводства [21].

В банковских документах содержится громадная информация, которую никто не использует: состав продукции, ее цена, доля прибыли и налога с оборота, ритмичность реализации, транспортные расходы и др. Из всей совокупности данных «работает» лишь сумма, подлежащая оплате, и в отдельных случаях платеж налога с оборота.

Речь идет не о том, чтобы банк начал распоряжаться деньгами предприятий — это крайне вредно,— а о том, чтобы стал он единым для всех предприятий бухгалтером. Перерабатывая всю информа-

---

[21] См. например: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 182, 220.

цию, он сообщает предприятиям и руководящим ими органам необходимые данные о ходе работы, наличии запасов сырья и остатков годовых изделий, финансовом состоянии и др.

Помимо многочисленных экономических и технических затруднений, в создании общегосударственного счетоводства имеется еще трудность юридического порядка. Бухгалтерский документ подтверждает законность операции. Удастся ли такой документ заменить перфокартой или магнитной лентой?

Не надо этот вопрос понимать как проявление скептицизма. Речь идет о проблеме, которую, конечно, не решить двум-трем энтузиастам. А именно такое число людей сегодня ею занимается.

* * *

Самый лучший способ отметить годовщину революции, говорил Ленин, состоит в том, чтобы сконцентрировать внимание на нерешенных задачах. Предстоящий юбилей — годовщина особого масштаба и значения. И потому правомерно вести речь о проблеме, с решением которой, как писал Ленин, «... будет открыта настежь дверь к переходу от первой фазы коммунистического общества к высшей его фазе...» [22].

---

[22] Там же. Т. 33. С. 102.

НЕОТВРАТИМОСТЬ [1]

«Нужны экономические условия, которые оставляли бы предприятию лишь два пути: либо работай хорошо, либо закрывайся!» — таково мнение автора этой статьи, публикуемой в порядке обсуждения.

Давайте, читатель, поразмыслим над проблемой, изложенной недавно в «Литературной газете» под интригующим названием «Сталь и "воздух"» (№ 135. 15 ноября 1966 г.). Проблема того заслуживает.

Оказывается, и сейчас еще, после того как осужден «вал», заклеймено очковтирательство и, казалось бы, сам воздух пропитан идеями экономичности, разумности и рачительности, даже сейчас металлургическим заводам устанавливают производственную программу нереальную, волюнтаристскую, так как домны, мартены и прокатные станы, на которые эта программа рассчитана, зачастую еще не построены, не введены в эксплуатацию.

Предоставим философам и социологам выяснить вопрос, почему так поступают работники Госплана. А мы подойдем к этой проблеме как экономисты: почему они имеют возможность так поступать?

Почему директор завода, устав от безуспешных доказательств нереальности программы, имеет возможность ее принять? Потому что существующий экономический механизм позволяет предприятиям годами работать при несбалансированном плане.

Следовательно, живучесть в экономике волюнтаризма — этой самой страшной язвы народного хозяйства — объясняется не привычками тех или иных работников, не их непонятливостью и консерватизмом, а тем, что волюнтаризм, как мы сейчас попытаемся доказать, создал экономический механизм, к нему приспособившийся. Отсюда вывод: чтобы окончательно ликвидировать волюнтаризм, надо усовершенствовать действующий экономический механизм, сделать его таким, чтобы предприятие было лишено возможности принять несбалансированный план.

Область хозяйственных отношений требует такого экономического механизма, который будет действовать объективно, независимо от того, насколько сознателен и добросовестен работник того или иного ведомства. Этот механизм должен быть непреложным, а последствия его нарушений — неотвратимыми. Да, нужны экономические условия, которые оставляли бы предприятию лишь два пути: либо работай хорошо, либо закрывайся!

---

[1] Лит. газ. 1967. 11 янв.

Первая предпосылка хорошей работы — научно обоснованный сбалансированный план. Ну, а если предприятие по своей вине окажется в прорыве? Что ж, для этого случая механизм разработан уже давно. Еще в августе 1954 г. вышло постановление, по которому подобные предприятия переводятся на так называемый особый порядок кредитования и расчетов. Если же и это не помогает, они объявляются неплатежеспособными, и принадлежащие им материалы продаются с торгов...

Были ли в действительности такие распродажи? Нам такие факты неизвестны. Обычно отстающим оказывается помощь, и они становятся на ноги. Но нередко их обязательства перекладываются на коллективы, работающие хорошо. Все заклинания против подобного существования за чужой счет ничего не дают. Вывод? Все тот же: надо лишить плохо работающие предприятия возможности «спасаться» таким образом.

Экономическая неотвратимость последствий плохой работы... Мы уже сделали решающий шаг к ней, установив в качестве важнейшего показателя хозяйственной деятельности задания по реализации продукции. Теперь засчитывается лишь продукция реализованная, т. е. оплаченная потребителем.

Условие реализации подвергается непрерывному штурму со стороны поставщиков, и мы должны внимательно рассмотреть их возражения, ибо они выглядят весьма убедительными и правдоподобными. «Мы выполнили задание и отгрузили продукцию вовремя,— твердят поставщики на совещаниях, в министерствах и даже за круглыми столами редакций.— Мы не должны нести ответственность за то, что у покупателя нет денег».

Все правильно, но только с позиции поставщиков. Если согласиться с их предложением и заменить показатель реализации показателем отгрузки либо обязать банк платить поставщику и взыскивать деньги с покупателя, то мы полностью выхолостим механизм товарно-денежных отношений и перейдем к натуральному распределению. Прямым результатом этого будут подрыв договорной дисциплины, ликвидация хозяйственного расчета и серьезное ослабление денежного обращения в стране. Опасение не надуманное. Мы имели небольшой, но крайне убедительный опыт подобного рода при проведении кредитной реформы 1930—1931 гг. Автоматизм в оплате счетов за короткий срок причинил такой ущерб денежному обращению, что понадобились годы на то, чтобы поправить дело.

Поэтому, как ни тяжело поставщикам сегодня (а им действительно тяжело), народное хозяйство — мы в этом убеждены — должно пройти через этот не очень длительный болезненный период, с тем чтобы неотвратимость уплаты позволила рассосать все узелки, образующиеся в разветвленной системе товарного обращения в стране.

Однако имеется возможность сократить длительность и болезненность этого процесса. И здесь мы переходим к мере, которая пока не проведена, но крайне необходима для создания замкнутой

цепи экономических отношений в новых условиях. Речь идет об очередности платежей.

Если сегодня наступил срок оплаты счета поставщику, а послезавтра выплата заработной платы, то, очевидно, в такой хронологической поледовательности и должны производиться платежи. Однако с 1929 г. существует очередность административная. При нехватке средств предприятие в первую очередь платит своим рабочим и служащим, затем выполняет обязательства перед государственным бюджетом и лишь потом, в третью очередь, рассчитывается с поставщиками и с Госбанком. Нередко бывает и так, что успевают получить деньги для заработной платы вторично, за следующие две недели, а счета поставщиков все еще пребывают в так называемой картотеке № 2, в тоскливом ожидании, когда же наконец останутся деньги и для них.

В подавляющем числе отраслей народного хозяйства заработная плата не составляет и трети всех издержек производства. Очевидно, что при любом провале плана уж себе-то на заработную плату предприятие заработает, а остальным оно будет платить по мере того, как у него появятся средства. Именно в этом мелком, казалось бы, обстоятельстве, о котором мало кто и знает, кроется возможность принять необоснованный план: выполним задание или нет, хорошо ли сработаем, плохо ли — своим рабочим и служащим заработная плата обеспечена. В этом — гвоздь. И именно это надо изменить.

Введение хронологической очередности платежей приведет к тому, что директор предприятия и все его руководство будут вынуждены умело хозяйствовать — так, чтобы каждые две недели на счете были средства для выдачи заработной платы. 24 раза в течение года руководство каждого предприятия в СССР будет держать экзамен на аттестат экономической зрелости. Тут не помогут никакие подсказки, личные и другие отношения: деньги на счете имеются лишь в том случае, если экономический механизм действует слаженно.

А если денег не будет? Как быть тогда с выплатой заработной платы? По-видимому, в первый раз на помощь придет отделение Госбанка, во второй раз — главк, в третий — министерство, а в четвертый — *не поможет никто*. Каждому коллективу заранее будет это известно, и каждый — тут уж можно не сомневаться — приложит максимум усилий к тому, чтобы рентабельно работать. Создается такая атмосфера, при которой лишь подлинно талантливые, знающие и энергичные инженеры и экономисты будут руководить заводами. Ведь при плохой работе, неумном руководстве ни банк, ни главк, ни министерство попросту не смогут, даже если бы и пожелали, гарантировать выдачу заработной платы. Отсюда и возникнет экономическая неотвратимость такого планирования, при котором директор предприятия ни за что не согласится принять несбалансированный план. И его никто не сможет уговорить на это, так как ему через две недели надо обеспечить выплату заработной платы. А главки и министерства, в свою очередь, не завизируют несбалан-

сированный проект плана. А без их визы, как известно, задания не вступят в силу. Круг замкнется.

Однако одного этого недостаточно.

У нас существует система материальной ответственности (лучшая или худшая — это особый вопрос) и материального поощрения по горизонтали: между поставщиком и потребителем, заказчиком и подрядчиком. Но у нас нет системы материальной ответственности и материального поощрения по вертикали.

Главк материально не отвечает перед предприятиями, министерство — перед главками. Госплан, Министерство финансов и Госкомитет по материально-техническому снабжению — перед хозяйственными министерствами в тех случаях, когда по вине вышестоящих органов терпят ущерб нижестоящие. Опыт показывает с достаточной убедительностью, что без материальной ответственности за причиненный ущерб нижестоящим — по вертикали — невозможно замкнуть экономический механизм. Нужна такая ответственность! И для этого министерство должно иметь свой фонд. (Аналогичный тому, который образован сейчас в Госкомитете цен при Госплане СССР на случай, если предприятие понесет убытки от непредвиденных изменений цен).

Чтобы «рассосать» экономические тромбы, следует упорядочить еще одну кажущуюся мелкой, но в действительности очень важную деталь. Речь идет о сроках взноса платежей в доход государственного бюджета. Налог с оборота вносится заводами и фабриками после того, как деньги фактически поступили на счет поставщика. Иначе обстоит дело с отчислениями от прибылей и с платежами за фонды. Первые вносятся в бюджет 15 и 27 числа каждого месяца. Для платы за фонды установлен срок — 25 число данного месяца. Не трудно убедиться в том, что эти сроки экономически совершенно необоснованны. В абсолютно преобладающем большинстве отраслей промышленности цикл производства длится не менее 3—4 недель. К нему необходимо добавить время на пробег документов от поставщика к потребителю, их оплату потребителем и поступление средств на счет поставщика. Ведь только после этого поставщик имеет возможность вносить в бюджет отчисления от прибылей и плату за фонды. При действующих сроках предприятия вместо отчислений от прибылей передают государству часть своих оборотных средств, необходимых для повседневной деятельности...

Значит, упорядочение сроков платежей облегчит общее решение проблем оборотных средств на предприятиях. Еще в 1962 г. началась серьезная работа по их научной организации. Но она до сих пор не завершена, в основном из-за противодействия финансовых органов.

Перечисленные нами до сих пор условия создают те предпосылки в сфере обращения, в сфере, так сказать, внешних отношений предприятий, которые необходимы для нормального функционирования экономического механизма хозяйственной реформы. Однако при всем значении этих внешних отношений решающим,

несомненно, будут все же отношения внутренние, складывающиеся в процессе создания продукции. Из большого числа звеньев экономического механизма в сфере производства мы коснемся рентабельности и материального поощрения.

Совершенно очевидно, что расширить социалистическое воспроизводство можно с наибольшим успехом лишь в том случае, когда предприятие (объединение) рентабельно и из собственной прибыли обеспечивает новое строительство и увеличение необходимых запасов. Между тем многие предприятия до сих пор планово-убыточны.

Из опубликованных материалов видно, что и после проведения реформы оптовых цен останутся планово-убыточные предприятия. Нам это представляется совершенно невозможным и недопустимым в новых условиях хозяйствования. С позиций ценообразования, возможно, имеются известные основания для того, чтобы то или иное предприятие оставалось планово-убыточным. Мы должны, однако, подходить к этому не с позиций удобства составления прейскурантов, а из сущности экономической реформы в целом. Плановая убыточность несовместима с хозяйственным расчетом и полностью противоречит социалистическим принципам хозяйствования!

Что касается материальной заинтересованности, то роль ее совершенно очевидна. Без эффективного поощрения невозможно добиться такого принципиального изменения в отношении к делу, которого требует реформа. Опыт ее проведения показывает, что на многих предприятиях фонд материального поощрения хотя и возрос, но лишь в процентном, а не абсолютном исчислении. Игнорирование этого обстоятельства серьезно мешает совершенствованию экономического механизма реформы, так как никакие заверения и заявления работников соответствующих ведомств об их доброжелательном отношении к реформе не могут заменить реального, ощутимого каждым материального поощрения.

Как явствует из всего содержания статьи, речь идет о том, чтобы, закрепив успехи первого года проведения реформы, продолжать совершенствовать созданный ею механизм, сделать его объективным, действующим неотвратимо, не оставляющим места ни для каких проявлений субъективизма и волюнтаризма.

Однако, чтобы создать подобный механизм, недостаточно лишь понимания его значения и знания составляющих его элементов. Для этого необходимы определенные материальные предпосылки, закладываемые в планах, в государственном бюджете и других определяющих ход хозяйственного развития документах. В самом деле, если предприятия не будут располагать известными резервами производственных мощностей, фонда заработной платы и материальных ресурсов, то они не смогут «на ходу» устранять неизбежно возникающие затруднения.

Точно так же главки и министерства, не располагая соответствующими резервами, не смогут прийти на помощь предприятиям в тех случаях, когда по независящим от них причинам возникли

непредусмотренные обстоятельства. Вероятно, Госплан, Министерство финансов и Государственный комитет по снабжению окажутся в таком же положении перед хозяйственными министерствами, если не предусмотрят необходимых запасов и резервов в масштабе всего народного хозяйства.

К сожалению, все эти чрезвычайно важные вопросы изменения централизованного планирования в условиях хозяйственной реформы почти не находят освещения на страницах печати. Работники плановых и других органов предпочитают выступать с общими рассуждениями о необходимости и важности централизованного планирования, т. е. ломятся в открытые двери, вместо того чтобы серьезно и обоснованно продумать и изложить то новое, что возникает сейчас в системе планирования.

Нам представляется, что проблема резервов, проблема сочетания директивности плана с маневренностью и гибкостью хозяйственных отношений в процессе его выполнения является решающей для создания эффективно действующего и научно обоснованного экономического механизма хозяйственной реформы в СССР.

МНОГОГРАННЫЙ РУБЛЬ [1]

Политически различие между первой или низшей и высшей фазой коммунизма со временем будет, вероятно, громадно... [2]

В. И. ЛЕНИН

I

Сегодня, на рубеже двух пятилеток, очевидны глубокие преобразования, осуществленные в области экономики, культуры, социального развития за прошедшие пять лет. Решение XXIII съезда КПСС, Пленумов Центрального Комитета партии воплощены в реальных свершениях, стали фактом.

Речь идет об оптимальном развитии социалистической экономики, о необходимом приросте национального дохода, о более высоких темпах развития отраслей, определяющих технический прогресс и повышение эффективности народного хозяйства, о дальнейшем росте производительности труда.

В плане первого года девятой пятилетки за счет роста производительности труда необходимо получить 87% прироста промышленной продукции, 91% прироста строительно-монтажных работ, весь прирост перевозок грузов на железных дорогах. В сельском хозяйстве весь прирост производства продукции составит 4,6 млрд руб.

Но эффективность производства определяется не только увеличением выработки на каждого трудящегося. Необходимо улучшить использование основных и оборотных фондов, ассигнований в капитальное строительство и развитие науки, повышать качество продукции, совершенствовать структуру общественного производства.

Решение столь многообразного комплекса задач, обеспечение одновременно дальнейшего развития экономики, укрепления обороноспособности страны и роста благосостояния трудящихся требуют дальнейшего совершенствования планирования, развития экономических и социальных исследований, более энергичного внедрения в практику проверенных жизнью рекомендаций общественных наук.

За годы восьмой пятилетки общественные науки в нашей стране прошли значительный и плодотворный путь. Обобщая богатый опыт практики, они дали много ценных предложений и рекомендаций, сыгравших свою роль в успешном выполнении пя-

---

[1] Дружба народов. 1971. № 1.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 33. С. 98.

тилетнего плана. Но жизнь не стоит на месте. На смену одним проблемам приходят другие. Они требуют изучения. В частности, вопрос об использовании товарно-денежных отношений.

* * *

Вот уже скоро десять лет, как между советскими экономистами идет энергичная дискуссия по, казалось бы, окончательно решенному вопросу — о месте и роли денег, товарно-денежных отношений в процессе строительства коммунизма. В Программе партии, принятой XXII съездом КПСС, указывается на необходимость всемерного использования денег, финансов, кредита, материального поощрения в ходе хозяйственного развития. Экономическая реформа, осуществляемая с 1966 г., практически реализует указанные программные положения. Успехи реформы налицо. О чем же спорить?

А споры идут, и мы сказали бы, что они не только не затихают, а, напротив, обостряются. Появилась уже и специфическая терминология. Одних экономистов, тех, кто ратует за широкое использование товарно-денежных отношений, именуют «товарниками», их антиподов — «нетоварниками».

Споры можно понять, если б они касались практики применения тех или иных видов премий, цен, способов финансирования. Ход реформы, ее углубление и развитие непрерывно и естественно вызывают к жизни все новые проблемы, они живо обсуждаются в широких сферах экономистов и хозяйственников. Но в данной статье речь пойдет не об этом круге вопросов, а о том, что образует их научно-теоретическую, принципиальную основу: что есть рубль сегодня — сосуд дьявола либо весьма полезный и эффективный инструмент хозяйственного управления? Именно так ставят вопрос политэкономы, если отвлечься от специальной терминологии и порой квазиученых выкрутасов.

Почему данная проблема должна интересовать неспециалистов? Из нее вытекает содержание экономической политики Коммунистической партии и Советского государства на современном этапе развития СССР. Мы ведь понимаем под экономической политикой совокупность конкретных мероприятий, определяющих повседневные условия деятельности фабрик, заводов, совхозов, магазинов и любых других предприятий и организаций. Эти мероприятия будут совершенно различными, порой диаметрально противоположными при том или ином ответе на вопрос о природе и роли советского рубля. Экономическая политика касается каждого из нас, и потому, думается, споры относительно ее основ не могут не задевать любого человека, независимо от того, агроном ли он, шофер или директор машиностроительного завода.

Ограничимся для наглядности простейшим примером. Недавно «исчезли тарелки» — во многих районах страны начались перебои с продажей посуды. Сей неприятный житейский факт получил двоякое объяснение. «Вот видите,— говорили одни экономисты.—

когда предприятиям в плане детально указывали количество и виды тарелок, блюдец и стаканов, все было хорошо. Сократили число показателей, заменили общей суммой реализации, и есть не из чего». «Не в том дело,— отвечают другие экономисты,— всех разновидностей фужеров и розеток все равно не предусмотреть. Надо установить правильные цены и обоснованную систему премирования, тогда заводы будут делать тарелки и стаканы, а не статуэтки».

К этой точке зрения присоединяется директор Ленинградского коксогазового завода товарищ В. Пиляев. В статье «Почему заводу "невыгоден" ширпотреб» (Правда. 7 сентября 1970 г.) он пишет, что они могут выпускать крайне нужные товары потребления, но не делают этого, так как ухудшаются (формально) показатели производительности труда, а полученную прибыль забирают в государственный бюджет.

Споры о роли рубля имеют свою историю. Без напоминания о ней не обойтись.

«Социализм — это строй, который приходит на смену власти денег» — так недавно определил сущность нашего общественного уклада один зарубежный политический деятель. Именно такое понимание социализма было широко распространено с давних времен. Мы постараемся показать, что в определенном смысле это мнение правильно.

Да, социалисты-утописты единодушно утверждали, что в Обществе Будущего денег не будет, из золота будут изготовлять ночные горшки, за попытки заниматься торговлей — каторжные работы. В «Критике Готской программы» Маркса, где излагаются принципы распределения общественного продукта при социализме, деньги не упомянуты. В 1919—1920 гг. в Москве вносились предложения о замене денег трудовыми единицами (треды).

Не мог, естественно, обойти этого вопроса и В. И. Ленин [3]. Он рассматривает его с разных сторон, в различных условиях и приходит к тому конечному выводу, что деньги можно отменить, лишь наладив по всей стране четкое и бесперебойное удовлетворение всех потребностей народа. «Дело долгих лет...» — пишет Ильич.

Казалось бы, ясно?

Но к концу 20-х годов «антиденежные» идеи получают широкое развитие. Нашлись экономисты, которые в вынужденной временными обстоятельствами карточной системе отпуска продуктов увидели модель социализма: точно указано, кому, когда, сколько и в каком магазине получать сахар, хлеб. Подобные идеи были не так безобидны, как может казаться, из них вытекали выводы об отмирании финансов, кредита, ценообразования. Партии на XVII съезде (в 1934 г.) пришлось критиковать «левацких уродов», перескакивающих сразу через несколько этапов.

И это, на мой взгляд, достаточно ясно.

---

[3] Там же. Т. 38. С. 363.

Но до 1940 г. отрицается действие в нашей стране закона стоимости, и, строго говоря, невозможно объяснить природу советских денег, ибо деньги — форма стоимости. В начале 50-х годов при обсуждении проекта учебника политической экономии социализма устанавливается, что средства производства (машины, сырье, производственные здания и сооружения и др.) — не товары, таковыми являются лишь предметы потребления. Казалось бы, дискуссия абстрактная, далекая от жизни, но тут же на ее основе активизируется натуральный продуктообмен, торговля ставится под подозрение, к счастью ненадолго. Сентябрьский (1953 г.) Пленум ЦК КПСС выправил курс экономической политики, а Программа КПСС четко сформулировала место товарно-денежных отношений в экономическом механизме.

Страсти вроде бы утихли. Но стоило развернуть практическое использование программных положений, стоило начать осуществление реформы, как дискуссия вспыхнула вновь и, можно сказать, на первоначальном уровне: что представляют собой деньги при социализме?

И вот ведь что интересно: «антитоварники» (условно воспользуемся этим вульгарным термином) не отрицают полезности обоснованных цен, эффективных премий, расширения кредитования предприятий и других экономических методов управления. Они признают их, но с той настороженностью, с какой мы принимаем лекарства, на которых этикетка: «Осторожно! Яд».

В чем же все-таки причина деньгобоязни?

Их, видимо, несколько.

Многие отождествляют капитализм с деньгами. Мерзости эксплуатации и волчьи нравы буржуазного общества непосредственно выводят из наличия денег: не будет их, все было бы по-другому. Значит, долой деньги! Тем более что и у нас встречаются факты образования нетрудовых доходов, которые, независимо от источника и способа их получения, поволяют жить широко. Да и у предприятий подчас не все золото, что блестит.

Но люди пообразованнее не могут так наивно фетишизировать деньги, на их отношение к деньгам, думается мне, влияет другая причина. В течение тысячелетий закон стоимости проявлял себя стихийно. Появление денег, отдалившее продажу товара от немедленной покупки другого, еще более усилило стихийность развития экономики. Между тем социализму присуще плановое хозяйство, которое многими понимается как административно-директивное: сделай то-то и отгрузи тому-то. Догматическое понимание закона стоимости лишь как стихийно действующего и планирования лишь как административно осуществляемого и образует подлинную основу недоверия к экономическим методам управления: вот видите, сперва исчезли тарелки, а там, глядишь, и турбин не будет...

II

Полезно подумать, какие обстоятельства вызвали к жизни деньги многие тысячи лет назад? В какой мере эти обстоятельства действуют сегодня?

На определенной стадии обмена продуктами труда возникла необходимость установления эквивалентности (равноценности). Хлебороб, затративший год на выращивание пшеницы, должен был так ее обменивать на другие продукты, чтобы не оказаться в накладе. Аналогично обстояло дело с рыбаком и скотоводом. Тысячи раз повторяясь, обмен выделил из мира товаров отдельных его представителей (меха, кожи, скот и др.), которые стали эталоном для соизмерений. С течением времени место всеобщего эквивалента заняли драгоценные металлы. Осталось слиткам придать определенную форму, чтобы они превратились в привычные нам монеты. Замена металлов знаками, изготовленными из бумаги, в этом смысле ничего не меняет.

Существует ли при социализме потребность в эквивалентном обмене? Безусловно. Она вытекает из условий производства и распределения общественного продукта, присущих первой фазе коммунизма. Труд еще не является органической потребностью каждого гражданина. Общество еще не располагает возможностью полностью удовлетворять все потребности. Следовательно, необходимо соблюдать определенное соотношение (а для этого измерение) между тем, что человек дал обществу и что от него получил.

Но люди работают не в одиночку, а коллективами. Значит, соизмеряться должна стоимость продукции, изготовленной коллективом (предприятием), с фо́ндом заработной платы и суммой премий. Кроме того, существуют колхозы и другие кооперативные предприятия, собственностью которых общество не может распоряжаться, как своей.

Как практически происходит сопоставление? Государство выделяет каждому предприятию определенную часть общенародного достояния в виде зданий, сооружений, машин, сырья и других средств производства. В процессе хозяйствования каждое предприятие имеет дело с поставщиками и потребителями, транспортом, научными, проектными и строительными организациями и т. д. Миллионы видов продукции совершают непрерывный оборот, чтобы «осесть» в конце года в виде новых зданий, костюмов, транзисторов, турбин и т. п.

По окончании года каждый коллектив должен отчитаться перед государством в сохранности выделенного ему имущества и увеличении его на предусмотренный планом размер. Он передает в течение года в фонд государства средства для содержания непроизводственной сферы (школ, больниц, вооруженных сил, органов управления) и для расширения сферы производства (включения в хозяйственный оборот новых районов страны, создания новых отраслей производства).

Каким же образом осуществляется гигантское и сложнейшее

перераспределение ресурсов, охватывающее свыше 50 000 промышленных предприятий, более 40 000 колхозов и совхозов, свыше 10 000 транспортных организаций, более 250 000 строек, около миллиона торговых предприятий?

Очевидно, что прежде всего многообразие материальных ценностей должно быть приведено к какому-то единому знаменателю. Вряд ли кому-либо придет на ум сопоставить, например, генератор и консервы. Если в течение года фабрика приобрела столько-то тонн сырья и отгрузила столько-то пар обуви, то еще неизвестно, как работал коллектив, сохранил ли он полученный фонд или часть его «проел».

Все материальные ценности выражаются в деньгах. Если при создании завода его уставной фонд был равен 2 млн руб., а по окончании текущего года, скажем, 2,2 млн руб., то, следовательно, фонд сохранен. Сопоставив производственные издержки предприятия в 15 млн руб. с выручкой от реализации продукции в 17 млн руб., мы видим, что создано больше, чем потреблено, имеется прибыль. Из нее, к примеру, 1 млн руб. передан в доход государственного бюджета, а финансирования из бюджета не было. Никаких долгов за предприятием не числится.

Вот так из прозаического документа, именуемого бухгалтерским балансом, мы узнаем, как работали завод, главк, министерство. Баланс соединяет в себе рентгеновский снимок, электрокардиограмму и данные всех лабораторных анализов. Его показания четки и однозначны. Как сказал гениальный юморист: «Деньги подобны таланту — либо есть, либо нет...»

Денежная форма избавляет от трудностей, вызываемых при сравнении многообразием реального мира вещей, и нам равно доступны для анализа Главэлектроаппарат, выпускающий 73 000 видов продукции, и электростанция.

Но, чтобы деньги функционировали добросовестно, должен быть единый уровень цен — в рубле должно содержаться одинаковое количество общественного труда. Иначе одна из сторон, участвующих в обмене — поставщик или потребитель,— понесет потери и не сможет нормально развиваться. Известно, что экономически необоснованные цены долгое время тормозили развитие сельского хозяйства. Значит, и в условиях социализма развитие экономики требует соблюдения эквивалентности в обмене. В самом деле, если угольная шахта, к примеру, затратила на добычу определенного количества топлива 10 000 чел.-дней труда, а в выручке возместила лишь стоимость 8000 чел.-дней, то она выглядит как убыточная, хотя шахтеры работали хорошо. Точно так же завышенные цены создают видимость искусственного благополучия в работе предприятия; не зря же хозяйственники говорят, что есть изделия «выгодные» и «невыгодные». Единая, не зависящая от размера цена на обувь — одна из причин того, почему обладатели больших ног порой с трудом могли приобрести туфли.

Но это еще не все.

Уже говорилось, что на покрытие общегосударственных рас-

ходов и расширение производства предприятия должны передавать в государственный бюджет часть своих средств, но без ущерба для текущей деятельности и не за счет предоставленного им для функционирования фонда. Этот сложный процесс распределения стоимости общественного продукта тоже может происходить лишь с участием денег. Допустим, что совхоз реализовал продукции на 900 тыс. руб. в год. Необходимо прежде всего вычесть затраты на семена, корма, горючее, износ машин и зданий и т. п., допустим 400 тыс. руб.; оставшиеся 500 тыс. руб. образуют валовой доход совхоза. Из него, скажем, 300 тыс. уплачено работникам совхоза и 200 тыс. руб. составляют прибыль. Только эта сумма может без ущерба для дела быть изъята, да и то, как правило, не вся, так как самому совхозу требуются новые машины и здания.

Нельзя ли в натуре распределить продукцию совхоза? Никак невозможно. Если урожай составил 23 000 т пшеницы или продукция молочной фермы — 5000 т молока, то из этих цифр еще никак не следует, чему равна прибыль. Известно, что и высокие надои могут быть убыточны.

Затянувшийся экскурс в политическую экономию понадобился нам для совершенно конкретной цели. Известно, что генеральная задача развития экономики на современном нам этапе состоит во всемерном повышении эффективности производства. Мы живем в эпоху стремительной научно-технической революции. Требуются гигантские ресурсы для создания и систематического обновления все увеличивающегося и усложняющегося производственного аппарата. Велики потребности в средствах для дальнейшего повышения уровня жизни советского народа. Где источник средств? В самом же народном хозяйстве: в техническом прогрессе, в совершенствовании управления, в конечном счете в росте производительности общественного труда.

Но производительность общественного труда — это не просто выработка рабочего. И даже не только выработка в сочетании с экономией материалов и эффективным использованием машин. Можно идеально наладить производство паровозов, заготовку дров и торфа и ручную косовицу хлебов и все равно далеко отстать в развитии экономики, так как паровозы принадлежат прошлому, дрова и торф — не наилучшие виды топлива, а убирать хлеб следует машинами. Значит, повышение производительности общественного труда органически включает в себя преимущественное направление ресурсов в наиболее прогрессивные отрасли производства. А чтобы их выявить, опять-таки надо сопоставлять, соизмерять, считать: уголь — с нефтью и газом; гидроэлектроэнергию — с тепловой; цветные металлы — с пластмассой; хлопок — с искусственным волокном; универсальные заводы — со специализированными и т. д.

Потребность в счете породила электронно-вычислительные машины (ЭВМ), внедряет в экономику методы кибернетики. Но считать можно лишь на основе общего измерителя — правильных цен, выраженных в деньгах. Следовательно, неотвратимая потреб-

ность повышения эффективности производства повелительно диктует необходимость использования (а для этого совершенствования) всех слагаемых механизма использования денег. Таково объективное веление жизни. Так оно и сформулировано в Программе КПСС. Но, разумеется, деньги нужны не только для удобства счета.

Допустим, что ЭВМ способны считать в единицах времени, веса или объема. Можно ли сегодня отказаться от денег?

И мы вновь возвращаемся к работам Ленина, о которых говорилось в начале статьи. Лишь после того, как будет достигнута (при помощи денег) идеальная организация распределения общественного продукта, когда общество сможет полностью удовлетворять потребности граждан, отомрут деньги. Конечно, и при коммунизме нельзя будет ограничиться лишь сопоставлением отдельных видов продуктов в натуре, потребуется в определенных пропорциях распределять общественные ресурсы. Как будут осуществляться эти процессы, сегодня можно лишь строить догадки.

III

Если б мы намеревались писать теоретическую статью о советских деньгах, то более подробно остановились бы на их принципиальном отличии от денег при капитализме. Здесь же мы остановимся лишь на важнейших из них.

Во-первых, советские деньги обслуживают планомерно развивающуюся экономику. Как мера стоимости товаров, как средство их обращения, как средство платежа и как средство накопления, они содействуют осуществлению процессов, предусмотренных планом. Разумеется, жизнь корректирует планы, но с совершенствованием планирования амплитуда колебаний будет сокращаться.

Во-вторых, при социализме деньги не могут превратиться в капитал. Ни одно частное лицо не может приобрести производственные здания и машины, нанять рабочих и эксплуатировать их. Это «неудобство» почувствовал уже Корейко, небезызвестный герой «Золотого теленка». Сказанное еще раз подтверждает положение Маркса, что деньги не создают общественных отношений, а лишь выражают их.

Но мы не намерены заниматься здесь теорией денег, не будем также вести научные споры. Назначение статьи иное — послушать практиков — хозяйственников: что они думают о дополнительных возможностях рубля как средства повышения эффективности хозяйствования? Экономическая реформа дала активный толчок размышлениям и подсчетам «бывалых людей». Полезно прислушаться к ним. Ей-богу, беседа с водителем такси об экономических проблемах иной раз содержательнее журнальной статьи на такую же тему.

Итак, что говорят о дополнительных возможностях рубля?

Об одном и том же новшестве, примененном в Саратове

и Москве, «Известия» и «Вечерняя Москва», не сговариваясь, сообщили под почти одинаковыми названиями: «Работает рубль» и «Рубль против штурмовщины». Суть нововведения в том, что на ряде предприятий изменили порядок выдачи заработной платы; ее теперь выдают, скажем, не 22-го аванс и 7-го окончательный расчет, а дважды в месяц в полной сумме заработка. И все? И все. Ни нормы, ни расценки, ни форма заработной платы не изменились. Лишь порядок выдачи на руки.

В. Матеранский, главный инженер Саратовского станкостроительного завода, где зарплата по-новому выдается с начала 1969 г., говорит: «Штурмовщина — злейший враг производства... В 1968 г. ежемесячно за первую декаду завод выпускал в среднем 21% товарной продукции, за вторую — 24 и за третью — 55%. В 1969 г. цифры уже выглядили так: 28, 29 и 43% подекадно. Еще лучшие итоги за январь—июнь текущего года: 32, 32, 36%. Мы добились ритмичной работы всего коллектива, полностью изжили штурмовщину».

А вот что думает по этому поводу старший мастер 2-го механического цеха Ю. Шубаев: «Честно признаться, задала нам задачу новая форма оплаты труда. Она потребовала от всего среднего командного состава полного напряжения сил и умения. Раньше мы, мастера, не очень-то следили за графиком выпуска продукции. Считали, что первые дни месяца „не делают погоды", что судьба плана решается во вторую и особенно в третью декады, которые обеспечивали заработок сдельщиков и премиальные.

Теперь иное дело... Сейчас я просто обязан сделать все возможное, чтобы в понедельник токарь встал за хорошо налаженный станок и немедленно начал выпускать продукцию. Каждый рабочий сам теперь этого от меня требует».

В таком же духе высказывается и В. Никитин, токарь 1-го механического цеха: «Раньше мало задумывались над тем, как мастер или начальник цеха загружает меня работой. Сегодня — пусто, завтра — густо. На простои мало обращали внимания, вроде бы так и должно быть. Не сетовал и на штурмовщину в конце месяца — план есть план, его надо выполнять во что бы то ни стало. Кому хочется ходить в отстающих? Да и заработать каждому хочется.

Теперь совсем по-другому смотрю на выполнение месячной производственной программы. Я своим заработком отвечаю за порученное дело, так пусть и администрация цеха тоже крепко подумает.

Многие мои товарищи по труду, когда их полностью загрузили работой, значительно увеличили выпуск продукции. Я сам, например, на 30—35%. Увеличилась и цеховая производительность труда. Новую форму оплаты труда весьма одобрительно встретили в семье. Жена теперь хорошо знает, что в середине месяца я принесу домой не 35—40 руб. аванса, а 85—90 заработанных рублей — вдвое больше, чем прежде».

Те же мысли другими словами высказали руководители и ра-

бочие Первого ГПЗ в Москве. Нет надобности приводить дополнительные цитаты.

Легко предвидеть возражения скептиков: «Если нет материалов, будут простои. Из зарплаты станков и подшипников не сделаешь». Не приходится отрицать правдоподобия этого банального глубокомыслия. Конечно, продукцию делают из материалов. Деньги не заменяют материалов. Они способствуют тому, чтобы материалы были в должном составе и в нужное время. Они усиливают заботу снабженцев и транспортников, прививают навыки предвидения начальнику производства и руководителям цехов, активизируют рабочих. Об этом точно и ярко рассказывается в выступлениях, которых, к сожалению, нельзя привести полностью за недостатком места.

Но оторвемся от цитат и подумаем вот о чем. Оказалось достаточным изменить порядок выдачи заработной платы — и такой дополнительный эффект!

В чем его материальная основа? В более жестком учете фактора времени. Раньше итог подводился раз в месяц и можно было тратить на раскачку недели. Теперь отчетный период сократился вдвое, вес каждого часа удвоился. Деньги лишь придали экономическую реальность и четкую ограниченность изменениям в организации производства, которые ими же были вызваны к жизни.

...Великого Дарвина как-то спросили: «Как вам удалось достичь столь многого в науке?» — «Я никогда не считал полчаса малым отрезком времени», — ответил ученый.

Да, сделано открытие, доступное каждому, не требующее ничего, кроме непрестанной заботы о пользе дела.

А сколько еще невиданных сегодня возможностей таит в себе рубль? И не полезнее ли концентрировать усилия экономистов на поиски резервов, чем тратить их на схоластические словопрения: а деньги ли наши деньги?

Но не будем забегать вперед.

И все же, неужели такое значение может иметь порядок оплаты выполненной работы?

С нынешнего года на новые условия хозяйствования переходит капитальное строительство. В чем стержень реформы в строительстве? В изменении порядка оплаты работ строительных организаций.

Для строительства характерен длительный цикл производства — годы. Если заказчик будет платить подрядной организации после приема полностью законченного объекта, он не сможет воздействовать рублем в ходе строительства, а махать кулаками по окончании драки — дело малополезное. Поэтому в строительстве расчеты ведутся периодически: ежедекадно авансы и раз в квартал полностью за работы, доведенные до установленной степени завершенности. Если меньше сделано, меньше денег поступит подрядной организации.

Вроде бы хорошо, а получается плохо. Чтобы побольше получить, строители распыляют силы, неоправданно расширяют фронт

работ. Многие объекты начинают одновременно, сдача законченных сооружений задерживается. Причин тут много. Но факт остается фактом — строят долго, незавершенное строительство велико.

Поиски выхода из трудностей давно уже привели к выводу о необходимости укрупнить оплачиваемые работы. Сперва новую систему применили при возведении жилых домов — цикл короче. Стоимость работ оплачивается после сдачи дома. Постепенно система расширила сферу приложения. К 1972 г. предусматривается полностью перейти к оплате законченных объектов либо — при особенно крупных объемах работ — больших законченных стадий строительства. И снова жизнь подтверждает: казалось бы, все то же — и поставки железобетона, и текучесть кадров, — но сдают быстрее, качество лучше, стоимость ниже. Контроль рублем!

А в сельском хозяйстве?

В подавляющем большинстве колхозов и совхозов работа выполняется на основе нарядов, выдаваемых бригадиром. Нарядов за месяц набираются сотни и тысячи. Большие усилия затрачиваются на разработку норм и расценок — без них невозможно организовать хозяйствование на плановых основах.

Но сельское хозяйство специфично: урожай зависит не только от качества пахоты, сева и ухода за растениями, много времени проходит между началом и завершением полевых работ. Поэтому после уборки порой трудно сказать, что больше повлияло на урожай — человек или природные условия. Вот почему здесь особенно важно заинтересовать работника в конечном результате его труда. Между тем работа по нарядам такой заинтересованности не создает — оплачивается количество гектаров.

И вот уже свыше десяти лет в ряде колхозов применяется безнарядная система оплаты с центнера продукции. Конкретные формы ее различаются некоторыми особенностями, но суть одна. Вот как характеризует ее колхозник Н. Гопиенков из колхоза «Мир» Михайловского района Запорожской области[4]: «Безнарядная аккордно-премиальная система помогает поднять производительность труда, лучше организовать дело. В огородной бригаде, к примеру, еще в 1968 г. у нас числилось до 70 человек. Но они не справлялись с объемом работ, приходилось подбрасывать подкрепление с других участков. А когда ввели аккордно-премиальную оплату, без вмешательства правления состав бригады сократился почти в три раза.

Теперь все заинтересованы в высоком урожае. Посевы содержатся в отличном состоянии, от помощи со стороны огородники отказываются наотрез. Более того, втрое сокращенная бригада находит возможность в отдельные дни посылать часть людей, как у нас в шутку говорят, на заработки, помогать на других работах. Деньги идут в общий бригадный котел.

Окошко колхозной кассы можно сравнить с термометром. Лю-

---

[4] См.: Известия. 1970. 12 янв.

бое колебание в экономике хозяйства, организации работ здесь наглядно отражается».

Лучше не скажешь!

Но скептики тут как тут. «Позвольте, — возражают они, — причем здесь рубль? Поощрять с равным успехом можно и продукцией в натуре. Ваши примеры подтверждают важность поощрения, но отнюдь не роль денег».

Так ли?

Во-первых, как уже было установлено, без денежной оценки затрат и выручки невозможно определить степень эффективности хозяйствования, возможности и желательный размер поощрения. Если в колхозе имени 50-летия ВЛКСМ, к примеру, собирают с 1 га в среднем 22 ц пшеницы, а в соседнем колхозе «Победа» —19, то еще неизвестно, который из них эффективнее хозяйствует. Надо посчитать затраты. К тому же и продукция может быть разного качества и оплачиваться по-разному.

Во-вторых, далеко не каждой продукцией можно поощрять в натуре. На обувной фабрике, консервном заводе можно, а на руднике, трубопрокатном заводе?

В-третьих, самое главное, премируя колхозников или рабочих совхозов пшеницей, молоком или шерстью, мы возлагаем на них хлопоты по реализации излишков продуктов. Один колхозник смог привезти продукты в Алма-Ату и продать там на Центральном рынке. Другой продал в ближайшем районном центре. Различие в доходах будет существенным. Из него (различия) неизбежно вытекает вывод, что не так важно, сколько выработать, как важно, почем продашь.

Будут ли такие общественные отношения содействовать укреплению трудовой дисциплины? Мы не говорим уже о трудностях и затратах труда, с которыми связана реализация продукции. Именно поэтому передовые колхозы давно отказались от натуральных форм оплаты труда и поощрения. Более того, государство через банк выдает ссуды слабым колхозам, дабы и они могли переходить на денежную оплату труда, ибо она не только результат хорошей работы, на и важная предпосылка подъема экономики.

IV

В течение первых пяти лет хозяйственная реформа осуществлялась на уровне предприятия. Главки, министерства, финансовые, плановые и снабженческие органы ее нововведениями охвачены не были. Отсюда проистекали двоякого вида недостатки: предприятиям было трудно реализовать предоставленные им права; участие руководящих хозорганов в борьбе за повышение эффективности общественного производства было недостаточным.

Постановлением Совета Министров СССР от 19 марта 1970 г. реформа была поднята на второй этаж. Она распространилась в целом на приборостроительное машиностроение и на министерство, руководящее этой головной отраслью промышленности.

В чем состоит второй этап реформы, если взять лишь те вопросы, которые относятся к теме нашей статьи?

Отрасль переведена на полный хозяйственный расчет. Это означает следующее.

Любое министерство, как орган управления, в сущности, осуществляет лишь административные методы руководства подведомственными предприятиями. Оно утверждает производственную программу, всевозможные нормы и нормативы, разрешает или запрещает премирование руководителей предприятий, назначает и смещает их, выносит благодарности и взыскания.

Экономических рычагов управления у министерства практически нет. Фонд временной финансовой помощи, который оно образует из части прибыли предприятия, настолько незначителен по размерам, что сколько-нибудь заметной роли играть не может. Таковы же и некоторые другие фонды, имеющие к тому же строго целевое назначение.

Получаемые ассигнования из государственного бюджета министерство через главные управления (главки) распределяет между предприятиями. Неиспользованные до конца года средства изымаются в бюджет. Если предприятия не выполнили плана по взносу прибыли и другим платежам в бюджет, министерство материально никак не отвечает. При перевыполнении этого плана материально не поощряется.

Иначе говоря, министерство является учреждением, руководящим хозяйствующими предприятиями и организациями.

Как сказывается подобное положение на эффективности производства? Мы порой читаем такие сообщения. Заводу установлена программа в 1000 ед. продукции, на каждую единицу требуется по существующим нормам 2 т сырья, итого 2000 т. А выделено лишь 1200 или 1800 т. Производственные мощности позволяют произвести 5 млн пар обуви, а план предусматривает 5,5 млн пар. Затраты утверждены в сумме 8 млн руб., выручка —9 млн руб. Прибыль «по Малинину и Буренину» —1 млн руб., а в плане — 1,4 млн руб. и т. д.

Министерство не всегда повинно в появлении подобных неувязок. Она разверстывает то, что получило от плановых и финансовых органов. Но оно материально не страдает от подобных просчетов, как и от затоваривания продукцией, не имеющей сбыта. Так называемые сверхнормативные запасы материалов на складах и неустановленного оборудования на строительных площадках весьма велики и продолжают возрастать. Как это материально влияет на министерства и главки? Никак.

Положение усугубляется тем, что предусмотренное планом финансирование из бюджета осуществляется независимо от платежей в бюджет. Нередко финансисты министерств просят финансировать новое строительство в отрасли за счет государственного бюджета — источника надежного, а прибыль планировать ко взносу в бюджет.

Суть опыта в том, что в Министерстве приборостроения все

меняется. Никакого финансирования из государственного бюджета! Решительно все — за счет собственных ресурсов. Запланированные из прибыли взносы в бюджет обязательны при всех условиях, т. е. даже тогда, когда по вине отрасли план по прибыли не выполнен. Допустим, что в 1971 г. приборостроение должно получить прибыли 600 млн руб., из них передать в бюджет 300 млн. Фактически будет получено прибыли, к примеру, 550 млн руб., или на 50 млн менее. Взносы в бюджет не сократятся ни на одну копейку! Уменьшится сумма, оставшаяся в распоряжении министерства, а расходы останутся неизменными. Вот теперь-то интерес к прибыли уже не абстрактный, а жизненно важный: строить надо, и НИИ содержать надо, и техникумов не закроешь...

Но что такое прибыль?

В течение десятилетий мы читали в учебниках, что при социализме целью производства является не получение прибыли, а удовлетворение потребностей народа. Из этой правильной формулировки делался тот неправильный вывод, что прибыль — что-то вредное, греховное. Подобный вывод чужд марксизму-ленинизму. Конечно, получение прибыли не является целью производства при социализме, как, впрочем, не является целью и получение высокого урожая или определенного количества нефти и стали. Целью социалистического производства является построение коммунизма, а развитие экономики — лишь средство достижения этой цели. Маркс и Ленин убедительно доказали, что расширенное воспроизводство обязательно требует, чтобы часть созданного общественного продукта поступала в распоряжение общества и использовалась для удовлетворения общегосударственных потребностей и создания новых производств. Эту часть они назвали прибавочным продуктом. Прибыль и есть конкретное, в денежной форме, выражение прибавочного продукта.

Отдадим себе отчет в очень простом явлении. Никакое предприятие не создает прибыли как самоцели. Предприятие создает продукцию: станки, ткани, бензин и др. Эта продукция реализуется по ценам, установленным не производителем по своей прихоти, а государством. Для производителя цена материалов, уровень зарплаты и цена на произведенную им продукцию — величины данные. Если он уложился в плановый размер издержек производства, то себестоимость продукции ниже отпускной цены и он получает прибыль. Отсутствие прибыли — результат бесхозяйственности. При правильных ценах прибыль — единственный обобщающий показатель степени эффективности хозяйствования. Бояться прибыли — значит поощрять бесхозяйственность.

Итак, Министерство приборостроения уже не абстрактно, а совершенно реально, экономически заинтересовано в выполнении его предприятиями плана по прибыли. Иначе — срыв всей программы хозяйствования.

Есть еще одно обстоятельство. Работники министерства будут получать премии при выполнении заданий плана. А чтобы не было соблазна занижать план, предусмотрено, что от сверхплановой

прибыли (если она превышает план более чем на 2%) отчисления министерству уменьшаются на 30%...

Министерство приборостроения будет создавать различные фонды для финансирования общеотраслевых затрат. Средства в конце года не изымаются.

В чем общеэкономическое значение опыта, проводимого в приборостроении?

Одной из наиболее сложных проблем хозяйствования является сочетание, стыкование текущей и перспективной деятельности предприятий. Хозрасчет, существовавший до 1965 г., предусматривал покрытие предприятием из выручки затрат по текущему производству и получение некоторой прибыли. Новое строительство и другие расходы, обеспечивающие развитие в будущем, при этом не учитывались. Если на производство продукции в течение года затрачивалось 6 млн руб., а от ее реализации выручали 6,5 млн руб., все было в норме. Между тем несколько миллионов рублей, возможно, поступало из бюджета на капитальные вложения, содержание НИИ, детских садов, на подготовку кадров, геолого-поисковые и другие работы. Уже говорилось, что бюджет финансировал эти расходы, даже если не было прибыли от текущей деятельности.

Следовательно, не было экономической взаимосвязи между эффективностью текущей работы и возможностью расширяться в будущем. К тому же львиная доля прибыли (порой до 80—90%) изымалась бюджетом. Интереса или, лучше сказать, потребности в получении прибыли у предприятий не было. В переводе на более понятный язык это означает: экономической, неотвратимой потребности в повышении эффективности хозяйствования у предприятий не было. Мы не открываем никакого секрета: общеизвестно, что заводы, из года в год выпускавшие одну и ту же продукцию, жили вольготнее передовых, экспериментирующих.

В качестве курьеза стоит отметить, что некоторые экономисты считают преимуществом социализма перед капитализмом тот факт, что капитальные вложения направляются в СССР независимо от уровня рентабельности той или иной отрасли. «Закон стоимости у нас не регулятор, — говорят эти экономисты, — мы направляем капитальные вложения в угольную промышленность, хотя она и была планово-убыточной, а не в высокорентабельную ювелирную промышленность».

Разберемся в этом факте. Можно ли предполагать, что в угольной промышленности, где трудится цвет рабочего класса, вооруженный мощной техникой, создается меньше прибавочного продукта, чем в полукустарных ювелирных мастерских? Очевидно, нет. Следовательно, плановая убыточность угольной промышленности вытекала не из условий производства, она вызывалась неправильным ценообразованием. Прибавочный продукт, созданный в угольной и ряде других отраслей тяжелой промышленности, из-за экономически необоснованных цен реализовывался не при продаже угля, леса, руды и т. д., а через цены на ткани, ювелирные

изделия, водку и другие товары. От этого управление экономикой усложнялось, а убыточные отрасли переживали многочисленные трудности. Хотя, разумеется, направление средств в новое строительство должно определяться не только уровнем рентабельности.

В ряде партийных решений указывалось на необходимость приблизить цены к уровню издержек производства. В последние годы в этом направлении сделано многое. Планово-убыточных отраслей с 1967 г. в СССР нет *.

Так вот, принципиальное значение опыта в приборостроении состоит, во-первых, в том, что, прекратив финансирование из бюджета, государство переводит отрасль на самофинансирование, т. е. на покрытие не только текущих, но и перспективных затрат из собственных источников. Тем самым хозрасчет поднимается на более высокую ступень и становится полным хозрасчетом: хочешь развиваться, строить — получай прибыль! Во-вторых, министерство начинает управлять экономическими методами. Принципы хозяйственной реформы распространены на отрасль в целом.

Разумеется, опыт приборостроения не будет механически переноситься на все другие отрасли, у каждой своя специфика. Но основа найдена, и в этом суть.

История развития форм управления социалистической экономикой знает документы, ставшие вехами. Таковы первый Устав о трестах, подготовленный по указанию В. И. Ленина, Постановление ЦК РКП(б) от 5 декабря 1929 г. о хозяйственном расчете на предприятиях, Постановление Совета труда и обороны (СТО) от 23 июля 1931 г. об организации оборотных средств предприятий, «Положение о социалистическом предприятии» от 4 октября 1965 г., Устав колхозов, принятый Третьим Всесоюзным съездом колхозников, и некоторые другие. Постановление от 19 марта 1970 г. о Министерстве приборостроения относится к разряду подобных документов.

V

Для выявления возможностей, скрытых в повышении роли советских денег, представляется полезным проанализировать опыт жилищной кооперации в нашей стране.

За последние несколько лет жилищная кооперация получила большое развитие. В Москве и ряде других крупных городов каждый пятый дом возводится кооперативами. Их удельный вес мог бы быть еще большим, если б не препятствия, чинимые многими местными Советами, полагающими, будто расширение жилищной кооперации ущемляет интересы тех категорий трудящихся, которым поступление в члены кооператива непосильно.

«Количество строительных материалов и мощности подрядных

---

* *Примечание ред.* В результате реформы оптовых цен, начатой с 1 января 1967 г., была временно обеспечена рентабельность работы всех отраслей промышленности.

организаций не увеличиваются от ваших паевых взносов, — отвечают некоторые местные работники желающим создать кооператив, — и если мы построим вам, то отодвинем тех, кто в очереди за жильем».

Так ли это?

Возможности изготовления кирпича и других строительных материалов ограничиваются не отсутствием глины или песка в СССР, а той долей общественного продукта, которая может быть направлена на производство строительных материалов. В переводе на общедоступный язык это означает вот что. Рабочие кирпичных, железобетонных, стекольных и других заводов в обмен на зарплату должны получать продукты питания, одежду и обувь и другие предметы потребления. Внося пай в жилищный кооператив, гражданин А. тем самым отказался от покупки костюма, транзисторного приемника и т. д., а возможно, сократил и потребление масла, мяса и других продуктов. Эти товары и пойдут на покрытие фонда заработной платы работников, производящих строительные материалы, и строителей. Общее количество предметов потребления, действительно, не увеличивается от сбора паевых взносов, но возрастает доля товаров, идущая на покрытие потребностей работников тяжелой промышленности, производящих средства производства, в том числе механизмы и материалы для жилищного строительства.

Паевые взносы, как и вклады в сберегательные кассы и приобретения государственных займов, образуют значительную часть финансовых ресурсов страны, т. е. дополнительных возможностей развития экономики за счет временного и добровольного перераспределения части доходов трудящихся, за счет временной отсрочки удовлетворения некоторых индивидуальных потребностей и создания фонда удовлетворения потребностей коллективных.

Можно полагать, что по мере все более полного овладения экономическими методами управления появятся новые формы использования финансовых ресурсов. Почему бы тому или иному городу не собрать посредством облигаций деньги для постройки цирка, Дворца спорта и погашать эти облигации из доходов указанных предприятий? Разумеется, речь идет о строго добровольных сборах, предусматривающих экономическую выгоду владельцам облигаций.

Пока теоретики спорят, в жизни пробивают себе дорогу здравые идеи людей, заинтересованных в быстром устранении неудобств и в украшении нашей жизни. И вот 7 апреля текущего года «Московская правда» под заголовком «На рыбалку — по путевке» рассказывает о том, что во многих областях страны, и в частности в Осетии, по инициативе спортивных обществ введено... платное рыболовство.

Но предоставим слово заместителю начальника Главрыбвода товарищу Е. И. Егорову.

«Потребительское отношение к природе — заблуждение, слишком укоренившееся, чтобы в борьбе с ним можно было надеяться

только на фанерную агитацию типа «Берегие лес». Здесь одним из действенных средств может и должно стать платное рыболовство.

Сам этот термин вызвал у некотрых читателей газеты бурную реакцию. Кое-кто считает его чуть ли не антиконституционным. Реки и озера, мол, народное достояние, и право на бесплатную рыбалку зафиксировано в Положении об охране рыбных запасов...

Миллионы людей считают рыбалку лучшим видом отдыха. Спору нет, она хороша, даже когда нет клева. Но разве кто-нибудь поедет на водоем, если будет знать заранее, что ничего не поймает? А ведь сейчас есть водоемы, куда можно забрасывать удочку почти с таким же успехом, как и дома в ванну...

Каждый, кто подходит к берегу с удочкой в руках, хочет не только ловить, но и поймать рыбу. А для этого он должен сделать нечто большее, чем насадить червя на крючок. Он должен позаботиться, чтобы рыба в водоеме была, это ведь в его, любителя, интересах.

Ввести платное рыболовство сегодня — значит проявить рачительное, хозяйское отношение к рыбным запасам, значит, умело хозяйствовать на закрепленном за обществом водоеме.

...Вопрос состоит в том, хотят ли рыболовы быть с уловом или предпочтут ничего не предпринимать сегодня и завтра окажутся один на один с неподвижным поплавком».

Вот, оказывается, где может пригодиться разумно используемый советский рубль! Но это еще не все. С разных сторон к нему обращаются с задачами, куда более сложными, нежели рыбная ловля, горные тоннели и даже жилищная кооперация.

VI

«Умеем ли мы беречь землю?» — спрашивает товарищ В. Добровольский, начальник Управления земельных фондов Украинской ССР в письме, опубликованном «Правдой» 10 марта 1970 г., и отвечает: во многих случаях не умеем. В то время как одни ведомства и предприятия проводят большие работы по орошению и осушению земель, известкованию и гипсованию почв, насаждению лесозащитных полос, другие бесхозяйственно используют плодородные площади под промышленное и другое строительство, хотя часто имеется возможность обойтись менее богатыми участками, уменьшить отводимые площади. Главную причину товарищ Добровольский усматривает в бесплатности земли. Она ничего не стоит, чего же, мол, ее беречь? Вывод автора — за землю надо платить. «Только в этом случае будет гарантия рационального использования сельскохозяйственных угодий». Эту мысль поддерживает профессор, доктор экономических наук М. Бронштейн из Тарту. Он напоминает указания В. И. Ленина об ответственности землепользователей за экономические результаты использования национализованной земли. «Главное средство производства в сельском хозяйстве — земля — выпадает из системы хозрасчетных отношений между государством и сельскохозяйственными предприятиями», — пишет М. Бронштейн (Известия. 1968. 4 сент.).

В серии статей «Русский чернозем» (Правда. 1970. 21, 24 авг.) писатель Ю. Черниченко касается, в частности, такого вопроса. В Курской области «Мелиоводстрой» ежегодно затрачивает громадные средства, а толку мало: лесополосы гибнут, пруды водой унесло. Колхозы к этим государственным затратам во многих случаях безразличны. «Иждивенчество — плохой воспитатель: пока даже фашин, даже плетней в оврагах курские колхозы сами не делают».

Везде ли так? Отнюдь нет. В той же области колхоз деревни Жмакино сам, за свои средства провел оросительные работы: все 330 га лесополос целы, все 130 валов не тронуты, «а пастух скорей стравит свой огород, чем молодой березняк». Хороши плоды землеустроительных работ и в Литве. Писатель — не финансист — объясняет: «Одно из условий прекрасного качества литовского дренажа в том, что там повсеместно строят на деньги землепользователя. Финансовое участие в мелиорации многое меняет: пруд — он стоит *своих* 30 тыс., это же целый коровник по цене, глаз с него не спускай!»

А теперь, уважаемый читатель, давайте поразмышляем.

Хорошо ли, что многие колхозы по одному относятся к своему рублю и по-другому к общегосударственному? Стоит ли этому радоваться?

Нет, это плохо, и радоваться здесь решительно нечему. А вот учитывать это обстоятельство, думается, следует. В хозяйственном руководстве Манилов — плохой помощник, впрочем, Собакевич тоже. Исходить следует, видимо, из фактов. Впереди грандиозная программа финансирования землеупорядочения. Представляется весьма полезным подумать о ее возможных формах. Вся ли она должна лечь на плечи государства непосредственно?

— А какая разница, — спросит неискушенный читатель,— карман-то все равно один.

— А та разница, что эффект, отдача совсем иные. А повышение эффективности и есть задача номер один.

Большой важности вопрос поднят в «Правде» (1970. 27 янв.) академиком Н. Мельниковым и членами-корреспондентами Академии наук СССР М. Агошковым и Б. Ласкариным. «Запасам недр нужен счет» — так называется статья, и речь в ней идет о волнующих их проблемах горной промышленности СССР.

Горная промышленность — основа индустрии — развивается в нашей стране бурно. Доля Советского Союза в мировом горном производстве увеличилась с 10% в 1950 г. до 20% в 1967 г. По запасам многих видов минерального сырья наша родина занимает первое место в мире. Технический уровень многих предприятий отвечает самым строгим требованиям.

В то же время велики потери полезных ископаемых при добыче и обогащении. «Каждая четвертая тонна угля теряется навечно в недрах!» Аналогично обстоит в ряде районов с рудой, апатитами, нефтью. Перечисляя ряд причин, вызывающих указанные недостатки, ученые продолжают: «Все это важные, но не главные

причины потерь полезных ископаемых. Главные состоят в том, что у нас до сих пор нет экономической оценки месторождений и экономической ответственности предприятий за неправильную разработку запасов. Нет стимулирующих систем в оплате труда работников шахт, рудников, фабрик, таких систем, при которых люди были бы материально заинтересованы в бережной эксплуатации природных богатств. Нет строгости в утверждении нормативов потерь и учете полезных ископаемых».

Проблемы рационального использования недр обсуждались на ряде ответственных совещаний, на заседании Президиума Академии наук СССР. «Известия» подробно информировали читателей 9 августа прошлого года в статье под красноречивым заголовком «Рубль гору сбережет». В ней, в частности, говорится:

«Надо признать, что экономических стимулов для снижения потерь сейчас, по сути, нет. Как это ни парадоксально, но при существующей системе расчетов, в которых отсутствует стоимость недр и разведанных запасов, увеличивается противоречие между рациональным использованием природных богатств и интересами предприятия. И чтобы устранить это противоречие, может быть, следует установить плату за недра...

Государство тратит миллиарды рублей на геологическую разведку. Открытие каждого месторождения обходится в миллионы рублей. Значит, каждая тонна полезного ископаемого имеет цену еще до того, как предприятие приступило к добыче. И если в себестоимость продукции войдет и стоимость геологической подготовки руды, тогда предприятие, допускающее большие потери, будет терпеть убытки, а другое, более рачительное, сможет увеличить прибыль. Кроме этого, должен учитываться убыток, понесенный государством от потерь полезных ископаемых, ибо при больших потерях приходится разрабатывать руды более бедные».

И так думают не только геологи. Вот что пишет в «Экономической газете» министр финансов Азербайджанской ССР К. Халилов:

«Искусственно созданная бесплатность использования разведанных запасов недр не способствует экономной и комплексной их разработке.

Предполагается установить плату за использование недр, что позволит полнее учитывать рентабельность продукции».

Председатель Совета по изучению производительных сил страны академик Н. Некрасов (Коммунист. 1970. № 10) обращает наше внимание на то, что в себестоимости продукции государственные затраты на воду практически отсутствуют. Вода рассматривается потребителями как дар природы. Между тем государство ежегодно на капитальное строительство и эксплуатацию водного хозяйства затрачивает крупные средства. Недоучет этих расходов искажает представление о подлинной эффективности нового строительства и препятствует правильному размещению производительных сил.

Примерно так же обстоит с лесными ресурсами. Платежи, взимаемые государством с лесозаготовителей (так называемая попенная плата), составляют в стоимости круглого леса: 30—40% в Скандинавии, 18—25% в США и Канаде и лишь около 10% в настоящее время в СССР, а до 1967 г. ставки попенной платы у нас были вдвое меньше. Результат — недостаточно рациональное использование лесных богатств.

Деньги издавна выступают союзником борцов за сохранение в чистоте рек, озер и прудов. Суммы штрафов, уплачиваемых нерадивыми директорами химических и мясоперерабатывающих комбинатов, автомобильных хозяйств и шерстемоек, весьма значительны, но эффект более чем скромный — платят со счета предприятия.

А вот Московско-Окская бассейновая инспекция добилась больших успехов. Москва-река практически чиста. Лучшее доказательство тому — с каждым годом в ней все больше рыбы. В арсенале инспекции наряду со многими другими рычагами и штрафы. «Штрафуем в основном директоров и главных инженеров заводов,— рассказывает в «Литературной газете» 3 июня 1970 г. руководитель инспекции товарищ М. П. Яковлев,— лично их, а не предприятия. Еще штрафуем строителей, если они тянут с окончанием очистных сооружений, и даже проектировщиков в бюро и институтах, если затягивают работу над проектами очистки».

Но рубль не только карающий меч. Его возможности куда больше.

Интересен в этом плане опыт Эстонии. В республике достигнуты большие успехи в восстановлении земель, ранее использованных для промышленных целей. Площадь лесонасаждений превышает ежегодно лесосечный фонд. Откуда эстонцы взяли средства на это? Продуманные рекомендации лесоохранных органов по организации вырубки леса и подбору пород для посадки дают экономию, равную расходам. С разумной помощью людей природа «самофинансирует» свое воспроизводство.

Все ли возможности рубля исчерпаны? Нет, до конца еще далеко.

VII

Научно-техническая революция, накладывающая свой властный отпечаток на все стороны хозяйствования, выдвинула ряд крупных проблем в области организации научных поисков, оформления открытий и изобретений и их внедрения, в организации подготовки кадров и их использования. По общему мнению специалистов, народное хозяйство много теряет от медлительности прохождения по инстанциям научных материалов, от недостаточной активности ряда работников и от их безответственности.

Указывая на разные причины перечисленных и других недостатков, внося самые разнообразные предложения, ученые единодушны в одном — коренное решение проблем будет достигнуто

лишь через создание экономики науки, экономики подготовки кадров. И такая экономика создается, сама жизнь рождает ее повсеместно.

Где тут место рублю?

Существующая система оплаты труда в научно-исследовательских институтах, проектных и других организациях часто критикуется, как построенная на формальных основах. Платят за степень, за должность. Предложение — платить за труд, за идеи!

Московский физико-химический институт имени Л. Я. Карпова уже некоторое время применяет подобную систему. Оклады сотрудников подвижны. Они устанавливаются аттестационными комиссиями на основе всестороннего учета деятельности научных сотрудников. Итоги подводить пока рано, но вот что говорит научный сотрудник института Б. Огородников (Лит. газ. 1970. 29 апр.):

«Я наблюдал, как растет инициатива, как люди начинают критичнее относиться к сделанному, дорожить каждой минутой свободного времени. Трудовая дисциплина все более сменяется внутренней самодисциплиной, столь ценной для подлинного ученого...

...Эксперимент помог в институте создать новый психологический климат, когда каждый из сотрудников исполнен уверенности: ничто положительное в его работе не останется втуне, как и не останутся незамеченными любая недоработка, любое снижение творческой активности».

По мнению многих изобретателей, большую пользу может принести отмена бесплатности предоставления технической информации. Завод, где сделано изобретение, получает своего рода патент. Он распространяет предложение среди других предприятий за деньги, получает прибыль и за счет нее поощряет самих изобретателей и весь коллектив.

Два возражения очевидны.

Первое. Не отказываемся ли мы от одного из принципиальных преимуществ социалистической экономики, выражающемся в неограниченной возможности распространения технических открытий? Не возрождаем ли коммерческую и техническую тайну? Нет, по-моему, не отказываемся и не возрождаем. Можно с уверенностью предположить, что завод-изобретатель (если позволительно так его именовать) не только не затаит открытия, но, напротив, всячески будет их рекламировать. Да и сами изобретатели станут знатными людьми. С ними начнет «водиться» главный бухгалтер!..

Второе. Если иной раз изобретением не заинтересуешь и бесплатно, то какой может быть разговор о плате? Как это ни покажется парадоксальным, но опыт показывает, что в жизни именно так и бывает. Когда информационные бюллетени бесплатно рассылаются всем-всем, они нередко валяются на столах в технических отделах. Между тем если то или иное конкретное предложение будет отобрано по каталогу и предварительно оплачено, то, естественно, что и отношение к нему изменится коренным образом.

Какие основания имеются для подобных предположений? Опять-таки опыт, практика. Бесплатные рекомендации многих НИИ лежат в столах руководителей плановых отделов и главных инженеров, а получаемые за плату от Института экономики Сибирского отделения Академии наук СССР — внедряются.

Еще более трех лет назад «Правда» (1967. 6 сент.) в статье «НОТ на хозрасчете» рассказала о новой системе отношений одного из научных институтов Министерства сельского хозяйства РСФСР с совхозами и колхозами. Подсчитывается реальная экономия у заказчика, часть ее перечисляется институту, разработавшему предложение. Работы «на полку» невозможны, неспособные сотрудники вынуждены менять работу.

Впрочем, хозрасчетных НИИ и вузовских лабораторий в стране многие сотни. Этим никого не удивишь. Но рубль им, к сожалению, не только помогает. Зачастую он мешает, и очень чувствительно.

Президент Академии наук Киргизской ССР К. Каракеев пишет в «Правде» (1970. 18 авг.) о трудностях, возникающих из-за неразумного финансирования. С одной стороны, институты Академии наук всячески призывают развивать хозрасчетные темы. Но одновременно соответственно сокращают ассигнования из бюджета; от этого страдают общенаучные, теоретические темы.

Руководители институтов связаны по рукам и ногам даже в использовании выделенных сумм. Подобных выступлений можно привести намало.

«Почему накладно экономить?» — спрашивает начальник научно-исследовательского сектора Куйбышевского авиационного института Н. Тихонова (Правда. 1970. 7 июня).

И отвечает:

«Министерство финансов в свое время ограничило долю общей суммы договора, которую лаборатория может направить на зарплату сотрудникам. Это благое намерение поставить преграду раздуванию штатов на деле нередко приводит к искусственному увеличению стоимости научных разработок. Фонд зарплаты, который разрешено получить лабораториям, обычно не превышает 40—50% от суммы договора. Но бывает так, что лаборатория существует много лет, хорошо оснащена и не нуждается в оборудовании и приборах. Для выполнения договора ей нужно, скажем, 45 тыс. руб. на зарплату сотрудникам, 2 тыс.— на командировки, 5 тыс.— на материалы, 5 тыс.— на прочие расходы, всего 57 тыс. Однако договор она вынуждена заключать на 100 тыс., так как иначе не обеспечишь зарплатой сотрудников.

С другой стороны, экономить на заработной плате тоже накладно: сэкономишь нынче — на следущий год процент фонда соответственно снизят. Так что к концу года — в дело, не в дело — фонд зарплаты стараются израсходовать, благо это несложно. А вот как быть, если какая-то лаборатория (еще хуже, если несколько) выполнит сверхплановые работы? Ведь проведение до-

полнительных исследований равносильно экономии зарплаты. Тут фонд на следующий год обязательно снизят.

На наш взгляд, ограничения фонда заработной платы по хоздоговорам, введенные Министерством финансов, устарели и превратились не в орудие экономии средств, а в стимул для их растранжиривания. Настала пора этот порядок пересмотреть».

Обобщая это выступление, следует сказать, что не существует системы финансирования науки, соответствующей месту науки в современном мире. Крупнейшие институты, составляющие гордость нашей страны, рассчитывают на год вперед потребность в канцелярских принадлежностях, «прогнозируют» количество и длительность командировок...

А между тем проблемы, действительно заслуживающие внимания, остаются втуне. Мы имеем в виду финансирование высшей школы и техникумов.

В нашей стране около 5000 вузов и техникумов. В них обучается более 9 млн. человек. Подготовка специалиста с высшим образованием обходится государству в 5—6 тыс. руб. Короче говоря, высшее и среднее специальное образование выросло в отрасль народного хозяйства.

Успехи советской системы подготовки кадров общеизвестны. Но это не дает нам права закрывать глаза на недостатки. Многие выпускники вузов и техникумов не имеют организационных навыков; окончившие технические и агрономические учебные заведения слабы в экономике.

В печати много пишут о посредственных студентах.

Существует ли какая-либо экономическая система, побуждающая учебные заведения выпускать специалистов высокой квалификации? Увы, ее нет. Организация работы вузов и техникумов, напротив, мешает проявлению требовательности.

В самом деле, контингент набора равен плану выпуска. Это значит, что отсев лодырей на первых курсах сократит численность обучающихся и отсюда штаты в вузах. К тому же отсев дополнительно учитывается в качестве отрицательного показателя. Итоги экзаменационных сессий тщательно обсуждаются учеными советами, и понижение среднего балла воспринимается как ЧП. У слабого преподавателя всегда больше четверок и пятерок, чем у сильного: к чему дополнительно раздражать студентов?

Чем отвечает вуз, если выпускник зря имеет диплом? Ничем.

А если подключить к этому делу рубль? Такая идея уже носится в воздухе, о ней уже спорят на страницах печати. Мне, например, кажется разумным такое предложение: завод переводит государственному бюджету (через учебное заведение) стоимость подготовки специалиста, а по истечении 3—6 месяцев, если молодой специалист не соответствует требованиям, он отсылается на доучивание. Деньги же возвращаются на счет завода.

Что изменится?

Предприятия будут брать специалистов лишь в том случае, когда они действительно необходимы, а не про запас. Известно,

что штаты заводоуправлений, проектных институтов и НИИ у нас гораздо большие, чем за рубежом. Плохих работников не станут держать, и студенты убедятся в том, что учатся они для себя, а не для деканата. Возврат каждого учащегося, сопровождаемый перечислением денег со счета учебного заведения, привлечет всеобщее внимание. Отставшие от жизни кафедры и преподаватели будут просвечиваться рублем почище, чем рентгеном.

Это лишь один из вариантов, не исключаются, конечно, и другие.

Научно-техническая революция требует от нас способности перестраиваться. Не только физики убедились в неизбежности «странного мира». Пора и экономистам расширять сферу своего влияния, проникать в храмы, доселе недоступные и чуждые «прозе». Это диктуют жизненные интересы повышения эффективности общественного производства.

VIII

Из песни слова не выкинешь... Приходится говорить и о том, как порой рубль, неумело употребленный, приносит ущерб народному хозяйству.

Но сперва факт, а затем размышления.

Под рубрикой «Что сделано? „Известия" проверяют» газета 28 июля 1980 г. сообщает читателям:

«У этого разговора длинная история. Сначала, в 1966 г., „Известия" рассказали о поисках, находках и трудностях Краснодарского мясокомбината на путях становления экономической реформы. Затем в начале 1967 г., „Известия" вынуждены были вновь вернуться к разговору о деятельности коллектива и его руководителей. В тот раз речь шла уже о защите их экономического поиска повышения эффективности производства, который встретил сопротивление со стороны ряда руководителей министерств мясной и молочной промышленности СССР, РСФСР и некоторых других ведомств. Как ни спорили тогда с ними работники комбината и краевых организаций вместе с корреспондентом газеты, осторожные люди взяли верх. Редакция решила подождать, пусть время рассудит спор...»

А суть дела в следующем. В мясной промышленности стоимость сырья составляет около 95% всех издержек производства, а все остальные статьи, включая фонд заработной платы,— не более 5%. Поэтому, естественно, основным источником повышения эффективности хозяйствования является полное использование сырья. Но это требует некоторых дополнительных затрат труда. Скажем, повышение качества важного вида кормов — мясокостной муки — дало сверхплановой экономии 14 р. 96 к. на каждого рабочего. Из этой суммы 2 р. 99 к. шли на премии рабочим и 11 р. 97 к.— на увеличение прибыли комбината. Иначе говоря, каждый рубль премии рождал 4 р. дополнительных накоплений, не говоря уже о самом главном — поставке сельскому хозяйству высококачественных кормов.

Эти и подобные им действия работников комбината были запрещены экономистами Министерства мясо-молочной промышленности, так как производительность труда повышалась до 117,6%, а зарплата с премиями — до 156%...

Чтобы соблюсти «правильное соотношение», комбинат теряет ежегодно многие сотни тонн мяса, не производит суповых и борщевых наборов, пользующихся большим спросом.

Не имея возможности полностью привести содержание статьи, ограничимся краткой табличкой, составленной на ее основе:

	1966 г.	1968 г.
Сумма фондов материального поощрения на комбинате, тыс. руб.	335	120
Взносы прибыли в госбюджет	Более 1 млн руб. сверх плана	Недодано к плану почти 700 тыс. руб.

А теперь перейдем к размышлениям.

Несомненным требованием экономики является то, чтобы производительность труда росла быстрее, чем его оплата. Но эта общая линия должна применяться с учетом специфики производства: по одному — в угольной промышленности и по-другому — в мясной. Когда этого нет, мы несем убытки. Не добираем мяса, тканей, цветных металлов, выбрасываем в утиль запасные части и подшипники, которые можно отремонтировать.

Понимают ли экономисты-трудовики, что они творят?

Конечно, понимают. Но они подходят к делу со «своей» ведомственной колокольни. Их дело — обеспечить «правильное соотношение». И обеспечивают.

...Рубль действует не сам по себе, не цветом денежного знака, а через определенные стоимостные формы. Важнейшие среди них — цены и система оплаты труда. За последние годы решениями партии и правительства многое упорядочено в этих обеих областях. Как писал в «Правде» (1970. 13 апр.) председатель колхоза Герой Социалистического Труда И. Усанов: «Эти меры я сравнил бы с благодатным весенним дождем, благодаря которому нивы дают теперь щедрые всходы». Но, к сожалению, нередки и обидные срывы. Об одном из них рассказано в «Известиях» 19 марта 1970 г.

«Вот пример из практики рыбного хозяйства Эстонии. До мая 1968 г. рыболовецкие колхозы были заинтересованы в производстве и продаже населению республики копченой салаки и кильки, так как это было рентабельно. Товар ходовой, нужный, его охотно производили и охотно покупали. С мая 1968 г. была установлена расчетная цена на салаку и кильку горячего копчения — 77 руб. за центнер, это уже нерентабельно. Поэтому в 1969 г. рыболовецкие колхозы стали уменьшать продажу копченой салаки и кильки. Теперь как будто на товарную копченую салаку вводят новую расчетную цену — по 88 руб. за центнер. Но рыбаки уже не доверяют переоценкам.

На острове Хийумаа рыбокомбинат изготавливает редкост-

ную деликатесную продукцию. Но он не перерабатывает и половины той рыбы, что может поставлять соседний колхоз «Хийю Калур». Дело в том, что соотношение закупочных и отпускных цен делает для комбината убыточной как раз самую популярную у покупателя продукцию. Вот почему комбинат на Хиуумаа, как и некоторые другие прибрежные предприятия, за последние годы не развивается. Падает добыча рыбы ценных пород, издавна известной у этих берегов: угря, лосося».

Чем вызываются подобные перекосы? Думается, примитивным меркантилизмом, желанием сегодня получить побольше, без оглядки на завтрашний день.

Таким же примитивизмом отдает стремление административными методами решить экономические проблемы. Касаясь той же рыбной промышленности, «Известия» пишут:

«Вышестоящие органы отвечают за ассортимент. Само по себе обеспечить ассортимент, конечно, похвально. Но методы, которыми это достигается, часто весьма далеки от принципов реформы и отнюдь не обеспечивают желаемых результатов. Капитана пытаются «вогнать в ассортимент» не силой экономических рычагов (разумные расценки, прибыль и объем реализации как основа оценки деятельности), а прямыми директивами: сделать столько-то филе, столько-то мороженой рыбы. Многие капитаны предлагают ограничиться для судна финансовым планом. Конечно, при этом потребуются обоснованные цены, разумная система оплаты труда.

Здесь мы подходим к другой трудной теме. Заработок рыбака, скажем, «Севрыбы» складывается из *одиннадцати* (!) видов оплаты. Среди них менее пятой части составляет сдельная оплата, которая зависит от числа добытых центнеров рыбы, по расценкам, дифференцированным по породам и сортам рыб, районам лова и степени обработки рыбы. Расценки эти часто меняются, чем рыбаки, понятно недовольны. Среди прочих источников стоит отметить премии из фонда зарплаты. Более полдюжины пунктов и подпунктов определяют их размеры. А общая сумма в 1969 г. составила в «Севрыбе» 5,6% к фонду зарплаты. Есть еще премия из фонда материального поощрения, но ее сумма всего 0,75% фонда зарплаты. А ведь это тот главный источник поощрения, в котором должно выразиться влияние экономической реформы на заработки рыбака.

Надо связать новую систему со сдельной оплатой. Лучше всего, видимо, платить в процентах от объема реализации продукции в рублях. Сдельный заработок в нынешнем виде как будто бы заинтересовывает рыбака в безграничном увеличении вылова рыбы. На самом же деле ограничения в применении районного и полярного коэффициентов отбивают охоту трудиться с той же энергией после достижения определенного уровня выполнения плана».

И еще один пример, последний. Западно-Сибирский промышленный комплекс по своим потенциальным возможностям не

имеет себе равных в мире. Темпы его освоения во многом зависят от наличия рабочей силы. Между тем с приростом населения в этой части страны до недавнего времени было плохо. Причины? Отмена в свое время северных и других надбавок к зарплате, недостаточно повышенные (сравнительно с южными районами) ассигнования на жилищное и культурно-бытовое строительство. «Самым лучшим экономистом является сам рабочий... — пишет журналист В. Давыдченков.— Прикинув все «за» и «против», он решает: надо переезжать в те районы, где тот же труд оплачивается лучше. Как показывают выводы ученых, в этом основная причина повышенной миграции сибиряков» (Известия. 1970. 1 авг.).

IX

Теперь мы переходим к самому главному.

В дискуссии, о которой говорилось в начале статьи, часто можно встретить высказывание, что значение денег преувеличивается, что порой материальная заинтересованность вырождается в рвачество, что рубль не всемогущ — доброе слово рубля дороже.

Верны ли приводимые высказывания? Да, верны. Такие недостатки встречаются, и бороться против них, естественно, необходимо. Фетишизировать рубль незачем, любая фетишизация вредна. И если бы речь шла об этих элементарных истинах, то и спора никакого быть не могло бы.

Думается, что в самом деле спорят о другом:

1. Мешают ли материальные стимулы моральным? Помогают они или препятствуют идейному росту советских людей?

2. В чем сейчас главный недостаток — в переоценке или недооценке возможностей, заложенных в товарно-денежных отношениях?

Снова обратимся к бывалым людям.

Лаборатория социологии труда Московского института народного хозяйства имени Г. В. Плеханова совместно с редакцией «Литературной газеты» провела социологическое исследование с совершенно четкой установкой: что думают земледельцы сами о себе? Какие изменения социального характера повлекли за собой перемены в организации и оплате труда?

Были взяты три рядом расположенных совхоза в Казахстане. В двух — имени Токаша Бокина и Каскеленском — обычные системы нормирования и оплаты труда, в третьем, опытном, — безнарядная система с оплатой в зависимости от полученной продукции.

Экономические показатели таковы:

«По данным годовых отчетов, в опытном хозяйстве производство товарной продукции на одного человека составляет 7200 руб. (в Каскеленском — 2814 руб.)... В опытном хозяйстве за один человеко-час произведено продукции на 4 р. 80 к., а в соседнем совхозе имени Токаша Бокина — всего на 97 коп... Прибыль на одного рабочего соответственно (в опытном и Каскеленском): 1140

и 294 руб. Среднемесячная оплата труда одного рабочего 364 и 113 руб. Накладные расходы на 1 рубль продукции соответственно 0,03 и 0,15 руб.»

Нас в данном случае, однако, интересуют не материальные, а социальные последствия. Ими и займемся.

Было опрошено 180 человек, отобранных в строгом соответствии с требованиями научной методики. Анкета содержала 30 вопросов.

О чем же говорят ответы?

Предоставим слово руководителю группы социологии труда кандидату философских наук Н. Алексееву и журналисту В. Кокашинскому (Лит. газ. 1970. 4 марта).

«Как вы расцениваете те задания, наряды, поручения, которые вы получаете и выполняете в течение рабочего дня?»

В опытном хозяйстве вопрос полностью распределился между ответами: «Я не получаю никаких заданий и нарядов, а сам определяю, что полезно и необходимо сделать и в какое время» и «Все, что мне поручают сделать, важно и полезно, так что мои усилия не пропадают даром». В контрольных хозяйствах 86 человек из 120 (47 в совхозе имени Токаша Бокина и 39 в Каскеленском) считают, что нередко они получают непродуманные, неподготовленные задания, из-за чего много усилий тратится напрасно. Таким образом, 71% опрошенных в контрольных хозяйствах находит серьезные недостатки в организации труда, а в опытном хозяйстве отрицательной оценки не дал ни один человек.

59 человек опытного хозяйства указывают, что у них дружный, сплоченный коллектив, конфликты между людьми очень редки. Работой в такой обстановке люди, как правило, дорожат, и это подтверждается еще и тем, что 56 человек в опытном хозяйстве довольны своей работой и не думают о другой, не собираются уходить из совхоза ни в город, ни в другое хозяйство. Лишь четверо указали, что хотели бы в пределах совхоза перейти на более интересную работу.

Иное положение в контрольных совхозах. Здесь нередки конфликты, споры, недоразумения между людьми. Все это вместе взятое выливается в желание переменить работу. Этого хотели бы 84 человека в контрольных хозяйствах.

Сопоставление ответов, полученных на указанные вопросы, позволяет сделать важный вывод об укреплении духа коллективизма в опытном хозяйстве. Интересно также, что одна и та же работа (опрошены ведь в основном механизаторы и строители) оценивается по-разному, — в опытном хозяйстве она приносит людям больше удовлетворения.

С учетом предыдущих ответов естественным выглядит и ответ на вопрос анкеты: «Чувствуете ли вы себя хозяином в своем совхозе?», т. е. насколько человек чувствует себя ответственным за все дела в хозяйстве. Положительный ответ дали 55 рабочих опытного хозяйства из 60. В контрольных хозяйствах 79 опрошенных из 120 (66%) дали отрицательный ответ.

Итак, мы выяснили, что работники опытного хозяйства доволь-

ны своей работой, получаемое за нее вознаграждение представляется им справедливым и в большой степени стимулирующим их инициативу и энергию, работа протекает в обстановке взаимопонимания и широкого самостоятельного участия в решении всех вопросов жизни коллектива.

В анкете был предложен и вопрос, который позволял бы работнику в наиболее общем виде оценить свою жизнь в коллективе, свое социальное самоощущение, соответствие (или несоответствие) всего того, что он делает в коллективе и получает от него, своим жизненным целям и задачам, своим представлениям и идеалам.

В опытном хозяйстве почти половина людей полностью довольны своей жизнью, считают возможным осуществить в совхозе и через посредство совхоза как свои материальные, так и духовные цели и задачи. Это, нам думается, весьма высокий процент удовлетворенных и «счастливых». Вторая половина считает возможным с помощью совхоза удовлетворить свои материальные потребности, но не может в небольшом поселке, отдаленном от культурных центров, находящемся фактически на краю пустыни, достичь своих духовных целей. К этому следует отнестись с полным уважением и пониманием. Вместе же обе группы дали, на наш взгляд, чрезвычайно высокую оценку опытному хозяйству с точки зрения возможности реализации своих личных жизненных планов.

Понятно уже из всего предыдущего, что в контрольных хозяйствах эта оценка была невысокой.

Перейдем ко второму вопросу. Что нам больше «угрожает» сейчас: переоценка или недооценка товарно-денежных отношений?

В начале статьи говорилось о широком распространении представлений о несовместимости социализма и денег. Необходимость жесткой централизации и преобладание административных методов руководства в 30-50-х годах также не могли не сказаться. Красноречивым доказательством тому является тот факт, что еще совсем недавно политическая экономия не считала средства производства товарами, да и сегодня немало университетских кафедр (и отнюдь не на Курильских островах) считают, что, конечно, они товары, но...

Полным голосом необходимость экономических методов управления народным хозяйством (кроме, разумеется, работ В. И. Ленина) сформулирована в решениях мартовского и сентябрьского (1965 г.) Пленумов ЦК КПСС и XXIII съезда партии. Времени прошло не так много, и ход реформы переубедил еще далеко не всех. Настороженное отношение к прибыли, премиям, самофинансированию питается дополнительно существенными промахами, действительно допущенными в некоторых социалистических странах. Наконец, нельзя упускать из виду того важного обстоятельства, что значительная часть хозяйственных кадров обучалась в вузах в период отрицания или полупризнания действия закона стоимости при социализме. К тому же руководить административными методами проще и вроде бы осязаемее.

У нас просто мало экономистов — не говоря уже об инжене-

рах и агрономах,— которые представляли бы себе в полном объеме возможности, заложенные в товарно-денежных отношениях, за исключением некоторых форм и способов их использования, к которым мы привыкли в течение десятилетий. Мы ощупью находим такие, в общем, простые формы, как плата за фонды, дифференцированный уровень процента за кредит. Поэтому представляется нам, что стрелка экономического компаса должна направлять на поиски дальнейших возможностей использования советского рубля для повышения эффективности хозяйствования.

Когда же экономические и социальные условия для этого созреют, деньги будут переданы в Музей истории социалистического строительства, где они займут достойное место.

Особенность товарного производства, впервые указанная Марксом, состоит в том, что отношения между людьми принимают форму отношений между вещами. Обмен продуктами труда земледельца и ткача осуществляется через продажу пшеницы и покупку холста первым и продажу холста и покупку пшеницы вторым. Удастся ли им встретиться? Будет ли продан товар? За какую цену? Все неопределенно, тревожно. Отсюда товарный фетишизм, приписывание самому товару сверхъестественных способностей обмениваемости или необмениваемости.

Еще большей всеобщности достигает денежный фетишизм. Гений Пушкина оставил нам образ Скупого рыцаря, добавить к которому ничего невозможно. Ужасы капиталистической эксплуатации воспринимались и воспринимаются широкими народными массами как проявление «власти денег». Социализм покончил с эксплуатацией людей и тем самым с «властью денег» в таком ее понимании.

Но социалистическое общество не может и не должно перепрыгнуть через реальные этапы восхождения к коммунизму. Оно не имеет еще условий для перехода к непосредственному учету труда и распределению продуктов труда в натуре. Забегание вперед чревато большими опасностями. Об этом свидетельствует и наш собственный опыт, и опыт зарубежный.

Внимательный читатель легко заметит, что большинство цитат, приводимых в статье, позаимствовано из трех-четырех источников за ближайшее полугодие. Без труда число подобных высказываний можно удесятерить.

О чем говорит этот факт? Что следует из того обстоятельства, что академик и рыбовод, колхозник и писатель, социолог и мастер в цеху, не сговариваясь, почти в одних и тех же выражениях говорят о возможностях рубля, обращаются к нему за помощью.

В. И. Ленин видел важнейшую задачу печати, экономической науки в непрерывном анализе реально протекающих процессов жизни, изучении нового, выяснении, насколько коммунистично это новое. Как известно, этому жизненно важному делу он противопоставлял «писание пустяковых тезисов».

Нельзя сказать, к сожалению, что этот ленинский завет выполняется до конца экономистами.

Между тем Программа КПСС трезво и научно требует от нас полного использования товарно-денежных отношений при создании материально-технической базы коммунизма. Не противопоставление моральных стимулов материальным, планирования экономическим методам управления, а органическое их сочетание принесет народному хозяйству нашей страны новые успехи в девятом пятилетии.

«Когда мы победим в мировом масштабе, мы, думается мне, сделаем из золота общественные отхожие места на улицах нескольких самых больших городов мира. Это было бы самым "справедливым" и наглядно-назидательным употреблением золота для тех поколений, которые не забыли, как из-за золота перебили десять миллионов человек... Пока же: беречь надо в РСФСР золото, продавать его подороже, покупать на него товары подешевле» [5].

---

[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 225—226.

РЕФОРМА. ГОД СЕДЬМОЙ [1]

Шесть лет наша экономика развивалась под знаком хозяйственной реформы. В самых различных условиях реформа проходила проверку временем и выдержала ее успешно.

Действительно, народное хозяйство (все без исключения его отрасли и районы страны) в течение восьмой пятилетки развивалось быстрыми темпами, и, что особенно важно, количественные достижения сопровождались существенными положительными экономическими сдвигами.

В текущем пятилетии предстоит завершить перевод всех хозрасчетных предприятий и организаций на новые методы планирования и экономического стимулирования. Вслед за промышленностью реформа охватывает полностью строительство, совхозы, транспорт, торговлю, бытовое обслуживание. Одновременно с расширением сферы применения экономических методов управления происходит их углубление. Мы имеем в виду, во-первых, распространение принципов самофинансирования.

Самофинансирование означает качественное изменение хозяйственного расчета, его переход в более высокий разряд. При, так сказать, обычном хозрасчете предприятия и отрасли должны покрывать выручкой от продажи изготовленной продукции текущие затраты на производство (заработная плата, стоимость материалов и электроэнергии, амортизации зданий и машин и т. п.), иметь некоторую прибыль, достаточную для взноса установленных платежей в государственный бюджет, и образование поощрительных фондов. Но новое строительство, развитие научных исследований и геологических поисков, а также социально-культурные мероприятия (подготовка кадров, содержание детских учреждений и другое) они финансировали за счет ассигнований из государственного кармана. Иначе говоря, хозрасчет охватывал в основном лишь текущую деятельность.

Самофинансирование, как видно из его названия, означает, что отрасли полностью отказываются от бюджетной помощи. Все предусмотренные планом потребности по расширенному воспроизводству покрывают сами из внутренних ресурсов. Они передают в госбюджет значительные суммы денежных накоплений, гарантированные при всех условиях. Это значит, если приборостроительная промышленность, допустим, не выполнит по своей вине план по прибыли и вместо 400 млн руб. получит 380 млн, взносы в доход государственного бюджета не уменьшатся ни на одну копейку.

Не означает ли переход на самофинансирование распада едино-

[1] Дружба народов. 1972. № 2.

го народного хозяйства на автономные совокупности? Не уменьшается ли экономическая роль Советского государства? Не отпадает ли надобность в банках, кредите?

Нет, нисколько. Напротив, экономическая роль централизованного плана возрастает. Именно план устанавливает на пять лет вперед все параметры деятельности самофинансирующейся отрасли: что и сколько производить, сколько затратить и сколько выручить, как распределить прибыль. Что касается кредита, то его роль тоже увеличивается. При недостатке средств уже нельзя обращаться в бюджет, надо идти в банк за ссудой, при этом необходимо обосновать потребность и дать гарантию возврата.

В чем же тогда смысл самофинансирования? Да в том, что предприятия и отрасли отвечают перед государством уже не по множеству частных и текущих показателей, а по глобальному итогу.

Различие между обычным хозрасчетом и самофинансированием позволительно сравнить с разницей между школой и вузом. Учащегося спрашивают в обоих учебных заведениях, но в одном на каждом уроке по кусочку, а в другом раз в семестр по всему курсу; студент достаточно взрослый человек, чтобы самому контролировать свои повседневные занятия. При самофинасировании возникает неотвратимая зависимость между возможностью строить, развивать научные исследования, проводить модернизацию оборудования и эффективностью текущего хозяйствования: хочешь расширять — получай прибыль!

Освобожденный от непрерывных хлопот с действующими предприятиями, государственный бюджет сконцентрирует свои ресурсы на новых, целинных, районах страны: их предстоит вовлечь в активный оборот. Он будет финансировать новые отрасли общественного производства, где еще нет собственных ресурсов.

Другим принципиально важным явлением становится создание новых и развитие существующих объединений. Истекшие шесть лет проведения реформы показали, что многие права, предусмотренные экономическими методами управления, не по плечу мелкому и даже среднему предприятию. Более половины промышленных предприятий сегодня насчитывают до двухсот человек каждое. Какие экономические службы тут оправдают себя? Какая оргтехника может себя окупить? Слияние предприятий в объединения меняет облик промышленности, придает ему черты, соответствующие концу XX в.

Создание значительного числа производственных хозрасчетных объединений предоставляет неизмеримо большие возможности для осуществления принципов реформы, чем это было возможно на отдельных предприятиях: объединение крупнее, оно действительно может устанавливать прямые связи с поставщиками и покупателями, создавать научные институты и лаборатории, внедрять современные методы управления. Объединения — организационная и материальная база осуществления научно-технического прогресса.

Наконец, углубление реформы состоит в дальнейшем совер-

шенствовании экономического механизма (цены, финансирование, кредитование, поощрения и другое), о чем более подробно речь пойдет дальше.

Современный этап хозяйственной реформы, как нам представляется, отличается той особенностью, что многочисленные споры и дискуссии, характерные для первых лет восьмой пятилетки относительно принципов реформы, в основном затихли. Практика отобрала то положительное, что содержалось в высказываемых мнениях, и отбросила ненужные крайности или преждевременные пожелания. Идет внешне негромкий, но активный и весьма полезный процесс внедрения в жизнь оправдавших себя методов управления, планирования и стимулирования. И поскольку, повторяем, деловая эта работа на поверхности мало заметна и слышна, то отдельные экономические обозреватели за рубежом, да и некоторые скептики внутри страны, «потеряли» реформу и полагают, что она едва ли не сошла или сходит на нет.

Что же практически делается сегодня, на втором году девятой пятилетки, в области дальнейшего развития и внедрения хозяйственной реформы?

Одним из значительных недостатков в переходе предприятий на новые условия хозяйствования в годы восьмой пятилетки было отсутствие стабильных планов. Хотя Положение о промышленном предприятии, принятое в конце 1965 г., обязывало руководящие хозяйственные органы утверждать предприятиям устойчивые перспективные и годовые планы и предусматривало внесение изменений в такие планы лишь в виде исключения и с обязательным согласованием их с самими предприятиями, в действительности по многим причинам реализовать это требование не удалось. Хозяйственники справедливо жалуются на то, что стабильность планов, хотя она несколько улучшилась по сравнению с предыдущими годами, остается все еще недостаточной и это мешает повышению эффективности производства. Нужно ли подробно объяснять значение стабильности планов? Без них невозможна техническая и экономическая стратегия на предприятиях и тем более в подотраслях и отраслях. Между тем наличие подобной стратегии — элементарная предпосылка для успешного внедрения научно-технического прогресса.

Как бы бурно ни развивалась та или иная отрасль производства, новое не сваливается с неба, оно имеет глубокие корни в земле. «Чудо — это тщательно подготовленное мероприятие»,— гласит древняя поговорка. Чтобы внести изменения в технику или технологию, надо видеть перспективу развития на многие годы. Работа футурологов, прогнозы на 2000 год — не праздное занятие ума, а неотложная нужда.

«Подвижный» план подсекает основы рационального прогнозирования на предприятиях, и потому стабильность планов стала народнохозяйственной проблемой.

Теперь, после того как Верховный Совет СССР утвердил пятилетний план, министерства могут и обязаны установить каждо-

му предприятию, стройке пятилетние планы с распределением по годам. Одновременно они должны дать им экономические нормативы, по которым формируются фонды стимулирования. Тем самым создается реальная возможность обеспечения стабильности планов для каждого предприятия на всю пятилетку. На этой основе можно устанавливать и длительные нормативы основных экономических параметров работы предприятий: заработной платы, производительности труда, рентабельности, оборотных средств и так далее. Имея подобные планы, предприятия не будут бояться «наступления на пятки» и смогут более полно, чем сегодня, раскрыть и пустить в ход внутренние резервы повышения эффективности. Резервы эти безграничны и используются еще далеко не полностью.

В плановой экономике социалистического общества основой быстрых темпов роста народного хозяйства является раскрытие до конца каждым предприятием его внутренних возможностей, дабы они могли быть с самого начала учтены планированием. Сегодня положение таково, что далеко не все предприятия по-настоящему «откровенны» с государством. И когда так ведут себя многие тысячи коммунистов-хозяйственников, то следует обратиться к анализу условий их общественного бытия, которое — это хорошо известно — определяет их общественное сознание.

Постановление ЦК КПСС о дальнейшем развитии социалистического соревнования поставило необходимые точки над «и». Мы подробно остановимся на этом вопросе в дальнейшем.

Не следует думать, что само по себе утверждение перспективного плана гарантирует в течение всех пяти лет его стабильность. Еще предстоит превратить возможность в действительность. Сделать это совсем не просто, ибо в значительном числе случаев изменения в план вносятся не по прихоти главков, министерств или Госплана, а вызваны важными причинами и обстоятельствами. Очевидно, необходимо признать, что возникновение непредвиденных обстоятельств — явление объективное, неизбежное, и поэтому надо соответственно предусматривать неизбежность этого явления при разработке плана, как предусматривают, скажем, страховые органы неминуемость в отдельных местах засухи, наводнений, эпизоотий. Попросту говоря, речь идет о том, что нужно заранее оставлять про запас какие-то производственные мощности, материалы, рабочую силу, транспорт, тару и, пуская их в ход, удовлетворять дополнительно возникающие потребности без ломки утвержденного плана.

Справедливый вопрос читателя: «Почему же так не делают?» требует ответа. В течение десятилетий наша экономика развивалась в условиях крайней нехватки всего: машин, материалов, людей. Сформировался плановик, видящий свою задачу в максимальной загрузке всех наличных ресурсов. Да и злополучный здравый смысл протестует: то ли еще появится новая потребность, то ли нет, а резервы оставляй! Между тем диалектика отношений такова, что стремление к максимальной загрузке плана «сверху» рождает

припрятывание резервов «снизу», где хорошо знают, что за планом последуют надбавки.

В экономике, как в физике и химии, здравый смысл не всегда лучший помощник. Надо считать: если оставление резервов «дешевле» ломки планов, то из этого и исходить.

Плановикам предстоит преодолеть психологический барьер.

И еще одна проблема. Полувековой опыт существования народного хозяйства нашей страны показывает, что никакой план, даже наилучший, не в состоянии учесть до конца всех резервов, которые вскрываются в ходе его выполнения, особенно в динамичный век научно-технической революции. При всем том, что в план необходимо включать все внутренние резервы, планы перевыполнялись и будут перевыполняться. Задача, очевидно, состоит в том, чтобы своевременно учесть перевыполнение плана и направить возросшую трудовую энергию по наиболее правильному руслу. В течение истекших лет мы встречались, к сожалению, с фактами, когда на многие виды досрочно или сверх плана изготовленной продукции не было спроса и она оседала в виде сверхнормативных запасов на складах и строительных площадках. Далеко не полностью был использован, к примеру, и рекордный «сверхплановый» урожай яблок нынешней осенью.

На многих складах и базах «Союзсельхозтехники» запасные части и другие ремонтные материалы накопились в количествах, превышающих годовую, а во многих местах и полуторагодовую потребность. При этом нужных частей и агрегатов нет. На стройках, подчиненных министерству промышленности строительных материалов РСФСР, на начало 1971 г. лежало неустановленное оборудование стоимостью более 30 млн руб., в том числе сверх всякого плана (сверхнормативного) на 15 млн руб. Еще хуже в легкой промышленности. На стройках министерства легкой промышленности РСФСР на ту же дату неустановленного оборудования было почти на 100 млн руб., в том числе сверх нормативов на 46 млн руб. [2] Чтобы судить о размерах замороженных ценностей, достаточно сказать, что в плане девятой пятилетки предусмотрено уменьшение этих запасов на огромную сумму — 6 млрд руб. [3]

Оснащение предприятий и руководящих хозяйственных органов современной техникой управления, и в частности ЭВМ, позволяет, как показывает опыт, достаточно точно прогнозировать на значительный срок ход выполнения плана и маневрировать таким образом, чтобы производить лишь то, что действительно нужно, и направлялось тем предприятиям, которые нуждаются более всего.

Обнадеживающие изменения происходят и в другой области, где успехи реформы в прошедшие шесть лет были, пожалуй, наиболее скромными. Мы имеем в виду материально-техническое снабжение предприятий и строек средствами производства.

---

[2] Финансы СССР. 1971. № 8. С. 6.
[3] Деньги и кредит. 1971. № 9. С. 21.

Давно известно, своевременное, бесперебойное и комплексное снабжение позволяет предприятиям и стройкам давать стране продукции больше, быстрее, дешевле и лучшего качества. Отсюда и рождаются непрерывные требования совершенствовать материально-техническое снабжение и в меру возможности смягчать излишнюю административную регламентацию, требования перевода планового распределения средств производства на рельсы оптовой торговли ими.

В начале реформы был создан Госснаб СССР с разветвленной системой межведомственных снабженческо-сбытовых органов. Это несколько улучшило материально-техническое снабжение, но не сняло с повестки дня необходимости коренного его совершенствования. Жизнь не посчиталась с многочисленными заверениями скептиков и пессимистов, будто недостаток материальных средств не позволяет в ближайшие годы ожидать принципиально важных изменений в данной области. Она и здесь нашла разумную середину между крайностями и воплотила ее в форму так называемого гарантированного комплексного снабжения. Первыми на эту систему перешли территориальные управления Госснаба СССР в Москве, Ленинграде и Мурманске.

В чем суть гарантированного комплексного снабжения?

Территориальные управления Госснаба СССР для начала взяли на себя обязательства бесперебойно снабжать крупнейшие промышленные предприятия (в Мурманске — стройки) всем необходимым. Потребители не знают ни иногородних, ни местных поставщиков. Все необходимое эшелонами или килограммами они получают с территориальных снабженческо-сбытовых органов, передав им все свои фонды и лимиты, все права и документацию, связанные с обеспечением производства.

Я участвовал в апреле прошлого года в заседании научно-технического совета Госснаба СССР: там делились первым опытом жизни по-новому. Директора предприятий и начальники строек говорили о том, как нормализовалась и облегчилась их деятельность, какой значительный дополнительный эффект получен в результате упорядочения снабжения, сколько высвободилось времени для творческого труда во всех звеньях — от бригадира до директора.

И вот что любопытно: чтобы обеспечить бесперебойное удовлетворение потребителей, общегосударственным снабженческо-сбытовым органам пришлось увеличить на 10—15% постоянные запасы материалов, инструмента и других средств производства на своих складах и базах. Одновременно предприятия, убедившись в надежности «тыла», сократили свои складские запасы на 25—35%. Значит, в целом по данному кругу потребителей запасы не только не увеличились, но существенно сократились, и высвободившиеся материальные ресурсы были направлены на удовлетворение других потребителей. Иначе и не могло быть: наведите порядок в своем письменном столе и один ящик наверняка окажется свободным...

Что же отличает гарантированное комплексное снабжение от оптовой торговли средствами производства?

Первое. Оно пока охватывает не всех потребителей, а лишь часть их, правда важнейшую. Но это отличие непринципиальное; речь идет о временной фазе, о постепенном переходе на данную форму снабжения.

Второе. Потребители продолжают составлять заявки, представлять их в свои руководящие органы и затем, как уже говорилось, передавать территориальным управлением Госснаба СССР. Нужны ли управлениям и самим потребителям эти фонды и заявки? На заседании научно-технического совета Госснаба СССР, о котором уже упоминалось, обе стороны, и заводы и снабженцы, говорили о том, что никакой реальной пользы от заявок и фондов нет. Общая потребность по городу или области может быть определена значительно более простым и глобальным методом. А конкретным потребителям, если вместо одних материалов нужны другие, снабжающие органы поставляют, разумеется, необходимое, а не то, что год тому назад было заявлено в фондах. Так же точно не нужны заявки тысячам районных баз нефтесбыта: они знают потребителей и могут определить потребность в горючем и смазочных материалах без опроса каждого колхоза и совхоза.

Создается впечатление, что при гарантированном снабжении составление заявок и выделение фондов — дань отживающей традиции, как всякая дань, она обременительна и дорогостояща. Остается надеяться, что необходимые организационные выводы будут сделаны без излишнего промедления.

В решениях XXIV съезда КПСС специально указано на необходимость дальнейшего распространения гарантированного комплексного снабжения, и нет сомнения том, что органы, ответственные за выполнение партийных решений, приложат все усилия, чтобы успешно решить задачу. Им придется преодолеть немалые трудности как объективного, так и субъективного порядка, в частности сломать сопротивление противников новой формы снабжения в главснабсбытах.

Но гарантированное снабжение — не единственная, хотя и важнейшая форма перехода к оптовой торговле средствами производства. Наряду с ней развиваются и многие другие формы: прямые договоры между поставщиками и потребителями на имеющиеся в достаточном количестве или могущие быть дополнительно произведенные материалы (а их очень много); открытие мелкооптовых баз и розничных магазинов для продажи многих приборов, химикатов, метизов. Следует ведь иметь в виду, что по десяткам тысяч видов материальных ценностей 80—90% общего количества потребителей, вместе взятые, расходуют 0,1—0,2% всех ресурсов. А между тем они тоже составляют заявки, им выделяют фонды.

Поистине, куда конь копытом, туда и рак клешней...

Расширение безлимитной, бесфондовой реализации средств производства вовсе не означает перехода от плана к стихии. Производство будет планироваться так же точно и даже точнее, так как

будет известна подлинная потребность, не как сегодня. По материалам, необходимым постоянно в заранее известных количествах (уголь, металлы, удобрения, цемент и другие), будут заключаться годовые и долговременные договоры. Остаются, естественно, кооперированные поставки, более того, с созданием объединений они расширяются.

Но одновременно необходимое можно получить и по разовому договору, и по телефонному звонку, и заехав на базу.

Таково требование технического прогресса, и с ним приходится считаться. Логика вещей сильнее любой другой логики.

Возможно, что одной из наиболее сложных проблем в истекшие годы оказалась проблема правильного сочетания оплаты труда и роста его производительности. Наряду с тем, что на многих предприятиях производительность труда правомерно росла быстрее, чем его оплата, имело место и противоположное явление, когда оплата труда (включая поощрительные фонды) росла более быстрыми темпами, чем производительность. Тем не менее и в этой области за истекшие годы накопилось много положительного.

Речь идет о новых формах оплаты труда, когда сам коллектив предприятия заинтересован в экономии фонда заработной платы и заработная плата выдается не за выполнение тех или иных операций, а за получение реального продукта, удовлетворяющего потребности народа.

Прежде всего должно быть названо Министерство приборостроения, средств автоматизации и систем управления. Вместо того чтобы утверждать ежегодно фонд заработной платы для отрасли (и вызывать у нее привычный рефлекс запросить побольше), он устанавливается в определенном процентном отношении к объему товарной продукции (или к другом экономическому показателю, характеризующему расширение производства и повышение его эффективности.) Этот процент, норматив, исчисляется таким образом, чтобы обеспечить опережающий рост производительности труда по сравнению с ростом средней заработной платы.

Более того, если фактически достигнута экономия против определенного подобным образом фонда зарплаты, часть этой экономии используется для дополнительной оплаты трудящимся за совмещение профессий, повышение качества работ и тому подобное.

В этом же направлении действует «щекинский эксперимент», получивший высокую оценку на XXIV съезде КПСС как форма, сочетающая одновременно интересы каждого работника, каждого предприятия и народного хозяйства в целом. Суть «щекинского эксперимента» достаточно известна и пересказывать ее нет необходимости [4]. Однако распространяется он пока довольно медленно, и, как показывает ознакомление с положением дел, эта медлительность вызвана в значительной мере неуверенностью хозяй-

---

[4] За три года эксперимента выпуск продукции на Щекинском комбинате вырос на 86%, а производительность труда увеличилась вдвое. На Челябинском металлургическом заводе благодаря этому методу было высвобождено 1200 человек.

ственников относительно устойчивости условий, на которых вводится «щекинский эксперимент». Попросту говоря, некоторые директора предприятий опасаются, как бы дополнительная оплата труда за совмещение профессий и восполнение занятости сокращенных работников не была впоследствии отменена, и меньшему числу рабочих и служащих придется выполнять повышенный объем работы без дополнительной оплаты. Очевидно, необходимо четко гарантировать стабильность условий «щекинского эксперимента», энергичнее популяризировать его результаты и добиться более быстрого и широкого распространения этой оправдавшей себя формы организации оплаты труда.

Но «щекинский эксперимент» не только уменьшает потребность в работниках, не только включает интересы каждого в общий интерес — его экономические и социальные последствия неизмеримо более значимы. Когда на место ушедшего никого не берут — и такая система охватывает город в целом,— пропадает охота без нужды менять место работы: можно ведь и не найти другого, а переезжать из города в город не так просто.

Так кладется экономическая преграда бесцельной текучести, бродяжничеству, вызванному безответственностью и твердым знанием, что всегда и везде устроишься на работу. Специалисты подсчитали: переход рабочего в машиностроении с одного завода на другой стоит обществу сто рублей. А «бродят» миллионы людей. Можно надеяться, что утвержденное в 1971 г. Положение об условиях перевода предприятий на щекинскую систему приведет к широкому и быстрому ее распространению.

В сельском хозяйстве все большую популярность получает безнарядная оплата работ в зависимости от количества и качества полученного продукта. Опять-таки, не описывая сути этой формы оплаты труда (она достаточно известна), следует сказать, что препоны к повсеместному ее внедрению (как показало обсуждение этого вопроса на совещании передовиков сельского хозяйства в «Комсомольской правде») в значительной мере организационного характера, и, следовательно, для их устранения нет необходимости привлекать какие-то дополнительные материальные ресурсы. Напротив, безнарядные звенья и бригады дают больше продукции, лучшего качества, при более высокой рентабельности, используя меньше техники, материалов и рабочей силы.

Наконец, исключительной перспективой, как нам представляется, обладает новая форма оплаты труда в строительстве, так называемый бригадный подряд, начало которому было положено в Москве бригадой Н. А. Злобина. В распоряжение бригады передается сметная стоимость жилого дома, возводимого ею, и все права и отношения, связанные с получением и использованием материалов, механизмов, рабочей силы и так далее. Опыт показывает, что при этих условиях коренным образом меняется отношение людей к труду. Первый четырнадцатиэтажный дом бригада Н. А. Злобина возводила летом и сдала жильцам на восемьдесят дней раньше срока. Второй такой же дом в более трудных, зимних

условиях был закончен на сто пятьдесят три дня раньше срока (его строили 82 дня вместо 235 по норме), было сэкономлено свыше 61 тыс. руб. при высоком качестве работы. Комиссия приняла жилой корпус с оценкой «хорошо», с гарантийным паспортом на год, а крыши — с гарантией на пять лет.

Опыт бригады товарища Злобина показывает, как велики внутренние возможности, имеющиеся в строительстве, и как эффективны именно экономические методы мобилизации этих возможностей. Мы глубоко убеждены в том, что если кардинально уменьшить численность одновременно возводимых объектов и за этот счет обеспечить их бесперебойное и комплексное снабжение при одновременном применении способа оплаты труда, использованного в бригаде Н. А. Злобина, то получатся результаты, которые сегодня могут показаться невероятными.

Накапливание многих новых и перспективных форм и видов оплаты труда происходит пока без принципиальных изменений в самой системе оплаты труда. В целом эта система та же, что и тридцать лет назад. Но количество переходит в качество. Чем больше новых форм и видов будет рождать практика, тем скорее наступит коренное изменение в системе. Так развиваются все явления и процессы. Какой будет эта новая система оплаты труда? Об этом пока можно лишь строить догадки.

Несомненно, решающий отпечаток на нее наложат требования научно-технической революции. Оплата труда должна содействовать тому, чтобы изжить неоправданную и необоснованную текучесть рабочей силы. Эта текучесть несовместима с ростом культуры производства, его технического и экономического уровня.

Видимо, будут энергично поощряться высокое качество изделий, строгое соблюдение технологической дисциплины, техническое творчество, рационализация и изобретательство. Для многих категорий трудящихся — проектировщиков, конструкторов, технологов, организаторов управления и других — придется, очевидно, ввести оплату труда, которая стимулировала бы поиски вариантов, изучение зарубежного опыта, словом, работу по принципу «семь раз отмерь — один раз отрежь». Особенно важно стимулировать у производителя способность смотреть на продукцию глазами потребителя. Впрочем, об этом пойдет речь далее.

Не желая заниматься пророчествами, все же скажем: в области оплаты труда нас ждут в недалеком будущем важные и прогрессивные комплексные перемены. И тут не будет ничего удивительного. Реформа, внося серьезные изменения в планирование, управление и стимулирование, не может не коснуться организации и оплаты труда.

Осуществление реформы, как и было задумано, сопровождается значительным ростом денежных доходов населения. Это усиливает давление потребителей на рынок и вызывает в ряде случаев неудовлетворенный спрос на некоторые виды товаров. Между тем стимулирующая роль заработной платы и премий, очевидно,

тем больше, чем лучше деньги осуществляют положенную им функцию средства обращения: Д—Т (деньги превращаются в товары и услуги).

Начало новой пятилетки и в этом отношении нас радует. В самом пятилетнем плане, как известно, предусмотрен ускоренный рост производства предметов потребления по сравнению с производством средств производства. Капитальные вложения в сельское хозяйство, легкую и пищевую промышленности, а также в сферу быта возрастают гораздо быстрее, чем в среднем по народному хозяйству. Активно включается в выпуск товаров народного потребления тяжелая промышленность. Но подлинно новым этапом в повышении уровня жизни является постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по обеспечению дальнейшего развития производства товаров массового спроса», принятое в октябре прошлого года.

Остановимся на его основных моментах. В течение предстоящего пятилетия выпуск товаров массового спроса возрастет в 1,9 раза, попросту говоря, удвоится. Практически же, судя по размаху движения за увеличение выпуска предметов потребления, объем этой продукции возрастет еще больше. Намечена широкая и комплексная программа обеспечения производства товаров массового спроса необходимыми комплектующими изделиями, тарой, оснасткой, инструментом. Предприятиям созданы экономические условия, побуждающие заинтересованно относиться к реализации программы; она в значительной степени определяет размеры материального поощрения.

Столь серьезное развитие ряда отраслей, непосредственно работающих на рынок, в такой короткий срок представляет собой в сущности, важный этап в развитии народного хозяйства. Он вызывает к жизни немало экономических проблем, и на некоторых из них полезно остановиться.

Очевидно, что, помимо управления изготовлением товаров массового спроса по вертикали (министерство, главк, объединение), необходимы и какие-то территориальные (республиканские, областные и городские) хозяйственные органы, которые координировали бы производство, дабы избежать дублирования и растрат ресурсов. Такие органы, как нам представляется, могут, кроме того, обеспечивать в централизованном порядке предприятия оснасткой, инструментом, многими материалами и полуфабрикатами, красками, тарой и так далее. Несомненно, будет весьма досадно, если каждый завод сам начнет обзаводиться полукустарным натуральным хозяйством для выполнения заказа на товары массового спроса. Это поведет к серьезным убыткам.

Теперь о самом заказе. На первых порах, сразу после XXIV съезда КПСС, директора металлургических, машиностроительных, химических, деревообрабатывающих и других предприятий сами, кто как мог, находили изделия, которые, по их мнению, более всего подходят к основному профилю их предприятий и могут иметь значительный спрос на рынке. Очевидно, что сейчас, когда

речь идет о широкой комплексной программе, рассчитанной на много лет, подобная самодеятельность неуместна и недопустима. Постановление об организации производства товаров массового спроса потому и поручает формирование заказа министерствам торговли и Центросоюзу, которые, естественно, ближе к потребителю и лучше знают спрос.

Не следует, однако, переоценивать глубину и широту познаний торговых организаций. «Приливы» и «отливы», происходящие со швейными машинами, мясорубками, лезвиями для бритья и многими другими товарами, показывают, как быстро торговые организации переходят от бездны отчаяния к необоснованному оптимизму и обратно.

Но завод, затративший немало сил и средств, чтобы освоить и наладить изготовление новых для него изделий, не может и не должен расплачиваться за недостаточную осведомленность торговых организаций и их неумение прогнозировать потребности покупателя. И дело здесь вовсе не в том, чтобы ругать торговлю. В те годы, когда товаров не хватало и брали все подряд, не было экономических условий для систематического изучения спроса, и потому сетования на сей предмет беспредметны и малополезны.

Спрос — дело весьма сложное и трудноуловимое, и потому следует трезво подходить к вопросу и не ждать в ближайшее время формирования заказа на подлинно научной основе. Между тем производители да и потребители ждать не могут и не желают. Значит, наряду с большими стратегическими программами по изучению спроса — а такие программы имеются и выполняются — надо испробовать множество и других приемов, дающих результаты пусть несколько менее надежные, но более быстрые и в общем достаточно достоверные. Торговые предприятия по всей стране накопили известный опыт локального изучения спроса. Очевидно, его необходимо обобщить, проанализировать и пустить в ход. Неоценимое без всякого преувеличения значение имеет хорошо поставленная информация. Можно надеяться, что тусклые рекламы типа «Пейте соки» (в которых порой часть букв отсутствует, так как перегорели трубки) будут заменены оперативной, содержательной по существу и яркой по форме информацией о новых товарах, которая удовлетворит интерес покупателей и, что особенно важно, покупательниц.

Как и всякое большое дело, реализация огромного потока товаров массового спроса требует соответствующей материальной базы.

Оптовым торговым организациям нужны большие механизированные склады для хранения основной массы товарных запасов, чтобы маневрировать ими и направлять их в необходимых количествах туда, где они требуются. Сегодня таких складов и баз крайне мало, и свыше трех четвертей товарных запасов хранится в розничных предприятиях. Как это выглядит на деле? Допустим, что швейная фабрика отправила в торговлю вагон пальто одинакового

фасона. Не имея возможности принять их в свою базу, оптовая организация направит весь товар в какой-то магазин, и там потребность в данном фасоне будет насыщена на многие месяцы или же — что тоже часто бывает — в этот магазин начнется паломничество из самых разных и дальних мест.

Чтобы произведенное изделие стало товаром, ему нужно присвоить цену. По некоторым примерным подсчетам у нас действует 8—9 млн цен. Значительная часть из них устанавливается в Государственном комитете цен. Неудивительно, что порою опытные, экспериментальные изделия месяцами и полугодиями лежат в очереди, ожидая оценки. Разумеется, в ценообразовании необходима единая политика, однако количество переходит в качество, и тысячи новых наименований товаров не могут и не должны терять время в ожидании прейскурантов. Эту проблему предстоит решить не откладывая.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии говорится: «Большая и сложная задача насыщения рынка предметами народного потребления должна решаться при стабильном уровне государственных розничных цен, а по мере создания необходимых экономических предпосылок — и при снижении цен на отдельные виды товаров. Следует решительно пресекать факты завышения цен, усилить контроль за установлением розничных цен и тарифов на бытовые услуги, строго спрашивать с тех руководителей предприятий и хозяйственных органов, которые пытаются обойти установленный государством порядок» [5].

Это очень важный момент, который характеризует развитие экономики в седьмой год реформы и накладывает отпечаток не только на собственно экономические отношения, но и на все стороны общественной жизни.

Стоит ли подробно объяснять значение стабильности цен? Она укрепляет курс рубля и тем самым усиливает стимулирующее значение заработной платы и премий, и отсюда — побуждение к повышению производительности труда, усилению режима экономии, увеличению товарности сельского хозяйства и производства продукции в промышленности. Стабильность цен имеет громадное социальное и общественно-политическое значение.

Нередко можно услышать, что рост цен происходит во всем мире и что такой процесс якобы представляет собой неизбежное следствие научно-технической революции и высоких темпов развития производства. Мы не можем согласиться с подобного рода толкованием. Действительно, в капиталистических странах идет непрерывный и все убыстряющийся рост розничных цен и тарифов на услуги. Однако, как мы полагаем, дело здесь вовсе не в том, что это неминуемо вызвано научно-технической революцией, а в том, что определенная часть общественного продукта, производимого в капиталистических странах, представляет собой предметы вооружения и другие виды военной техники, которые являются

---

[5] Материалы XXIV съезда КПСС. М.: Политиздат, 1972. С. 52—53.

прямым вычетом из национального дохода, прямой потерей для народов.

В самом деле, с точки зрения статистических индексов, растет производство металлургии и машиностроения, и под этот рост с тем или иным отставанием выдается заработная плата. Однако ракеты, самолеты, бронетранспортеры и другие виды военной техники, а также миллиарды долларов, выплачиваемые военнослужащим, размещенным на базах едва ли не всех континентов, являются не чем иным, как тяжким бременем для экономики соответствующих стран. И именно это бремя вызывает рост цен. К сказанному следует добавить, что политика повышения цен сознательно проводится монополиями и находящимися у них на службе правительствами буржуазных государств. Это проверенный способ взять обратно, полностью или частично, то повышение заработной платы, которое удается трудящимся вырвать в ходе классовой борьбы.

Стабильность цен, постепенное их снижение по мере создания необходимых предпосылок — принципиальное отличие экономической политики КПСС и Советского правительства от политики капиталистических монополий и буржуазных государств.

В то же время вопрос о том, каким должен быть экономический механизм, способствующий стабилизации и снижению цен,— предмет горячего обсуждения. Совершенно очевидно, что решить эту задачу одними административными мерами не удастся. При всем значении контроля — отрицать его не приходится — им одним не обойтись, имея опять-таки в виду, что речь идет о 8—9 млн цен; к тому же процесс рождения и умирания цен столь же беспрерывен, как выпуск новых товаров и снятие с производства устаревших моделей, образцов и фасонов. Следовательно, должен быть создан, повторяем, экономический механизм, т. е. условия, в силу которых все звенья, от завода-изготовителя до розничного магазина, были бы заинтересованы в соблюдении стабильности розничных цен (а для этого, очевидно, и оптовых) и их понижении в меру возможности. Мы не можем сказать, что создание такого механизма у нас закончено. Предприятие-изготовитель отчитывается по сумме реализованной продукции, и эта сумма является произведением от количества изделий в натуре, помноженным на цену одного изделия.

Следовательно, всякое снижение цены оно должно компенсировать увеличением массы производимых товаров. Примите во внимание, что фонды материального поощрения создаются не только в прямом соответствии с увеличением суммы реализации, но и в зависимости от темпа такого прироста, и вы поймете, что сегодня производителю не так-то выгодно снижать цены или придерживаться их стабильности.

Для неспециалиста поясним сказанное простеньким примером. Допустим, что в 1969 г. завод реализовал продукции на 3 млн руб., в 1970 г. — на 3 млн 300 тыс. руб. и в 1971 г. — на 3 млн. 500 тыс. руб. По абсолютной сумме реализация увеличивалась из года в год. Однако темп прироста, степень скорости возрастания

были в 1971 г. меньшими, чем в 1970 г., составив 6% вместо 10 в 1970 г. По существующим условиям размер поощрительных фондов по этой причине в 1971 г. сократился. В данной статье неуместно рассматривать практические меры, как лучше выйти из этого положения. Достаточно обратить на него внимание. Существующая система образования поощрительных фондов не вписывается в экономический механизм, обеспечивающий стабильность розничных цен, а в дальнейшем их понижение.

Не в лучшем положении находятся торговые организации. Их доходы образуются из наценок и скидок в определенном проценте от оптовой и розничной цены. Если, скажем, торговая скидка по данной группе товаров составляет 4% от розничной цены, то это будет 40 коп. при цене изделия 10 руб. и 48 коп., на 25% больше, при цене изделия 12 руб. У торговых организаций финансовый план, задание по рентабельности, оплата торговых работников и размеры поощрительных фондов зависят от объема товарооборота в денежном выражении, от суммы прибыли и уровня рентабельности, и все эти показатели также не побуждают к снижению цен. Короче говоря, речь идет о том, что экономической науке и практике хозяйствования следует глубоко разобраться в возникшей проблеме и в возможно короткий срок дать предложения о наилучшем ее решении. Можно не сомневаться в том, что такое решение будет найдено. Ф. Энгельс был прав, утверждая, что для развития науки требования жизни важнее, чем открытие новых университетов.

Глобальной задачей, и не только экономической, конечно, а задачей исторической важности, является выдвинутое жизнью требование: *органически соединить достижения научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства.*

Действительно, в скрещении этих двух явлений — научно-технической революции и преимуществ социалистической системы хозяйства — главное наше преимущество в области соревнования мира социализма с миром капитализма.

В передовых капиталистических странах тоже развертывается научно-техническая революция, там ведутся напряженные научные поиски, и было бы легкомысленным и несерьезным отрицать наличие существенных успехов во многих разделах науки и техники на Западе. Следовательно, принципиальные отличия и коренные преимущества нашей страны и других социалистических государств перед капиталистическими в области внедрения научно-технического прогресса состоят не в том, что мы технически заведомо в состоянии создать лучшую машину, прибор или новый вид материалов. Наше коренное преимущество состоит в том, во-первых, что наличие общественной собственности на средства производства создает безграничную сферу поисков и внедрения нового, лишенную чересполосицы и перегородок, неизбежных при частной собственности на средства производства даже при наличии крупных и сверхкрупных монополий. Ограниченная в своих масштабах

и находящаяся в непрерывной конкурентной борьбе, капиталистическая фирма в конце концов неизбежно натыкается на ограничения, мешающие ей использовать результаты научно-технической революции.

Во-вторых, из обобществления средств производства вытекает планомерность развития народного хозяйства. Сознательно поддерживая пропорциональность между отраслями производства, мы тем самым повышаем эффективность затрат на развитие науки и техники, полнее используем плоды технического прогресса. Подобно тому как сила луча многократно возрастает, если свет сконцентрирован, а не рассеян, так и плановое развитие экономики, особенно в нынешних масштабах производства, само по себе создает дополнительные производительные силы и возможности для ускоренного прогресса. Этих возможностей нет и их никогда не будет при капиталистическом способе производства: 54 года — достаточный срок, чтобы убедить в этом любого объективного наблюдателя.

В третьих, и это в конечном счете самое главное, отсутствие частной собственности на средства производства создает то единство интересов человека, предприятия и всего общества, которое является подлинной движущей силой прогресса и которое не может быть заменено никакими изобретениями и открытиями в той или иной области науки и техники. Это единство интересов — наилучшая питательная почва для научных открытий и изобретений.

В чем же тогда проблема? В чем сложность и трудность соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства? Было бы несерьезным попытаться дать ответ на такой сложный вопрос в данной статье. Чтобы разгрызть подобный орешек, придется немало потрудиться историкам и философам, экономистам и социологам, представителям общественных, технических и других наук. Здесь могут быть высказаны лишь некоторые замечания, имеющие, как нам кажется, отношение к рассматриваемому предмету.

Происходившие несколько лет назад между советскими экономистами споры о соотношении между планом и рынком обычно воспринимались как дискуссии о необходимости или ненужности централизованного государственного планирования. Нам представляется, что для такого восприятия споров не было серьезных оснований, если не иметь в виду нескольких неудачных формулировок в отдельных брошюрах и статьях. В действительности, как нам думается, спор был направлен на то, чтобы выяснить, как полностью использовать преимущества централизованного плана, и так, чтобы централизация эта не сдерживала проявления хозяйственной инициативы.

Каждое явление мы должны рассматривать в диалектическом единстве его достоинств и недостатков. Плюсы централизованного планирования общеизвестны. Что же касается его некоторых минусов, то о них обычно говорят и пишут мало. А состоят эти минусы в том, что каждое новое изделие и каждый новый техноло-

гический процесс (особенно если они затрагивают сколько-нибудь широкий круг хозяйственных органов) требуют для своего внедрения довольно длительную процедуру согласований. История многих изобретений учит нас тому, что нередко легче сделать открытие или изобретение, чем добиться его признания, утверждения и внедрения. Поскольку централизованным планом предусмотрена загрузка всех ресурсов предприятий, людских и материальных, то действительно трудно в ходе текущих дел что-то существенно изменить и заменить. Вот речь и идет о том, как совместить безусловную необходимость централизованного планирования народного хозяйства с быстрым и полным использованием всего того нового, что ежедневно приносит научно-техническая революция.

Таков, на наш взгляд, один из аспектов рассматриваемой проблемы. Ее разработка, повторяем, составит одну из наиболее примечательных и ярких особенностей девятой пятилетки.

Пока же в данном направлении делается немало: создаются крупные объединения, включающие в себя, помимо производственных предприятий, научно-исследовательские институты и лаборатории, проектные организации и другие вспомогательные органы, что позволяет наиболее тесно и быстро сочетать успехи науки и производства. Меняются (пока в опытном порядке) условия финансирования научно-исследовательских учреждений. Вместо ассигнований из государсвенного бюджета они живут за счет централизованных фондов министерств, и это также выпрямляет и сокращает пути от пробирки и колбы до цеха. Применяются, пока опять же в опытном порядке, надбавки и скидки к оптовым ценам предприятий в зависимости от того, в какой мере изделия отвечают (или не отвечают) требованиям лучших мировых стандартов в зависимости от их «возраста» и других достоинств. Важную роль должно сыграть и социалистическое соревнование.

...Раскройте, уважаемый читатель, 35-й том Полного собрания сочинений В. И. Ленина на странице 546. «Даты жизни и деятельности В. И. Ленина (25 октября (7 ноября) 1917—5 марта 1918)». Само начало передает степень накала обстановки: «Октябрь, 24(ноябрь, 6), поздно вечером». И далее день за днем — непрерывный поток жизненно важных дел. Впрочем, день за днем — не точно, все время хроника перемежается словами: «...в ночь с...», «...в ночь на...».

Но вот 23 декабря 1917 г. (5 I. 1918) «Совнарком выносит решение о предоставлении Ленину отпуска на три—пять дней». Владимир Ильич проводит в санатории «Халила» четыре дня. За это время им написаны пять работ и среди них «Как организовать соревнование?».

На кратковременном досуге вождь революции размышлял над проблемой, вызвавшей большой интерес во всем мире: каковы внутренние побудительные причины непрерывного развития производительных сил при социализме, когда невозможна конкуренция? Это серьезный вопрос, и он смущал многих мыслителей,

в общем доброжелательно относившихся к идеям социализма, но не видевших реальных путей его построения.

Ленин ответил на этот вопрос знаменитой статьей «Как организовать соревнование?» [6]. На смену разорительной конкуренции, писал Ленин, придет творческое соревнование талантов, которых в народе миллионы, и сила соревнования будет той пружиной, которая двинет общественное развитие и обеспечит победу нового общественного стороя над старым.

Воодушевленная ленинскими идеями, наша партия в течение полувека руководила социалистическим соревнованием, развивала и поднимала его от первых субботников до движения за коммунистическое отношение к труду. В современных условиях социалистическое соревнование и его дальнейшее развитие охарактеризованы как важнейшие условия успешного претворения в жизнь программы экономического и социально-политического развития страны, выдвинутой XXIV съездом КПСС. Необходимо усилить социальную и воспитательную роль соревнования, развить его демократические основы, строить его на договорных началах коллектива с коллективом, работающего с работающим. Речь идет о подлинном соревновании, о состязании в талантливости, ответственности, дисциплинированности и организованности. Дело не только в том, чтобы получить больше тонн или кубометров, и даже не только в том, чтобы они были лучшего качества и обходились обществу дешевле, дело главным образом в том, чтобы, умножая материальные богатства страны, люди сами становились лучше, чтобы расширялся их кругозор, повышался их политический и общественный уровень.

В организации соревнования должна быть значительно усилена роль моральных стимулов. Необходимо создать на каждом предприятии, в каждом цехе атмосферу массового творческого поиска, нетерпимости к техническому и научному консерватизму.

Партия требует осудить практику, когда отдельные руководители предприятий, министерств и ведомств скрывают значительные резервы и возможности, не закладывают их в планы, а в последующем принимают повышенные обязательства, что создает определенные трудности в планировании, материально-техническом снабжении, ведет к отрицательным последствиям в воспитании людей. При сравнении итогов соревнования различных коллективов необходимо прежде всего учитывать напряженность принятых и выполненных планов, а также уровень производственных затрат.

Значение этого требования самоочевидно. Ведь не секрет, что порой коллектив предприятия, работавший не лучше других, но сумевший получить облегченный план, выглядел героем в сравнении с другими предприятиями, давшими стране больше в абсолютном размере, но меньше в процентном отношении к плану и дополнительным обязательствам. Такие случаи, когда план принимался с заведомым учетом того, что имеются возможности для его

---

[6] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 195—205.

перевыполнения и эти возможности оформлялись как дополнительные обязательства,— такие факты, несомненно, наносили огромный ущерб воспитанию честности, принципиальности, государственного подхода в малом и великом у тружеников предприятий. То, что эта практика решительно осуждена, имеет громадное политическое значение. Конечно, планы выполнялись, перевыполнялись и будут перевыполняться, но не потому, что в них, в самих планах, заранее оставлены лазейки, а потому, что никакой план не может учесть всех резервов, которые рождаются ежедневно при хорошей организации производства.

Не желая становиться в позу скептиков, тем не менее скажем, что перестройка социалистического соревнования — дело не простое и не легкое. В этом опять же нас убеждает опыт. Ведь и сентябрьский (1965 г.) Пленум ЦК КПСС, и XXIII съезд партии указывали на необходимость включать в план все резервы. Тем не менее припрятывание резервов не изжито. Помимо других причин, несомненно, сказывается и то обстоятельство, что за многие годы сложились навыки соревноваться главным образом за перевыполнение или досрочное выполнение планов. Пока такая практика будет продолжаться, хозяйственники будут придерживать резервы в момент составления плана.

Большое значение для развития народного хозяйства имеет улучшение экономического образования трудящихся. На современном этапе коммунистического строительства требования к экономическому образованию широких масс трудящихся неуклонно возрастают. Между тем некоторые руководящие работники в отраслях народного хозяйства, и особенно средний и младший командный состав предприятий, совхозов и колхозов, недостаточно владеют навыками экономического анализа, не всегда могут обосновать принимаемые решения и оценивать результаты работы с позиции экономической эффективности производства. Отдельные частные тактические мероприятия должны быть дополнены стратегией обучения экономике.

Речь идет о мерах, рассчитанных на ряд лет и учитывающих конкретные особенности и реальные условия деятельности каждого предприятия, каждого производственного коллектива. При этом, естественно, имеются в виду не только самые близкие и сравнительно легко мобилизуемые резервы экономики, но и резервы в масштабах всего народного хозяйства, связанные с улучшением размещения производительных сил, изменением экономической структуры производства, с соединением, как уже было сказано, достижений научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйствования.

В чем был основной недостаток экономического обучения широких масс трудящихся до последнего времени? На наш взгляд, в недостаточной деловитости, в некотором верхоглядстве.

Никому не придет в голову обучить физике или медицине за две-три недели. Между тем именно на такие сроки рассчитаны всякого рода курсы по экономике, организуемые министерствами и главками для работников предприятий. Во многих популярных

брошюрах (их поток огромен) искусственно облегчается сущность экономических проблем: если-де каждый рабочий сократит время на перекуры на пять минут в день, то... Сложнейшие варианты поисков максимальной эффективности подаются студентам технических вузов сплошь и рядом в виде простеньких арифметических задачек, создающих иллюзию легкости, несерьезности.

Реформа. Год седьмой. Многообразие поисков, находок, внедренных открытий... Каждое новое достижение рождает десятки проблем. Каждая из решенных проблем дает толчок к новым достижениям. Идет напряженная творческая работа.

НАУКА УПРАВЛЯТЬ [1]

Ни одна из сторон экономики не привлекает к себе в последние семь-восемь лет столько внимания, сколько проблема *управления* народным хозяйством. Ею занимаются научно-исследовательские институты, советы, лаборатории. Выходит много монографий и исследований. Только за последний год прошли Первая конференция по оптимальному планированию и управлению народным хозяйством, созванная Академией наук СССР, и Вторая всесоюзная научно-техническая конференция по проблемам научной организации управления промышленностью. В числе ее организаторов Госплан СССР, Академия наук, Комитет по науке и технике, Министерство высшего и среднего специального образования, Всесоюзный совет научно-технических обществ и другие высокоавторитетные органы и ведомства, ряд вузов и НИИ. На эту конференцию было представлено 311 докладов. Тезисы заняли 12 томов общим объемом свыше 1500 страниц.

Широкий интерес к проблемам управления, который проявляется «сверху», встречается и переплетается с рядом интереснейших мероприятий, проводимых «внизу». На некоторых заводах по собственному почину составлены и применяются различные «положения» о правах и обязанностях должностных лиц, об отношениях между ними [2]. Явственно ощущается необходимость как-то регламентировать такие, казалось бы, обычные и простые дела, как прием посетителей, в том числе рабочих и служащих предприятия. В ряде НИИ экспериментально проверяются новые системы оплаты труда — «не за звание, а за знание», разрабатываются методики продвижения по служебной лестнице. Благодаря «Литературной газете» широко стал известен «Пульсар» — система отбора наиболее достойных кандидатов на руководящие посты на предприятиях. Сразу возникли лагери отчаянных энтузиастов «Пульсара» и категорических противников. (Автора этих строк следует, пожалуй, причислить ко второму лагерю. Ниже мы вернемся к этому вопросу). Все стали социологами и раздают анкеты подчиненным о начальниках, начальникам — о подчиненных. Кое-где на этой почве начались ссоры...

Чем вызван столь широкий, устойчивый и все усиливающийся интерес к управлению экономикой? Чем он питается?

Обычный и правильный ответ состоит в том, что народное хозяйство накопило огромные внутренние резервы, далеко не полностью используемые. Оно стало исключительно сложным, его от-

[1] Дружба народов. 1973. № 3.
[2] В частности, см.: Взаимные отношения // Известия. 1972. 3 июля.

расли и подразделения переплелись необычайно. Темп развития быстр. В подобных условиях управление, его дальнейшее совершенствование становятся тем звеном, ухватившись за которое, можно быстрее вытащить всю цепь — пустить в дело потенциальные резервы экономики.

Нам представляется, что будучи правильным, такой ответ неполон. Он не акцентирует самого главного.

В самом деле, в народном хозяйстве всегда были большие неиспользованные резервы. Конечно, их абсолютный размер (в тоннах, штуках, миллионах рублей), который был 30 лет тому назад, несравним с нынешним: в 1971 г. 1% экономии на издержках производства в промышленности составлял свыше 3,5 млрд руб., т. е. примерно равнялся стоимости всей промышленной продукции России в 1913 г. Но относительно объема производства (а сравнивать следует, естественно, относительно, т. е. подходить исторически), повторяю, резервы всегда были велики.

На необходимость уделять большое внимание управлению экономикой указывал многократно В. И. Ленин. Партия руководствуется ленинскими идеями, в частности наметив и проводя в жизнь нынешнюю экономическую реформу.

Что же специфически нового принесли последние годы? Почему проблема управления вызывает такое «половодье чувств»?

Думается, дело здесь в развивающейся научно-технической революции, в стремлении соединить достижения научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйствования. Для этого требуется серьезная переориентация хозяйственников в сторону требований научно-технической революции, и здесь ключом, действительно, является совершенствование управления.

Что конкретно имеется в виду?

Динамизм — характернейшая черта научно-технического прогресса — пронизывает все без исключения стороны экономической жизни: от выбора профессии до смены этикеток на товарах.

Цифры не украшают статьи в художественном журнале. Но без них мне не обойтись. По данным, приведенным в печати, доля новых изделий (тех, которые за четыре года до этого не изготовлялись) составляет ежегодно в промышленности США 8—22%, в 1973 г. ожидается, что эта доля составит 9—32%. Иначе говоря, состав изготовляемой продукции обновляется непрерывно. В начале века внедрение сложного нового вида продукции в США отнимало 20—25 лет, в настоящее время 5—8 лет. В Японии средний срок запуска нового производства — 6 месяцев. Средняя «продолжительность жизни» массовых видов оборудования давно уже менее 10 лет.

Следовательно, научно-техническая революция отнюдь не сводится к тому, что привычными методами изготовляются новые машины и приборы. Она воздействует на все этапы хозяйствования: гораздо быстрее и по-новому проходит появление идеи, разработка проекта, принятие решения, его осуществление, внесе-

ние изменений в проект (в необходимых случаях). Полнее проявляются готовность и способность производственников воспринимать новые идеи и принимать новые решения.

Подобно тому как самонастраивающаяся техническая система в состоянии менять режим работы и производить другие манипуляции, приспосабливаясь ко вновь возникающим условиям,— подобно этому (но, разумеется, с учетом принципиального отличия людей от машин) система управления экономикой призвана быстро, гибко и правильно реагировать на новое в развитии производительных сил, создавая оптимальные условия для внедрения научно-технического прогресса.

Сложившаяся за несколько десятилетий система обсуждений хозяйственных проектов, подготовки документов с десятками виз, заявок на сырье и материалы за полгода до начала планового периода, жестких штатов в научных учреждениях и регламентации расходов по статьям и параграфам явно устарела и во многом должна быть изменена. Руководителю, от министра до директора завода, сегодня уже не под силу с той же степенью детальности, как 10—20 лет назад, вникать во все мелочи своего усложнившегося и выросшего хозяйства. Отсюда и поиски на местах, самодеятельность, полезная лишь до поры до времени. Ожидание эмпирического накопления идей и фактов приведет к потере времени. Если верить А. С. Пушкину, то уже Борис Годунов знал, что «наука сокращает нам опыты быстротекущей жизни», т. е. позволяет быстрее, не повторяя известное, достигать результатов.

Но существует ли в нашей стране наука об управлении экономикой? По крылатому выражению профессора С. Е. Каменицера, никто не говорит: «наука физика»; говорят: «физика». Применительно же к управлению господствует термин «наука об управлении», т. е. наличие такой науки еще требуется доказывать.

Как обстоит дело в действительности?

Проблемы управления занимают в послеоктябрьских работах В. И. Ленина главенствующее место; при этом интерес к ним, волнения и заботы об организации управления непрерывно возрастали. Известно ведь, что последние работы Ильича, продиктованные с предельным напряжением физических сил по нескольку строчек в день, посвящены управлению. Ленин требовал «объявить конкурс сейчас же на составление двух или больше учебников по организации труда вообще и специально труда управленческого» [3].

В 20-х годах в стране существовало более десяти институтов и издавалось около 20 специальных журналов по вопросам управления. Много сил отдавали совершенствованию системы управления хозяйством Я. М. Свердлов, Ф. Э. Дзержинский, М. И. Калинин, В. В. Куйбышев, С. Орджоникидзе и другие руководители партии.

Однако постепенно, начиная с 30-х годов, вопросы организации

---

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 395.

управления отодвигаются на второй план. Исследования свертываются, а совершенствование управления все более сводится к административному сокращению штатов. Некоторые серьезнейшие мероприятия проводились без научного обоснования и предварительной проверки. О подобных фактах подробно говорилось на Пленумах ЦК КПСС в октябре и ноябре 1964 г. Для характеристики положения достаточно, может быть, сказать, что в том же 1964 г. в Московском институте народного хозяйства имени Г. В. Плеханова происходила оживленная дискуссия на тему: существует ли — и возможна ли вообще — наука об управлении экономикой? Не растворяется ли управление в планировании, праве, статистике? [4]

Большинство выступавших в прениях отрицало возможность и необходимость подобной науки... Все это было всего лишь девять лет тому назад.

Какие вопросы представлялись исходными в ту пору?

Соотношение административных и экономических методов управления;

связь централизованных и децентрализованных форм управления;

сочетание отраслевого и территориального принципов управления экономикой;

совмещение единоначалия и коллективных форм управления;

разграничение стабильных (длительных) и текущих (оперативных) видов управления;

использование натуральных и стоимостных рычагов в управлении;

разграничение сфер действия отдельных стоимостных рычагов: цен, финансов, кредита, премий и санкций и других.

Хочется повторить: сегодня не приходится жаловаться на невнимание к проблемам управления; за последние годы сделано многое, но перечисленные вопросы не сняты и, видимо, не скоро будут сняты с повестки дня. Тем более что жизнь все время подбрасывает новые задачи, меняет сложившиеся представления.

Итак, «что мы имеем на сегодняшний день»?

С некоторой долей условности можно сказать, что в науке об управлении экономикой имеются два течения. Одно из них назовем, допустим, технико-математическим, другое — организационно-экономическим. В свою очередь, это второе направление делится на две группы: внимание одной преобладающе привлекают элементы организационно-управленческие, другой — элементы социальные.

Каждое направление предлагает свою стратегию в области управления. А поскольку наука управлять — это наука побеждать, то уяснение различий и формулирование позиции исключительно важно.

---

[4] Об этой дискуссии см.: *Бирман А. М.* Некоторые проблемы науки об управлении народным хозяйством. 3-е изд., М.: Экономика, 1966.

Несколько схематически можно сказать, что сторонники технико-математического направления, искренне признавая на словах принципиальное отличие общественных процессов от технических, при переходе к делу об этом отличии забывают. Они указывают на полную возможность (и в этом они правы) запрограммировать не только работу всех видов оборудования на предприятии, но и необходимость самонастройки и перестройки режима работы. Аналогично этому они полагают возможным (и здесь они не правы) запрограммировать экономическую работу на предприятии. Совокупность предприятий образует отрасль, совокупность отраслей — народное хозяйство СССР.

В целом схема выглядит примерно так. Единый вычислительный центр с подчиненными ему территориальными и отраслевыми ВЦ на основе заданной программы и с учетом непрерывно поступающей информации о ходе ее реализации выдает команды-задания на предстоящий период. В основе системы — строго научный комплекс балансов (трудовых, материальных, финансовых), разветвленная система нормативов и солидная математическая аппаратура, позволяющая устанавливать взаимозависимость, прогнозировать.

Что в этом направлении хорошего и что представляется неправильным? Хорошо то, что экономистов и хозяйственников приучают к количественному выражению качественных процессов и состояний. В области экономики долгое время господствовала «словесность»: общие выражения и определения, в которые вкладывалось порой самое различное толкование. При нынешних взаимосвязях и темпах подобная неопределенность наносит ущерб: движение караванов верблюдов исчислялось неделями, полет ТУ-144 — минутами.

Для пояснения приведем пример.

Одним из основных директивных показателей является реализация продукции, а она зависит не только от того, как работает поставщик, но и как платит покупатель. Если из отгруженных 100 станков оплачено в данном месяце лишь 18, только они и попадут в оценку выполнения плана. Отсюда исключительное внимание к финансовому состоянию покупателей, и не только на сегодня, но и на конец месяца, квартала. Значит, нужно научить ЭВМ прогнозировать финансовое состояние.

Но что такое финансовое состояние? Пустячный вопрос. Кто же этого не знает? Ну... финансовое состояние. Автор этих строк в течение четверти века разъясняет студентам сущность этого понятия, факторы, его обусловливающие, пути укрепления. Но вот пришлось составить программу для машины. Общих слов она не понимает. Ей нужны понятия, выраженные количественно. Последние два года ушли на подготовку подобной программы, а ее все еще нет...

Принуждая экономистов и хозяйственников к строгости и точности, технико-математическое направление оказывает неоценимую пользу совершенствованию управления. Волюнтаризму, субъ-

ективизму, хлестаковщине трудно, неуютно в стерильно чистых залах вычислительных центров.

Но не зря ведь сказано, что специалист, подобно флюсу, односторонен. Видя количественное в проблемах управления, техники и математики упускают качественное, а именно то, что управление не только наука, но и искусство, что управление — деятельность творческая, что резервы экономики вскрываются в самом процессе их массового поиска. Ни организаторы первого субботника в депо Москва-Сортировочная, ни Алексей Стаханов, ни руководители Щекинского комбината не думали, что их начинания станут истоками всенародных движений, войдут в историю. Подобного не сможет запрогнозировать никакая электронная машина, даже сотого поколения.

Что касается организационно-экономического направления (к которому, как ни трудно догадаться, относит себя автор данной статьи), то оно ни в какой мере не отрицает значения и пользы математики и ЭВМ, территориальных, отраслевых и единого ВЦ. Но оно полагает, что наличие самых совершенных телескопов не отменяет потребности в астрономах.

Уже говорилось, что в пределах этого направления различаются два крыла. Одно делает упор преимущественно на то, *что* надо делать в области совершенствования управления, другое — *как* совершенствовать. Можно сказать, что здесь нет противоречия, что оба крыла дополняют друг друга. Беда, однако, в том, что вопросом «*как*» подчас заменяет проблема «*что*», а это уже нехорошо. Впрочем, об этом далее.

Теперь в самую пору поставить изначальный вопрос: что мы понимаем под управлением экономикой?

Уже говорилось, что его смешивали с планированием, учетом, юридической деятельностью. И эта нечеткость далеко еще не преодолена: добрая половина третьего тома докладов на Всесоюзной конференции по организации управления промышленностью относится к собственно экономике, а никак не к управлению.

Что плохого в подобной неопределенности и чем она вызывается?

А плохо то, что проблемы управления тонут, растворяются в проблемах экономических, в результате чего многие хорошие меры проводятся в жизнь медленно или не полностью. Газеты полны жалоб директоров заводов: неизвестно, кто главный заказчик товаров массового спроса, к выпуску которых приступили предприятия [5]. В результате — затоваривание электробритвами, стиральными машинами и рядом других изделий.

Еще пример. Реализация урожая фруктов и овощей для многих колхозов и совхозов оказывается сложнее его выращивания.

Вызывается смешение вопросов управления с близкими ему проблемами — неразработанностью, новизной дела и, конечно,

---

[5] Правда. 1972. 24 июня.

несомненной близостью других сторон экономики к организации управления.

Два-три примера.

Планирование в СССР — одна из важнейших областей хозяйственного руководства. В плане устанавливаются пропорции между отдельными отраслями, темпы их развития, размещение производительных сил и многие другие важнейшие экономические показатели. Естественно, предусматривается проверка выполнения заданий.

Где же здесь место управлению?

Как наилучшим образом организовать саму разработку плана? Как оптимально сочетать план, идущий из центра к периферии, с проектами планов, разработанными на местах, обсужденными коллективами трудящихся? Как учитывать в плане социалистические обязательства коллективов? Как на деле добиться непрерывности планирования без «мертвых» периодов на стыках годов и пятилеток? Вопросы можно продолжать долго.

Исключительно важна и правовая, юридическая сторона хозяйствования, определяющая нормы взаимоотношений и степень ответственности партнеров. Но многие директора жалуются: принятое в 1965 г. «Положение о предприятии» частенько нарушается. «Литературная газета» пишет о «звонках из министерства», ущемляющих законные права заводов. Как организовать управление, чтобы нарушений не было? Издать еще один закон?

Единство централизованной политики цен — аксиома плановой экономики. Но в стране обращается около двадцати миллионов видов товаров, значительная часть их непрерывно обновляется. Как практически достичь единого ценообразования, не затягивая на долгие месяцы утверждение прейскурантов? В каком звене органов ценообразования устанавливать сезонные цены на фрукты и овощи? Они меняются летом на неделе два раза.

Между тем четкое разграничение мы находим у В. И. Ленина: «Дельный экономист... засядет за изучение фактов, цифр, данных, проанализирует наш собственный практический опыт и скажет: ошибка там-то, исправлять ее надо так-то. Дельный администратор, на основании подобного изучения, предложит или сам проведет перемещение лиц, изменение отчетности, перестройку аппарата и т. п.» [6]

Вдумаемся в эти слова. Экономист говорит, что надо сделать, администратор делает. Но в его действиях тоже есть *что* и *как*. Допустим, анализ выявил неувязки между отраслевыми и территориальными аспектами: в городе Н. много мелких инструментальных цехов и литейных, каждый завод обзавелся «своей» ремонтной базой и тому подобное. Рекомендация экономиста — централизовать в пределах города все «тылы» и удовлетворять потребности предприятий независимо от их ведомственной принадлежности.

---

[6] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 345.

Вот эти рекомендации и составляют программу работ по управлению, его «что делать». Решить вопрос можно по-разному: подчинить «тылы» самому крупному предприятию в городе и обязать заботиться об остальных, создать городской трест по обслуживанию предприятий и тому подобное. Если же управленческую сторону не выделить, экономические рекомендации могут остаться на бумаге, как то, к сожалению, нередко случается.

Мы бы предложили такую формулировку: под управлением экономикой понимается совокупность организационных мер и действий, создающих оптимальные условия для практической реализации возможностей и преимуществ социалистической системы хозяйствования. Именно организационные действия определяют сущность управления. В сочетании с политическими, экономическими, правовыми, социальными и другими мерами они образуют руководство народным хозяйством, которое, конечно, намного шире собственного управления.

Если управление включает лишь (подчеркиваю, лишь) организационные меры и действия, то как можно говорить об экономических методах управления?

Возьмем, к примеру, цену — один из самых эффективных экономических рычагов управления. У цены есть экономический аспект: что класть в ее основу, как учитывать соотношение спроса и предложения и так далее. У цены, несомненно, есть социальный аспект: поэтому товары детского ассортимента продаются подчас в убыток, а ювелирные изделия и меха значительно дороже себестоимости.

Но у цены есть и управленческий аспект:

а) как использовать цену для производства именно того ассортимента, который требуется;

б) как осуществлять утверждение и изменение цен (а также контроль за их соблюдением) оптимальным образом;

в) как привлечь производителей, продавцов и потребителей к борьбе за стабильность и постепенное снижение цен.

Но что понимать под организационными мерами и действиями? И тут мы переходим к рассмотрению, возможно, самых спорных проблем — о методах управления, об административных и экономических методах управления.

Время идет так быстро, так заполнено крупными событиями, что, едва успев миновать, становится историей. И вот истории уже принадлежат истоки хозяйственной реформы, хотя ей от роду всего семь лет. Перелистаем же материалы сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС. Что говорится в них о методах управления?

«Пленум ЦК КПСС отмечает, что существующая организационная структура управления, методы планирования и экономического стимулирования в промышленности не отвечают современным условиям и уровню развития производительных сил.

Серьезным недостатком в руководстве промышленностью является то, что в нем превалировали административные методы в ущерб экономическим. Хозрасчет на предприятиях носит во мно-

гом формальный характер; права предприятий в хозяйственной деятельности ограниченны» [7].

Итак, сказано недвусмысленно: превалировали административные методы, а надо на первый план выдвигать методы экономические. Кажется, ясно, но до сих пор время от времени публикуются статьи о том, что плохи не административные методы как таковые, а администрирование; что административные методы, будучи научно обоснованными, нисколько не хуже (а то и лучше) экономических методов.

Чем вызваны подобные взгляды? Думается, представлениями, будто административные методы управления прямо и полно выражают руководящую роль социалистического государства в области экономики, непосредственно опираются на централизованный план. Тогда как экономические методы якобы опираются на рыночные отношения, на стихию, которая еще не известно, куда может завести, а потому лучше быть с ними настороже.

Между тем очевидно, что здесь мы сталкиваемся, по меньшей мере, с двумя недоразумениями.

Первое — отождествление рынка со стихией. В социалистической экономике рынок (т. е. обмен продуктами труда между отраслями производства и районами страны) нисколько не менее планомерен, чем производство. Нужно только не смешивать рынок с базаром...

В самом деле, если не хватает, скажем, хлопчатобумажного трикотажа, а полки завалены хлопчатобумажными тканями, то где нарушена планомерность: в производстве или обращении? Сказанное с равным правом относится к запасным частям, инструменту, электромоторам и так далее.

Второе недоразумение: упускают из виду, что экономические методы формирует и пускает в ход тоже ведь социалистическое государство, и только оно. Цены, процентные ставки, премии и штрафы, финансирование и кредитование, системы оплаты труда — это и есть экономические методы — устанавливает государство, исходя из конкретных задач, стоящих перед страной.

Потому-то и речь идет лишь о различии в методах управления, а не в том, кто управляет. Следовательно, опасения, будто экономические методы в чем-то или как-то умаляют роль социалистического государства, абсолютно неосновательны.

Почему же спорят? Потому что выбор методов управления решающим образом влияет на эффективность экономики.

Сторонники административных методов управления упрекают своих оппонентов в том, что те якобы в дискуссиях подменяют понятие «административный» фактами администрирования, т. е. произвольных действий, никем не оправдываемых. Разумеется, подобная подмена, если она происходит, неправомерна: спорить

---

[7] Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства. М.: Политиздат, 1965. С. 5.

надо по существу. Антитезой экономических методов управления являются административные методы. Что касается администрирования, то мы должны от него отвлечься, как в теоретическом разборе мы при анализе сущности денег отвлекаемся от того, что бывают фальшивомонетчики...

В чем принципиальная сущность административных методов управления экономикой?

В ряде послеоктябрьских работ В. И. Ленин говорит о том, что до победы пролетарской революции не было и не могло быть сколько-нибудь конкретных представлений о том, как управлять обобществленным хозяйством: такие представления могут появиться лишь в результате анализа и обобщения практического опыта. Но ждать нельзя было. К управлению пришлось приступить в первый же час после победы вооруженного восстания. И вот как складывались методы управления: «Мы рассчитывали, поднятые волной энтузиазма... осуществить непосредственно на этом энтузиазме столь же великие (как и общеполитические, как и военные) экономические задачи. Мы рассчитывали — или, может быть, вернее будет сказать: мы предполагали без достаточного расчета — непосредственными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелкокрестьянской стране. Жизнь показала нашу ошибку... Не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете...» необходимо подвести десятки и «десятки миллионов людей к коммунизму» [8].

...Остановимся, уважаемый читатель, и еще раз прочтем ленинские слова. В этом отрывке гениальный автор показывает нам сам процесс рождения представлений, процесс формирования идей. Перед нами рентгенограмма или, точнее, кинолента, фиксирующая течение мысли.

В тяжелейших, неслыханных по трудности условиях удалось достичь полной победы при помощи прямого обращения партии к трудовому народу — непосредственными велениями пролетарского государства: столь глубоко отражали эти веления многовековые чаяния миллионов людей, их коренные жизненные потребности.

В области экономики задачи столь же великие и столь же очевидно справедливые: по-коммунистически наладить производство и распределение продуктов. Применяются те же «непосредственные веления пролетарского государства». Но они дают осечку. И этим воспользовались эсеры, организовавшие кронштадтский мятеж, батько Махно, Антонов и другие. Жизнь показала нашу ошибку...

Почему «непосредственными велениями пролетарского государства» удалось решить задачи общеполитические и военные и не

---

[8] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 151.

удалось решить задачи экономические? В. И. Ленин рассматривает эту проблему в ряде работ, в том числе в первоначальном варианте статьи «Очередные задачи Советской власти».

Борьба против эксплуататоров, разгром белогвардейцев и иностранных интервентов требовали идейной убежденности, беззаветной храбрости. Но воспитание этих черт характера, этих революционных качеств облегчалось самим классовым положением трудящихся. Все условия жизни при капитализме готовили их к борьбе с капиталом.

По-иному обстоит дело в области экономической. «В старом капиталистическом обществе,— пишет Ленин,— дисциплину над трудящимися осуществлял капитал постоянной угрозой голода. И так как эта угроза голодом соединялась с непомерно тяжелым трудом и с сознанием трудящихся, что они работают не на себя, а на чужое благо, то обстановка труда превращалась в постоянную борьбу громадного большинства трудящихся против руководителей производства. На этой почве было неизбежно создание такой психологии, что общественное мнение трудящихся не только не преследовало плохую работу или отлынивание от работы, а, напротив, видело в этом неизбежный и законный протест или способ сопротивления непомерным требованиям эксплуататора... Требовать в этом отношении быстрого перехода или надеяться на то, что перемены в этом отношении можно достигнуть несколькими декретами, было бы столь же нелепо, как если бы призывами пытались придать бодрость духа и трудоспособность человеку, которого избили до полусмерти» [9].

«Непосредственные веления пролетарского государства» и представляют собой сущность административных методов управления экономикой. Нижестоящее подразделение (для Госплана — министерство, для последнего — главк и так далее) рассматривается как исполнитель. Оно получает от вышестоящего управляющего органа решительно все параметры деятельности и обязано их выполнять именно так, как они утверждены в соответствующих показателях.

А показателей этих было, ни много ни мало, от 40 до 50. Подробнейшим образом перечислялись все без исключения виды продукции. Помнится, не то в 1962 г., не то в 1963 московский завод «Серп и молот» чуть было не лишили фонда предприятия за невыполнение номенклатуры (перечня) продукции: ревизор обнаружил, что не было изготовлено 11 кг (!) проволоки-серебрянки. В многолистном документе, видимо, проглядели строчку.

Не менее подробно планировались численность работающих и фонд заработной платы. Общая численность, а также по категориям: основные производственные рабочие, вспомогательные, обслуживающий персонал, служащие, ИТР. Весь фонд зарплаты, в том числе средняя зарплата,— в целом и по отдельным группам. И бывало ведь так: пригласят высококвалифицированного специа-

[9] Там же. Т. 36. С. 145.

листа, «средняя» прыгает вверх и приходится для выравнивания брать еще одного, «подешевле».

Все расходы четко фиксировались по статьям, особенно прижимали командировочные. Если длительность командировки превышала 30 дней, выплата прекращалась. И тысячи монтажников, наладчиков, «пускачей» прерывали авралы и возвращались на сутки домой; «отметятся» и самолетами обратно.

В чем принципиальная основа административных методов управления экономикой? Чем и как аргументируют свою позицию сторонники подобных методов?

Уже говорилось, что внешне такие методы подчеркивают руководящую роль государства: каждое задание, каждый показатель утверждаются централизованно и директивно. Так и должно якобы быть потому, что отрасль, а тем более предприятие не знает и не может знать ни потребностей в их продукции, ни средств, которые могут быть предоставлены. А в чем вред подобной централизации?

Вот классический, на наш взгляд, образец административных методов управления экономикой. В «Комсомольской правде» от 21 апреля 1972 г. помещена заметка «Не проста оказалась подкова». Оказывается, в стране производится мало подков, ковочных гвоздей и шипов: «Потребность Роспотребсоюза на 1972 г. на эти изделия удовлетворена не более чем на 20—30%». Не лучше было и в прошлые годы: «По этой причине рабочие лошади простаивают в конюшнях, а хозяйства несут большие убытки». Делом этим, как явствует из заметки, занимались Министерство сельского хозяйства СССР, Министерство местной промышленности РСФСР и Госплан РСФСР, но толку никакого. К ним и обращается газета с вопросом: «Когда же все-таки будет поставлена точка над i?»

Зададимся, уважаемый читатель, этим вопросом и мы. Территория РСФСР занимает, как известно, 17 млн кв. км. В республике производится чуть ли не две трети всего общественного продукта страны. Может ли — и должно ли — заниматься ими Министерство сельского хозяйства СССР, на которое возложено руководство 15 500 совхозами и 32 800 колхозами? Не ясно ли, что подковы и гвозди можно изготовлять в любом районе страны, в любом поселке из того металла, который ржавеет в хозяйствах и валяется во дворах?..

При нынешнем масштабе народного хозяйства и динамизме его развития центральные ведомства попросту не в состоянии в деталях знать положение дел не то что на предприятиях, но и в главках. Поэтому они вынуждены оперировать средними, усредненными данными. Танцуют от «печки» — достигнутого в прошлом году уровня, к которому на следующий год добавляют примерно равный процент прироста. Но достигнут уровень был по-разному! Один завод весь выложился, а другой, похитрее, кое-что приберег про запас. Второму в новом году будет легче, а первый смекнет: вот, оказывается, как жить-то надо... Между тем в решениях сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС записано: «Важнейшим усло-

вием достижения указанных целей является создание у коллективов предприятий заинтересованности в разработке более высоких плановых заданий...» [10]. Эта мысль подтверждена XXIII и XXIV съездами партии, но сделано еще далеко не все [11].

Однако дело не только в недостатке информации. Сейчас энергично внедряются автоматизированные системы управления (АСУ). Они позволяют иметь в центре достаточную информацию о каждом предприятии, и сторонники административных методов управления усиленно подчеркивают это обстоятельство.

Главное, думается, в том, что предприятия не всегда могут выполнить требуемое. Им мешают те экономические условия, в которых они реально находятся и которые — хочешь не хочешь — определяют и не могут не определять их действия.

Два примера.

Уменьшение материалоемкости изделий — важная народнохозяйственная проблема, ей уделено большое внимание в Директивах на девятую пятилетку. Металлургов, в частности, призывают выпускать изделия оптимальной толщины. Но вот цифры: при прокате круглого профиля из рядовой кипящей стали диаметром 20 мм часовая производительность стана составляет 110 т, что в переводе на деньги дает заводу 7579 руб. Если же завод, откликаясь на призыв, начнет изготовлять прокат диаметром в 10 мм, то народное хозяйство, безусловно, выиграет, но производительность стана упадет до 50 т в час и выручка составит лишь 3745 руб., или около 50% от предыдущей суммы. У завода план, изменить его непросто: подобных фактов не один и появляются они непрерывно.

Второй пример. Строители обязаны не распылять силы и концентрировать их на пусковых объектах. В плане на год утверждены фонд зарплаты и доля заработной платы в составе расходов, допустим, 25%. Между тем отделочные работы более трудоемки, и если заняться преимущественно ими, то в четвертом квартале года удельный вес зарплаты возрастет, скажем, до 35—40%, что сулит начальникам и бухгалтерам СМУ и СУ кучу неприятностей. Поэтому они одновременно начинают работы менее трудоемкие, и сдача почти готовых объектов оттягивается.

Допустим, что мы захотим «перехитрить» строителей и установим им план в квадратных метрах жилой площади. Что же, «метры» будут сданы, а приведение в порядок территории, озеленение и другие завершающие работы затянуты на годы. Москвичи, желающие проверить автора, приглашаются на Б. Переяславскую улицу. Иногородние, вероятно, тоже найдут подобные примеры.

Подведем итог сказанному.

Во главе предприятий стоят, как правило, квалифицированные руководители, честные советские люди, преданные делу партии коммунисты. Им помогают — и их контролируют — партийные

---

[10] Об улучшении управления промышленностью... С. 6.

[11] См.: Дружба народов. 1972. № 2 (ст. «Реформа. Год седьмой»).

организации, профсоюзы, все трудящиеся. Тем не менее все еще часто приходится сталкиваться с такими явлениями, как принятие заниженных планов, затягивание сроков строительства, медленное внедрение научно-технических открытий и изобретений, недостаточно высокое качество многих изделий, текучесть кадров. Стабильность недостатков подтверждает, что они вызываются какими-то объективными, от предприятий во многом независящими причинами.

С другой стороны, и в плановых, снабженческих, финансовых и других центральных экономических органах, в министерствах и главках работают квалифицированные и преданные делу строительства коммунизма люди. Они стремятся к тому, чтобы народное хозяйство развивалось оптимально. Почему ж нет полного «стыкования» между звеньями экономики? Думается, повинна тут живучесть административных методов управления. Они простонапросто стали препоной развитию производительных сил.

Конечно, за годы реформы многое изменилось. Но существует некоторая неудовлетворенность ходом и результатами реформы. Чем она вызывается: сущностью экономических методов управления или тем, как они внедряются в жизнь?

Сущность экономических методов управления, так же как и административных, сформулирована В. И. Лениным. Мы уже приводили эту цитату и сейчас повторим лишь несколько слов из нее: десятки и десятки миллионов людей надо привести к коммунизму при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, обращаясь к их личным интересам, к их личной заинтересованности, на основе хозяйственного расчета.

Вот и все различие между методами управления. Вместо непосредственных велений пролетарское государство использует личную заинтересованность, ведет дело на основе хозяйственного расчета.

Читателю 70-х годов тут подчас не видится проблемы: а как можно по-другому? Но оглянемся вокруг, подумаем о том, как живучи идеи уравниловки в развивающихся государствах, и мы тогда полностью оценим величие ленинских идей и правильность линии КПСС в этой важнейшей для построения социализма области общественных отношений.

Для политически незрелых людей антитезой многовековому политическому угнетению является анархия, отрицание необходимости всякой власти, любого государства. Подобно этому, антитезой многовековой эксплуатации является уравнительное распределение материальных благ, как якобы самое справедливое. Всем поровну, подушно — это ли не царство справедливости?!

Перед нашей страной стояла реальная опасность поддаться этой мелкобуржуазной иллюзии, впасть в экономический анархизм. Но у руля партии стоял Ленин. В 1920—1921 гг. он дал решительный бой троцкистскому лозунгу: ударность в труде — уравнительность в потреблении.

Вчитайтесь в слова вождя революции: «Это совершенная пу-

таница теоретически. Это совершенно неверно. Ударность есть предпочтение, а предпочтение без потребления ничто... Предпочтение в ударности есть предпочтение и в потреблении. Без этого ударность — мечтание, облачко, а мы все-таки материалисты» [12].

Почему необходимо воздействовать, обращаясь к личной заинтересованности? Потому что труд во многих отраслях хозяйства еще тяжел, неинтересен, однообразен. Не все трудящиеся имеют реальную возможность работать по способностям: юношу влечет электротехника, а работать приходится на сахарном заводе. Разнятся жилищные и другие условия жизни и работы.

Именно потому труд не для всех еще стал органической потребностью. Следовательно, чтобы стимулировать работу, необходимо воздействовать на человека, поощрять его заинтересованность в деле. Уравнительная оплата, создавая на самых первых порах иллюзию равенства и справедливости, быстро приводит к противоречиям в коллективах, к падению производительности труда, ибо в действительности она несправедлива: один забивал «козла», когда другой учился в вечерней школе; один работает не разгибая спины, другой по 10 раз в день устраивает перекур и т. д.

Следовательно, распределять, руководствуясь поверхностным представлением о справедливости, нельзя. Распределение призвано способствовать росту производства, созданию того изобилия благ, когда каждый сможет получать по потребности, потому что будет работать по способности. Это и есть подлинная справедливость.

Но люди работают не в одиночку, и государство (общество) не в состоянии иметь дело с каждым из 115 млн. трудящихся; оно строит экономические отношения с коллективами трудящихся, с предприятиями. И тут возникают две задачи:

а) соизмерять вклад коллектива в общественную копилку с тем, что он из нее получает;

б) заинтересовать каждого человека на предприятии в хорошей работе всех остальных.

Обе эти задачи решаются при помощи хозяйственного расчета.

Таким образом, экономические методы управления исходят из того, что люди в действиях руководствуются своими интересами (которые, разумеется, отнюдь не сводятся к тому, чтобы получить побольше зарплату); что своими интересами руководствуются предприятия — коллективы трудящихся; что интересы эти не тождественны и к тому же подвижны, и потому непосредственно удовлетворять каждый из них изо дня в день невозможно. Значит, необходимо иметь систему, экономический механизм, которые непрерывно учитывал бы суть и динамику интересов и удовлетворял бы их оптимальным образом: что хорошо стране, хорошо предприятию, хорошо каждому из нас.

Сразу слышны два возражения.

---

[12] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 212.

Если речь идет о механизме, то, следовательно, он будет действовать в известной мере автоматически. Где же руководящая роль государства в развитии экономики? Подобные упреки встречаются в печати нередко; желание иметь систему управления выдается за смертный грех.

Автоматические станции, запускаемые в космос, управляются не хуже, чем грузовики или моторные лодки, хотя никто не сидит за рулем и не переводит рычаги коробки скоростей. Управляют люди, но более тонко, на неизмеримо более высоком уровне. Точно так же и в экономике. До реформы ежегодно выходили тысячи постановлений и десятки тысяч распоряжений Совета Министров СССР. К ним следует добавить решения правительств союзных республик, приказы министерств. Жизнь показала невозможность непосредственного управления каждым заводом, каждым процессом. Отсюда хозяйственная реформа. Государство по-прежнему — и более эффективно — управляет экономикой, но не непосредственными велениями по каждому поводу. Возражать в наше время против системного подхода к управлению — дело обреченное.

Суть второго возражения в том, что сформулированный оптимальный принцип не нов. Задолго до нас было сказано: «Что выгодно для "Дженерал моторс", то выгодно для Америки». Да, было сказано. Но в условиях капитализма изречение «менеджера» — образец ханжества и фальши. Миллионы людей в США не имеют работы именно потому, что «Дженерал моторс» и другие монополии не желают поступиться и долларом прибыли. В нашей стране подлинные интересы трудящегося, предприятия и всего народа полностью совпадают, и если порой мы встречаемся с трениями, текучестью кадров и тому подобными явлениями, то, как правило, тут повинны огрехи в управлении.

Экономические методы управления начинаются с того, что государство выделяет коллектив каждого предприятия, так сказать, из общего котла и переводит на самостоятельный образ жизни. Примерно так же поступали в крестьянских семьях с сыном после его женитьбы. Предприятию выделяются и оформляются в Уставный фонд здания, сооружения, машины и механизмы, запасы материалов и топлива или деньги на их приобретение. Предприятие в ответе за сохранность Уставного фонда. Оно в известной — довольно значительной — степени обособляется от других предприятий и от государства в целом. Отношения между ним и государством экономические, а не просто административные, хотя, конечно, государственные предприятия основаны на общенародной собственности и, разумеется, во всем подчиняются государству. Как сказано в Положении о государственном социалистическом предприятии, государство не отвечает по обязательствам предприятия, предприятие не отвечает по обязательствам государства.

Для чего вся эта сложность? Нельзя ли как-то проще, ведь собственность общенародная, предприятия подчинены государству. Карман-то ведь один!

— Да, карман один,— отвечал в таких случаях академик В. С. Немчинов,— но в нем разные кошельки.

Идет в исключительно быстром темпе соревнование двух систем. Решает степень эффективности и — еще в большей мере — темп повышения эффективности. Чтобы достичь высокого темпа, нужна предельная адресность, предельная направленность задач. Каждый солдат должен знать свой маневр!

Возникает любопытное диалектическое противоречие: непосредственно руководить каждым предприятием в СССР невозможно: их многие сотни тысяч, одних торговых предприятий больше миллиона. Но каждое предприятие должно точно знать свое место в строю, свою задачу в каждый данный момент. Разрешается противоречие системой экономических рычагов, экономическими методами управления. Они ставят предприятие в такое положение, когда оно само постоянно стремится к оптимуму.

И все-таки нельзя ли строить отношения государства с предприятиями попроще?

Давайте разбираться вместе. Нужно знать, что дало предприятие обществу и на что оно вправе претендовать взамен.

Проще всего судить по количеству изготовленной продукции. Допустим, за каждый произведенный трактор или кубометр досок перечислять предприятию столько-то в фонд зарплаты и премий. Но не менее важно знать, во что обошлась продукция. Можно столько затратить материалов, электроэнергии и так далее на каждый трактор, что лучше бы их не делать. Следовательно, необходимо добавить показатель себестоимости продукции. Достаточно ли этого? Себестоимость киловатт-часа на гидроэлектростанциях значительно ниже, чем на тепловых, но гидростанции требуют больших капитальных вложений в строительство, строятся дольше и, кроме того, затапливают много земли. Значит, к показателю себестоимости надо все эти дополнительные затраты прибавить. Иначе сопоставление будет неточным и выводы ошибочными. Но как сложить время строительства и гектары затопленных земель? Очевидно, их следует привести к общему знаменателю! Таким знаменателем выступают деньги в качестве меры стоимости, практически через цены. О ценах речь пойдет дальше. Пока же скажем, что считать приходится не только прямые, непосредственные затраты, но и опосредствующие, «тыловые». Определяя себестоимость металла в Восточной Сибири, следует помнить, что привлечение труда каждого работника из центральных районов страны обходится в 17 тыс руб. Это не значит, что не следует привлекать; это значит, что необходимо считать. Точно так же в себестоимости хлопка, выращенного в бывшей пустыне, надо учитывать затраты на обводнение, а в себестоимости нефти — расходы на геологические поиски [13].

Припомните, уважаемый читатель, что в одной промышленно-

---

[13] Мы подробно рассматривали эти вопросы в статье «Многогранный рубль» (см: Дружба народов. 1971. № 1).

сти около 400 отраслей и поддотраслей, учтите динамизм нашего времени, и вы согласитесь, что попроще не получается. И в этом еще одно доказательство несовершенства административных методов управления экономикой: им попросту не угнаться за шириной, глубиной и переменностью хозяйственных процессов и отношений.

Переходя к характеристике экономических методов, мы, естественно, не предполагаем анализировать их сущность, сферу применения и так далее, статья — не учебник по экономике. Речь пойдет об управленческом аспекте.

Необходимо начать с цены. В решениях партии многократно подчеркивалось, что в цене перекрещиваются едва ли не все важнейшие экономические интересы. К примеру, руднику в цене должны быть возмещены издержки по добыче руды. Но металлургический завод хочет оплачивать руду, исходя из содержания в ней металла, а не просто по весу. Он прав со своей колокольни; между тем нет соответствия между себестоимостью руды и содержанием металла в ней. При сдаче многих видов сельскохозяйственной продукции сверх плана колхозы и совхозы получают надбавку к цене, но мясокомбинаты и текстильные фабрики могут включать сырье лишь по единой стабильной цене. Если, допустим, металлурги затратят на дополнительные операции 2 млн руб., прокат получится значительно более экономичный и машиностроители выиграют 4 млн руб. Но затратят одни, а эффект получат другие: кошельки-то разные! Можно продолжить перечень примеров, но не в этом суть. И без того понятно, что наличие системы экономически обоснованных цен жизненно важно. За последние годы много хорошего сделано в области ценообразования, многое намечается в нынешней пятилетке. Но это экономический аспект ценообразования. А вот управленческий аспект, механизм функционирования цен разработан намного хуже.

Не менее важным экономическим методом управления является система оплаты и материального поощрения труда. Нет необходимости повторять об эффекте щекинского метода, оплаты от урожая, бригадного подряда в строительстве. Тем досаднее, что распространяются эти формы медленно. Что касается премирования, то, по общему мнению, его организация настолько усложнена, что становится неуправляемой. По иронии судьбы один из самых эффективных экономических методов оказался в клубке административных регламентаций...

Несколько слов о кредите.

Широкое замещение безвозвратного и бесплатного финансирования из государственного бюджета банковским кредитованием — знамение времени. Но управленческий аспект кредитования совершенно еще не разработан. Объекты кредитования, размеры процентных ставок одинаковы — или почти одинаковы — для передового предприятия, идущего на производственный риск, а для «середнячка», твердящего зады; они одинаковы в Ставрополе и Норильске.

Классическим в современных условиях образцом применения экономических методов управления мы считаем *самофинансирование*, введенное с 1970 г. в приборостроении и Главмосавтотрансе. Все без исключения затраты осуществляются из собственных ресурсов; гарантированы при всех условиях (кроме причин, от отраслей независящих) суммы платежей в государственный бюджет. Получили прибыль сверх плана — еще больше расширяйтесь, растите! Проторговались — расплачивайтесь из своего (отраслевого) кошелька.

При условии, что важнейший ассортимент продукции установлен в плане, а цены утверждаются государством, самофинансирование становится упругой пружиной хозяйственного механизма. Как все новое, самофинансирование сталкивается с противодействием консерваторов, но его будущее очевидно.

Сторонники организационно-экономических методов в науке об управлении придерживаются, в общем, изложенных взглядов, хотя по отдельным проблемам далеко расходятся. А дальше начинается членение. Одни теоретики и практики видят самое главное в разработке показателей, нормативов, структуры органов и учреждений, организации информации, технике принятия и проведения решений и так далее. Это крыло было условно названо организационно-управленческим.

Второе крыло, экономико-социальное, важнейшим организационным условием, т. е. важнейшим элементом управления экономикой (вернее, не элементом даже, а основой), считает повседневное участие трудящихся в управлении. Значит, самое главное, по их мнению, в настоящий момент — разработать такие формы и методы, пути и способы, когда перечисленные выше рычаги применялись бы не только профессионалами хозяйственниками и экономистами, но и при повседневном практическом участии десятков миллионов трудящихся. И это участие имело бы характер не не только периодических производственных совещаний и проверок, но было бы включено в систему управления.

К рассмотрению этих вопросов мы и переходим.

При всем том, что материальные стимулы имеют громадное значение для повышения эффективности производства, они одни не решают проблемы соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйствования. Проявляется даже противоречие: после определенного уровня чем выше заработок, тем слабее роль материального стимула. Как метко сказал когда-то поэт И. Сельвинский, «не так хорошо с деньгами, как плохо без них...».

Первыми с этим важным социальным фактом столкнулись передовые колхозы, где заработок в 150—180 руб. в месяц — явление нередкое. В колхозах Белгородской обл., пишет Георгий Радов, доярки зарабатывают до 170—200 руб. в месяц [14]. Обзаведясь домом (квартирой), обставив его, приодевшись и положив

[14] Лит. газ. 1972. 5 июля.

кое-что на сберегательную книжку [15], человек начинает испытывать какую-то неясную неудовлетворенность. Чем дальше, тем больше значат для него содержание, характер выполняемой работы, роль в трудовом коллективе. Проще и конкретнее говоря, рабочему и служащему (естественно, и колхознику) неинтересно быть только исполнителем, просто исполнителем. Чтобы использовать накопленные знания, пустить в ход свои способности, трудящийся человек хочет участвовать и в постановке задач, а не только в их решении. Насколько сильна и объективна подобная тяга к участию в управлении, можно судить по тому, что даже капиталисты-предприниматели вынуждены придумывать какие-то формы привлечения инженерно-технических работников к управленческим функциям [16]. Однако в условиях частной собственности на средства производства дальше паллиативов дело идти не может: интересы сторон антагонистически противоположны.

В нашей стране, как известно, миллионы трудящихся с первых дней существования Советского государства в самых разнообразных формах участвуют в управлении экономикой: коллективные договоры, социалистическое соревнование, народный контроль, Советы депутатов трудящихся, производственые совещания, общественные бюро экономического анализа, различного рода ревизионные комиссии и так далее и тому подобное. Через эти и другие «школы коммунизма» прошло уже несколько поколений советских людей, выделив из своей среды государственных деятелей всех рангов.

Новое в этой области состоит, на наш взгляд, в том, что в современных условиях участие широких масс в управлении должно, если так можно выразиться, приобрести системный характер, уровень. Участие трудящихся в управлении экономикой должно стать частью их работы, их повседневной деятельности. В. И. Ленин считал, что рабочий день трудящихся должен делиться на две части: первая — труд на рабочем месте, вторая — участие в управлении [17]. Тогда широко настежь откроется дверь для перехода от социализма к коммунизму, писал Ленин «когда *в с е* научатся управлять и будут на самом деле управлять самостоятельно общественным производством» [18]. В 1917 г. такая задача была дальним прицелом. Сегодня наше общество практически подошло к ее решению.

Как сочетать твердо регламентированный порядок работы хозяйственных управляющих органов с постоянным участием трудящихся в их деятельности? Как увязать общественные формы такого участия с необходимостью обеспечить высокую ответственность каждого работника за принимаемые решения? Как, наконец,

---

[15] На конец 1971 г. в сберкассах нашей страны хранилось 84,5 млн вкладов, из них 22,3 млн вкладов в сельской местности: средний размер вклада составлял 629 руб., в том числе в сельской местности — 647 руб.

[16] См.: Иностр. лит. 1972. № 3.

[17] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 141.

[18] Там же. Т. 33. С. 102.

практически совмещать работу в цеху и в органе управления? Нет смысла продолжать перечень вопросов, он бесконечен, а ответа все равно не найти за письменном столом. На наш взгляд, жизнь уже дает нам некоторые формы в виде общественных отделов кадров, общественных отделов в исполкомах местных Советов. Разумеется, перечисленное лишь первые побеги, самые начальные формы. К сожалению, подобный опыт плохо обобщается и даже в планах социального развития вопросы управления почти не ставятся.

Если воспользоваться любимым «управленцами» термином «иерархия» и попытаться построить «пирамиду проблем» науки об управлении, то она нам видится такой: человек — экономические рычаги — органы (учреждения) — технические средства управления (АСУ, оргтехника и другое). Разумеется, разрабатывать следует одновременно (параллельно, а не последовательно), все подразделения и затем их «стыковать».

Соединение достижений научно-технической революции с преимуществами социализма достигается, на наш взгляд, прежде всего тем, что каждый трудящийся знает во всем доступном ему объеме стоящие перед предприятием, отраслью задачи; принимает активное личное участие в поиске оптимальных путей повышения эффективности производства; практически участвует в управлении реализацией принятых решений (т. е. не только делает электромотор, к примеру, отвечающий лучшим мировым стандартам, но привлекается к планированию производства этих моторов, к разработке мер поощрения их производства, к организации производства, к контролю за ходом выполнения плана и так далее); материально и морально поощряется и отвечает перед обществом за итоги работы.

Достаточно вспомнить, что в СССР в общественном производстве принимают участие 115 млн человек, что профессий и специальностей насчитывается около полутора тысяч, чтобы стал ясен объем работы в области науки об управлении. В общем виде человек (первая ступень иерархии), трудящийся должен *хотеть, уметь и иметь возможность* каждый день работать лучше, чем вчера. Желание, стремление вырабатывается всей политикой КПСС, идейным воспитанием советского народа и подкрепляется развернутой системой моральных и материальных стимулов. Умение дается учебой, образованием, в частности массовым изучением экономических наук, чему сейчас уделено особое внимание. На долю организации управления приходится третья задача — предоставить каждому трудящемуся реальную возможность «на самом деле управлять самостоятельно общественным производством» [19].

И тут мы должны коснуться вопроса о «менеджерах» и о «Пульсаре».

Если в управлении участвует каждый трудящийся, то нужны ли специалисты по управлению, профессионалы-управляющие, «советские менеджеры»?

---

[19] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 33. С. 102.

Несомненно, что уметь управлять — профессия, что глубоко ошибочно предполагать, будто хороший инженер, агроном или экономист в силу своей профессиональной компетентности обязательно будет и хорошим администратором. Но «менеджер» не только и не просто профессия. Он представитель господствующего класса, отстаивающий интересы этого класса. Он единолично решает, все остальные готовят материал, собирают информацию, выступают как исполнители.

Сотни тысяч передовиков производства, избранных в различные руководящие органы, чтобы справляться со своими обязанностями, обучаются бухгалтерии, юридическим наукам, планированию, финансам. Будучи выдвинуты на руководящие административные посты, они постигнут науку управления, и тем быстрее, чем более эта наука будет глубокой, конкретной, современной [20].

Что касается «Пульсара», то суть его, как известно, в том, что по определенным образом подобранной системе баллов определяется пригодность или непригодность человека к занимаемой должности, целесообразность его продвижения. Сторонники «Пульсара» видят его достоинство в формализации процесса: нет субъективизма, господствует нейтральная арифметика, баллы. Мы видим в этом порок системы.

Подобно тому как браки всегда будут заключаться в результате личного общения людей и их взаимной любви, а не по рекомендациям ЭВМ; подобно тому как поэтами и композиторами всегда будут люди, а не компьютеры, подобно этому, мы уверены, проблемы управления будут решаться в результате волеизъявления людей, обсуждения, обмена мнений, а не подсчета баллов при помощи ЭВМ. Так избирается руководство в партийных органах, общественных организациях, и нет причин для иных методов на предприятиях и в хозяйственных организациях. Дело ведь еще и в том, что сам процесс обсуждения, выдвижения не менее важен, чем его результат: выдвигают одного, учатся управлению сотни. И зачем передоверять машине столь важные общественные отношения? Для чего же мы освобождаем от утомительного однообразия производственных операций мозг человека, если не для участия в общественной жизни? И почему обязательно предполагать субъективизм?

Знакомый с основами науки об управлении, знающий, чего требовать от данного руководителя, коллектив лучше любой машины решит свои дела. Кстати сказать, чем сложнее становятся ЭВМ, чем больше им передается дел, тем все очевиднее принципиальное преимущество человека перед машиной, тем выше гордость за человека. Осознание этого факта в последнее время идет широко и быстро.

В чем сегодня главная беда науки об управлении? В ее слабом

---

[20] Поскольку каждый трудящийся может стать руководителем, изучение проблем управления должно, естественно, включаться в учебные планы всех вузов и техникумов.

воздействии на практику, в ее оторванности от повседневных нужд и забот. Выступая на второй Всесоюзной конференции по совершенствованию управления в промышленности, доктор экономических наук Г. Х. Попов, один из видных теоретиков в области управления, с горечью говорил о том, что научная работа ведется «на любительском уровне». Рекомендации научных советов остаются на бумаге, и ежегодные сокращения штатов проводятся, как и 30 лет тому назад.

К сожалению, в этих словах много правды. Хотя, повторяем, в ряде предприятий проводятся интересные и перспективные эксперименты, в целом перемен в отношении к управлению не видно. Любая девушка, не поступившая в вуз или техникум, принимается в секретари в любом учреждении и назавтра уже отчитывает посетителей. Делопроизводство на каждом заводе ведется по «своей» системе. Действующее «Положение» о социалистическом предприятии часто нарушается «звонками из министерств», о которых писала в мае 1972 г. «Литературная газета».

Обратным результатом нигилизма по отношению к науке об управлении является самоустранение многих людей от части в общественных делах. «Начальство читает газеты, пусть оно и решает»,— в этой иронии есть известный смысл, и его нужно устранить.

Как бы ни был совершенен народнохозяйственный план, сколько бы ВЦ ни участвовало в его подготовке, никода не будет исчерпана основа для проявления инициативы. Хорошо сказано писателем и журналистом А. Аграновским: «Говоря о стирании существенных различий — между городом и деревней, между трудом умственным и физическим,— надобно помнить еще об одном виде разделения труда, может быть наиболее прочном: между людьми думающими и людьми исполняющими... Ощутив себя ответственными товарищами, люди соединили в себе исполнителей и творцов. Вот этого не заменишь никакой кибернетикой» [21].

Мы сумели Россию завоевать, говорил В. И. Ленин, мы должны научиться Россией управлять. Многое сделано в этом направлении, но получилось так, что практика шла впереди теории. Сперва было дело. В последние годы разрыв преодолевается. Что касается «бед», то их достаточно у любой науки: у древнейшей медицины их, вероятно, не меньше, чем у молодой науки об управлении. Но поскольку она же и наука побеждать, то можно быть уверенным — она преодолеет эти собственные беды.

---

[21] Известия. 1971. 8 окт.

ДЕЛОВОЙ ЧЕЛОВЕК [1]

I

Деловой человек социалистической формации. Такая формулировка, видимо, впервые появляется в партийный документах, и она отражает коренные изменения, происшедшие в экономике СССР с той поры, когда была поставлена задача учиться торговать. Но хотя подобной формулировки не было, настороженное отношение к термину было. Оно, скажем, проявилось конкретно в таком эпизоде. Три года тому назад Киевская киностудия научных фильмов выпустила картину «Экономика, управление, человек», хорошо принятую зрителем. Первоначальное название картины, «50 минут в кругу деловых людей», было забраковано: не наш термин...

Почему? Не будем торопиться с филиппиками в адрес запретителей. Важнее — их понять.

Термин «деловой человек» широко применяется в капиталистическом обществе и характеризует прежде всего предприимчивость. Идеалом делового человека в шутку называют торгового агента, сумевшего продать холодильник эскимосу... К. Марксу настолько понравилась следующая характеристика деловитости, приведенная неким Т. Даннингом, что он процитировал ее в первом томе «Капитала».

«...Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы. Если шум и брань приносят прибыль, капитал станет способствовать тому и другому...» [2]

Следовательно, не просто предприимчивость, но безразличие к средствам и способам получения прибыли.

Конечно, не следует упрощать и утрировать. Подобно тому как дуэли проводились с соблюдением всех правил, конкурентная борьба имеет свой стиль и нормы. Слово делового человека порой надежнее иной резолюции. При всем том деловитость руководствуется «одиннадцатой заповедью»: не зевай...

Отсюда и настороженность к термину.

Строительство социализма состоит ведь не только в возведении

---

[1] Дружба народов. 1974. № 2.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 770.

зданий и выплавке стали. Оно включает и создание новых норм, нравственных категорий, общественных отношений. Когда мы возражаем против получения продукции любой ценой, то имеем в виду не только перерасход сырья или топлива, но и «перерасход» этических правил. Мы против экономии за счет браконьерского отношения к природе, к охране труда, средствам производства. Мы против прибыли, полученной от махинаций с ассортиментом и качеством продукции, с ценами.

Есть еще одна сторона.

Основное, думается, в том, что предприимчивость вольно или невольно противопоставлялась плановому характеру социалистической экономики. Поэтому применялся термин «плановая дисциплина». План утвержден — выполняй и перевыполняй. Естественно, широко поощрялось проявление инициативы. Собственно, без социалистического соревнования не было бы сегодняшнего Союза Советских Социалистических Республик.

Почему же сегодня идет речь о деловом человеке? Чем отличается деловитость от плановой дисциплины, от тех требований, которые, по сути не отличаясь от деловитости, назывались все же по-иному?

Позвольте начать с пересказа очерка писателя А. Аграновского «Наука и дело» [3]. Во-первых, о названии. Что означает наука и дело? Разве сама наука — не дело?

Дело, отвечает писатель, но вдвойне дело, когда она, наука, не только в формулах, книгах и патентах, но и в приборах, препаратах, товарах. И он рассказывает об одном научно-исследовательском институте, который, полностью соблюдая все установленные государством законы и правила, сумел благодаря деловитости, делу, превзойти десятки других НИИ и в области «чистой» теории, и в сфере не менее чистой практики, получить за счет прибыли от внедрения открытий средства на техническое переоснащение, заграничные командировки, материальное поощрение, в результате чего еще дальше продвинулся и продолжает продвигаться вперед.

Изменение термина характеризует изменение содержания требовательности к советскому хозяйственнику. В основе — научно-техническая революция.

Подобно другим ветвям познания экономическая наука все чаще начинает сталкиваться с понятием неопределенности, которую в данной сфере вернее назвать многовариантностью. Еще 15—20 лет тому назад условия производства были устойчиво определенными. Чтобы изготовить подшипники, нужна такая-то сталь. Сегодня, кроме нее, называют и дерево, и пластмассы, не говоря уже о способах получения конечного продукта приемами, не требующими применения подшипников. Раньше квалифицированный экономист варьировал, оперируя внутренними ресурсами СССР. Программа интеграции экономики стран СЭВ расширяет «инструментарий». Впереди широкая перспектива развития отношений

[3] Известия. 1973. 16 июля.

с несоциалистическими странами. Для увеличения продажи населению модной обуви, скажем, может понадобиться развивать... турбостроение или увеличить добычу железной руды.

Следовательно, меняется и характер плановости экономики. Подобно тому как теория относительности не отменила классической механики Ньютона, современное понимание и содержание плановости выше, многообразнее, сложнее, чем 15—20 лет тому назад. И в этом убеждаешься воочию.

Меняются периоды планирования. Пятилетний план из перспективного становится текущим, а годовые планы — его отрезками. Перспективными становятся планы на 10—20 лет и более. Вместо подсчета прямых, непосредственных затрат на производство каждого вида продукции считают совокупные затраты, т. е. для увеличения объема, скажем, мясных продуктов определяют не только строительство ферм, но и объем строительных материалов для их возведения, количество электроэнергии для изготовления этих материалов и турбин для выработки энергии... В так называемом межотраслевом балансе можно узнать, насколько должно возрасти производство трикотажа при дополнительной выплавке 1 млн т стали. Не только физики, но и экономисты работают ныне с «элементарными частицами».

Государственный план остается, как и ранее, централизованным и директивным, но, чтобы быть оптимальным, он должен вобрать в себя и прогнозы Академии наук на реально предвидимое будущее, и опыт передовиков призводства, и выводы хозяйственников, вернувшихся из поездок в зарубежные страны. Сам плановик должен стать — притом в числе первых, ибо с него все начинается,— деловым человеком.

Что же конкретно вкладывается в такое понятие?

Компетентность, предприимчивость, глубокая партийность, забота об общенародных интересах.

Попытаемся прокомментировать эти слагаемые.

Очевидно, что сравнительно с капитализмом принципиально различен круг людей, которых можно (или нельзя) считать деловыми. В капиталистической стране к данной категории заведомо не относятся работники, занятые физическим трудом. Пожалуй, вряд ли имеются в виду и многие «белые воротнички»: заводской инженерно-технический персонал, низшие и средние категории служащих. В капиталистическим обществе деловые люди — это хозяева и управители предприятий, банков, биржевые дельцы. Критерий отбора — право, возможность и обязанность проявления инициативы. Деловой человек — не только и не просто исполнитель.

Что же, критерий подходящий, и, пользуясь им, мы с полным правом предъявляем требования деловитости к каждому из трудящихся в нашей стране. И не только деловитости вообще, а в том конкретном содержании, которое сформулировано выше, как сочетание компетентности, предприимчивости и глубокой партийности.

В самом деле, рабочий или колхозник, ведущий личный счет экономии, строительные бригады, по примеру злобинцев сами распоряжающиеся сметой,— они деловые люди? Руководители постов и групп народного контроля, депутаты местных Советов и члены комиссий Советов, руководители и участники постоянных производственных совещаний, изобретатели и рационализаторы, представители партийных органов, осуществляющие контроль за деятельностью администрации предприятий и НИИ,— они все, безусловно, деловые люди в самом прямом и полном смысле этого слова, если, разумеется, компетентны, предприимчивы и в каждом своем шаге руководствуются заботой об общенародных интересах. Таким образом, различная емкость термина в действительности выражает принципиальное различие между производственными отношениями капитализма и социализма.

Однако на данном этапе, говоря о деловых людях, представляется полезным особо выделить руководителей предприятий и хозяйственных органов. Такое выделение производит сама жизнь.

Известно, что дальнейшее развитие социалистической экономики потребовало концентрации производства. В 1971 г. 54,9% всех промышленных предприятий, находящихся на самостоятельном балансе, имели в своем составе менее 200 рабочих каждое [4]. Такие фабрики и заводы не в состоянии использовать достаточно эффективно ни технику и технологию, ни экономические и юридические права. Теперь создаются производственные объединения — крупные предприятия (комбинаты) и промышленные объединения — «солнечные системы» крупных предприятий.

Производственное, а тем более промышленное объединение — не просто юридическое лицо, а (если позволительно так выразиться) экономическая личность; совокупность, располагающая большим производственным аппаратом и потенциалом, вступающая с другими аналогичными совокупностями внутри страны (а постепенно, возможно, и вне ее) в сложные экономические отношения. Объединение управляется на основе единоначалия, что означает конкретную ответственность определенного человека за принятое (или непринятое) решение и его результаты, независимо от числа всех других людей, в той или иной мере участвовавших в обсуждении и выработке решения.

Чтобы не растекаться мыслию по древу, и представляется для начала полезным поговорить о данной группе советских деловых людей — руководителей крупных предприятий, производственных и промышленных объединений. При двух-, трехступенчатой системе управления такие руководители, как теперь принято выражаться, «напрямую выходят» на министров и их заместителей, участвуют в важных международных экономических переговорах. Им многое дается, с них большой спрос.

И спрос особого рода.

---

[4] План. хоз-во. 1973. № 7. С. 75.

II

Предстоящая четверть века — с 1976 по 2000 г. — будет, по нашему мнению, самым важным и решающим периодом мирового экономического соревнования социализма с капитализмом. Но, чтобы победить, требуется огромная и напряженная работа, четкая организация всего хозяйственного механизма, подлинный поворот к повышению эффективности экономики. Известны и главные направления, по которым при этом надо идти. Это — совершенствование планирования и всей системы управления. Это — создание экономических условий, которые бы заставляли министерства и предприятия брать напряженный план, мобилизовать резервы, работать с большей отдачей.

Экономические условия... В чем их специфика? В какой сфере действуют советские деловые люди?

В отличие от остальных областей науки экономика составляет важное и принципиальное исключение. Здесь, как и в естественных науках, тоже имеют дело с объективностью, и действовать вопреки ее требованиям без ущерба для дела невозможно. Но познание этой объективности и использование добытых сведений повседневно затрагивает все стороны жизни народа, образует экономическую политику социалистического государства. Процесс познания состоит из множества мер в области организации и оплаты труда, ценообразования, торговли, планирования производства и строительства, учета и контроля, обучения и охраны здоровья, борьбы с преступностью, участия масс в управлении и т. д. Одни из этих мер действуют, мало изменяясь, десятилетиями, другие систематически видоизменяются, третьи оказываются нежизненными и отбрасываются практикой коммунистического строительства. «Синхрофазотронами» и «телескопами» в экономике выступают заводы и совхозы, институты и магазины, города и пойменные луга; вместо сложнейших камер, центрифуг, термостатов используются «скучные» инструкции, методические указания, нормативы начислений и отчислений.

Далее. В большинстве наук при всей невероятной сложности удается обеспечить «чистоту эксперимента», так как он не затрагивает непосредственно интересов людей; подгонка данных «под ответ» в точных науках если и встречается, то является прямым мошенничеством, кстати, легко проверяемым и выявляемым: результат опыта должен повторяться.

В экономике чистота эксперимента исключается самой спецификой этой области человеческой деятельности: если мы опытный завод (совхоз, стройку, торг) изолируем от десятков «случайных» обстоятельств, с которыми ежедневно сталкиваются все остальные предприятия, то эксперимент не нужен, он искусственный.

И, наконец, самое главное: в экономике каждое важное решение непосредственно влияет на всю систему отношений, как-то формирует ее, и потому нелегко выделить в полученном итоге, что объективно и что — результат тех или иных мер.

ГАИ особым знаком указывает, где кончается главная дорога и начинаются ответвления. В экономике, к сожалению, нет подобных знаков.

Возросший экономический потенциал страны и мирное наступление Советского Союза создали в последние пятилетки условия для быстрого развития экономики, хозяйствования в полном соответствии с принципами социализма, как мы их себе представляем.

И тут выясняется, что представления наши меняются на глазах. Не в том, конечно, смысле, что мы пересматриваем исходные и основополагающие принципы и признаки коммунизма, сформулированные Марксом, Энгельсом, Лениным, решениями партии. Напротив, жизнь подтверждает верность этих принципов. Имеются в виду представления о механизме хозяйствования, его рычагах, как мы привыкли говорить.

Долгое время мы думали, что планомерность развития экономики позволяет достичь необходимых результатов путем их прямого перечисления в соответствующих показателях плана. Оказалось, что дело сложнее: плановая директива, чтобы дать максимально возможный эффект, должна преломиться через интересы коллектива предприятия и каждого работника в этом коллективе. Казалось, что по мере продвижения вперед товарно-денежные отношения будут ослабевать, заменяться непосредственным распределением. А на деле на хозяйственный расчет переводятся не только отдельные предприятия, но целые объединения и даже отрасли. И переводят их не просто, как говорят, на обычный, а на полный хозрасчет. И появляется в «Положении» о государственном предприятии статья 8: предприятие (государственное!) не отвечает по обязательствам государства, а государство — по обязательствам предприятия. И государство берет с предприятия плату за предоставленные ему фонды: здания, машины, материалы (по мнению многих, будет брать и за кадры, за землю, за дороги, за очистку воды и воздуха, за техническую информацию).

Для чего и зачем все эти взаимные расчеты нужны?

В нашей стране около полутора миллионов предприятий и хозяйственных организаций. Мы не найдем «правых» и «виноватых», если четко не отграничим, *что* каждый коллектив *дал* обществу и *что* от него *получил*. Так и поступают. Государство закрепляет за коллективом каждого предприятия часть общенародного имущества в виде Уставного фонда предприятия. Коллектив в ответе перед обществом за сохранность Уставного фонда и его увеличение за счет прибыли. А если в результате плохой работы часть этого фонда «проедена», государство не покрывает прорыва. Сам коллектив предприятия за счет сверхплановой прибыли или снижения поощрительных фондов должен закрыть брешь.

С другой стороны, государство не может уменьшить Уставный фонд или брать с предприятия не причитающиеся платежи. Оно и не делает этого: был бы подорван стимул к хозяйственному расчету.

Что еще будет открыто, найдено завтра, в 1980 г.? И ведь все

это впервые в истории человечества. Это — завоевания для всего человечества, это усиление сознательного управления обществом, отношениями между людьми, без чего нельзя усилить господство над силами и богатством природы.

И вот в этих условиях оказывается необходимым создать экономические условия, которые заставляли бы полностью раскрывать резервы и пускать их в ход. Но почему нужно заставлять? Разве наши хозяйственники недостаточно сознательны, чтобы добровольно, по собственной инициативе так поступать?

Нам представляется, что пока еще не получило достаточного признания, еще до конца не осознано каждым из нас то обстоятельство, что развитие социалистической экономики происходит в обстановке непрерывного противоборства с капиталистической экономикой. Темп мирного соревнования с капитализмом неслыханно убыстрился развивающейся научно-технической революцией.

Подобно тому как в начале Великой Отечественной войны наиболее опасным было то, что не все сразу отрешились от мирных настроений, недостаточно осознали изменившуюся обстановку, подобно этому сегодня следует преодолеть проявляющиеся кое-где настроения самоуспокоенности и самодовольства, вызываемые сопоставлением уровня экономики нашей родины в настоящее время с уровнем, скажем, 50-х годов. Разумеется, скачок невиданный. Для его ощущения не требуется даже листать статистические справочники, он виден в пролетах новых проспектов, в гигантских по протяженности линиях электропередач и нефтепроводов, в мачтах телевидения и в модах одежды.

Но суть-то в том, что нам предстоит достичь самой высокой производительности общественного труда, создать самый высокий уровень материального и духовного благосостояния для каждого из 250 млн наших сограждан. Вот планка, от которой идет отсчет.

Так почему же все-таки необходимо заставлять министерства и предприятия, чтобы они брали напряженные планы?

Присмотримся к экономическому механизму капиталистической формации — нашего соперника в экономическом соревновании. Пружиной этого механизма, как известно, является конкуренция. Допустим, что капиталист *А* или монополия *Б* устали от борьбы, хотят прекратить погоню за максимальной прибылью и довольствоваться ею в размере меньшем, чем средняя норма. Из такого «миролюбия» ничего не получится. Замедлив поиск и внедрение нового, подобная фирма скоро станет неконкурентоспособной и разорится. Следовательно, темпы роста в условиях капитализма, как и скорость езды на автострадах, не зависят от темперамента отдельного предпринимателя, а принудительно заданы ему механизмом конкуренции.

Сказанное не означает, разумеется, что владельцы монополий — невинные жертвы объективных требований экономики, не несущие личной ответственности за потогонные системы труда, понижение доли трудящихся в потреблении национального дохода.

Экономический механизм неотвратимо принуждает отдельного капиталиста включаться в общий ритм, предоставляя лишь один выбор: либо-либо...

Социалистическая система хозяйства, основанная на общественной собственности на средства производства, развивается планомерно. Социалистическое соревнование трудящихся, работающих на себя, радость свободного труда и чувство ответственности за судьбу страны образуют ту основу, которая цементирует наше общество, обеспечивает успешное развитие народного хозяйства. Однако опыт показывает, что полагаться лишь на инициативу предприятий и министерств в мобилизации резервов недостаточно. При всем том, что за последние годы экономический уровень работы на предприятиях и в отраслях ощутимо повысился, продолжает оставаться фактом широко распространенная практика оставления немалых резервов в планах медленного, с «расчетом», пуска в ход имеющихся возможностей. Практика — критерий истины, и из практики родилась задача: создать экономические условия, которые заставляли бы брать напряженные планы.

Почему эти условия должны быть экономическими?

Казалось бы, что решения мартовского и сентябрьского Пленумов ЦК КПСС (1965 г.), подкрепленные и развитые XXIII и XXIV съездами партии, кладут конец спорам о соотношении между административными и экономическими методами управления народным хозяйством. В действительности споры продолжаются, и, более того, в последнее время сторонники административных методов активизируются. Появляется книга, в которой говорится, что расчеты на прибыль, материальную заинтересованность и другие экономические рычаги «не оправдали себя»[5]. Непрерывно вносятся предложения расширить круг директивно утверждаемых для предприятий показателей. Система материального поощрения обрастает все новыми условиями.

И опять же опыт убеждает нас в тщетности попыток объять необъятное и предусмотреть в графоклетках плановых таблиц и пунктах инструкций все требования и условия работы 50 тыс. промышленных, 48 тыс. сельскохозяйственных, 280 тыс. строительных, более 100 тыс. транспортных и более 1 млн снабженческо-сбытовых и торговых предприятий, расположенных на просторах нашей страны.

Лишь экономические условия, т. е. требования хозяйственного расчета, и собственный интерес могут заставить предприятия и отрасли предприимчиво и без устали учитывать меняющуюся

---

[5] «Установка на широкое развитие товарно-денежных отношений при социализме была предназначена, как уже отмечалось, для решения проблемы материального стимулирования предприятий и повышения таким путем эффективности социалистического производства. Однако эта установка не дала желаемого результата, и ее надо пересмотреть» (Товарно-денежные отношения в системе планомерно организованного социалистического производства. М.: Изд-во МГУ, 1971. С. 130).

обстановку, быстро внедрять оправдывающие себя научно-технические новинки, непрерывно повышать эффективность производства.

Не открываем ли мы тем самым дорогу стихии? Не сужаем ли, не принижаем ли руководящую роль Советского государства в управлении экономикой?

Напротив, она усиливается, так как экономические условия — цены, тарифы, премии и санкции и другое — устанавливаются государством, и только им. А это посложнее и ответственнее, нежели расписывать по статьям элементы издержек производства (зарплата, материалы, топливо и другое) или распределять фонды на каждый вид материалов, отталкиваясь «от базы». Другое дело, что система установления цен, премий и прочего должна стать тоже гибче и оперативнее, дабы не тормозить темп развития.

Почему необходимо заставлять принимать напряженные планы?

Да потому, что планомерность требует сбалансированности предложения и спроса. Если каких-то изделий произведено больше, чем намечалось по плану, то не исключено, что сверхплановый выпуск полностью или частично осядет в сверхнормативных остатках. То же самое может произойти и с продукцией, произведенной досрочно.

Не выступаем ли мы против социалистического соревнования?

Ни в коем случае. Речь идет лишь о том, чтобы все до конца возможности были отражены во встречных планах. Конечно, никакой план не должен «замораживать» резервы, выявившиеся после его утверждения.

Коллектив предприятия выявляет свои резервы не 10—15 января каждого текущего года и потому должен стремиться своевременно заверстать их в народнохозяйственный план. Не только тот коллектив, думается нам, передовик в соревновании, который в большей мере превысил первоначальные задания плана, но и тот, в чьем плане показатели и задания выше средних по отрасли или другим однородным предприятиям, кто выпускает продукции больше (на 1 млн руб. производственных фондов или фонда заработной платы), дешевле и лучшего качества.

Нельзя закрывать глаза на то, что практика дополнительных к плану обязательств и заданий подчас сдерживает принятие с самого начала напряженных планов. В этот вопрос необходимо внести полную ясность.

За годы Советской власти выросли сотни тысяч талантливых, преданных делу строительства коммунизма хозяйственников. Они охотно и инициативно перенимают полезный передовой опыт, преодолевают трудности, с которыми наверняка не справились бы самые предприимчивые бизнесмены.

Тем не менее в развитии народного хозяйства до сих пор недостаточно полно и эффективно используются богатые внутренние резервы, интенсивные, качественные факторы.

И поскольку речь идет о народном хозяйстве в целом, меры требуются комплексные, глобальные, более глубоко и всесторонне использующие безграничные возможности, предоставляемые успехами научно-технической революции и преимуществами социалистической системы хозяйства.

III

Итак, первое требование — *компетентность*. Что вкладывается в это понятие?

Компетентность расшифровывается как знание дела. Но что вкладывается в само понятие дела? Скажем, директор консервного комбината должен, безусловно, хорошо знать технологию изготовления консервов, и потому таких хозяйственных руководителей обычно комплектуют из числа выпускников пищевых вузов. Так поступают и в других отраслях, и потому из десяти хозяйственных руководителей в промышленности, строительстве и на транспорте, вероятно, не менее семи-восьми — инженеры соответствующих специальностей.

Но хозяйственнику мало знать, он должен еще и уметь на деле внедрить рекомендуемую наукой технологию, добиться ее неукоснительного соблюдения изо дня в день. Разумеется, он не один на предприятиии, однако единоначалие означает, что, если консервы (взятые лишь в качестве примера) окажутся недоброкачественными, первым к ответственности будет привлечен директор.

Чтобы соблюдалась технологическая дисциплина, должна быть создана соответствующая обстановка на предприятии. Эта обстановка складывается из отношений рабочих с мастерами, последних — с начальниками цехов, этих — с ОТК и санитарным надзором и т. д. Подобно тому как в оркестре, исполняющем определенную симфонию, у каждой группы инструментов своя партия, у разных групп трудящихся разные задачи и заботы, разная ответственность. Дирижер (директор) отвечает за то, чтобы не было ни одной фальшивой ноты.

На эту сторону дела обращал наше внимание В. И. Ленин. «Всякая работа управления, — писал Ленин, — требует особых свойств. Можно быть самым сильнейшим революционером и агитатором и совершенно непригодным администратором»[6]. И далее: «Чтобы управлять, надо знать дело и быть великолепным администратором»[7].

Обучают ли в технических (и любых других) вузах «человеко-отношениям»? Нет. Лишь в самое последнее время начались отдельные попытки создавать учебные курсы по управлению, но они пока очень абстрактны, схоластичны, хотя и перегружены формулами и кибернетической терминологией.

---

[6] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 40. С. 215.
[7] Там же. С. 222.

10 августа 1973 года «Правда» опубликовала подборку писем читателей о причинах текучести рабочей силы. «То, что рабочий имеет хороший заработок и трехкомнатную квартиру, еще не гарантия привязанности к заводу, — пишет А. Могилевич, рабочий комбината «Беларуськалий». — Не хлебом единым живет человек. Надо создать на предприятии такую атмосферу, чтобы каждый чувствовал себя хозяином, болел за дела всего производства». «Правда» завершает обзор таким выводом: «Когда мы говорим об управлении, то под этим подразумевается руководство людьми. Наука управлять и состоит в умении привлечь, заинтересовать людей».

Приведем очень показательные данные социологического обследования Таганрогского комбайностроительного завода [8]. Наиболее ценные качества в руководителях ум (43% опрошенных), знание дела (80%), требовательность (88%), справедливость (71%), тактичность (52%), чуткость (63%). Лишь 6% назвали умение добиваться выполнения плана любой ценой и 3% — умение руководить с помощью «крепкого слова»...

Итак, подготовка деловых людей требует систематического обучения науке управлять, не полагаясь на то, что, пока молодой специалист станет директором, он наберется ума: не полагают же, что он «наберется» технических знаний. Но только ли в обучении дело? Если б можно было всему научиться из книг, как проста и легка была бы жизнь!.. Не менее важно, чтобы реальные отношения на предприятии обязывали бы хозяйственника создавать оптимальный климат для предприятия, побуждать работников всех рангов к проявлению инициативы, к интенсивной и продуктивной работе.

Факты таковы, что грубость, субъективизм, зажим имеют место там, где царит безнаказанность. Значит, в подготовке деловых людей — почетная роль партийным и профсоюзным организациям предприятий, объединений, НИИ.

Компетентность хозяйственника немыслима без глубокого знания экономики. Инженер боящийся бухгалтерского баланса и статистических таблиц — а еще, того хуже, иронизирующий по их поводу, — не может считаться компетентным. Но знание экономики — чрезвычайно широкая задача. Как определить эффективность того или иного направления использования средств? Как прогнозировать спрос, чтобы изготовленная продукция не лежала на складах? Как протянуть сквозную нить заинтересованности от рабочего до отрасли в целом? Сегодня в процессе пятилетнего обучения инженер (и агроном) получает примитивный 40—60-часовой курс экономики и организации производства, он выполняет элементарные расчеты в дипломном проекте, которые из-за элементарности дополнительно обесценивают в глазах будущего инженера экономическую науку.

И опять-таки дело, как нам представляется, не только — и ме-

---

[8] *Левиков А.* Пимены XX века. М.: Сов. Россия, 1973. С. 35.

нее всего — в том, чтобы обучить подсчитывать производственную программу или планировать прибыль посредством аналитического метода. Дело в экономическом воспитании, в подготовке к восприятию тех экономических условий, что заставляют принимать планы и вскрывать внутренние резервы.

Краткая мораль, следующая из столь длинных рассуждений, состоит в том, что требуется комплексная программа подготовки деловых людей. Вузы пока не занимаются ею. Они с успехом вовлекают студентов в научные исследования по специальности, привлекают их к пропагандистской работе, к участию в трудовом семестре, то отрабатывают важные, решающие элементы деловитости. Но только отдельные элементы.

В печати приводятся ценные примеры подготовки резерва для выдвижения на предприятиях. На Вильнюсском заводе счетных машин продумана система аттестации специалистов, состоящая из двух этапов — непосредственно в отделах и цехах, а затем на уровне предприятия [9]. В Министерстве легкой промышленности Эстонии будущие хозяйственные руководители, помимо специального теоретического курса, проходят стажировку на базовых предприятиях в разных должностях, пишут и защищают дипломные проекты по управлению. Очень важно научить обобщать подобную практику, тем более что имеются и огрехи. В ряде мест кропотливую работу с людьми заменяют надуманной системой очков, баллов. Важнейший вопрос, кого выдвигать и кого не выдвигать, по существу, предлагается решать электронным машинам...

IV

Вот уже второй год, как многие газеты — «Литературная газета» и «Комсомольская правда», возможно, более других — постоянно обращаются к проблеме ответственности и безответственности служащего, руководящего работника центрального аппарата. Дым не без огня.

Хотя это может поначалу показаться парадоксальным, но в обобществленной плановой экономике роль отдельного человека важнее, чем в частнокапиталистической, стихийной. В самом деле, от ошибки мистера *X* страдает его фирма. Мистеров *M* и *H* она не касается. Ошибка товарища *A* может создать серьезные затруднения для целой отрасли, экономическоно района, может вызвать потерю продуктов общественного труда. Напомним читателю историю с тракторными тележками, рассказанную писателем Г. Радовым [10].

КПД трактора резко повышается, если его использовать не только для пахоты, но и как транспортное средство. Но для этого нужны тракторные тележки. Их крайне мало, и тракторы простаи-

---

[9] Правда. 1973. 30 июля.
[10] Лит. газ. 1973. 1 янв.

вают по 10 мес. в году. Писатель спрашивает работника, ответственного за это дело, почему нет тележек? Нет металла. Но ведь куда выгоднее произвести несколько меньше тракторов, но укомплектовать их тележками? Разумеется. Почему же нет тележек? Нет металла... Что более всего поражает в этой истории, достойной пера Щедрина? Уверенность в безнаказанности!

Журналист А. Левиков [11] ставит вопрос более широко. В течение семи лет на Краснокамском бумажном комбинате говорят о крайней необходимости проведения ряда мер по реконструкции, но ничего не сделано. Высокоответственные работники издавали приказы, давали обещания — и ничего. Кто из них ответил за невыполнение обязательств? Никто. Одни перешли на другую работу, другие вышли на пенсию, третьи продолжают работать на прежнем месте. Журналист задается вопросом: что такое безответственность? Переходят ли обязательства к преемникам, или они отмирают при смене руководителя? Что такое слово министра, начальника главка?

Вопрос об ответственности имеет прямейшее отношение к предприимчивости — второму слагаемому деловитости.

В условиях социалистической экономики предприимчивость, думается, нужна не менее, а более, чем при капитализме, и калибр, если можно так выразится, крупнее.

Между тем, повторяем, широко распространен предрассудок, будто планирование исключает предприимчивость, не нуждается в ней, чуть ли не противоположно ей. Почему предрассудок? Да потому, что план — не догма, а руководство к действию! Задолго, за много лет вперед, твердо зная, что от него требуется, деловой человек социалистической формации постарается научно представить себе развитие науки, техники и экономики в области его деятельности, выберет наилучший из возможных вариант выполнения задания и обязательно два-три варианта в запасе на случай «плохой погоды». Он поговорит с каждым из подчиненных ему командиров производства, а те — со всеми работниками предприятия. Словом, он оправдает итальянскую поговорку: «Чудо — тщательно подготовленное мероприятие». И такая предприимчивость выше, значимее мелкой изворотливости, как ум выше хитрости, а рынок — базара. Но...

Централизованно планируемая экономика действительно накладывает некоторые особенности на проявления предприимчивости.

Первая. На каждое сколько-нибудь важное мероприятие требуется разрешение либо, по меньшей мере, согласие руководящего органа. Дать согласие — значит принять на себя определенную ответственность; уклонение от решения вопроса чаще всего не влечет за собой неприятных последствий, особенно при надлежащем «оформлении» подобного шага.

И мы возвращаемся к проблеме безнаказанности.

Как ее решить? Юридические законы в большинстве случаев

---

[11] Там же. 1973. 29 авг.

бессильны, их можно применить при проявлении явной халатности. Думается, выход в еще более, неизмеримо более активном участии широких масс в управлении. Почему коллектив предприятия, которому отказали в праве на риск, на эксперимент, не может обратиться к коллективу, где работает лицо запретившее? Сегодня нет подобной практики в сколько-нибудь широком масштабе. При этом мы вовсе не исходим из предположения, что всегда прав желающий рискнуть и не прав запрещающий. Речь идет о возможности обсуждения конфликтной ситуации, публичного доказательства своего права на предприимчивость.

Сегодня обе стороны находятся в явно не равных положениях. Изобретатель, автор, хозяйственник не имеют возможности должным образом защищать свои позиции перед Комитетом по делам изобретений, редакцией или издательством, министерством. Отсюда порой возникающее чувство: «Доказывай не доказывай — все равно не поможет». Такое чувство губит предприимчивость, как скрытый недуг здоровый организм. Очевидно, было бы целесообразно четко регламентировать права одинаково важных для общества обеих сторон.

Вторая особенность. Для проявления предприимчивости нужны ресурсы — трудовые, материальные, финансовые. Сегодня они все полностью учтены в плане, более того, даже сверхплановые средства распределены до конца. Но не может же предприимчивость быть запланирована на пять лет или хотя бы на год вперед?!

Третья. Предприимчивость нуждается в поощрении. Рассмотрим эту проблему на уровне заведующего овощной базой. На овощи установлена норма естественной убыли. По величине она довольно значительна — 5—6% от объема реализации. Норма устанавливается сверху, и потому для заведующего базой она научно и директивно обоснована. Но, подобно любой норме, она средняя, исходит из средних нормальных условий поступления, хранения и отпуска овощей. Если в норму не уложиться, неминуемы начет и моральные неприятности. И это правильно.

Но наш заведующий предприимчив. Он договорился с совхозом, и тот привозит капусту не к 10 часам утра, а к восьми и прямо в палатки. Он улучшил вентиляцию, разгрузку овощей. Короче, фактическая убыль значительно меньше нормативной. Вправе ли коллектив базы получить разницу в виде премии? Между тем в газетах нередки статьи только о нечестных торговых работниках, наживающихся на нормах убыли.

Есть ли такие работники? Несомненно, но мы-то ведем речь о честных, предприимчивых. Коль скоро норма убыли обязана быть средней, кто-то уложится в меньшую. Продумана ли система его поощрения?

Но рассмотрим вопрос в целом. Премии имеют «потолок»: общая их сумма в год одному работнику не может превышать такого-то предела. Орденом и медалью награждают, естественно, через определенные, продолжительные промежутки времени. Как поощрять предприимчивость изо дня в день?

V

Глубокая партийность, забота об общенародных интересах — эта черта, безусловно, более всего и принципиально отличает делового человека социалистической формации от деловых людей всех предшествовавших общественных систем.

Нам приходилось касаться этой темы довольно подробно [12]. Что хотелось бы сказать дополнительно? Наши хозяйственники — это часть всего советского народа. 83% нашего 250-миллионного народа родилось после 7 ноября 1917 г. Их сформировал социалистический общественный строй. У них не может быть других интересов и забот, кроме как забот о благе народа. И, действительно, если говорить об абсолютном большинстве хозяйственников, то у них других забот нет. Не считаясь со временем, здоровьем, личными интересами, директора предприятий и научных институтов преодолевают трудности, вскрывают резервы.

Но жизнь не прямолинейна. И забота об общенародных интересах принимает порой нездоровый оттенок делячества, местничества, ведомственности.

Человек сознательно самоограничивается. Мое дело маленькое — снизить себестоимость продукции. Поэтому я вырубаю рядом растущий лес, превращаю живописные холмы вокруг Минеральных Вод в карьеры, спускаю в реки отравляющие отходы, не забочусь о благоустройстве фабричных общежитий.

Народное хозяйство далеко, абстрактно, а моя область — рядом. Поэтому ее фонды и наряды я отовариваю прежде всего и сверх плана. Я создаю «свои» предприятия, хотя выгоднее завозить какие-то изделия из соседнего края. Я добиваюсь для своего города ассигнований на плавательный бассейн, хотя в соседнем еще не хватает детских садов и яслей.

Я работаю в каком-то министерстве, поэтому не желаю снабжать литьем и поковками соседний завод — он другого ведомства, хотя и имею подобную возможность. Я не принимаю «чужих» детей в пионерский лагерь, «чужих» больных в свою поликлинику. Я не хочу «возиться с мелочами» и потому не помогаю горсовету завезти топливо на зиму, отремонтировать жилой фонд, хотя мог бы это сделать. Мы уже не говорим о таком диком случае, как отказ помочь тракторами и бульдозерами в спасении поселка от наводнения [13].

Откуда эти чужеродные нравы, эта дикая для нас «мораль»?

От политического бескультурья, от гражданственной безграмотности, от нравственной глухоты. И, конечно же, от предположения безнаказанности.

А они откуда? Как это ни странно, но во многом от неправильно понимаемой деловитости, которую иной раз отождествляют с узколобым делячеством.

---

[12] См.: Новый мир. 1967. № 1. Статья «Талант экономиста».

[13] Известия. 1973. 29 авг.

В печати нет-нет появляются статьи о директорах заводов и председателях колхозов, «дающих план», но грубых, жестоких, не имеющих морального права руководить людьми. После выступлений газет таких руководителей обычно освобождают от постов. Но газетным статьям нередко предшествуют многочисленные жалобы в разные инстанции, которые судят о хозяйственнике лишь — или преимущественно — по выполнению плана.

Глубокая партийность воспитывается изучением марксистско-ленинской теории. Она поддерживается общественными отношениями и в первую очередь критикой и самокритикой, гласностью, участием масс в управлении. Огромное значение имеет соблюдение ленинского принципа подбора и выдвижения кадров по политическим и деловым признакам. Семейственность, кумовство, протежирование вскармливают представление о безнаказанности, прикрывают некомпетентность и косность, закрывают дорогу принципиальности и деловитости.

В воспитании предприимчивости нам не надо начинать с «пустого места». Вся история Советской страны полна примеров подлинно народной, широкого масштаба деловитости наших хозяйственников. Ограничимся для иллюстрации лишь двумя-тремя фактами.

В 37-м томе Полного собрания сочинений В. И. Ленина помещена статья «Маленькая картинка для выяснения больших вопросов». В ней чуть более четырех страниц, написана она, как говорится в примечании, в конце 1918 или начале 1919 г., т. е. в отчаянно тяжелый период жизни молодого Советского государства. Чему же счел необходимым вождь революции посвятить свою статью? Осмыслению книги А. Тодорского «Год — с винтовкой и плугом», изданной в городке Весьегонске.

В книжке идет речь о том, как в городке приступили к созданию лесопильного и хромового (кожевенного) заводов «...И не далее как через $1\ ^1/_2$—2 месяца Весьегонск будет иметь хромовую кожу своего приготовления».

Этот частный пример В. И. Ленин поднял на огромный уровень, ссылался на него несколько раз. Он писал: «Это превосходное и глубоко правильное рассуждение (об использовании буржуазных специалистов. — *А. Б.*) следовало бы вырезать на досках и выставить в каждом совнархозе, продоргане, в любом заводе, в земотделе и так далее» [14].

Перенесемся в условия Великой Отечественной войны. Украина оставлена. Где катать броневую сталь для танков? Это делают в Магнитогорске методом, неизвестным мировой науке о прокате.

«Перелистаем» еще двадцать лет. Нас хотят шантажировать запретом приобретать по импорту трубы большого диаметра, необходимые нефтяной и газовой промышленности. Шантаж грубый, бесцеремонный, с нарушением норм деловой этики. Челябинские

---

[14] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 408.

металлурги дали ответ зарубежным поставщикам убедительный и быстрый по формуле: не было бы счастья — несчастье помогло...

В наше время примером деловитости, достойной подражания и всемерного распространения, является инициатива, проявленная Главмосавтотрансом и Министерством приборостроения.

Они отказались от какого-либо финансирования из государственного бюджета, все покрывают из собственных источников и при этом отчисляют в бюджет заранее гарантированные суммы из прибыли. Что лежит в основе предложенной ими системы самофинансирования? Точный расчет возможностей, понимание сути экономических методов управления, умение и желание их использовать. А родилось это умение опять-таки из желания и необходимости иметь больше простора для проявления инициативы, для возможности маневра. И отнюдь не случайно инициаторами выступили подвижный и гибко реагирующий на изменение хозяйственной ситуации автомобильный транспорт столицы, а также отрасль приборостроения, более всех чувствующая нажим научно-технической революции.

А «переворот», совершенный не только в системе продажи бензина и смазочных масел, но, что неизмеримо важнее, в нашем сознании работниками конторы Главнефтесбыта в Воронеже?

Повсеместно тратили и тратят уйму сил: одни на составление и «защиту» заявок на горючее; другие — на урезку этих заявок. А воронежские нефтесбытчики взяли да отказались от всяких заявок: бери, кто сколько хочет! И что же? Потребление нефтепродуктов в Воронеже и области сократилось...

По их пути пошли снабженцы в Ленинграде и Мурманске — гарантированное комплексное снабжение. И опять же совокупный размер запасов всех видов сырья и материалов в этих городах уменьшился, а не возрос. И опять же в основе риска — расчет, прогноз, понимание сути экономических взаимоотношений с потребителями, психологии потребителя.

Следовательно, о чем же идет речь сегодня? Что нового в проблему деловитости вносят 70-е годы?

Ныне эта проблема ставится шире и ответственнее, чем когда-либо ранее. Сейчас уже недостаточно новаторского развязывания какого-либо отдельного производственного узла, так сказать, предприимчивости в преодолении частной трудности. Речь идет о стиле, о системе деловых отношений. Указывая на решения декабрьского (1973 г.) Пленума ЦК КПСС, «Правда» пишет: «К руководству экономикой нельзя подходить с узкохозяйственных, а тем более технократических позиций — это дело партийное, дело политическое». Газета указывает на то, что использование громадных внутренних резервов экономики требует целой серии плановых, организационных, экономических мер. «И начинаться они должны с определенного сдвига в мышлении хозяйственных кадров» [15].

[15] Правда. 1973. 16 дек.

Кому не известны строители-хозяйственники, щедрые на обещания и скупые на их выполнение? Мало ли снабженцев, слово которых, к сожалению, ничего не стоит? А чего стоят плановики, «визирующие» в течение года предложения об увеличении тех или иных заданий и в конце года докладывающие о нереальности таких заданий?

VI

Проблема делового человека социалистической формации столь важна и волнующа, что она не могла не занять видного места в произведениях исскуства. Можно назвать роман «Битва в пути», кинокартину «Твой современник», пьесу «Человек со стороны» и др. Не будучи искусствоведом, не стану разбирать их художественные достоинства и недостатки. Позволю лишь высказать принципиальное соображение, которое возникло у меня при чтении ряда критических статей в журналах и газетах последних лет. Их авторы уделяли много внимания — и это совершенно справедливо — выяснению вопроса, что является главным, определяющим в характере нашего времени. Указывалось, естественно, на многое, что присуще такому герою. Я хочу ограничиться далее рассмотрением лишь одного момента. Некоторые из авторов резко разграничивают и даже противопоставляют друг другу понятия «человек дела» и «социалистическая личность»? Какими бы благими ни были побудительные причины, лежащие в основе такого разграничения, оно представляется надуманным и вредным.

Мы все единодушно под «делом» понимаем строительство коммунизма. Тогда в чем противопоставление? Разве не ясно: отношение к делу, т. е. к общественному труду, к социалистической собственности — первый пробный камень не то что героя нашего времени, но любого, самого заурядного человека? Разве коммунизм начинается не с заботы о сохранности каждого пуда угля, хлеба и т. п.?

Означает ли сказанное, что человек не должен читать книг, ходить в кино, а обязан на ночь под подушку класть бухгалтерский баланс? Но тогда мы говорили бы не о человеке дела, а о деляге, роботе...

Кстати, о бухгалтерском балансе. В резолюции XII съезда партии сказано: «Внимательность, настойчивость и расчетливость являются необходимыми качествами советского хозяйственника. Его высшей аттестацией является активный баланс предприятия» [16].

Высшей аттестацией — или эти слова устарели?

Подчас в некоторых статьях противопоставлялся личный интерес гражданским мотивам, партийность — экономической целесообразности, нравственная ответственность — деловитости. А в решениях партии многократно указывается, что экономика —

---

[16] КПСС в резолюциях и решениях... М., 1970. Т. 2. С. 426.

главная политика. Иные авторы считают неправильным, когда на щит поднимают хозяйственников, которые «не зажигают» рабочих, а просто создают вместе с ними принципиально новую систему организации и оплаты труда. В пропаганде таких хозяйственников усматривается... противопоставление материальных стимулов моральным.

Чем вызвана подобная ошибка? Да тем, что здесь отождествляют понятия «личный интерес» и «материальный интерес». Но разве личный интерес рабочего состоит лишь в том, чтобы побольше положить в карман?

Мне приходилось в свое время выступать на эту тему в печати. На первом месте, как показывают исследования, в личном интересе — работа по склонности, по душе. На втором — «климат» на работе. На третьем — организация работы. И лишь на четвертом-пятом местах заработок при всем его несомненном значении, которое не мне, финансисту, отрицать. Нельзя путать советского рабочего с героиней Глеба Успенского, считавшей верхом премудрости: «норови в карман»... Батманов, Балуев, Бахирев, Губанов — люди дела. Разве их личный интерес не приходил в противоречие с их материальными интересами? И разве это их останавливало? Они — деловые люди «или» социалистические личности?

А Вальган — деловой человек?

Нет, он делец. Интересы дела ему чужды, оно, дело, — трамплин для возвышения. А те, кто вырубает реликтовые рощи на Кубани (дешевая древесина!), кто строит комбинаты на Байкале (чистая вода!), кто вывез песок с пляжа в Анапе, пытался срыть Жигулевские горы, оставляет в отвалах породу с большим содержанием попутных металлов, — они кто?..

Я думаю, что недооценка понятия «человек дела» в наших, социалистических условиях весьма опасна. На фронте у солдата может быть масса достоинств: на гармошке играет, и хорошо готовит, и по душам поговорит. Но судят о нем все-таки по тому, как он воюет. И правильно делают.

У нас мирный фронт, но — фронт: соревнование с капитализмом на арене научно-технической революции. И потому давайте о социалистической личности судить прежде всего и больше всего по тому, как она, личность, по части «деловитости, хозяйственного расчета, экономической целесообразности», по части «принципиально новых форм организации и оплаты труда». Надеюсь, никто не предположит, что я оправдываю хулигана, если он выполняет норму, и пошляка, не имеющего прогулов...

Но тогда, может быть, и меня надо зачислить в стан противников энтузиазма?

Тогда помогите мне разобраться, кто энтузиаст: Борзов или Мартынов, Бахирев или Вальган? «Человек со стороны» или его противники?

В чем выражается энтузиазм строителя-хозяйственника: в том, что по пояс в ледяной воде люди монтируют опоры для ЛЭП, или

в том, что такие работы запланированы и проводятся в летнее время? В том, что рабочий, обернувшись во влажную ткань, лезет в топку и предупреждает аварию, или в том, что организация производства исключает возможность подобной ситуации? [17] В том, что проект выдается досрочно и затем много раз переделывается (или, того хуже, осуществляется с недоделками), или в том, что проектный институт получит выговор, останется без премии, но не отрежет, не отмерив сто семь раз?..

Кто энтузиаст: директор завода, включивший все резервы в план и выполнивший его на 100%, или другой, выполнивший на 120% за счет некоторого «запаса» (допустим при этом, что продукции они дали одно и то же количество)?

«Не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма...» — так писал самый первый энтузиаст революции Владимир Ильич Ленин.

В известном телевизионном фильме «День за днем» один из героев примерно так говорит: «Это правильно, что есть звание Герой Советского Союза, но хорошо бы учредить и орден Хозяин Советского Союза. Идет человек с таким орденом на груди, и все видят — умелый, рачительный, заботливый».

---

[17] Разумеется, не имеются в виду несчастные случаи и стихийные бедствия.

ГЛАВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ [1]

I

Я хочу начать статью с утверждения, что нынешний этап развития социалистической экономики СССР — самый интересный за весь более чем полувековой период существования Советского государства.

Конечно, мне могут напомнить рассказанную К. Д. Ушинским историю про мальчика, который называл самым лучшим поочередно каждое из четырех времен года. Но позвольте привести обоснование.

Нет слов, величественны свершения народа на всех этапах развития Советского государства. Вспомним осуществление плана ГОЭЛРО, первые пятилетки, подвиг нашей экономики в годы войны, темпы развития народного хозяйства на рубеже 50—60-х годов. Но одно было общее для всех этих периодов — внешнеполитические условия и уровень развития страны не позволяли, не давали возможности во всей широте и глубине проявиться потенциальным возможностям социализма как экономической системы. Последнее десятилетие, и особенно вторая его половина, в этом смысле представляется принципиально отличным.

Мирное «наступление» СССР на основе утвержденного XXIV съездом КПСС курса внешней политики создало коренной перелом в международной обстановке, хотя здесь еще остается множество нерешенных задач. Гигантских размеров достиг производственный аппарат страны, и еще неиспользованные его внутренние резервы неисчислимы. Велик потенциал, накопленный советской наукой. Всеми явственно ощущаются предпосылки дальнейшего колоссального подъема эффективности хозяйствования.

В этих условиях было чрезмерно важно в сжатом виде сформулировать главное стратегическое направление развития экономики, понимая ее широко, как базис всего общественного развития. Сегодня — это органическое соединение достижений научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства.

Почему столь важно органическое сочетание, о котором идет речь?

Мирное сосуществование государств с различным социальным строем не исключает экономического соревнования между ними. Главной ареной соревнования является арена научно-технической революции. В экономическом соревновании СССР не может рассчитывать, что победа придет сама собой, автоматически. Капитаны

[1] Дружба народов. 1975. № 10.

капиталистической экономики знают свое дело и в пределах, допускаемых капиталистическим способом производства, ведут его умело и настойчиво.

Тем не менее мы твердо уверены в победе, так как кроме хозяйственников, ученых и рабочих не меньшей квалификации, чем в капиталистических странах, мы располагаем преимуществами социализма: единством интересов каждого человека и общества в целом, отсутствием частнособственнической чересполосицы, планомерностью, позволяющей концентрировать громадные ресурсы и устремлять их в нужное русло. Следовательно, если соединить эти преимущества с достижениями НТР, как два сомножителя, то будет получен эффект, во много раз увеличенный.

Конечно, развитие всех отраслей народного хозяйства СССР всегда покоилось и покоится на достижениях научно-технического прогресса. В доказательство можно привести уже работающие огромные мощности энергетических агрегатов, линии автоматических станков двухсотметровой протяженности, космическую технику и многое другое. Да и народнохозяйственные планы, пятилетние и годовые, имеют специальные разделы, предусматривающие внедрение нового, замену устаревшего.

Почему же в таком случае необходимость указанного органического соединения определена XXIV съездом КПСС как задача?

Во-первых, думается, научно-технический прогресс и научно-техническая революция — понятия не тождественные. Их различие будет подробнее рассмотрено ниже. А во-вторых, у нас еще отсутствует в ряде случаев органическое соединение техники и экономики. Вот примеры.

В 1932 г. в нашей стране было выплавлено около 6 млн т стали, а в 1974 г.— около 136 млн т, и по этому чрезвычайной важности показателю Советский Союз вышел на первое место в мире. А практика планирования и распределения стали?

22 августа 1974 г. «Правда» опубликовала статью «Как тонна победила метр». Речь идет о том, что производство труб и проката планируется в весовых единицах, тогда как в первом случае нужна протяженность, а во втором — площадь. Но подобного рода статьи мы найдем в газетах 30-х и 40-х годов.

Сегодня, как и много лет тому назад, на сталь (и другие средства производства) за полгода до утверждения плана (т. е. до 1 июля 1975 г. на 1976 г.) подаются заявки на миллионы наименований средств производства. Заявка объединения «Мосавтозил» (один экземпляр) весит 160 кг...

Работники снабжения обвинят нас в клевете. Они скажут, что распределяют совсем не так, «как сорок лет тому назад», что у них на вооружении АСУ и ЭВМ, помогающие, в частности, при распределении чугуна, стали и проката. Они правы: техника распределения современная, а методы устаревшие, традиционные, по существу недалеко ушедшие от методов 30-х годов — лимит, фонды, разнарядки. Урезка заявок, с одной стороны, и потому их завышение — с другой.

Значит, нет органического соединения техники и технологии производства стали (взятой лишь в качестве примера) с экономикой черной металлургии. Выплавляют сталь совсем не так, как в 30-е годы, а планируют и распределяют в принципе так же. Что поделаешь, вздыхают снабженцы, дефицит... К этому вопросу мы вернемся, а пока ответим на него контрвопросом: может ли существовать вообще в принципе дефицит в плановом хозяйстве?

Второй пример. В 1928 г. в народном хозяйстве нашей страны было занято около 11,4 млн рабочих и служащих, из них высшее и среднее образование (законченное и незаконченное) имело около 0,5 млн человек. Сегодня в стране насчитывается более 100 млн рабочих и служащих, и три четверти из них — со средним или высшим образованием. Это совсем другие люди по той роли, которую они играют в экономике. А планирование численности персонала, фонда заработной платы, производительности труда не очень отличается от приемов и инструкций 30-х годов. Права директора завода в сфере штатов и смет сегодня, на десятом году реформы, мало разнятся от прав директоров тех давних лет. Если же вместо завода взять вуз, НИИ, клинику, то не отличаются вовсе. Руководитель факультета заочного вуза, отдаленного от Москвы на 1500 км, не может своей властью зачислить в штат истопника или уборщицу, не говоря уже о преподавательнице английского языка. Всемирно известный институт, имеющий огромные «права» в улавливании элементарных частиц, бесправен в использовании командировочных...

Третий и последний пример. За годы первой пятилетки было вложено (в сопоставимых ценах) в капитальное строительство около 9 млрд руб., за годы девятой пятилетки капитальные вложения составят примерно 500 млрд руб. Техника и организация строительства преобразились. А система планирования, финансирования, расчетов примерно та же, что была установлена в 1936-1938 гг.

Как и снабженцы, строители в ответ могут привести десяток справедливых возражений. И они будут правы. В деталях. А правила финансирования, расчетов, планирования, по сути, сорокалетней давности.

Следовательно, связь между методами хозяйственного управления и научно-технической революцией не является органической, т. е. неразрывно единой, неотвратимой, иначе немыслимой. Отсюда и задача, поставленная XXIV съездом партии, которую обобщенно можно выразить так: привести производственные отношения в полное соответствие с возросшим уровнем производительных сил.

II

В чем трудность задачи?

Научно-техническая революция — на то она и революция — необычайно динамична. Оборудование в промышленно развитых

странах обновляется в среднем через семь-восемь лет. Изделие «живет» два-четыре года. Научные организации создаются, чтобы решить определенную проблему, и преобразуются или ликвидируются после ее решения. Сотни тысяч людей постоянно переучиваются, осваивая новое и новейшее.

В 1973 г. в нашей стране обучались новым профессиям и специальностям 5,4 млн человек.

Плановое же управление экономикой основано на определенной стабильности, обладает известной инерционностью (в научном значении этого термина), требует довольно многоступенчатой иерархии принятия решений. И это не бюрократизм, а объективные черты, вытекающие из сущности социалистической экономики.

В самом деле, социализм заменяет стихийность в развитии экономики и конкуренцию как механизм стихийности планомерностью, т. е. установлением пропорций заранее, до начала процесса производства. Такие пропорции предусматриваются в плане. При современных производственных мощностях предприятий и отраслей планы должны быть долговременными; не то что годовые, а и пятилетние планы коротковаты для определения перспективы. Но план, взаимоувязывающий деятельность 400 отраслей и подотраслей промышленности, многих десятков тысяч строительных, сельскохозяйственных, транспортных и других предприятий, не может не быть стабильным.

Далее. Мистер *X* сам может принимать решения, если он владелец капитала. Стива Облонский, как известно, продешевил на 30 тыс. руб., продавая лес. Критиковать могла его лишь жена Долли. У нас средства производства и производимая продукция обобществлены. И общество не может доверить одному или нескольким работникам до конца решать любые хозяйственные вопросы. Отсюда иерархичность и связанная с ней (при всех условиях) определенная затрата времени. К. Маркс во втором томе «Капитала» обращает внимание на данное обстоятельство.

Научно-техническая революция вносит в эту проблему дополнительный «вклад»: чем новее идея, тем медленнее и труднее она воспринимается окружающими.

Ученый, посвятивший этой идее годы, верит в нее, одержим ею. Коллектив, где он работает, допустим, разделяет ее. В министерстве прием будет более прохладный: оно дальше, идей много, на каждую специалистом не напасешься. Но еще дальше, опять-таки объективно, финансовые органы и банки — там работают люди другой профессии. Работники всех предыдущих инстанций давали заключение и рекомендации, они же должны давать деньги...

Повторю, проблема «изобретатель (ученый) — министерство — финансовый орган» объективна и тем более остра, чем новее идея, чем больше средств потребует ее внедрение.

В оптимальном разрешении объективного противоречия между динамизмом научно-технической революции и известной стабильностью и иерархичностью планомерности и состоит, представ-

ляется, суть органического соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства.

План — всему голова. Начнем с планирования. Народнохозяйственный план должен быть в одинаковой степени стабильным и изменчивым. Хозяйственник, недовольный изменениями, вносимыми в план, подобен девушке в справочном бюро, которую раздражают все время подходящие за справками граждане...

Разрешение противоречия, видимо, в том, чтобы заранее оставлять в плане резервы для удовлетворения возникающих в межплановый период потребностей. Если, скажем, десятилетняя статистика показывает, что в среднем году «навар» к первоначальному плану составляет десять процентов, то целесообразно эти десять процентов рабочей силы, производственных мощностей и материалов заранее оставлять в резерве и постепенно, по мере появления новых задач пускать в ход.

Не противоречит ли подобное предложение настойчивым требованиям составлять напряженные, но реальные планы? Нисколько! Партия борется с укрыванием резервов, с «двойной бухгалтерией»: два пишем — один в уме. Я же веду речь о другом. Составляется напряженный, но реальный план, и от него, от его объема сознательно и официально оставляется определенный резерв, подсказанный жизнью.

Противники подобных идей справедливо возражают: то ли еще будет потребность, то ли нет, а тут омертвляй ресурсы, а каждый процент «весит» миллиарды рублей. И чем занять людей, находящихся в резерве? Не играть же им в хоккей в цехах!

Конечно, одинакового решения для текстильной промышленности и железнодорожного транспорта, для Читы и Бреста не может быть. И не в этой статье прописывать рецепты. Важно в принципе договориться о том, что планирование «по максимуму» следует заменить планированием «по оптимуму», потому что из-за частых изменений плана максимум порой оборачивается минимумом.

Не менее важной является проблема показателей плана. В одних случаях тонна губит метр, в других — замена меди дешевой пластмассой оставляет завод без премии, в третьих, если сконцентрировать усилия строителей на пусковых объектах, не уложишься в плановый фонд заработной платы и т. д. Ограничимся одним лишь примером. Установлен плановый процент использования мехового сырья. Он выше, если шить шалевые воротники, и ниже, если так называемые молодежные. Поэтому большинство пальто с шалевыми воротниками. Но они вышли из моды и висят на кронштейнах в магазинах, дожидаясь уценки, которая во много раз перекроет выигрыш на мехах... Сказанное, разумеется, не означает, что все плановые показатели плохи. Имеется в виду другое: каждому времени свои показатели; что годилось 10 лет тому назад, может сегодня или завтра устареть и мешать. Следовательно, необходимо вовремя заметить этот процесс. А это непросто — показателей тысячи.

Сбалансированность плана. Все еще нередки случаи, когда выделенные фонды удовлетворяют планом же определенную потребность лишь на 80—90%. На это жалуются заводы, стройки, магазины. Реакцией является завышенность заявок, а так как «завышателей» во много раз больше, чем «удовлетворителей», то и получаются парадоксы: фонды отоварены на 80%, а план выпуска продукции выполнен на 103%.

И, наконец, непрерывность планирования. Пятилетний план в принципе должен постепенно, ежегодно «наращиваться» еще на год: по окончании 1975 г. устанавливается план на 1981 г., по окончании 1975 г.— на 1982 и т. д. Но пока этот принцип реализуется слабо. «Стыки» между годами и пятилетками все еще сдерживают развитие экономики. Но научно-техническая революция не признает интервалов и передышек. Непрерывное планирование — веление времени. Плановикам придется ему подчиниться.

На второе место после планирования необходимо поставить материально-техническое снабжение, «систему общественного пищеварения», как называл ее академик В. С. Немчинов.

Уже говорилось, что сохраняется система предварительных заявок. По примерным подсчетам, половина из них в течение года претерпевает те или иные изменения, вызванные корректировкой планов и научно-техническим прогрессом. Особенно страдают научные организации и опытные производства, т. е. форпост передового: им порой требуются килограммы, а норма поставок — тонны; требуется то, чего не было никогда (в том-то и суть открытия!), а на него заявки не принимают... Потому XXIII и XXIV съезды КПСС и поставили задачу постепенного перехода к оптовой торговле средствами производства.

Оптовая торговля средствами производства понимается многими (а вернее сказать, подается ее противниками) как стихийный поиск поставщиками потребителей, а последними — поставщиков; ходят по стране и аукают...

В действительности речь идет о договорах между генеральными оптовыми торговыми организациями (сбыта) и промышленными объединениями. На основе таких договоров формируется номенклатура (конкретный перечень) изделий и идет их реализация. Разумеется, у каждого товара своя система оптовой торговли: турбину надо заказывать, вероятно, за пять лет, а покрышки для грузовика получить по телефонному звонку. Такая система, когда каждая гайка не указывается персонально в народнохозяйственном плане, воспринималась некоторыми снабженцами и политэкономами как отказ от социалистических принципов планирования и крушение основ. Но вот она введена для легкой промышленности, и ничего, живем; качество костюмов и туфель не ухудшается, а пусть медленно, но растет.

В чем принципиальное отличие оптовой торговли средствами производства от их фондированного распределения?

Во-первых, в отсутствии заявок и проверки их обоснованности

органами снабжения. Такая проверка невероятно трудоемка и бесполезна — применяется до 20 млн наименований средств производства. Сам потребитель должен быть заинтересован в экономии: не спрашивает же нас продавец, почему мы берем 2 кг, а не 1 кг?

Во-вторых, в возможности отказаться от ранее заказанного, если потребность в нем миновала (разумеется, с уплатой неустойки), и получения ранее незаказанного срочно — с повышенной оплатой за срочность изготовления.

Таково объективное требование научно-технической революции, и оно будет осуществлено, как бы иронически и критически ни относились к нему те или иные работники плановых и снабженческих органов.

Ответ работников снабжения уже приводился: рады бы в рай, да дефицит не пускает...

Пусть дальнейшее изложение не смущает читателя. Я попытаюсь убедить его, что в нашей стране и вообще в плановом хозяйстве ни на средства производства, ни на предметы потребления дефицита нет и быть не может.

Что такое дефицит? Вопрос не риторический. И если вы ответите, что под дефицитом понимаете неудовлетворенную потребность, то я скажу, что вы не правы. На стадии социализма общество не ставит и не может ставить перед собой задачи полного удовлетворения потребностей. Такой спрос с государства сегодня неправомерен, как нельзя требовать от школьника знания вузовского курса.

Дефицит — это неудовлетворенный платежеспособный спрос. И разница не в словах. У меня, к примеру, потребность в автомобиле. «Чайка» — превосходная машина, но предложите мне ее купить, и я вынужден буду отказаться. Значит, производить следует не под абстрактные потребности, а под платежеспособный спрос. А он, в свою очередь, формируется планом. Количество цемента, штангенциркулей, электроэнергии, досок и любого другого средства производства определяется программой производства, строительства, развития науки и т. д., установленной в народнохозяйственном плане. И ничем иным.

В 1974 г. было произведено 115 млн т цемента. Если, к примеру, направить на потребление 110 млн т, а 5 оставить в резерве, то никакого разговора о нехватке цемента не будет. Если же распределить 120 млн. т, то все будут кричать — дефицит. Но какой же это дефицит? Это недостаток планирования. А различие между этими понятиями принципиальное: дефицит — явление объективное, а недостаток планирования — субъективное, имеющее паспорт и поддающееся обучению и перевоспитанию.

Разумеется, в пределах общего достаточного количества цемента (или любого другого вида продукции) может оказаться нехватка отдельных марок и избыток других. Такое явление наблюдается в любой стране и устраняется посредством внешней торгов-

ли. Каждая промышленно развитая страна и ввозит и вывозит станки, трубы, ткани и т. д.

Совершенно так же обстоит с предметами потребления. Все денежные доходы населения определяются планом: фонд заработной платы, пенсии, выигрыши, стипендии... Структура потребления населения также в общем известна: невозможно предугадать, какого фасона платье захочет купить Мария Петровна В., но доля затрат на продукты питания, одежду и обувь, мебель и тому подобное известна. Так вот, если страна располагает объемом доброкачественных товаров и услуг на X миллиардов рублей и объем денежных доходов такой же, то никакого дефицита не будет (я исключаю сверхмодные товары, только что появившиеся в продаже). Если же доходы запланированы или осуществлены в сумме $X+Y$, то Y образует очереди и вопит о дефиците... Следовательно, мы снова возвращаемся к проблеме сбалансирования планов. Но в условиях научно-технической революции такое сбалансирование должно быть гибким, постоянным и повседневным. Это труднее, чем установить план на год и выполнять его цифра в цифру. Но на то плановикам и приданы и ЭВМ, и АСУ, и экономико-математические методы, и кибернетика.

Сама жизнь подтверждает возможность перехода к оптовой торговле. По примеру Воронежа в ряде областей перешли на бесфондовый отпуск бензина и любых других нефтепродуктов. Бери сколько хочешь, и свои, областные, и «чужие». И что же? Общий расход нефтепродуктов уменьшился...

В Ленинграде, Мурманске и ряде других мест для многих предприятий и строек введено так называемое гарантированное комплексное снабжение. По договорам заводы и стройки обеспечиваются территориальными управлениями Госснаба всем необходимым. Они гарантируют регулярность поставок, и не было случая, чтобы подвели.

И вот что чрезвычайно важно: снабженческие органы, чтобы не оказаться несостоятельными, были вынуждены увеличить постоянный размер запасов на складах. Но заводы и стройки — потребители резко запасы уменьшили: к чему они? И общий, совокупный размер запасов уменьшился. Вот ведь как поворачивается пресловутая проблема дефицита: рукавицы оказались за поясом...

Придирчивый читатель может задать автору такой вопрос: а причем тут, собственно, сочетание научно-технической революции с преимуществами социализма? Оптовая торговля сырьем, машинами, приборами существует в любой капиталистической стране.

А вот причем, уважаемый читатель:

а) потребитель работает по плану, у него не может быть кризиса сбыта, 80—90% его потребностей стабильны и удовлетворяются в рамках плана;

б) сама оптовая торговля тоже ведется на основе централизованного народнохозяйственного плана. Меняется лишь методика его составления: вместо поименного опроса сотен тысяч потреби-

телей глобальное определение потребностей на основе экономико-математических моделей и последующая детализация при заключении договора. Наряду с эшелонами, вагонами, контейнерами возможна и продажа килограммами, штуками через сеть мелкооптовых баз, магазинов. Следовательно, органически соединены стабильность и гибкость, централизация и маневренность. Что и требуется.

Утверждение, что в плановом хозяйстве, и конкретно в СССР, нет и не может быть дефицита, а имеющиеся отдельные диспропорции — результат недочетов в планировании, воспринимается с большим трудом и вызывает упрек: автор слишком упрощенно и облегченно подходит к столь сложной проблеме. Что же, «пройдемся» по второму разу.

Я убежден, что читатель согласен с тем, что планировать производство любого товара — все равно, турбины или губной помады — необходимо под платежеспособный спрос, а не под потребность вообще. Иначе произведенные материальные ценности останутся у производителя, так как бесплатно он их отдать не пожелает и не может.

Но платежеспособный спрос любого предприятия, министерства известен из его финансового плана. Там указаны сумма прибыли, амортизационных отчислений и всех других источников, за счет которых строят, реконструируют и т. д. Известны и все текущие потребности в сырье, таре и т. д. Если эти совокупные потребности всех предприятий и организаций правильно сбалансированы с плановыми же ресурсами, дефициту появиться неоткуда.

Позвольте, возражает скептик, но план может быть сорван, перевыполнен, могут потребоваться неизвестные ранее материалы и приборы!

Верно. Но, во-первых, редко когда какая-либо отрасль выполнила бы план менее чем на 95—97%. Я не помню подобного факта. Во-вторых, прорывы и перевыполнение не наступают внезапно, о них известно заранее. При прорыве, если нужно, пускают в ход государственные резервы, а перевыполнение, если для него нет ресурсов, можно не разрешить. Что касается материалов, о которых ранее практика не знала, то вряд ли их отсутствие называется дефицитом. При подобном подходе можно утверждать, что в Древней Греции был дефицит паровозов...

Сложнее с предметами потребления. Общий объем денежных доходов населения может быть равен сумме предложенных товаров и услуг, но население данного города, к примеру, не покупает чулок, а стоит в очереди за колбасой...

И об этом говорилось выше. Укрупненная структура спроса населения (виды продовольственных и непродовольственных товаров, их соотношение) известна, объем денежных доходов планируется. Следовательно, все та же задача — заранее сбалансировать спрос и предложение, подключив в необходимых случаях импорт.

Конечно, мы не предугадаем в отношении некоторых «экзотических» товаров и за юбками определенного фасона в первый период их победоносного завоевания рынка будет очередь. Но серьезный читатель имеет в виду, разумеется, не подобный «дефицит».

На бумаге все легко, не унимается пессимист. Но это уже другой вопрос. Разумеется, планировать потребности сотен отраслей производства и сотен миллионов граждан и гражданок сложно. И тут у меня нет ни малейшего желания упрощать проблему. Речь идет о другом — о принципиальном содержании проблемы. Одно дело, если плановому хозяйству объективно присуща возможность дефицита. И совсем другое дело, что в области планирования (как и в любой другой области человеческой деятельности) имеются задачи, которые до конца еще не решены. Тот или иной ответ на поставленный вопрос определяет стратегию в данной области экономики, и потому в статье так много места уделено этой проблеме. Научно-техническая революция невозможна без оптовой торговли средствами производства — это ее краеугольный камень. И должна быть основана оптовая торговля на народнохозяйственном плане.

III

Достижения научно-технической революции «получают прописку» через практическое внедрение в производство. В данной области немало положительных примеров, но и немало недостатков. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии сказано на этот счет, что необходимо «создать такие условия, которые заставили бы предприятия выпускать новейшие образцы продукции, буквально гоняться за научно-техническими новинками, а не шарахаться от них, образно говоря, как черт от ладана» [2].

«Пройдемся» по перечню проблем, начав с конца: кто и почему шарахается? Во главе предприятий стоят преданные делу строительства коммунизма и квалифицированные люди. Если бы речь шла об отдельных исключениях, они не указывались бы с самой высокой требуны страны. Значит, явление достаточно распространенное. Почему же шарахаются?

Я обращаю внимание читателя на аспект постановки вопроса. Одно дело — не гоняться за новинками; здесь возможны всякие объяснения, вплоть до темперамента хозяйственника. И совсем другое дело — шарахаться от новинок, т. е. отказываться от них, увиливать от их использования.

Видимо, имеются серьезные причины, коль скоро речь идет о создании условий, «которые *заставили* бы». Каковы же эти причины?

Новое изделие часто передается предприятию (объединению) непосредственно из НИИ или вузовской лаборатории, где оно освоено «в основном», т. е. в принципе, без множества важных

---

[2] Материалы XXIV съезда КПСС. М.: Политиздат, 1972. С. 56.

конструкторских и технологических «деталей», дорабатывать которые фабрике, заводу, совхозу, стройке, магазину негде, некогда и некому. Значит, муки освоения. Видимо, требуется посредствующее звено — гибрид НИИ и предприятия: еще наука и уже производство. Ученый не в состоянии знать и отшлифовать детали, и не следует его загружать подобными делами, он их сделает плохо. Производственник занят текущим планом, у него нет возможности быть в курсе всего нового, что описано в литературе.

Симптоматично, что подобные фирмы-гибриды зародились при... райкомах комсомола — молодежь отреагировала первой. В Новосибирске, к примеру, фирме присвоили прометеевское название «Факел». По некоторым формальным причинам факел горел недолго. Но в системе Министерства энергетики и электрификации внедренческие организации созданы и оправдывают расходы сторицей. «Внедренец,— сказал как-то видный знаток проблем управления профессор В. И. Терещенко,— это человек, который успевает просунуть ногу до того, как успели захлопнуть дверь перед его носом...»

Причина шараханья под № 2 состоит в том, что новое изделие менее рентабельно, чем продукция серийная, давно изготовляемая. Обычно при утверждении оптовой цены на новую продукцию к себестоимости добавляется прибыль в пределах нормативной рентабельности, допустим 15%. Постепенно себестоимость снижается, и через несколько лет фактическая рентабельность повышается, скажем до 20—25%. А новая продукция вместе с хлопотами при ее освоении еще и снижает прибыльность и объем реализации; как говорится, вместо того чтобы быть богатым и здоровым, становишься бедным, но больным... Но допустим, что внедрение нового сулит прибыль. Поскольку она не была предусмотрена в годовом плане, то явится *сверхплановой* и отчисления на нее в поощрительные фонды будут намного ниже, чем от продукции, включенной в план, давно освоенной. Но и это еще не все. Эта дополнительная прибыль попадает «в базу», т. е. в печку, от которой будут танцевать, составляя план на следующий год, и предприятию добавят 8—10%, хотя в будущем году новое изделие уже не будет новым. Иначе говоря, все те же проблемы планирования...

А теперь начинается причина № 3. Допустим, что на предприятии творчески трудятся изобретатели. Это значит: расходуются материалы, загружено оборудование, заняты люди. При успехе изобретатели получат вознаграждение, народное хозяйство — пользу, а предприятие, где трудились изобретатели... дополнительные расходы, подчас еще и на размножение и рассылку информации об изобретении. Получив ее бесплатно, по «системе» всем-всем, многие потенциальные потребители кладут ее в архивы технических отделов.

А если ко всему этому подключить рубль?

Предприятие-изобретатель (назовем его так) продает изобретение Государственному комитету по делам изобретений по цене, равной затратам, плюс какая-то прибыль, идущая в поощритель-

ные фонды. В свою очередь, Комитет за плату передает информацию заинтересованным предприятиям и организациям. А кто потратил деньги (особенно если немалые), тот постарается новое внедрить, в частности и потому, что при очередной ревизии потребуют справку об эффекте от расхода средств.

Но, как мы уже условились, «не шарахаться» — это полдела. Вторая половина состоит в том, чтобы «гонялись за научно-техническими новинками». Думается, здесь поможет система надбавок и скидок.

Как все значительное, система предельно проста. Вся продукция, отвечающая установленному стандарту, продается по прейскурантной цене. Если изделие отвечает лучшим мировым эталонам или превышает их, завод-изготовитель получает надбавку к цене и выигрывает вдвойне — в сумме реализованной продукции (т. е. в выполнении плана) и в прибыли. Если изделие морально устарело и должно было быть снято с производства, цена соответственно уменьшается.

Динамизм научно-технической революции требует быстрого привлечения квалифицированных кадров во вновь возникающие отрасли и районы производства. Как быть в условиях, когда практически все работоспособное население трудится? Видимо, выручить должна щекинская система организации труда, но понимаемая еще шире и глубже. Механизация ручных работ, совмещение профессий, совершенствование технологии, специализация и кооперирование — таковы лишь некоторые направления решения проблемы.

Таким образом, ясно, что делать и как делать. Остановка за «небольшим»: поговорить о механизме, который бы неутомимо и повсеместно превращал возможность в действительность.

Что ж, займемся механизмом. Точнее, одним его агрегатом (или элементом?), так называемой обратной связью.

IV

Летом прошлого года «Литературная газета» статьей А. Рубинова «Целковый за макулатуру» начала кампанию за экономию бумаги путем продуманного определения того, что и в каком количестве издавать. Приводились факты, когда десятки тысяч брошюр, каталогов, книг, не доходя до читателя (его не оказалось!), отправлялись для переработки в бумагу.

Независимо от того, в какой мере точны примеры и факты, приведенные в указанной статье (часть из них оспаривалась работниками Госкомитета), бесспорно, что во многих случаях тиражи чрезмерны и нередко типографским способом печатается «издание», для размножения которого вполне хватило бы ротапринта. Одна из немаловажных причин сего печального явления состоит в том, что издательства не очень обеспокоены дальнейшей судьбой изданий. Реализовав продукцию типографий книжным базам и ма-

газинам, они подсчитывают прибыль и формируют поощрительные фонды...

Выражаясь модным ныне языком кибернетики, в цепочке автор — издательство — книжный магазин слаба «обратная связь» — воздействие покупателя, потребителя, для которого, собственно, вся цепочка и существует. Раскупят ли книгу немедля, или она долго будет лежать на складе, это волнует главным образом «устье» цепочки — книготорг.

Нам в статье нет нужды давать рекомендации по данному конкретному вопросу. Он взят нами лишь для «зачина», для постановки в целом вопроса о месте и значении обратной связи в механизме социалистического хозяйства в СССР.

Но что мы понимаем под механизмом?

Опыт убеждает в том, что чем сложнее становится связь между отраслями народного хозяйства, чем динамичнее темп развития экономики, чем, наконец, больше абсолютные размеры хозяйственного оборота, тем все важнее становится проблема организации управления хозяйством. Сказавши 45 лет тому назад, что в период реконструкции техника решает все, мы говорим сегодня, что «на фронтах строительства коммунистической экономики наука побеждать — это, по существу, наука управлять». Сказанное, разумеется, не умаляет роли и значения техники, но оно четко указывает главное звено в цепи и сегодня, в конце девятой пятилетки, и в предстоящие пятилетки.

При таком понимании роли совершенствования управления особое значение приобретает анализ механизма хозяйствования. И тут мы сталкиваемся с самого начала с некоторым недоумением.

Литература о хозяйственном механизме социалистического общества (или, лучше сказать, в социалистическом обществе) растет лавинообразно. В книгах много полезных рассуждений о принципиальных отличиях социалистического хозяйственного механизма от капиталистического, о соотношении хозяйственного механизма и экономических законов, об объективном и субъективном в хозяйствовании. Нет только... детальной характеристики самого механизма, рассмотрения образующих его элементов, без чего, думается, трудно оказать необходимую помощь практике, которой эта помощь нужна в конкретной, если хотите, прикладной форме.

Словарь иностранных слов так толкует термин «механизм»: 1) система тел, в которой движение одного (ведущего) тела вызывает движение остальных тел системы; 2) устройство машин (или аппарата), совокупность ее связанных между собой частей. Вот и следует, как нам представляется, рассмотреть «совокупность частей» и «движение тел» — ведущего и ведомых.

Бесспорно, что сердцевина хозяйственного механизма — государственное централизованное планирование [3]. Оно образует

---

[3] Можно возразить, что начинать следует с обобществления средств производства. Мы думаем, что обобществление — основа и исходное звено самого социали-

тот изначальный импульс, который дает толчок всей хозяйственной машине, определяет направление и темп ее движения.

Современный период развития народного хозяйства СССР предъявляет много возросших требований к планированию, которые не могут здесь быть рассмотрены. Ясно, однако, что речь не может идти о бесконечном расширении числа централизованно устанавливаемых директивных показателей: необъятного не объять! Напротив, хозяйственная реформа существенно ограничила количество централизованно утверждаемых сверху показателей. Но на практике этот перечень подчас весьма расширяется. «Известия» 2 сентября 1974 г. опубликовали статью «Хозрасчет с оговорками», из которой мы позаимствуем некоторые отрывки.

Директор совхоза «Бийский» товарищ И. Бабков пишет о больших успехах коллектива совхоза в результате осуществления мер, предусмотренных мартовским (1965 г.) Пленумом ЦК КПСС. Почти на 12% возрос урожай зерновых, намного увеличилось поголовье скота: «Настолько, что теперь зерновым совхозом „Бийский" называется больше по привычке». Ежегодная прибыль составляет 1,5 млн руб.

Успехи могли бы быть куда большими, если бы не нарушались утвержденные положения о хозяйствовании. Вопреки им ограничиваются возможности использования средств фонда развития, часть средств у совхоза изымается, мелочно регламентируются производство и реализация продукции. В статье убедительно показано, как ущерб, понесенный вследствие перечисленных нарушений совхозом, перерос в убыток для государства.

Второй частью («телом») механизма, после планирования, следует, видимо, назвать систему организации и оплаты труда. Если в понятие «организация труда» мы включим и его социальный аспект, «климат» на предприятии, а в понятие оплаты и возможность «отоварить» деньги сообразно потребностям, то мы почти полностью охарактеризуем действительные факторы, определяющие, как работает человек.

Годы восьмой и девятой пятилеток ознаменованы многими интересными поисками и находками в области организации и оплаты труда. Большинство из них, несомненно, известно читателю, и мы в дальнейшем назовем три лишь для иллюстрации: щекинскую систему в промышленности, бригадный подряд в строительстве и безнарядные звенья в сельском хозяйстве.

Если хозяйственный механизм уподобить часовому, то ценам надлежит отвести место спирали: они обеспечивают ритм производства, соизмеримость затрат и результатов. Хорошо или плохо работал коллектив предприятия, это мы узнаем прежде всего из бухгалтерского баланса по счету «прибыли и убытки». Но итог счета во многом определяется обоснованностью цен. Немало говорится о выгодных и невыгодных изделиях, о том, что подчас из-за несовершенства цен хозяйственная деятельность выглядит, как

стического способа производства, т. е. понятия более общего, чем хозяйственный механизм.

в кривом зеркале. Мы уже не говорим о плановой убыточности, когда цены ниже издержек производства, предусмотренных планом.

При всем том, что существующие цены еще далеки от идеала, нельзя отрицать, что за десять лет, прошедших после мартовского и сентябрьского (1965 г.) Пленумов ЦК КПСС, многое сделано для улучшения и повышения экономической обоснованности цен. Но все же нынешнее положение удовлетворить не может. Не гибок порядок их установления, недостаточен контроль за их соблюдением, подчас отсутствует требуемая стабильность. Как указывалось выше, цены еще плохо помогают предприятиям-новаторам, слабо карают бесхозяйственность.

Финансы и кредит, точнее, системы финансирования и кредитования образуют следующие агрегаты механизма. В области финансов без всякого преувеличения открытием можно назвать принцип самофинансирования, который используется приборостроительной промышленностью и автомобильными хозяйствами Главмосавтотранса. Ни копейки ни на что из государственного бюджета! Гарантированные на пять лет вперед платежи из прибыли в доход бюджета!

К сожалению, опыт приборостроителей и автомобилистов не распространяется дальше, хотя имеются желающие ему следовать. Возможно потому, что он сужает административные функции плановых и финансовых органов, к которым те привыкли; возможно потому, что некоторые политэкономы видят в нем опасность какой-то автаркии. Так или иначе, отладка этой части механизма затянулась, что, несомненно, отрицательно сказывается на хозяйственном расчете, на повышении плановой дисциплины и личной ответственности руководителей за порученное дело.

Что касается принципов кредитования, преобладающих в настоящее время, то вокруг них ведутся горячие баталии. Суть — существующая система кредитования по обороту состоит в том, что в течение месяца банк оплачивает все счета, предъявляемые клиенту, и зачисляет на ссудный счет выручку за реализованную продукцию. По истечении месяца отношения регулируются, т. е. выдачи со счета сопоставляются с поступлениями, и, если последних меньше, разница (в установленной доле) покрывается клиентом с его расчетного счета.

Сторонники такого порядка кредитования видят его достоинство в том, что в течение месяца поставщикам гарантирована оплата, не возникает трудностей из-за кратковременных разрывов между поступлением выручки и необходимостью платить. Противники кредитования по обороту считают недостатком то обстоятельство, что о платежеспособности хозяйственник думает лишь один раз в месяц — при регулировании отношений с банком. Не потому ли на 90% предприятий нет финансовых служб, хотя невозможно представить себе завода без отдела снабжения или строительства?

Наконец, важными частями механизма являются премии

и санкции. Они рычаги механизма. За годы реформы материальное стимулирование, несомненно, усилилось, но принципы поощрения, предусмотренные в решениях сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, осуществлены еще далеко не полностью. Имелось в виду создание стабильных групповых (для однородных предприятий) нормативов поощрения, увеличение суммы прибыли, оставляемой предприятиям для поощрения работников, по мере роста прибыли и рентабельности производства. Предусматривалось, что предельные размеры отчислений в фонд материального поощрения не устанавливаются. Указывалось, что никакие другие ограничения для отчислений в поощрительный фонд, кроме выполнения плана прибыли и реализации продукции в утвержденной номенклатуре, также не устанавливаются.

В сентябре нынешнего года исполнилось 10 лет со дня принятия соответствующих постановлений, но нет групповых нормативов, нет их стабильности. Система поощрения действует не в полную силу, и потому эффект от ее применения тоже неполный. Более того, если предприятие выполняет план с меньшими производственными фондами, чем планировалось, или взято меньше ссуд в банке, то экономия в плате за фонды и в процентных суммах подлежит взносу в бюджет... Так инструкция свела на нет одно из важнейших положений реформы.

Материальные санкции за прошедшие годы принципиально не изменились. Хотя размеры штрафов в ряде случаев возросли, но они все еще не компенсируют полностью ущерба, по поводу которого взимаются. Санкции «по вертикали» практически отсутствуют, и руководящие хозорганы материально за свои действия (и бездействия) не отвечают. Наконец, хозяйственники из своего кармана платят, пожалуй, лишь при нарушении противопожарных и санитарных правил. Следовательно, требование усилить личную ответственность материально ничем не подкреплено.

Если мы попытаемся охарактеризовать хозяйственный механизм в целом, то скажем, что разные его агрегаты неодинаково совершенны. Более всего отработана та часть, которая определяет задачи производителя как такового. Известно, что́ производить, поощряются перевыполнение и досрочное выполнение плана, регламентируются издержки производства, и поощряется экономия затрат в процессе производства.

Значительно слабее отработаны те звенья хозяйственного механизма, которые должны поощрять, побуждать к предприимчивости, обоснованному риску, а также санкции, стоящие на страже общегосударственных интересов. И совсем слабо отражаются запросы и пожелания потребителя-предприятия и гражданина. Преобладающее положение поставщика бесспорно, хотя цель его деятельности — удовлетворить потребителя. Многие буржуазные экономисты утверждают, что при отсутствии конкуренции и устойчивом росте спроса на средства производства и предметы потребления монопольное положение производителя неизбежно. В этом они видят слабость социалистической экономики, препону

развитию технического прогресса и улучшению качества продукции.

Нетрудно доказать необоснованность подобных взглядов. Именно плановая экономика позволяет балансировать производство и потребление, что лишает поставщика каких-либо преимуществ. Система экономических рычагов должна в то же время побуждать поставщика изготовлять лучшую продукцию и обновлять ассортимент. Иначе говоря, речь идет не о принципиальных недостатках социалистического механизма, а о недоделках в области цен и премий. Видимо, дело в том, что в распоряжении потребителя мало средств, рычагов экономического воздействия на поставщика.

Так мы снова вернулись к вопросу об обратной связи.

V

При желании саму постановку вопроса об обратной связи в качестве важной проблема можно назвать надуманной. В самом деле, средства производства обобществлены, экономика развивается по единому плану, в основу его проектировок кладутся потребности отраслей народного хозяйства, районов страны и населения. Конечно, знание этих потребностей в силу их изменчивости не идеальное, бывают просчеты, но нет проблемы. Так можно сказать и так говорят нередко.

Но подобное представление о процессе хозяйствования абстрактно, книжно. Оно не учитывает реальных условий развития экономики в нашей стране, и не только в том смысле, что отвлекается от возможных практических недостатков и несовершенств, но и в том, что перепрыгивает через ступень общественного развития, не учитывает особенностей первой фазы коммунизма — социализма.

Труд не является еще для всех органической потребностью. Значит, необходимо воздействие на работающего, чтобы добиться полной отдачи его сил и способностей. Такое воздействие оказывается прежде всего через заработную плату, и это первичная форма обратной связи: общество выделяет трудящемуся материальные блага в соответствии с количеством и качеством труда, которое трудящийся отдал на пользу обществу.

Каковы возможности и эффективность этой формы обратной связи?

Наиболее распространенной является повременная заработная плата. Малая эффективность связи очевидна: не учитывается, как человек работал. Конечно, от явных лодырей освобождаются, но не так это просто и не об этом речь.

Значительно лучше сдельная оплата. Меньше сделал — меньше получил. Но явно ощутимы недостатки сдельщины: не учитывается качество изделий и общий результат труда. Изготовленную и оплаченную деталь могли в дальнейшем процессе работы «запороть». Трактористы получали от гектара мягкой пахоты незави-

симо от урожая. Между тем проблема качества труда (всех его видов и «рангов»), качества продукции труда получает все большее значение. Десятая пятилетка, которую будет обсуждать XXV съезд КПСС, будет пятилеткой качества.

Пойдем еще дальше. Безнарядные звенья в колхозах и совхозах. Оплата с центнера собранного урожая, мяса, молока, шерсти. Преимущество очевидно, но есть и недостаток. Не только «Плодовощ», но и «Заготхлопок» и сахарные заводы жалуются на низкое качество продукции, сдаваемой колхозами и совхозами; в процессе уборки увлечение количественной стороной подчас приводит к дополнительным потерям при хранении.

Наконец, возьмем бригадный подряд в строительстве. Бригаде зачисляют на счет сметную стоимость здания, и после сдачи его с хорошей или отличной оценкой бригада получает 30—40% экономии в качестве премии. Если бы был перерасход, бригада должна его возместить, но подобных фактов не было.

Вот здесь, в злобинском методе, мы имеем, на мой взгляд, идеальную форму обратной связи. Система отношений отлажена таким образом, что материальные и моральные стимулы содействуют заинтересованности трудящегося хорошо работать до полного завершения процесса труда, до принятия обществом изготовленного продукта. Проще говоря, до выдачи ключей от квартир новоселам.

В сентябре 1974 г. в Москве состоялся Всесоюзный слет бригад, работающих по методу Н. Злобина. Их насчитывалось уже тысячи. Перспективы развития этого движения очевидны. Дело теперь за перенесением оплаты в другие отрасли народного хозяйства.

Чрезвычайно важно создать эффективную форму обратной связи по горизонтали — в отношениях между предприятиями и организациями.

По самым приблизительным подсчетам, в нашей стране совершается в год около 6,5 трлн хозяйственных операций. Насколько эффективно работает в этих операциях обратная связь? А ведь от этого в чрезвычайно большей степени зависит общая эффективность социалистического хозяйствования.

Сам порядок цифр показывает, что одними административными мерами контроля и воздействия многого не добиться. К примеру, система Стройбанка проверила в 1974 г. 7000 строек. Нетрудно представить себе, насколько трудоемка подобная работа. Но от общего объема капитальных вложений в стране проверенное составило 0,4%... Значит, нужны экономические рычаги, показатели, включенные в сами хозяйственные отношения.

Только для наглядности позволю себе такое сравнение. Для чего в электросеть дома вмонтированы пробки? Чтобы предохранить здание от пожара. Если напряжение тока превысило допустимую норму, перегорят пробки. Пробки перегорят, дом не пострадает. В системе хозяйственных взаимоотношений нужно предохранительное устройство, свои «пробки». Это одна из функций обратной связи, но, конечно, не главная.

При капитализме задача решается «просто»: недостаточная

эффективность ведения дел заканчивается банкротством. Многие сотни английских туристов летом 1974 г. убедились в этом воочию, когда обанкротились компании «Корт Лайн» и «Эйклтрэвел». И это лишь один из многих примеров.

Социалистическая система хозяйствования не приемлет подобной корректировки. Здесь дело уже не ограничивается рамками отдельного предприятия или даже монополии. Поскольку преобладающая часть материальных ценностей принадлежит одному хозяину — обществу, заботиться необходимо о всех хозяйственных процессах. Это сразу количественно и качественно осложняет задачу. Владелец фирмы *А* мало озабочен тем, как скажется результат его мероприятий на фирме *В*. Нередко он рад, если эта фирма окажется в затруднительном положении. У нас одна «фирма». И если прорехи в работе Краснодарского завода, к примеру, скажутся в городе Комсомольске-на-Амуре, то от этого не легче.

Вторая особенность в том, что хозяйственник лишь в очень малой мере отвечает своим карманом и получает в свой карман. Отсюда проистекают и беззаботный оптимизм, как, скажем, при тиражировании ненужных книг, и крайняя робость при определении уровня продукции, скажем тарелок, лезвий для бритья, горчичников, что порой приводит к их нехватке.

Как наилучшим образом сочетать ответственность за государственные интересы с возможностью широкого проявления инициативы хозяйственника? Таков один из вопросов, на который жизнь требует конкретного ответа от науки по управлению. Все более развивающаяся внешняя торговля дополнительно торопит с ответом на этот вопрос.

VI

Итак, в гигантском, многоотраслевом и динамичном экономическом организме страны происходят триллионы хозяйственных операций в год. Их результат — рост экономического могущества страны, повышение уровня жизни советского народа. Для планового управления процессом социалистического воспроизводства используются миллионы цен, сотни тысяч норм, нормативов и показателей, поощрительные и наказующие меры.

Каждый рычаг планового управления — норма, цена, премия, штраф, ссуда, тарифная ставка и так далее — возникает при определенных условиях и, естественно, оптимален к моменту своего установления: было бы странно, если бы кто-либо предложил и утвердил непригодное или малопригодное. Но время идет. Нефть начинают добывать там, где раньше ее не добывали. Прибор, которым гордились, становится морально устаревшим. На кронштейнах висят костюмы, за которыми еще не так давно стояли в очередях. Усиливается значение престижности профессии. Все течет, все меняется.

Должны меняться и рычаги управления, частицы, шестеренки в хозяйственном механизме. И должны меняться вовремя, иначе

мы теряем какие-то достижения научно-технической революции. И должны меняться в плановом порядке, иначе мы не полностью используем преимущества социалистической системы хозяйствования. Как добиться своевременного обновления клеток?

Привычный путь — восстановить многие из отмененных реформой показателей или ввести новые. Не производят тарелок — включим в народнохозяйственный план тарелки. Не внедряют технических новинок — перечислим их в плане и снизим отчисления в премиальные фонды за невыполнение.

Присмотритесь к положениям о премировании, разработанным на предприятиях. Во многих из них, чтобы получить полностью премию, необходимо выполнить 10—15 требований, включая регулярное дежурство в добровольных дружинах. Мы полагаем, что такой путь бесперспективен.

Сам масштаб цифр, как уже указывалось, исключает возможность административного решения вопроса. Никакие графики обновления не могут охватить всего. Тогда им на помощь пришло материальное поощрение. Соблюдение собственных интересов должно помочь — и действительно помогает — совершенствовать хозяйственные отношения.

Опыт десяти лет хозяйственной реформы показал, однако, что материальное поощрение не решает задачу до конца. В одних случаях потому, что синица в руках предпочтительнее журавля в небе. В других потому, что достигнут определенный уровень достатка. Известно ведь, что «не так хорошо с деньгами, как плохо без них». Обобщая опыт хозяйствования в новых условиях и необходимость резкого повышения его эффективности, партия углубила наши представления о возможностях использования экономических рычагов в условиях социализма. Необходимо создать «экономические условия, которые заставляли бы министерства и предприятия брать напряженный план, мобилизовать резервы, работать с большей отдачей».

Какой должна быть обратная связь, чтобы она заставляла?

Она должна быть неотвратимой. Предприятия и хозяйственные организации следует поставить в такие экономические условия, чтобы они не могли, не имели возможности допускать бесхозяйственность, терпеть бесхозяйственность, применять или допускать применение устаревших, неэффективных норм, цен, показателей, инструкций и правил.

Жесткость условий экономического соревнования социализма с капитализмом, всевозрастающее значение фактора времени не позволяют нам удовлетворяться лишь призывами, поощрениями. При всем том, что социалистические производственные отношения суть взаимоотношения соратников, борцов в новом строю, оказывается необходимым — таков урок, преподаваемый историей,— экономически заставлять. А заставлять — это слово совершенно определенное, не терпящее маниловщины. И дабы такое слово стало делом, необходимо глубже и дальше внедрять контроль рублем: только всеобщий эквивалент, всеобщая форма стоимости способны

воздействовать на все стороны и участки хозяйствования, воздействовать непрерывно и неустанно при оплате каждого счета, при утверждении любого проекта. Проще говоря, за любой проступок надо платить, в том числе и из своего кармана.

Имеет принципиальное значение недавнее решение о полном возмещении затрат колхозов, совхозов и граждан на изымаемых для государственных и общественных нужд землях. Кроме того, подлежит возмещению стоимость потерь сельскохозяйственной продукции на изымаемых участках и стоимость освоения новых почв.

Те, кому отводят землю, обязаны предусматривать в сметах строительства или в издержках производства суммы, необходимые для возмещения убытков землепользователям и потерь сельскохозяйственного производства. А Госбанк и Стройбанк могут финансировать проектные и строительные работы лишь при наличии документов, подтверждающих согласие соответствующих государственных органов на отвод земель в установленных границах.

В чем мы видим принципиальное значение постановления правительства?

Еще раз, и авторитетно, осуждается вульгарная обывательская «теория» единого кармана. Раз, дескать, собственность всенародная, то нечего разводить канитель, считать, платить... Подтверждена непрерывность и преемственность ленинской линии и ленинских идей: коммунизм начинается с заботы о каждом пуде железа, угля и хлеба, принадлежащих всему обществу; коммунизм включает в себя заботу об охране природы, о каждом гектаре пахотных земель, хотя таких гектаров в Советском Союзе ни много ни мало, а 224 млн.

Осуждаются окостеневшие догматические взгляды на товарно-денежные отношения как на что-то отживающее, чуждое коммунистическому строительству. В полном соответствии с программой нашей партии денежные отношения используются в присущих им при социализме формах для содействия повышению эффективности производства.

Наглядно внедряются принципы и требования полного хозяйственного расчета: предприятия и стройки считают затраты не только в пределах своих непосредственных дел, но и в балансе всего народного хозяйства. Мы будем знать подлинную стоимость каждой стройки, каждого изделия гораздо лучше, чем знали до сих пор, когда не учитывали того, какие последствия вызывают действия одних предприятий на результаты хозяйствования других.

Наконец, можно полагать, что энергичнее станут теперь внедрять давно высказываемые многими советскими экономистами предложения включать в издержки строительства и производства расходы по очистке воздуха, расходы на сооружение дорог, затраты на подготовку кадров, на изобретения и рационализацию.

Мы знаем природу денежного фетишизма, и нам он смешон. Но мы помним, что В. И. Ленин, полагая, что в будущем из золота в некоторых крупных городах мира стоило бы построить отхожие

места, советовал «пока что» беречь золото и расходовать его построже. Да, у нас общенародный карман, но он не бездонен, и каждый должен заботиться о наполнении общего кармана.

Отныне строители и производственники не могут не считать стоимость земли, изымаемой из сельскохозяйственного оборота. Им ведь не утвердят любые суммы компенсации убытков. От них потребуют оптимальных решений.

Обсуждается рекомендация (а в Латвии применяется), чтобы убытки от уценки товаров, не пользующихся спросом, покрывала промышленность, а не торговля (как это имеет место), или чтобы убыток от уценки делился между ними. Можно назвать еще некоторые примеры, но их, к огорчению, крайне мало.

Очевидно, что ученым, исследующим проблемы организации управления экономикой, следует энергичнее переключаться со споров о дефинициях на разработку, в частности, конкретных рекомендаций, которые исключали бы возможность считать на тонны, где нужны метры, и на рубли, где требуются кубометры. Таких рецептов, видимо, будет много; столько, сколько имеется нерешенных проблем. Не зря ведь справочники для фармацевтов толсты. Но, коль скоро хозяйство многогранно и условия хозяйствования разнообразны, должен быть какой-то единый и единственный показатель и он же рычаг, который конкретно и оперативно отражал бы неотвратимость обратной связи, не позволял бы работать плохо. Мы видим такой показатель и рычаг в установлении категорической срочности платежа.

До 1930 г., когда применялась вексельная форма расчетных отношений, предприятие, не оплатившее вексель в срок, считалось банкротом. Нам ни к чему восстанавливать векселя, но обязательность платежа в срок обязательна. Почему именно платеж выдвигается в ранг основного звена обратной связи?

Все отношения между предприятиями и их контрагентами, банками, бюджетом трудящихся завершаются платежами: прибыли, зарплаты, погашением ссуды и так далее. Как писал К. Маркс, хозяйственный оборот идет по кругу: $Д—Д_1$ начинается с денег и ими же завершается. Но уплатить вовремя и полностью можно лишь тогда, когда выполнены количественные и качественные показатели плана, а вырученные средства использованы опять же по плану. Значит, своевременный платеж — лучшее удостоверение планомерности и соблюдение государственной дисциплины предприятием и его контрагентами. Вот и необходимо установить, что все платежи совершаются в порядке хронологической последовательности, а директор предприятия, не уплативший в срок, на утро следующего дня уже не директор.

Не призываем ли мы к разгону хозяйственников? Нисколько! О предстоящем платеже из оперативного финансового плана известно не менее чем за две недели. Если средств нет по уважительной причине, на помощь придет банк, объединение, министерство. И тогда расчет будет произведен вовремя. Если же уплаты в срок нет, то, значит, банк и вышестоящие органы не сочли возможным и

нужным помочь. Иначе говоря, они в вежливой форме указали директору на его некомпетентность...

Как обстоит сегодня с просроченными платежами? Уж говорилось, что, как правило, в течение месяца безропотно платит банк. Но в ряде случаев он применяет санкции, и тогда могут возникнуть и в действительности возникают неплатежи. И что? И ничего. Поставщик ждет: из первых поступивших денег предприятие берет на зарплату своим рабочим и служащим, затем вносит в бюджет, затем платит поставщикам (если не наступил срок выдачи зарплаты своим рабочим и служащим). Мне пришлось как-то говорить с финансистом строительной организации, строящей хозяйственным способом объекты одного из промышленных министерств. Он жаловался: круглый год сумма задолженности заказчиков на уровне восьми миллионов рублей, что создает невероятные затруднения строителям. «А кому пожалуешься? И мы, и заказчики подчинены одному министерству...»

Можно сказать, что наше предложение не панацея. Охотно допускаю.

Здесь не место для конкретных рекомендаций, но принципиальная постановка вопроса неизбежна. Принципиальная суть и трудность проблемы видятся нам в том, что создаваемый механизм обратной связи в каждом конкретном случае должен быть гибким и мобильным, а для этого при масштабах хозяйствования в СССР в значительной мере децентрализованным, основанным на договорах сторон. И в то же время вся система обратной связи должна полностью включиться, вмонтироваться в механизм централизованного общегосударственного планирования и управления народным хозяйством. Вот «орешек», который придется разгрызть науке об управлении.

На наших глазах происходит интереснейший процесс — система управления экономикой СССР приводится в соответствие с возросшим уровнем развития производительных сил и производственных отношений. Создаются производственные и промышленные объединения, агро- и агропромышленные комплексы, межколхозные и межколхозно-совхозные предприятия и организации. Во многом меняются соотношения между финансированием и кредитованием, между заработной платой и премией, между материальными и моральными стимулами, между административными и экономическими методами управления. Психологи и социологи включаются в штатные расписания заводов и НИИ в одном ряду с конструкторами и бухгалтерами. В планы предприятий записывают не только выпуск станков, консервов и ботинок, но и организацию досуга, занятия спортом и повышение квалификации. Ширятся, множатся и углубляются разнообразные и многосторонние нити связей, совершенствуя в совокупности наш развивающийся общественный уклад.

Объединяющим и цементирующим элементом всей работы по совершенствованию хозяйственного механизма является подготовка к XXV съезду КПСС. Принятие дополнительных обязательств,

проработка перспективных заданий, работа над проектом плана на самых различных уровнях — все это дает дополнительный стимул творческой энергии широких масс трудящихся города и деревни. Они руководствуются при этом ленинским требованием не довольствоваться достигнутым, а идти вперед. «Все дело в том,— писал В. И. Ленин,— чтобы не довольствоваться тем уменьем, которое выработал в нас прежний опыт, а идти непременно дальше, добиваться непременно большего, переходить непременно от более легких задач к более трудным. Без этого никакой прогресс вообще невозможен, невозможен и прогресс в социалистическом строительстве»[4].

---

[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 196.

УРОКИ ПОЛУВЕКА [1]

> За нами придут другие люди, которые в более спокойное время с более совершенным запасом сил и средств смогут продолжить наш научный анализ, исправить наши ошибки и развернуть более широкие перспективы... Наша работа — только начало.
>
> Из предисловия к плану ГОЭЛРО

I

Число 10, видимо, не зря считают «круглым»: в истории оно отделяет друг от друга значительные периоды. Мы не говорим «люди тридцать пятых или сорок восьмых».

«Круглое» число стало поводом и для нашей статьи: принят план развития советской экономики на 1976—1980 гг. Это десятая пятилетка. Значит, вот уже полвека огромная страна со сложным и развитым производственным аппаратом живет по плану — по программе, разработанной наперед. Из объектов, зависящих от стихийных экономических подъемов и спадов, люди — впервые в истории человечества — превратились в субъектов, в управителей экономики; они все более господствуют над экономической действительностью, хотя это дается не легко, не просто и путь усыпан не только розами.

Что же стоит за понятием «десятая пятилетка»? Это значит, что самая активная часть самодеятельного населения Советского Союза уже не мыслит себе жизни вне плана, как не мыслит ее вне времени или пространства. Ибо план — не только колонки цифр, но и жизненный путь, призвание. Следуя «сухим» цифрам производственных и строительных программ, десятки и сотни тысяч людей поехали строить гигантский автомобильный комплекс — КамАЗ, прокладывать Байкало-Амурскую магистраль, осушать болотистые районы Полесья и обводнять засушливые степи Заволжья. Новые профессии и специальности, новые заводы и шахты, новые разделы наук, новые источники природных богатств возникают, повинуясь воле плана. Обширный комплекс взаимосвязанных целей определяет характер плана: среди них и вековая мечта человечества о постепенном уравнении города и села, физического и умственного труда, и практические задачи сегодняшнего дня — снижение затрат, ускорение оборота средств, повышение фондоотдачи.

Но почему, собственно говоря, я пишу полвека, если первый план — план электрификации страны, так поразивший знамени-

[1] Дружба народов. 1976. № 4.

того писателя-фантаста Герберта Уэллса, — бы принят в 1920 г., т. е. 55 лет тому назад, да и после него разрабатывались так называемые контрольные цифры развития экономики на 1925—1930 гг.

Дело в том, что план ГОЭЛРО, будучи грандиозной программой восстановления и переустройства экономики разоренной войнами и голодом Советской России, не был, строго говоря, планом в современном понимании этого термина: в нем не указывались адресно отрасли и ведомства, он не охватывал всех сторон жизни, а ограничивался электификацией и тем, что непосредственно к ней примыкало. Требовать в то время бóльшего равносильно тому, чтобы во времена Нансена замышлять поход к Северному полюсу на атомном ледоколе.

Контрольные цифры, намеченные ГОЭЛРО, были подступами к плану, а самый первый пятилетний план охватил период с 1 октября 1928 г. до конца 1932 г. И у каждой из последующих пятилеток свой неповторимый облик. Он определялся обстановкой, в которой находилась страна, и задачами, которые диктовались этой обстановкой. Конкретные задачи приходилось решать независимо от того, благоприятствовали или неблагоприятствовали тому условия. А могли ли они быть особо благоприятными, если вспомнить, что за спиной были годы войны и интервенции, страшного голода, блокады?

В феврале 1931 г. было сказано, что мы экономически отстали от передовых капиталистических стран на 50—100 лет и либо пробежим это расстояние за 10 лет, либо нас сомнут. В июне 1941 г., через 10 лет, гитлеровцы напали на нашу родину. Из песни слова не выкинешь...

Первые две пятилетки имели своей непосредственной целью создание остова современной для тех лет экономики — основных отраслей и главных подотраслей промышленности. Два критерия главенствовали — количество и сроки.

Анализируя сегодня, ретроспективно, планы первых пятилеток (а такой анализ невероятно полезен, и история народного хозяйства СССР — актуальнейшая из наук!) и ход их выполнения, мы без труда перечислим ряд упущений и ошибок: к примеру, распыление капитального строительства и материально-технического снабжения, недооценку экономических стимулов... Но способность быть крепким «задним умом» никогда не считалась выдающимся качеством интеллекта. Когда опасность близка, а задач бездна, хватаешься за многое сразу. Упущения так или иначе исправлялись, а важнейшие отрасли экономики были созданы и сказали свое решающее слово в грозные годы Великой Отечественной войны.

Но, конечно, самой мощной «отраслью», созданной в годы первой и второй пятилеток, стал квалифицированный рабочий класс — главная производительная сила страны.

Замысел третьей пятилетки (1938—1942) был уже качественно новым. Речь шла о том, чтобы догнать и перегнать передовые ка-

питалистические страны в экономическом отношении, т. е. в производстве на душу населения важнейших видов продукции. То была задача исключительной трудности, но сама ее постановка говорила уже об ином, более высоком уровне развития экономики.

К сожалению, пока не написана история довоенных пятилеток и не охарактеризованы результаты преобразования экономики, достигнутые в те годы. Результаты, сказавшиеся не в росте выпуска той или иной продукции и не в количестве построенных предприятий — подобных полезных работ немало, — а в глобальном изменении экономического потенциала, включающего квалификацию людей, производственный аппарат, уровень общественной активности.

«Сухая» статистика говорит, что в 1913 г. Россия давала чуть более 4% мировой промышленной продукции, а в 1937 г. СССР производил уже около 10%! Это значит, что из каждых десяти рублей, вырученных во всем мире от продажи промышленных изделий, один рубль приходится на долю советской промышленности.

Значение приведенной цифры станет еще ясней, если напомнить, что в 1974 г. доля СССР в мировой промышленной продукции составляла «всего» 20%, а США — чуть более 25%.

...Рассказать, сколько труда, таланта и беспредельной преданности идеям коммунизма стоит за каждым процентом, означало бы изложить всю историю СССР.

В первые послевоенные пятилетки наш народ восстанавливал разрушенное хозяйство. Одновременно создавались новые отрасли производства, осваивались новые районы.

Давайте, читатель, остановимся и задумаемся вот над чем. Наша страна понесла в годы Великой Отечественной войны неслыханные человеческие жертвы и материальный ущерб. Это общеизвестно. Но вышла ли она экономически ослабленной из тяжелейшего потрясения?

«Арифметика», казалось, подсказывала утвердительный ответ на этот вопрос, и, видимо, уверовав в него, стратеги капиталистического мира, размахивая атомной бомбой, готовили нам участь иждивенца плана Маршалла. Разумеется, в обмен на такую «несущественную» деталь, как отказ от суверенитета.

Но нам интересны не просчеты стратегов капитализма, а серьезный анализ явления по существу. Необходимость защиты Родины, разгрома фашизма вызвала к жизни такие потенциальные ресурсы, что после окончания войны, несмотря на понесенные потери, все привычные масштабы развития экономики преобразовались.

Посмотрите на цифры капитальных вложений по пятилеткам (в млрд руб., в сопоставимых ценах):

Первая	Вторая	Третья (3,5 года)	Четвертая	Пятая
8,8	19,9	20,6	48,1	91,1

Объемы вложений в четвертой пятилетке в 5 раз выше, чем в первой, почти во столько же пятая пятилетка превосходит по этому показателю вторую.

Все эти числа легко писать и еще легче читать. Но за ними — Норильск и Ангара, Голодная степь и Туймазы, нефтехимия, цемент, текстильные комбинаты. И города, города...

В данной статье мы не будем заниматься подобным анализом, да он и не по плечу одному человеку. И все же вывод сделать позволительно: подлинные внутренние резервы социалистической экономики неизмеримо больше любого нашего представления о них. Из сказанного не вытекает призыв к волюнтаризму и хлестаковщине. Речь о другом: необходимо настойчиво искать пути выявления и мобилизации скрытых резервов; не довольствоваться достигнутым, а видеть в нем трамплин для новых поисков.

При всем том для периода 1945—1960 гг. было характерно развитие народного хозяйства, в значительной степени за счет экстенсивных факторов, т. е. включения в оборот новых посевных площадей, роста численности рабочих и служащих.

	1945 г.	1950 г.	1960 г.	Прирост за 15 лет
Посевные площади, млн га	113,8	146,3	203	89,2
Численность рабочих и служащих, млн чел	28,6	40,4	62,0	33,4
Валовой общественный продукт, млрд руб.	60,5	118,4	303,8	243,3

В связи с тем что значительную роль играли экстенсивные факторы роста, методы планирования народного хозяйства и управления им оставались более или менее неизменными. План из года в год предусматривал определенный процент прироста продукции, постепенно совершенствовалась структура общественного продукта, росла производительность труда, повышался уровень благосостояния трудящихся. Всевозрастающее количество не переходило еще в новое качество. Я позволил бы себе такое сравнение. Придя в себя после страшных опустошений, причиненных войной, экономика набирала силы, готовясь к штурму новых высот, к принципиально новым задачам.

Но уже с 60-х годов экономисты почувствовали себя «неуютно». Все явственнее обозначались какие-то подспудные процессы, требовавшие анализа, обобщений и новых решений. В ряде отраслей производства и районов страны заработная плата стала расти быстрее, чем производительность труда. Снижалась эффективность использования производственных фондов (фондоотдача). Сельское хозяйство никак не удовлетворяло потребности страны, стало узким местом развития экономики. На первый план выдвигалась необходимость интенсификации.

Рамки статьи не позволяют сколько-нибудь подробно характеризовать огромную значимость решений мартовского и сентябрьского (1965 г.) Пленумов ЦК КПСС, подтвержденных и развитых в документах XXIII и XXIV съездов КПСС и декабрьских Пле-

нумов ЦК КПСС 1972—1975 гг. Журнал в свое время освещал перечисленные проблемы. Скажу лишь одно: в этих решениях сформулирована и воплощена экономическая политика Коммунистической партии и Советского государства за истекшее десятилетие и в значительной мере стратегия на будущее.

Продолжим приведенную выше таблицу и посмотрим, в чем и как выразилось выдвижение на первый план интенсивных факторов роста экономики.

	1960 г.	1965 г.	1974 г.	Прирост за 15 лет	Прирост за 10 лет
Посевные площади млн га	203	209,1	216,5	13,5	7,4
Численность рабочих и служащих, млн чел.	62,0	76,9	99,8	37,8	22,9
Валовой общественный продукт, млрд руб.	303,8	420,0	816,4	512,6	396,4

Цифры показывают, что размер общественного продукта почти утроился при росте посевных площадей на 13,5 млн га, т. е. на 7%, и численность рабочих и служащих на 37,8 млн человек, т. е. на 60%. Экономический потенциал страны за 10 лет практически удвоился.

Возможно, интенсификация производства выражается еще наглядней такой табличкой. Чтобы произвести в год продукции стоимостью в 1 млн руб., нужно было, чтобы работало в 1960 г. 276 чел; в 1970 г. — 150; 1975 г. — 113 чел.

Если бы производительность труда в истекшие 5 лет оставалась неизменной, для выполнения плана девятой пятилетки потребовалось бы дополнительно занять в промышленности еще 20 млн человек. Повышение производительности труда в десятой пятилетке «заменит» 26 млн человек.

II

Итак, истекшие 10 лет — восьмая и девятая пятилетки — были периодом принципиального изменения характера развития экономики нашей страны. Интенсивные факторы начинают играть все более важную, можно сказать главенствующую, роль. Но какое содержание мы вкладываем в само понятие интенсивных факторов? Как известно, это прирост общественного продукта и национального дохода за счет увеличения производительности труда, уменьшения материалоемкости изделий, повышения фондоотдачи, роста рентабельности. Что же, показатели правильные. Но я хочу прежде всего коснуться принципиально нового явления — изменения структуры общественного продукта.

Принципиальное значение проблемы состоит в следующем. Представим себе два варианта развития народного хозяйства, скажем, за пятилетие. В одном случае все отрасли увеличили выпуск продукции, к примеру, за пять лет на 40% и общество к концу пятилетия располагает общественным продуктом в го-

раздо большем объеме, но он по составу тот же, что и пять лет тому назад. В другом — состав общественного продукта в результате значительных капитальных вложений и других мер существенно изменился. Сократилась доля каменного угля, лесных и других строительных материалов, простых химических продуктов и тому подобное, но заметно повысился удельный вес электронных изделий, синтетических смол, сложных машин и приборов, нефти и газа, электроэнергии. Допустим, что по стоимости общественный продукт за пять лет при втором варианте возрос не на 40, а лишь на 30%. Внешне прирост меньший, а по реальной значимости для экономики, по «калорийности», если позволительно так сказать, мы получили больше.

Значит, считать темпы по-старому нельзя. Оказывается, вопрос «сколько стоит полтинник?» имеет смысл. Надо смотреть в глубь процесса. При относительно небольших сдвигах в соотношении удельных весов различных составных частей общественного продукта указанное обстоятельство не очень искажало картину. При интенсивном научно-техническом прогрессе положение меняется кардинально. Мало сказать, насколько увеличилось. Надо посмотреть, что увеличилось. Цифры не украшают статьи в литературных журналах, но, когда они красноречивее слов, приходится словом поступиться.

Вот какие интересные данные получил в результате своих исследований доктор экономических наук В. Коссов (в % ко всей промышленности) [2].

	1950 г.	1960 г.	1970 г.	1974 г.
Доля электроэнергетики, химической и нефтехимической промышленности, машиностроения и металлообработки	17,1	23,0	31,9	36,5
Доля топливной, лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной отраслей	19,1	14,6	11,4	10,2

Указанные в первой подгруппе три отрасли относятся, по методологии Госплана СССР, к определяющим технический прогресс в народном хозяйстве. Удвоение их доли за четверть века — явление знаменательное. Оно означает, что подлинный экономический потенциал страны в результате совершенствования структуры общественного продукта увеличивается в большей мере, чем показывают статистические данные: питательность определяется не только весом и объемом съеденного.

Но в еще большей мере сказанное относится к планам на 1976—1980 гг. При среднем темпе роста промышленного производства за пять лет на 35—39% химия и нефтехимия увеличат выпуск продукции на 60—65%, машиностроение — на 50—60%, изготовление синтетических смол и пластмасс возрастет на 90—110% и так далее. Встает во весь рост задача — и она четко сфор-

---

[2] Вопр. экономики. 1975. 12.

мулирована в материалах XXV съезда КПСС — *считать по конечному результату*, не забывая, разумеется, промежуточных этапов.

В чем важность и в чем сложность задачи?

Потребителю, к примеру, нужен холодильник. Его он и считает продуктом, полученным от общества в обмен на определенное количество труда, отданное обществу, а проще — в обмен на часть своей заработной платы. Но появлению холодильника в магазине предшествовали добыча руды, выплавка чугуна и стали, производство проката и электрооборудования. А этим процессам — изготовление оборудования для добычи руды и выплавки металла. Четыреста отраслей и подотраслей промышленности, десятки отраслей и подотраслей сельского хозяйства, транспорта, сбыта и торговли, городского хозяйства непрерывно сотрудничают, обмениваются результатами деятельности, чтобы в нужное время и в нужном месте оказались холодильник, минеральные удобрения, трансформатор, цукатный торт и журнал «Веселые картинки».

Каждое из предприятий на хозяйственном расчете, у него свои экономические интересы, определяемые условиями, в которые оно поставлено. Я подчеркиваю это обстоятельство, так как всегда находятся любители подменять серьезное рассмотрение объективных проблем обывательским рассказом о таком-то директоре-пройдохе, который приделал к купленному на стороне мотору за 1000 руб. гайку ценой в рубль и отчитался в выпуске продукции на 1001 рубль... Пройдохи, конечно, имеются, но проблема в том, что руководитель предприятия обязан обеспечить коллектив заработной платой и обязан выполнить план. И если вместо нужного ему дали другое сырье, он нарушит установленные планом ассортимент и качество, распылит силы строителей между разными объектами и тому подобное. Не видеть объективных причин подобных действий — значит считать тысячи преданнейших хозяйственников вредителями. Здесь требуется ясность.

Итак, одна сторона проблемы состоит в том, что каждое из звеньев хозяйственной цепи вносит свою долю и должно быть соответственно вознаграждено. Эта часть хозяйственной задачи привычна и, в общем, лучше или чуть хуже, но давно решена. Неудовлетворительно, и все в большей мере, обстоит дело со второй стороной — собиранием разрозненных «кубиков» в единое целое. Тут мы сталкиваемся с наличием оборудования, которое негде монтировать, и с площадками, пустующими в ожидании оборудования; с множеством начинаемых, оплачиваемых, но годами незавершаемых объектов; с новостройками, проектные мощности которых по разным причинам осваиваются годами; с пальто устаревших фасонов вместо модных...

Да, можно считать лишь законченный, конечный продукт. Технически это сделать нетрудно, хотя речь пойдет, вероятно, о нескольких миллионах наименований. Но суть-то в том, что, упуская предыдущие звенья, мы не получим конечного: если бы изюм добывался из ватрушки, как было бы хорошо!

Очень нередко ключ к улучшению конечного результата оказывается «совсем не там», где его можно было бы ждать. Специально проведенное исследование показало, что вложение средств в дорожное строительство должно в большей мере отразиться на масштабности перевозок грузов, чем непосредственное увеличение количества автомобилей. По мнению многих товароведов, для того чтобы улучшить снабжение населения картофелем, овощами и фруктами, надо первостепенное внимание обратить на строительство хранилищ и обеспечение торговых организаций тарой и транспортом. Короче говоря, экономика — не геометрия, и прямая — далеко не всегда кратчайший путь к цели.

Экономической науке, планированию и статистике предстоит пересмотреть канонический подход к определению объема производства. Впрочем, это лишь одна из многих проблем десятой пятилетки.

III

Десятая пятилетка — пятилетка эффективности и качества. Что это значит? Возможны два варианта ответа. Первый: мы должны работать лучше, чем до этого, производительнее, экономнее, давать продукцию лучшего качества, совершенствовать управление, повышать уровень социалистического соревнования. Иначе говоря, работать в принципе прежними методами, но только гораздо лучше.

И второй вариант: работать иначе, по-новому. Не в том смысле, чтобы отказаться от бесценного опыта, накопленного за почти 60 лет Советской власти, а в том, чтобы привести весь хозяйственный механизм в соответствие с требованиями социализма. Такая работа, разумеется, проводилась и в течение девятой пятилетки, но не комплексно, и потому результат получился меньший, чем мог бы быть.

Следовательно, имеется в виду, что годы десятой пятилетки должны быть периодом не только совершенствования станков, плит, кофеварок и фотоаппаратов, но и энергичного, целеустремленного и обязательного комплексного совершенствования экономического механизма. «Главное теперь — осуществить решительный поворот к более эффективному использованию созданного в нашей стране мощного производственно-технического потенциала» [3].

План — всему голова. Начнем с планирования.

Что такое планирование: наука, искусство? Трезвый расчет или (и) полет мечты? Что дозволено плановику? Где кончается реализм и начинается прожектерство? Как и в какой момент отличить дозволенный бросок в неизвестное от волюнтаризма? Почему оказался предельно реальным («второй программой партии», как назвал его В. И. Ленин) план ГОЭЛРО и почему эле-

---

[3] Материалы XXV съезда КПСС. М.: Политиздат, 1976. С. 120.

менты волюнтаризма проникли в некоторые проектировки более позднего времени, скажем в семилетний план, хотя он был (для своего времени) скромнее программы электрификации страны, да и опыта планирования было накоплено к тому времени неизмеримо больше, чем в начале 20-х годов?

Перечисленные вопросы — не праздная игра ума. О них ведутся сегодня горячие дискуссии. Необходимо установить соотношение между человеком и ЭВМ, между математической моделью и математическими методами, с одной стороны, и степенью неопределенности и творчества в планировании — с другой. Тот или иной ответ, та или другая позиция определяют стратегию в области организации плановой работы на десятилетия. Кто он, плановик — экономист от математики или математик от экономики? — спрашивают участники диспута в № 2 журнала «Экономика и организация промышленного производства» («ЭКО») за 1975 год.

А может быть, он «просто» экономист?

На чем зиждется позиция «математиков» (назовем их условно так)? На том, что имеется возможность установить довольно жесткую зависимость между составом и структурой производственного аппарата страны в прошлом и настоящем и темпами (а следовательно, складывающимися пропорциями между отдельными отраслями хозяйства и районами страны) его развития в предстоящем будущем.

Проще говоря, если черная металлургия, к примеру, располагает такой-то сырьевой базой, такими-то доменными печами, конвертерами и прокатными станами; если она расходовала на единицу такой-то продукции столько-то материальных и трудовых затрат и времени и темп ее роста по количественным и качественным показателям был такой-то, то можно, построив соответствующую математическую модель, получить программу развития отрасли, объем и состав продукции на пять-десять и более лет вперед.

При таком подходе к делу центр тяжести состоит в установлении наиболее точных взаимозависимостей между отдельными исходными данными, разработке соответствующих алгоритмов и программ для машин, а также в таком конструировании определяющих экономических элементов (цен, процентных ставок, премий, ставок заработной платы...), которые автоматически направляли бы нашу экономику по пути повышения ее эффективности на благо народа.

Я никак не хочу создать представление, будто «математики» сводят планирование к арифметическим действиям, к технике счета. Нет, речь идет о новом важном этапе развития экономической науки — о формировании талантливой и многообещающей школы советских экономистов.

И в самом деле, казалось бы, что можно возразить против подхода «математиков» к планированию? Он исключает субъективизм, волюнтаризм, так как предельно формализует все этапы и

элементы расчетов, перебора вариантов. Однако, чуть преувеличивая, можно сказать, что такая позиция исключает из процесса планирования... человека. И что же, не смущаются «математики», методика проверена на сложнейших технологических процессах, на полетах в космос. Неужели экономика сложнее?

Да, неизмеримо сложнее, отвечают «просто» экономисты. Ибо экономика — это не только что, сколько и почем, но и *как*. И «как» не только в организационно-технологическом и организационно-управленческом аспектах, но и в социальном, и политическом. Будущее не вытекает однозначно из прошлого и настоящего. Оно содержит в себе много такого, чего никакая ЭВМ ни из каких программ не «выдаст». И не потому, что общественное развитие содержит в себе что-то сверхъестественное и непознаваемое, является, как сказали бы философы, вещью в себе, а потому, что основная производительная сила, объект и субъект экономики — *человек*. А его поступки, индивидуальные и коллективные, являются результатом такого переплетения экономических, социальных, политических, национальных, исторических, нравственных, психологических и многих других (внутренних и международных) факторов, что никакие программы их заранее предположить не могут.

Щекинская система организации и оплаты труда или злобинский метод бригадного подряда не вытекают из технологии изготовления определенных химических продуктов (такие продукты производятся на многих комбинатах) или технологии возведения жилых домов (их строят ежегодно многие тысячи). Подобно тому как, скажем, концерт для фортепьяно с оркестром П. И. Чайковского звучит по-одному у Вана Клиберна и по-другому у С. Рихтера, хотя оба они выдающиеся мастера и строго придерживаются партитуры, подобно этому разные производственные коллективы ищут и находят различные пути интенсификации производства, и их находки накладывают отпечаток — больший или меньший в зависимости от значимости — на развитие экономики целевых отраслей, а то и всего народного хозяйства. Невозможно, к примеру, представить себе девятую пятилетку без того влияния, которое оказали на нее почин московского завода «Динамо», орловская «непрерывка» в строительстве, пример передовиков в уборке хлеба, агропромышленных комплексов в Молдавии и многое другое, что не могло никак быть вложено в «базу» и выражено в алгоритмах.

Поэтому планирование было, есть и всегда будет творчеством. Как и во всяком творчестве, здесь не только не противопоказаны, но, напротив, обязательны знание и учет «сопротивления материала». И потому оснащение экономической работы современной техникой, математикой и экономико-математическими методами, как указывалось выше, означает, безо всякого сомнения, новый этап в развитии экономической науки и практики. Но при этом не уменьшается, а, напротив, во много раз увеличивается роль человека, расширяется его представление об окружающей действительности, и потому у него возникает возможность творить более

раскованно, свободно, ибо свобода есть осознанная необходимость.

Но коль скоро многое есть и всегда будет непредвиденным в конкретных путях и формах развития экономики, то может ли плановик их предусмотреть? И удавалось ли предвидеть в планах стахановское движение, встречные планы, систему управления качеством продукции, переход приборостроительной промышленности на самофинансирование вместо самоокупаемости? И не преуменьшаем ли мы значение научной обоснованности плана, значение закономерностей развития техники и технологии?

Но В. И. Ленин определял коммунизм как Советскую власть плюс электрификацию всей страны [4], и не случайно в этой формуле на первом месте Советская власть, т. е. общественная основа развития производительных сил.

Конечно, планирующий человек — не пророк. Но к расчету он добавляет опыт, интуицию (которую зря развенчивают некоторые чрезмерно ретивые «математики»), он корректирует расчеты не только в зависимости от уменьшения нормы расхода сырья на единицу продукции, но и в зависимости от «человеческих» причин, определивших лучшее использование сырья. Разумеется, речь идет не только об интуиции отдельного работника, она координируется мнениями групп экономистов, экспертами; как известно, ум хорош, а два лучше.

Планированием всегда будут заниматься люди, экономисты. Не математики от экономики и не экономисты от математики, а «просто» экономисты.

В чем объективная трудность планирования?

План должен быть напряженный и реальный. Разъяснять содержание и важность каждого их этих требований партии к планированию, а также их сочетания, видимо, нет необходимости. Полезнее подумать, как их реализовать. Здесь имеются двоякого рода трудности. Одна из них объективна и понятна. Другая субъективна и способна вызвать недоумение.

Объективная трудность заключается в том, что необходимо планировать повседневную деятельность 118 млн рабочих, крестьян, служащих в динамической обстановке нашего времени. Что напряженно, но реально для одних, непосильно другим и неоправданно легко для третьих.

Как быть с этой объективной трудностью, мы поговорим далее, а сейчас займемся субъективной стороной процесса планирования. Состоит она в том, что при разработке плана мы часто сталкиваемся с известным противоборством участвующих «сторон»: нижестоящие (министерство по отношению к Госплану и предприятия — к министерствам) стремятся получить план полегче, а вышестоящие, преодолевая их сопротивление, утверждают задания пожестче. Степень «противостояния», видимо, значительная, если понадобилось создать экономические условия, которые

---

[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 159.

бы *заставляли* министерства и предприятия брать напряженный план...

Как объяснить противоборство? И, что еще важнее, как сделать, чтобы предприятия сами, по своей инициативе брали напряженные планы, как сделать, чтобы предприятия и министерства не выступали по отношению к плановым органам как «стороны» в арбитраже, каждая из которых отстаивает свои интересы, а шли «единым фронтом» к утверждению реальных, но до конца исчерпывающих наличные резервы планов?

Видимо, поиск ответа на вопросы следует начинать с рассмотрения более общей, исходной проблемы: едины или различны цели народного хозяйства в целом и отдельного предприятия?

Если цель едина, то причину известного противостояния «сторон» следует искать в тех или иных организационных (а возможно, и экономических) недочетах, мешающих достижению полного единогласия. Если же цели различны, то необходим какой-то специальный и, вероятно, сложный механизм согласования и сочетания разных целей, и тогда ощущаемое в момент принятия плана некоторое «противоборство» между плановыми органами и министерствами естественно и закономерно.

Итак, одна цель или две?

Зададимся риторическим вопросом: что такое цель?

Весной 1945 г. доблестные вооруженные силы Советской Армии двигались на Запад: одни по воздуху, другие по земле, третьи водой. Они шли по территории разных стран и решали различные конкретные задачи. Были ли у них разные цели? Нет, цель была одна: полный разгром фашизма, освобождение Европы.

Полтора миллиона предприятий и хозяйственных организаций СССР расположены на просторах от Сахалина до Бреста; одни ловят рыбу, другие выпускают электромоторы, третьи печатают журналы, четвертые их продают. Но цель-то у них одна: построение материально-технической базы коммунизма.

Каждое предприятие решает свои задачи, и порой, к сожалению, гидростроители затапливают черноземную пашню, химики травят рыбу...

Чтобы предприятие лучше работало, четко шло к одной цели, общество в лице Советского государства применяет ряд политических, организационных, юридических и экономических мер. Чем дальше, тем больше мы переходим к экономическим методам управления хозяйством, т. е. подкрепляем директивные задания воздействием через интересы работников и предприятий. Эти интересы действительно во многом различны, и было бы опасным «левачеством» (или ханжеством) не видеть сегодня различий между интересами отдельного человека, предприятия и общества в целом. Но разве интересы и цель — синонимы?

А в чем разница? Не играем ли мы в дифиниции?

Нет, различие колоссальное. Воздействие через интересы — способ движения к цели, если она едина. В противном случае ничего не получается. Капиталисты тоже ведь воздействуют на интере-

сы рабочих и служащих, однако цели пролетариата и буржуазии остаются — и всегда будут — антагонистически различными.

Л. Н. Толстой писал, что цель воспитания одна — вырастить достойного члена общества. Методов же, подходов, приемов воспитательных столько же, сколько существует детей. К каждому ребенку требуется свой подход.

Да, интересы, т. е. побудительные к действию мотивы, различны у разных людей и коллективов, в разных районах страны и в разные периоды, так как в основе различия лежат реальные экономические отношения. Но цель нашего общества одна. Та самая, что была сформулирована в «Коммунистическом манифесте», записана в программе РСДРП, практически осуществляется нашей партией с 7 ноября 1917 г. Эта цель не менялась, когда выдавали по осьмушке овса в день вместо хлеба (а имено такой паек получили делегаты съезда Советов, утвердившего план ГОЭЛРО!), и не меняется сегодня, когда ставится и постепенно решается задача предоставить каждой семье отдельную квартиру с числом комнат, равным количеству членов семьи+1.

Следовательно, «противостояние» сторон при разработке плана, причин которого мы доискивались, должно быть изжито конкретными экономическими и организационными мероприятиями, «стыковкой» интересов человека, коллектива и всего общества. Опыт учит, что без ликвидации экономичеких причин «противоборства» напряженных планов не будет: предприятий во много раз больше, чем плановиков.

Перейдем к рассмотрению объективных трудностей установления каждой отрасли и каждому предприятию (объединению) плана, одновременно напряженного и реального.

В основе такого плана сегодня лежат так называемые базисные данные, т. е. результат и показатели, достигнутые предприятием в предшествовавшем году. Чем с большими усилиями были достигнуты предприятием эти результаты, тем труднее сравнительно с другими предприятиями будет для него обстановка в предстоящем году, и наоборот.

Выход и заключается в разработке научно обоснованных норм использования труда, оборудования, материалов и так далее и установления планов на их основе. Но легкость «выхода» обманчивая: в стране потребляется до 20 млн наименований средств производства и изготовляется до 9 млн наименований продукции... Добавьте к сказанному, что условия производства (следовательно, и нормы затрат) весьма различны, а изделия непрерывно обновляются. Нормы должны быть пригодными (напряженными, но реальными) для каждого конкретного предприятия и в то же время какими-то усредненными, чтобы можно было их обобщить в планах объединений и министерств.

Капитальное строительство дает нам, возможно, наиболее яркий пример трудностей нормирования. На одни только земляные работы (в общем-то, наиболее простые, хотя и трудоемкие) в стране существуют сотни норм затрат на один кубометр земли:

12 категорий твердости грунта, работы на высотах и под землей, в разных климатических поясах и так далее.

Еще пример. Что может быть проще такого вида строительной продукции, как окно? При данном его размере и виде (типе) расход дерева, стекла, времени и так далее должен быть одинаков в Якутии, Узбекистане, на Украине и в Карелии и, следовательно, одинакова себестоимость. На деле же она может колебаться в отношениях 1:2 или даже 1:5. Различны расстояния доставки материалов, тарифные пояса оплаты труда, размеры накладных расходов. И потому в строительстве существуют миллионы прейскурантов (единичных расценок) для видов работы и видов продукции.

Чтобы хоть как-то облегчить положение проектантов и составителей смет, разработаны единые укрупненные, усредненные по экономическим районам единичные расценки (ЕРЕР). В их основе средние расстояния от железнодорожных путей, средние нормы накладных расходов...

Проектантам стало легче. А строительным организациям? При средней отдаленности, скажем в 12 км от транспортной магистрали, одна строительная площадка расположена от нее в 3 км, а другая — в 21...

Так что же, отказаться от норм? Нет, конечно.

Все дело в том, каковы роль и значение этих норм и нормативов при составлении плана. Сегодня «нижестоящие» их завышают, зная, что «вышестоящие» урежут, но первых больше. Отсюда опять же сверхнормативные остатки, громадные расходы средств и времени на проверку материалов, пересчеты... При существующей системе фондированного снабжения материалами предприятию приходится в заявках перечислять тысячи наименований. Говорят, что один экземпляр годовой заявки МосавтоЗИЛа весит 160 кг... И добро бы, если бы была необходимость в подобной дотошности. Так нет ведь! В Воронежской и десятке других областей безо всяких ограничений отпускают любому желающему все виды нефтепродуктов и... расход, потребление сократились сравнительно с тем временем, когда лимитировали отпуск и потому потребитель брал с запасом. Да что там бензин! Любой снабженец скажем вам, что нет ничего дефицитнее проката черных металлов. А в 1974 г. НИИ Госснаба СССР в 14 экономических районах страны проверил положение с 6000 основных видов проката. Выяснилось, что около 70% проката не является дефицитным [5]. Но дело не только в громоздкости системы, но и в том, что в связи с научно-техническим прогрессом до половины заявленного в течение года претерпевает изменения; кроме того, повторяю, боязнь «урезок» заставляет завышать потребность, и получаются парадоксы: заводу выделили 80—90% испрошенного, а он план выполнил на 103%.

Представляется, что по-иному шло бы дело, если бы нормы и

---

[5] ЭКО. 1975. № 6.

нормативы считались не директивными показателями, а научно обоснованными рекомендациями, придерживаться которых сами предприятия стремились бы по собственной инициативе, побуждаемые хозрасчетом. Советы журналов «Здоровье» или «Радиолюбитель» не обязательны, а тиражи многомиллионные.

Но, пожалуй, наибольшего совершенствования требуют показатели плана. Тут масса подвопросов. Вместо двух-трех глобальных показателей, важных для потребителя, т. е. для народного хозяйства, много показателей дробных, сковывающих инициативу и ориентированных на интересы, которые привнесены поставщику этими же показателями.

Поставщику подчас невыгодно делать облегченную машину, так как план установлен в тоннах. Если он проведет дополнительную очистку материала, у него возрастут расходы и его будут ругать за рост себестоимости продукции.

Вот любопытная деталь. Как известно, для решения споров между предприятиями существуют органы арбитража. Анализ 100 000 дел, рассмотренных в арбитраже [6], показал, что в большинстве случаев юристы становятся на сторону поставщиков, хотя эти последние существуют лишь для снабжения потребителей. Причина: требования потребителей вызовут дополнительные затраты у поставщиков... А считать по конечному результату юристов не учат; курсу экономики в юридических вузах отведено 1—2% общего учебного времени. Или вот еще показатель реализации продукции. Как известно, реформа заменила показатель «вала», т. е. произведенной продукции, показателем проданной, реализованной продукции — изделие производится для продажи.

Многие экономисты утверждают, что показатель реализации продукции, хотя он и ориентирован на потребителя, не оправдал себя. Но почему? Потому что предприятие-поставщик заинтересовано в большой материалоемкости и высокой сбытовой цене. Достаточно убрать эти предпосылки, не имеющие отношения к реализации как таковой, и критика отпадет. К примеру, если на чашку ценой в 70 коп. нанести никому не нужный золотой ободок, ее продают по 1 руб. 20 коп. Стоит установить прибыль, к примеру, в 10 коп. с чашки независимо от ее цены и не оценивать работу по степени выполнения плана, и предприятия не будут зря переводить материалы и завышать цены.

Но тут мы переходим к вопросу, вероятно, самому острому. Можно ли отменить оценку степени выполнения плана как основной критерий характеристики деятельности предприятия и отрасли? Не подорвет ли такая мера директивный характер народнохозяйственного плана? Не отменяет ли один из коренных, основополагающих принципов планирования при социализме? Не выступаем ли мы против плановой дисциплины?

Во избежание кривотолков сразу же скажем четко и категори-

---

[6] *Куротченко В. С.* Материально-техническое снабжение в новых условиях хозяйствования. М.: Экономика, 1975.

чески: план есть важнейший документ, направляющий всю жизнь страны, и потому необходимость по нему сверять всю нашу работу не вызывает ни малейшего сомнения. Вопрос в другом: как лучше это делать?

Прибегнем к помощи аналогии. Прямой наводкой стреляют, когда цель рядом. Если же она на значительном расстоянии, то стволы орудий вроде бы не вперед направлены, а куда-то вверх. И космические ракеты к планетам запускаются не по геометрической прямой.

Возвратимся к планированию.

При теоретическом анализе проблемы мы должны исходить из того, что план для предприятия и отрасли устанавливается на базе научно обоснованных прогрессивных норм (отраслевых, территориальных и других), что он сбалансирован во всех направлениях и разрезах и обеспечен реальными ресурсами и сбытом, что в нем имеются резервы для удовлетворения дополнительно возникших потребностей.

Подобное допущение необходимо, чтобы искусственно не упрощать проблему. Если вносимое в статье предложение мотивировать несовершенством планирования, ответ прост: устраняйте недостатки, а не ориентируйтесь на них, не возводите их в основу для рекомендаций!

Я и не возвожу и полагаю, что оценку работы предприятия следует производить по реальным результатам его работы, не соизмеряя прямо с процентом выполнения плана. Если данный завод изготовил 100 станков, то он дал стране 100 станков независимо от того, было ему запланировано 110 или 95. Нужен ли в таком случае план? Безусловно, он основа баланса экономики, программа ее развития. Не будет ли у предприятия желания сделать поменьше? Нет, фонд зарплаты, премиальные фонды, обеспечение кадрами, материалами, оборудованием — все идет ведь под план.

При оценке от фактического объема произведенной продукции коллектив предприятия в проекте встречного плана укажет максимально возможный реальный размер продукции, если имеются ресурсы для изготовления и платежеспособный спрос. Иначе ему не получить необходимых материалов, транспортных средств... Предприятие ставится в положение так сказать сдельного поощрения — с каждой единицы продукции (работ) независимо от степени выполнения плана. Там, где необходимо, может быть установлено прогрессивно-сдельное поощрение. Размеры поощрения, естественно, должны дифференцироваться применительно к групповым (отраслевым, территориальным) нормативам.

При такой системе у предприятия нет решительно никаких оснований занижать план, так как это себе в ущерб; нет также смысла его искусственно завышать, так как за недопоставку продукции придется платить неустойку.

Нетрудно предвидеть следующее возражение. Если план так обоснован и сбалансирован, как это предложено выше, то почему

все же нецелесообразно оценивать работу предприятия в зависимости от степени выполнения плана?

До 1965 г. поощрительные фонды начислялись в повышенных размерах за перевыполнение плана, в последние 10 лет, напротив, больше поощряется производство в пределах плана. Тем не менее ни тогда, ни теперь проблема напряженного плана не была решена. Причину понять легко.

Степень выполнения плана — это не только премии, но вся совокупность политических, социальных, экономических и других факторов, определяющих положение коллектива предприятия и его руководителей. Поэтому предприятие в целях некоторой перестраховки от прорывов, в том числе и от него независящих (транспорт, поставщики, строители...), порой занижает план. Кроме того, степень напряженности планов относительно реальных возможностей предприятий также весьма различна.

Общеизвестно, что есть заводы, выполняющие и перевыполняющие план, но имеющие при равных условиях отнюдь не передовые по отрасли показатели использования производственных фондов, окупаемости капитальных вложений, фонда заработной платы, и других объективных нормативов. И, наоборот, при очень «жестком» плане в отстающих числятся средние, а случается, и хорошие предприятия.

Иначе говоря, нет справедливого равенства стартовых условий, и это не может не сказаться. Можно опасаться, что при любых системах оценки, если они будут привязаны к степени выполнения плана, предприятие будет испытывать соблазн кое-что иметь про запас. А десятки тысяч «кое-чего» весят очень много. Мы не говорим уже об искажениях, которые претерпевает данный критерий, будучи применен в НИИ, КБ, проектной организации, вузе. Общеизвестен — об этом пишут без конца — вред от подобного «соревнования» в милиции, в школах.

Но допустим, что какая-то группа хозяйственников не прельстится возможными материальными поощрениями и предпочтет им тихую, спокойную жизнь. Что ж, объективные показатели предприятий тут же просигнализируют об отставании, и к подобным руководителям можно применять те же меры, что и в настоящее время.

Конечно, разрабатывать, внедрять и периодически пересматривать экономически обоснованные нормы и нормативы в огромном нашем хозяйстве неизмеримо труднее, чем сопоставлять план и «факт». Но не зря ведь было сказано, что если первые пятилетки представляли собой начальную школу планирования и хозяйствования, то теперь мы перешли в вуз. Как указывалось на XXV съезде КПСС, новая обстановка, проблема эффективности и качества требуют «отражения и решения в плане многих экономических вопросов в иных формах, чем это делалось у нас до сих пор... Следует настойчиво искать такие показатели, которые усилят воздействие плана на повышение технического уровня производства и качества продукции, на ускорение темпов роста производитель-

ности труда, более экономное использование основных фондов, материальных и финансовых ресурсов» [7].

Подчас некоторые недостатки планирования объясняются, на наш взгляд, неправильным понятием его роли в совокупном хозяйственном механизме. Во многих статьях и книгах планирование называется основным звеном (основой) управления народным хозяйством. Исходя из этого, плановым органам на местах поручается много дел, которые к управлению действительно относятся, а к планированию никак. Имея множество конкретных поручений, плановики подчас не в силах сосредоточиться на комплексных и перспективных проблемах. К тому же практические дела требуют одних людей и навыков, а комплексные и перспективные — совсем других. «В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань...»

А каково действительное место планирования? В материалах XXV съезда КПСС, как до этого и в материалах предыдущих съездов, речь идет о необходимости улучшения управления и планирования, методов хозяйствования; планирование включается в качестве элемента руководства народным хозяйством. А разница, думается, между руководством и управлением такая же, как между функциями капитана судна и рулевого.

Крайне отрицательно влияет и практика дополнительных заданий к плану. Торговым предприятиям, к примеру, утверждают план и тут же дополнительное к нему задание. Их директивность одинакова. К чему два документа вместо одного? Часто встречаются и другие дополнения к плану, к тому же даваемые не только плановыми органами. Каждая организация «по своей линии» дает, возможно, одно лишь задание. Но сходятся-то все «линии» в одном фокусе — на предприятии. И зная о вероятных добавках, хозяйственник оставляет для них резерв. А так как «оставляющих» во много раз больше, чем «добавляющих», то в целом народное хозяйство, возможно, больше теряет, чем приобретает. К тому же часть добавленного оседает в сверхнормативных остатках материалов и неустановленного оборудования, а ряд предприятий из-за нехватки материальных и трудовых ресурсов не выполняет план.

Объективная неизбежность в экономике непредвиденных ситуаций, порой в значительных масштабах, порождает у некоторых людей, занимающихся планированием, два противоположных чувства и соответственно две линии поведения: «темпобоязнь» и волюнтаризм.

С последствиями «темпобоязни» (ее чаще называют товаробоязнью) мы сталкиваемся не только в книжных магазинах, где новую книгу на всякий случай заказывают в пяти экземплярах вместо необходимых, скажем, 3000 экземпляров. Многие средства производства, предметы потребления и, увы, даже лекарства производятся в недостаточных размерах, хотя имеются и сырье,

---

[7] Материалы XXV съезда КПСС. М.: Политиздат, 1976. С. 129.

и мощности, и спрос. Вспомним выступления «Литературной газеты» о «дефектуре»!..

Излишние товары оседают в составе сверхнормативных остатков, часто их приходится уценивать; все это неприятно. Поэтому «лучше» перестраховаться и запланировать поменьше.

Как изжить такую тенденцию? Общий ответ: изучать спрос! Но спрос, как мы знаем, склонен к измене и к перемене. Во многих случаях, скажем, в книгопечатании полезно матрицирование и допечатка тиража, если возникает потребность. Специалисты, видимо, могут подсказать, каждый в своей области, соответствующие рекомендации. Необходимо лишь помнить, что недостаток, вызванный необоснованной робостью,— явление куда более значительное, чем мы склонны думать. Многие ларчики открываются чрезвычайно просто.

«Волюнтаризм» словарь иностранных слов толкует как представление о том, что основой всего сущего является воля. Грубо говоря: как захочу, так и будет. Применительно к нашей теме под волюнтаризмом понимают необоснованные проектировки. Хотя в области планирования налицо несомненные улучшения, приходится, к сожалению, констатировать, что волюнтаризм до сих пор не выкорчеван из практики планирующих органов.

Я думаю, что в основе волюнтаризма лежат три причины. Первая и наиболее легко поддающаяся изжитию — желание того или иного плановика выслужиться, блеснуть «хорошей» цифрой. Легче, когда подобный работник малоквалифицирован или молод. Хуже, когда он многоопытен. На мой взгляд, в превосходной кинокартине «Премия» образ плановика — матерого очковтирателя и волюнтариста — один из наиболее впечатляющих. Мне, к примеру, он показался страшным — по размеру вреда, который он причиняет народному хозяйству.

Наиболее легкой я считаю указанную разновидность волюнтаризма по той причине, что молодого можно научить, а злостного уволить. Куда сложнее бороться с волюнтаризмом, в основе которого лежит наивное убеждение, что «из большего меньше всего можно сделать». Если-де запланировать 100, рассуждает примитивный экономист, то и сделают 100, а если дать программу в 110, то сделают 105—107...

Практическим следствием подобной «философии» являются несбалансированность планов, распыление ресурсов, ухудшение качества продукции, простои и штурмовщина. Обучить же такого экономиста трудно, так как он руководствуется наилучшими побуждениями и совесть его чиста и спокойна. А святая простота, как известно, устойчивее гранита. И все же самое сложное — волюнтаризм, имеющий под собой объективную основу.

Но сочетаются ли два таких понятия, как объективность и волюнтаризм?

Анализируя причины устойчивости религиозных представлений, классики марксизма-ленинизма указывают на объективные основы религии. Чтобы познать окружающий мир, человек создает обобщающие понятия: плод, животное, растение и так далее.

В действительности нет плода вообще, а есть яблоко, вишня... Нет и животного вообще и растения. Но если оказывается необходимым в процессе познания создать подобные обобщения, то почему не обобщить причину всего сущего и не назвать ее богом?.. Следовательно, диалектика процесса познания признает наличие некоей объективной основы даже в религиозных воззрениях; разумеется, признает не для оправдания, а для выработки научной системы пропаганды и воспитания атеизма.

Объективную основу волюнтаризма мы видим в том, что имеющиеся в народном хозяйстве внутренние резервы мы действительно не знаем до конца и никогда (при любом числе ЭВМ!) до конца знать не будем, потому что им нет конца... Эти ресурсы както ограничены в каждом данном периоде, но именно «как-то», и неточность не в недостатке квалификации, а в том, что многие резервы рождаются в процессе и в результате их поиска.

Дополнительная трудность, кроме того, в том, что потребность каждого предприятия конкретна, а представление о ресурсах и резервах неизбежно более общо. Министерство просит дать ему дополнительно 10 млн руб. на реконструкцию и доказывает, как быстро окупятся эти средства. Работник Госплана в ответ говорит, что доля накопления в национальном доходе и так высока. Но может ли он доказать и убедить, что объем национального дохода определен с точностью до 10 млн руб.? Вот где, на наш взгляд, одна из основных причин распыления средств в строительстве, в ассигнованиях на развитие науки и в ряде других направлений.

Не оправдываю ли я волюнтаризм, не пою ли ему оду, не считаю ли, что мы бессильны в борьбе в ним? Нет, не оправдываю и не считаю. Речь идет о том, чтобы не сводить серьезный аспект планомерности к искусственно облегченным мелочам: карьеризму А, тупости *Б* и т. д. В само планирование и во всю систему хозяйственных взаимоотношений необходимо включить элементы (рычаги) противодействующие проявлению волюнтаризма, какой бы причиной он ни вызывался. Это, разумеется, труднее, чем прятать голову в песок в надежде, что не увидят. Но полезнее.

Читатель без труда заметит, что проблемам совершенствования планирования отведена добрая половина статьи. Причина та, что здесь, по глубокому нашему убеждению, решающее звено, определяющее успех десятой пятилетки. Все то, что не удалось сделать в 1965—1975 гг., в громадной степени объясняется медленным совершенствованием планирования, его отставанием от потребностей народного хозяйства. Движущимся трудовым армиям и фронтам необходим штаб, работающий на уровне требований развитого социалистического общества.

Отмечая огромные успехи развития народного хозяйства СССР за годы девятой пятилетки, в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии указывалось на то, что «совершенствование планирования, перестройка хозяйственного механизма, линия на интенсификацию производства осуществлялись медленнее, чем намечалось» [8].

---

[8] Там же. С. 39.

Красной линией через экономические разделы материалов XXV съезда партии проходят требования усиления сбалансированности планов, увязки программ с ресурсами и спросом — по объему и структуре производства, по размещению производительных сил, по времени. «В области планирования это значит: точный учет наряду с деньгами и ресурсами также и сроков, которых потребует осуществление различных проектов, выбор вариантов, которые дадут быстрейшую отдачу» [9].

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии задача совершенствования планирования поставлена как первоочередная. «Необходимо в первую очередь обеспечить серьезное **совершенствование планирования**. Наша страна первой встала на путь планового руководства экономикой. Этому сложному искусству у нас учились и учатся десятки других государств. Но и перед нами сейчас встала задача поднять уровень плановой работы, привести ее в соответствие с новыми масштабами и обликом нашего хозяйства, с новыми требованиями времени» [10].

Программа работ на десятую пятилетку, одобренная XXV съездом КПСС, грандиозна. Она представляет собой наибольший за всю историю нашего развития прирост общественного богатства, национального дохода, потребления материальных благ и духовных ценностей советским народом.

Но, разумеется, речь идет не только о количественных показателях. Как указано в решениях съезда, десятая пятилетка — это пятилетка эффективности и качества. И сами эти понятия при нынешних масштабах хозяйствования и динамизма научно-технической революции приобретают более высокий и строгий смысл, чем когда-либо ранее. «Необходимо, чтобы мощный экономический и научно-технический потенциал, природные ресурсы,— говорится в «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы», — которыми располагает страна, были максимально использованы для успешного выполнения заданий десятой пятилетки» [11]. Ответственные задачи возлагаются на каждого из нас, на каждую область деятельности и отрасль знаний.

Но, возможно, более всего требований предъявляется к экономической науке. Она должна выработать и рекомендовать практике методологию подхода к новым задачам и новые способы их решения. Что же, советская экономическая наука располагает необходимым теоретическим «заделом», чтобы ответить на запросы практики. К тому же для развития науки, как справедливо заметил Ф. Энгельс, требования жизни важнее открытия новых университетов.

---

[9] Там же. С. 61.
[10] Там же. С. 59.
[11] Там же. С. 237.

НЕОТВРАТИМОСТЬ [1]

I

В материалах XXIV и XXV съездов КПСС и Пленумов Центрального Комитета партии, в докладах о проекте Конституции СССР и о шестидесятилетии Великого Октября — словом, во всех обращениях нашей партии к советскому народу наряду с характеристикой громадных исторических успехов социалистического строительства говорится и о еще не решенных задачах, имеющихся трудностях, требующих преодоления. Верная заветам Ленина, партия концентрирует внимание на нерешенных задачах. Проблемы, с которыми сталкиваемся мы, вполне решаемы. Они вызваны недостатками планирования и использования хозяйственного механизма. «Не всегда и не везде мы работали так, как этого требовали наши же собственные решения» [2]. Обычный ответ плановиков и снабженцев на сетования хозяйственников — нет ресурсов, дефицит. Поэтому нашу статью мы хотим начать с утверждения, способного в первый момент удивить иного читателя: *в плановом хозяйстве нет и не может быть дефицита* ни в средствах производства, ни в предметах потребления. Разберемся не торопясь в этом вопросе. Он — основа статьи.

Что такое дефицит?

Если вы, уважаемый читатель, скажете, что это — неудовлетворенная потребность, то я не соглашусь: на стадии социализма общество не ставит — и не может ставить — перед собой задачу полного удовлетворения потребностей. Это уровень коммунистического общества. От ученика третьего класса мы не вправе требовать знания бинома Ньютона.

Дефицит — это неудовлетворенный платежеспособный спрос. А разница между потребностью и платежеспособным спросом громадна. У меня, к примеру, потребность в автомобиле «Чайка», мне нравится эта машина. Но если вы на основании этой потребности организуете производство данной марки автомобилей, то просчитаетесь: средств на ее покупку у меня нет.

Кто определяет размер и состав платежеспособного спроса на средства производства? Почему данному заводу требуется,

---

[1] Звезда. 1978. № 5. Принцип «неотвратимости», содержание которого раскрыто А. М. Бирманом в первой статье под этим же названием (см. наст. сб.,), автор считал важнейшей чертой социалистического хозяйственного механизма и неоднократно возвращался к нему в своих публицистических статьях. Объем газетной статьи не позволил ему в полной мере исчерпать проблему, и потому он счел необходимым вновь написать статью с аналогичным названием. *Примеч. ред.*

[2] Материалы XXV съезда КПСС. М.: Политиздат, 1976. С. 39.

к примеру, 10 тыс. т проката, труб или цемента, а не 3 тыс. или 30 тыс.? Объем спроса определяется *планом*. Только народнохозяйственным планом, и ничем другим. Значит, если левая сторона таблицы (ресурсы) правильно увязана с правой стороной (потребности), то дефициту появиться неоткуда. Недовыполнение плана не бывает значительных размеров, и к тому же существуют резервы.

В пределах общей цифры — 106 млн т проката — может, конечно, не оказаться каких-то очень важных марок, профилей и т. д. Но какой же это дефицит? Посмотрите статистические справочники США, Японии, ФРГ— любой промышленно развитой страны, и вы убедитесь, что ни одна из них не обеспечивает себя полностью всем необходимым ассортиментом изделий. Каждая ввозит и вывозит трубы, прокат, ткани, машины и т. д. Для того и существует международное разделение труда, чтобы посредством внешней торговли вывозить избыточное и ввозить недостающее. Важно только, чтобы экспорт и импорт были выгодными.

Точно так же обстоит дело и с предметами потребления. Составляется баланс денежных доходов и расходов населения. Из него видно, сколько и каких доходов получат разные группы населения в целом по стране и по союзным республикам, краям и областям. Мы не знаем, разумеется, какого цвета ткань захочет купить гражданка *X* и за какими пластинками ходит по магазинам гражданин *Y*. Но доля расходов на крупные группы товаров (продовольственные и непродовольственные; в их числе — основные подгруппы) достаточно изучена. Следовательно, опять-таки под реальные ресурсы товаров и услуг необходимо планировать объем денежных доходов; они (доходы) ведь тоже определяются лишь планами производства, строительства, перевозок, пенсий и т. д.

Мораль, вытекающая из столь длинных рассуждений, та, что речь должна идти при объяснении наших нерешенных проблем не о дефиците, а о недостаточной сбалансированности планов. На этот их существенный недостаток многократно указано в решениях партии.

Принципиальной важности вывод состоит в том, что в народном хозяйстве СССР имеется потенциальная *возможность полного удовлетворения платежеспособного спроса предприятий и населения по преобладающему большинству средств производства и предметов потребления.*

Мы знаем: спрос на мясо, молочные изделия, фрукты и некоторые другие важные товары, а также на некоторые виды материалов, приборов, станков пока по ряду причин полностью удовлетворить невозможно. Однако, при всей неоспоримой важности перечисленных видов продукции, их удельный вес во всем товарообороте и материально-техническом снабжении не так уж велик. Повторим: по преобладающему большинству видов и наименований продукции народное хозяйство в состоянии удовлетворить платежеспособный спрос. И если мы встречаемся с перебоями в предложении достаточных товаров — а таких фактов, к сожалению, более

чем достаточно, — то виной тому отсутствие неотвратимости санкций против тех, кто не выполнил своих обязательств. Именно потому могут существовать безответственность, недостаточная требовательность в тех или иных звеньях хозяйственного механизма. Можно неплохо жить и нарушив срок сдачи объекта, не поставив таких-то изделий, не выполнив договора. Цена слова, обязательства часто девальвируется. «Талант обязательности — ну пусть не талант, способность, свойство души — в особом у нас дефиците» [3].

В прежние годы нередко причиной нарушения договоров были объективные обстоятельства, недостаток опыта. Условия изменились, возможности экономики принципиально иные, но привычка списывать на нехватку ресурсов у многих осталась. А разбираться в каждом отдельном «случае» практически невозможно: в стране совершается в год более 6,5 трлн хозяйственных операций!

Значит, надо ввести новую систему измерения эффективности и ответственности, новую планку для отсчета. Выражаясь языком юристов, мы должны исходить из презумпции достаточности: платежеспособный спрос на данное изделие может быть удовлетворен, а если этого нет, отвечать должен тот, кто не удовлетворил. И опять-таки — не словами объяснять, а быть поставленным в экономические условия, которые не позволяли бы ему «ходить в победителях».

Отсюда, из характера проблем, которые призвана решать экономика СССР в третьем году десятой пятилетки и в дальнейшей перспективе, и вытекает то большое внимание, которое уделяется Центральным Комитетом партии и правительства вопросам дальнейшего совершенствования планирования, управления, хозяйственного механизма в целом.

В материалах XXV съезда партии и Пленумов ЦК КПСС, на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР настойчиво указывалось на необходимость не затягивать разработку материалов по дальнейшему совершенствованию планирования и управления экономикой. Эти вопросы, как мы помним, занимали видное место в период обсуждения проекта новой Конституции. Их касались комбайнеры и министры, шахтеры и профессора.

Причина, думается, в том, что мы все чаще и болезненнее «ушибаемся» о недостатки управления и, естественно, стремимся разобраться, почему же так медленно выполняются требования разработать комплексные меры по совершенствованию хозяйственного механизма и наведению должного порядка там, где он у нас нарушается.

Что ощущается больше всего — это неувязки в отдельных частях плана и в управлении ходом его выполнения. Экономисты употребляют термин «частичные диспропорции», и это действительно так. В ряде леспромхозов лежит и портится древесина, так

---

[3] *Аграновский А.* Незаменимые. М., 1966. С. 5.

как ее не вывозят, а заготовка продолжается полным ходом, увеличивая запасы на складах [4]. Совхозам и колхозам труднее продать овощи и фрукты, чем их вырастить. Минувшим летом на всех пристанях от Уфы до Москвы продавали яблоки по полтора рубля за ведро и жаловались: в садах их много, но никто не берет. Простои строителей из-за перебоев в снабжении материалами примелькались, как и опоздания поездов: о них и писать-то уже неудобно.

Самое простое объяснение некоторых экономистов состоит в том, что народное хозяйство настолько разрослось и его потребности так велики, что без перебоев в какой-то мере и не обойтись: лес рубят — щепки летят. Полагаю, что подобное объяснение необходимо отвергнуть с порога, и не только потому, что оно завело бы нас в тупик, но и по существу:

а) одновременно с увеличением масштабов хозяйства и ускорения его динамизма возникли совершенные технические средства управления им (АСУ, ЭВМ), развивается наука об управлении, накоплен шестидесятилетний опыт планирования и управления;

б) решительно все потребности предприятий и организаций — от детских яслей до БАМа — определяются планом, заданными им темпами и пропорциями развития. В плане же указаны и ресурсы.

Не нарушается ли планомерность перевыполнения планов? Перевыполнение, разумеется, также не является стихийным. Эта перспектива становится известной заранее, и есть возможность — и категорическая необходимость — опять-таки сбалансировать новые ресурсы с новыми потребностями. Планирование ведь, как известно, не сводится к составлению таблиц раз в год. Это творческий процесс. «Планируют» не только в Госплане, но и в цехах и колхозах, лабораториях и магазинах. Планируют путем социалистического соревнования, изобретений и открытий, трудовых починов. И подлинное планирование органически включает в себя не одноразовое, а непрерывное балансирование ресурсов и потребностей, подобно тому как штурман ведет самолет к цели независимо от изменения метеорологической обстановки на трассе полета.

Но, отвергая приведенное выше объяснение, мы обязаны дать другое. Оно видится нам, во-первых, в том, что широкие круги хозяйственников, экономистов и юристов никак до конца не могут расстаться с волюнтаристскими представлениями о принципах управления экономикой. И, во-вторых, в том, что специалисты, работающие над проблемами совершенствования управления, начинают «не с того конца».

В своем сознании, так сказать, умом эти хозяйственники и экономисты понимают, что действие экономических законов объективно, что сложная экономика требует системы управления одновременно жесткой и гибкой, а не спорадических и порой импуль-

[4] *Парфенов В.* Лес и транспорт // Правда. 1977. 15 авг.

сивных административных решений, но «в душе» (и, что гораздо хуже, в практических действиях) нет-нет, а прорывается желание «подправить» эти законы, установленную систему. Диктуются подобные действия той святой простотой, которая видит сиюминутную выгоду, но не думают о завтрашних во много раз больших убытках.

Чтобы не быть голословным, приведу два примера из многих. На основе решений сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС на предприятиях был образован из их собственных источников фонд развития производства (транспортировки, торговли и т. д.). Имелось в виду дать хозяйственным руководителям возможность оперативно, без потери времени внедрять прогрессивные новшества. Это — одна их конкретных форм органического соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйствования.

Разумеется, из самих денежных знаков не строят. Предстояло обеспечить возможность в полном соответствии с формулой политической экономии совершить метаморфозу $Д — Т$: превратить средства фонда развития в металл и цемент, в договоры с подрядными организациями и машиностроительными заводами.

Но научно-техническая революция — что тут поделаешь! — непрерывно подбрасывает новинки, вызывает непредвиденные требования и ломает «стройность» плановых таблиц. Кроме того, создание такого фонда у предприятий уменьшает возможность для осуществления централизованных капитальных вложений, так как отвлекает часть народнохозяйственных ресурсов.

И вот фонд развития постепенно стали сужать, а потом и вовсе ликвидировали. Его средства теперь используются в общем плане капитального строительства. По форме — усиление плановости и борьба с «распылением» средств. По существу — ликвидация возможности оперативно совершенствовать технику и технологию производства.

Ликвидация фонда развития производства вернула в данной, очень важной области хозяйствования наши предприятия на «позиции» сорокалетней давности: в 1936 г. был образован фонд директора предприятия, часть средств которого расходовалась на нецентрализованное строительство, приобретение оборудования, реконструкцию и т. п. Все годы (кроме, естественно, военных лет) этот фонд честно служил делу прогресса. Приостановленный в тяжелый военный период, он был вновь восстановлен уже в 1946 г. Неужели тогда было легче с материалами и оборудованием, чем сегодня?

Дело, однако, не только в техническом перевооружении. Фонд развития производства в значительной степени формировался из прибыли и тем развивал интерес к ее росту: хочешь модернизировать цехи — снижай себестоимость, повышай качество! Кто знает жизнь предприятий, подтвердит, что одно лишь обсуждение сметы использования фонда развития превращалось в превосходную школу хозяйствования: развивалось соревнование между цехами,

каждый цех доказывал, что его потребности — самые безотлагательные. В спорах рождалась не только истина, но для многих, особенно молодежи, чувство хозяйской причастности к делу, ответственность за использование модернизированного, построенного на «свои» деньги.

Второй пример касается платы за фонды. Она также была введена на основе решений сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС.

Предприятие получает от государства уставный фонд (здания, оборудование, материалы, деньги) — часть всенародного достояния. За пользование этим имуществом предприятие платит государству 3—6% от его стоимости ежегодно. Допустим, что уставный фонд равен 50 млн руб. Тогда в годовом финансовом плане предприятия предусмотрен взнос платы за фонды в сумме 3 млн руб. Но предприятие высвободило и реализовало на сторону оборудования на 800 тыс. руб. и материалов на 200 тыс. руб. Тогда плата за фонд уменьшится на 60 тыс. руб., и на столько же возрастет остающаяся предприятию прибыль. Так следовало в соответствии с указаниями сентябрьского Пленума ЦК партии. А на самом деле экономию изымают в доход государственного бюджета...

И вот что интересно: решения о фондах никем не отменены, а ведь в данном случае они не выполняются. В установленную, глубоко продуманную и комплексную систему управления экономикой внесены искажающие ее дух и букву изменения, и все это во имя сегодняшней якобы выгоды, оборачивающейся завтра во много раз большими потерями. И главная из них — отсутствие у хозяйственника уверенности в устойчивости установленных норм хозяйствования. А без такой уверенности работать с заглядом вперед, согласитесь, очень трудно.

А теперь насчет «не с того конца».

Предложения по совершенствованию планирования, управления, стимулирования и ответственности в сфере хозяйственных отношений разрабатываются «с начала», с верхних «этажей»: Госплана, Комитета цен и т. д. Рассмативаются плановые показатели, нормы расходов и запасов; лежащие в их основе оптимальные схемы связи поставщиков и потребителей; рациональное сочетание отраслевых и региональных интересов.

Что же, все правильно. Но длительность разработок наводит на мысль — не книжная ли, не абстрактная ли это правильность? Учитывает ли она масштабы и динамизм хозяйствования? Можно ли все уложить в один или несколько документов: сотни отраслей и подотраслей производства, разнообразие хозяйственных условий?.. Не лучше ли начинать «с конца», с замыкающих звеньев производства: с предприятий, с практики, с тех реальных экономических отношений, которыми завершается производство? «Отладив» отношения между производителями, транспортом, сбытом, торговлей, потребителями, подниматься постепенно к истокам, придерживаясь все время конечного народнохозяйственного оптимального итога.

Завершается любое производство реализацией, сбытом продукции: все равно, идет ли речь о костюме или о новом заводе.

Приведу в качестве примера торговлю. В магазинах не редкость пальто, костюмы, платья, галстуки, туфли и другие товары, которые никто купить не собирается. Знали ли работники торговли, что это товар неходовой? Еще бы, кому же знать, как не им?!

Но их вызывали к районому или городскому руководителю и разъясняли, что, ежели они товар не возьмут, фабрика останется без зарплаты, а район (город) не выполнит план по реализации продукции. И они берут этот товар, и он лежит, и они остаются без премий ввиду наличия сверхнормативных остатков, и платят банку 5% за ссуды вместо обычных двух. А 5% отнимают четверть прибыли государственной торговли и 1/3 — кооперативной.

То, что директора торгов уступают нажиму и совершают неправильные поступки, заслуживает осуждения. И если бы дело было только в них! Трудно найти город, где школы, детские сады, магазины и автобусы появлялись бы одновременно с жилыми домами. Осуждение уступающих должно быть одновременно осуждением тех, кто требовал строить без необходимой предварительной подготовки. Одних — за то, что уступили нажиму, других — за то, что нажимали.

А в чем причина нажима? Что, в главке сидят злонамеренные или некомпетентные люди? Нет, как правило, там честные и компетентные люди, работающие много и преданные делу не менее, чем другие. Если отвлечься от организационных неполадок (тоже играющих немаловажную роль), то основная причина видится нам опять-таки в недостатках хозяйственного механизма: недостаточной ответственности за наличие проектной документации, оборудования и материалов, транспорта, кадров; в недоучете реально потребного времени, чтобы построить, отладить, пустить в ход. То, что в народнохозяйственном плане выглядит как ничтожная доля 1%, превращается для конкретного предприятия в громадную трудность, порой прямо-таки в драматическую ситуацию.

Реально ли предполагать, что план сам по себе, т. е. без корректировки «снизу», без обратной связи, станет идеальным? Практика дает отрицательный ответ: даже один процент ошибок «весит» миллиарды рублей. Значит, необходима обратная связь, неотвратимость санкций за плохую работу.

Оптовая база не должна принимать неходовой товар, а заказчик — объект с недоделками, чем бы такие отрицательные явления ни объяснялись. Но как этого добиться? Призывы и увещевания, как показывает опыт, не помогают. Значит, надо оптового покупателя, заказчика лишить возможности принимать продукцию, не отвечающую договору.

Сегодня товары народного потребления, поступающие в оптовую торговлю, оплачивает Государственный банк, а сдаваемые объекты — Стройбанк, — либо из средств государственного бюд-

жета, либо из средств предприятия (отрасли), изъятых из текущего оборота для целей финансирования строительства.

Лишить возможности брать негодное означает на деловом языке перейти на плату за счет собственных средств. Уступив единожды и приняв неходовой товар, торг (магазин) заморозит свои оборотные средства и не сможет приобретать товары в последующем.

Придется принимать меры обувным, швейным, трикотажным, мебельным, галантерейным и другим фабрикам, строителям, колхозам и совхозам. Они, поставщики, в свою очередь, установят подобный режим — не смогут не установить — для тех, кто им поставляет. Как известно, когда за дедку взялась бабка, а за нее внучка и т. д., репку вытянули.

Полезно рассматривать попытку решить проблему административным методом. Вот уже два года как принято решение засчитывать в план реализации лишь ту продукцию, которая соответствует договору. Эффекта практически не получилось: потребителю по указанным выше причинам приходится брать ненужную ему продукцию, а проверять правильность учета миллиардов поставок невозможно. Куда проще и надежней: за негодное не плачу. Собственно, для этого, как известно, и нужны деньги при социализме.

II

Итак, неотвратимость наказания за плохую работу.

Но что мы вкладываем в понятие неотвратимости? Вопрос очень непростой. При капитализме плохо работающая фирма не выдерживает конкуренции и вылетает в трубу. В чем же должна проявиться неотвратимость в социалистической экономике?

В. И. Ленин, как мы помним, даже предлагал конфисковывать имущество хозяйственных руководителей, доведших предприятия до убытка, а самих их сажать в долговую тюрьму. Можно полагать, что для острастки вождь революции решился бы очень строго наказать нескольких наиболее повинных хозяйственников, но, конечно, в качестве общей системы такая мера неприемлема, да и вряд ли она так понималась.

Следовательно, неотвратимость, как нам представляется, может проявляться трояко:

1. Руководитель, не справившийся по своей вине с порученным делом, освобождается от поста без права в течение определенного времени занимать аналогичного уровня должность. Известно, какой ущерб наносит перемещение провалившихся работников с места на место.

2. Коллектив предприятия лишается (полностью или частично) премий и других фондов стимулирования.

3. Возможность расширения масштабов деятельности предприятия приводится в соответствие с его ресурсами, так как «строить, как и жить, надо по средствам».

Нетрудно предвидеть по крайней мере два возражения.

Первое. Коллектив не должен страдать по вине незадачливого руководителя. Такое понимание роли коллектива и его ответственности за положение дел на предприятии никак нельзя принять. Партийным организациям предоставлено право контроля; работают посты народного контроля, профсоюзные организации. Нет, коллектив в ответе за результаты работы. Было бы весьма полезным провести социологическое исследование на тему: считает ли себя коллектив не ответственным за итог работы предприятия? Партия воспитывает в каждом трудящемся чувство хозяйской ответственности за общее положение дел. Может ли не отвечать коллектив в целом?

Второе. Развитие того или иного предприятия, а то и отрасли пойдет не в соответствии с плановым заданием, а в зависимости от наличия средств; закон стоимости станет регулятором производства, возможны и другие «страшные» последствия.

Нам эти страхи представляются надуманными. Абсолютное большинство предприятий, в том числе самые крупные и определяющие развитие народного хозяйства, выполняют план и будут развиваться по плану. Те же некоторые фабрики, заводы, стройки, магазины, которые работают плохо (по своей вине), должны, естественно, ощущать последствия плохой работы. У них известное время, до исправления положения, будут меньшие фонды стимулирования или в данном году таких фондов не будет вовсе.

С чего начинать неотвратимость? Попытаемся последовательно перечислить ее слагаемые, как они нам представляются.

Сегодня 9/10 всех объединений и предприятий страны хозяйствуют на принципах самоокупаемости. Это значит: они получают прибыль, часть ее передают в доход государственного бюджета, часть используют для расширения объема деятельности и на материальное поощрение. Одновременно почти все они финансируются государственным бюджетом на цели строительства и модернизации, развитие научных исследований, подготовку кадров и другие потребности. Если план по прибыли не выполнен, платежи в бюджет соответственно сокращаются, но финансирование из бюджета не уменьшается.

А почему, собственно говоря? Почему государство должно брать на себя прорывы, если только они не вызваны стихийными бедствиями и тому подобными причинами? Ведь в «Положении о социалистическом государственном предприятии» говорится не только о правах, но и об обязанностях трудовых коллективов. Там четко сказано: предприятия не отвечают по обязательствам государства, государство не отвечает по обязательствам предприятия. На деле же выходит, что государство отвечает.

Но вот уже семь лет приборостроительная промышленность и Главмосавтотранс — объединение, насчитывающее свыше 90 тыс. работников, — поднялись на более высокую ступень хозяйственного расчета: вместо самоокупаемости — самофинансирование. Это значит: а) ни копейки из государственного бюджета; б) га-

рантированные на пять лет вперед платежи из прибыли в бюджет независимо от того, выполнено или нет задание по прибыли. Нормативы распределения прибыли — себе и бюджету — устанавливают Госплан и Министерство финансов.

Очень многое изменилось к лучшему. Возрос интерес к экономике, внедрены АСУ, отрасль оперативно маневрирует своими внутренними ресурсами. Темпы роста деятельности значительно выше средних.

Самофинансирование означает неизмеримо более высокую, чем при самоокупаемости, степень ответственности хозяйственных руководителей. Казалось бы, плановым и финансовым органом не то что поддерживать, а навязывать эту систему другим отраслям! На деле же — и об этом писал министр приборостроения К. Н. Руднев[5] — утвержденное правительством «Положение» нарушается. Многие министерства хотят перейти на систему самофинансирования, но перевод оформляется черепашьим темпом — еще два министерства за семь лет...

Мотивы: стремление к прибыли вызывает рост цен на изделия отрасли; уменьшается роль общегосударственного экономического руководства.

Но, позвольте, разве не общегосударственный орган устанавливает цены? А нормы распределения прибыли? И разве не остаются прежними возможности контроля, ревизий?

По простоте душевной сопротивление переходу на самофинансирование я объясняю тем, что, действительно, прекращается мелочная и ненужная опека над отраслями и объединениями, уменьшается возможность необоснованного администрирования, да и штаты соответствующих отделов в указанных плановых и финансовых органах можно в несколько раз сократить. Конечно, подобное объяснение «находится на низком научном уровне», но многие ларчики ведь открываются совсем просто...

Существенного пересмотра требует и сложившаяся практика банковского кредитования. Начиная с середины 50-х годов Госбанк форсирует кредитные вложения в народное хозяйство. Само по себе расширение сферы воздействия банка, естественно, не может вызывать каких-либо возражений, если оно себя оправдывает. Но вот осуществление этого требования спорно. «Расширение сферы применения кредита в системе экономических отношений не сопровождалось соответствующим усилением его роли в повышении эффективности общественного воспроизводства», — констатируют специалисты[6]. Не вдаваясь в детали, можно сказать, что в большой степени стерлось различие между собственными средствами предприятий и теми, что им дает банк взаймы. Практически банк во многих случаях перекрывает прорехи в работе предприятий и невольно прикрывает лазейки, вместо того чтобы

---

[5] Известия. 1975. 8 дек.

[6] Финансовые проблемы в свете решений XXV съезда КПСС. М.: Финансы. 1972. С. 233.

содействовать их закрытию. Видимо, пришла пора привести систему кредитования в соответствие с новыми возможностями отраслей, объединений и предприятий. Водораздел между средствами собственными и заемными, установленный в 1931 г., необходимо восстановить и соблюдать.

Многое еще предстоит усовершенствовать во взаимоотношениях между хозяйственными организациями. В тех случаях, когда обе стороны, участвующие в договоре, относятся к своим обязательствам с должной ответственностью, проблем нет, как не существует проблемы подтягивания хороших учеников. Она (проблема) возникает, когда человек учится плохо. Пользуясь частными диспропорциями в плане, поставщики порой ведут себя недисциплинированно. В статье «Плата за штраф» [7] рассказывается о том, что Орско-Халиловский металлургический комбинат прекратил отгрузку металла объединению «Узбектекстильмаш» в отместку за предъявленную претензию к качеству чугуна. Амбиция руководителей комбината оказалась прочнее изготовляемого ими чугуна: они уплатили более 40 000 руб. неустойки, но не сдались. «Подобные факты, к сожалению, не редки», — пишет газета. Еще чаще факты амнистирования хозяйственниками друг друга: «более половины случаев невыполнения договоров остается без последствий». Значит, каждый второй, потерпевший ущерб, не жалуется.

Почему?

Поставщик с легким сердцем платит неустойку, так как все равно сумма почти полностью была бы изъята в бюджет в виде так называемого свободного остатка прибыли. Потребитель не требует штрафа, так как 95% полученных штрафов забирает бюджет, и возмещения ущерба нет. Так примитивный меркантилизм финансовых органов свел на нет чрезвычайно важное звено хозрасчета. К тому же размер неустойки определяется относительно цены недопоставленного, а не суммы убытка. Из-за отсутствия детали стоимостью в гривенник может быть сорван выпуск станка ценой в 20 тыс. руб. Машиностроительный завод получит неустойку, рассчитанную из 10 коп., а уплатит исходя из стоимости станка. А само взыскание неустойки обставлено множеством рогаток и терний. Чтобы взыскать 12 тыс. руб. убытков с Узбекглавлессбыта, юристы и экономисты Текстильмаша затратили более ста (!) человеко-дней труда... Видимо, следует тщательно «пройтись» по всей линии взаимных хозяйственных отношений, расчистить ее от накопившихся устарелостей, унаследованных нередко из римского права, и создать четкую и эффективную систему санкций, без которых «неотвратимость» превращается в басню И. А. Крылова «Кот и повар».

III

Вероятно, наиболее сложной проблемой совершенствования управления народным хозяйством является проблема сочетания

[7] Правда. 1977. 20 янв.

отраслевого и территориального (регионального) аспектов народнохозяйственного планирования и оперативного управления деятельностью предприятий, объединений, а также учреждений непроизводственной сферы. На необходимость решения данной задачи многократно указывалось в решениях партии, в том числе и в решениях XXV съезда КПСС.

Представляется полезным кратко проанализировать развитие этой проблемы.

С первых дней становления советской экономики она строилась преимущественно на территориальной основе. Существовали Советы народного хозяйства на местах и ВСНХ — Высший Совет народного хозяйства в качестве руководящего общесоюзного органа.

В начале 30-х годов началось энергичное становление отраслей промышленности. Управление ими из межотраслевого центра стало невозможным: процесс общественного разделения труда стал столь глубоким, что потребовал организационного оформления отдельных отраслей промышленности. Так возникли наркоматы, преобразованные впоследствии в министерства. Практически ни одно министерство не управляло какой-либо отраслью полностью, да это, вероятно, и невозможно. В любой отрасли имеется свое машиностроение, свои ремонтные и строительные организации. В определенной мере такие «тылы» необходимы, но лишь в строго определенной, иначе развивается «натуральное хозяйство», подвергшееся на XXV съезде КПСС справедливой критике.

Создание отраслевых органов управления экономикой себя оправдало, и останавливаться на этом вопросе нет нужды. Однако чем дальше, тем сильнее стала сказываться оборотная сторона медали. Народное хозяйство оказалось разделенным «по вертикали» на отраслевые «пеналы». Рядом расположенные предприятия и организации, которые могли бы кооперироваться друг с другом для пользы дела, были разъединены ведомственными межами. Дело доходило до того, что суда Московского пароходства, к примеру, привозили прокат определенной марки из Горького в Москву и после разгрузки с соседнего причала загружались таким же точно металлом для предприятий Горького, но подчиненных другому ведомству...

Так родилась идея совнархозов. Они вновь, как до 30-х годов, объединяли экономику в региональном разрезе и за годы своего существования сделали немало хорошего для развития производительных сил на местах.

Но создание совнархозов ликвидировало отрасли в масштабе страны. Возникло множество «черных металлургий», «химий» и т. д. Иначе говоря, было нарушено объективное требование учета при организации управления экономикой процесса разделения труда, воплощенного в отраслях и подотраслях. Дело было выправлено решениями сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, восстановившего отраслевую систему управления народным хозяй-

ством. При этом четко указывалось, что вновь создаваемые министерства, в отличие от ранее существовавших, должны сохранять и укреплять полезные территориальные связи, сложившиеся в период функционирования совнархозов. Необходимо признать, что в этой части решение осталось невыполненным. Вот один из примеров, приведенных в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии: «В Западной Сибири, выполняя единую по существу задачу, действуют четыре ведомственных речных флота, множество строительных и снабженческих организаций. В Москве они выходят на добрый десяток министерств и ведомств. Нянек, как видите, много. Но и недостатков тоже хватает. Раздробленность, слабая концентрация приводят к неоправданным издержкам и потерям, замедляют решение крупных задач» [8].

Почему не получилась необходимая координация отраслевого и территориального аспектов? Чтобы подойти к ответу на этот вопрос, нам, собственно, и понадобился экскурс в историю.

Отсутствие отраслевой координации при совнархозах выявилось довольно скоро, и, чтобы этот недостаток преодолеть, были созданы отраслевые Государственные комитеты. Однако задача во многом осталась нерешенной. После сентябрьского (1965 г.) Пленума были созданы Плановые комиссии экономических районов — для территориальной координации отраслевых решений. Сегодня об этих комиссиях никто и не вспоминает: они оказались не у дел.

Видимо, недостаточная координация отраслевых и территориальных аспектов управления коренится в том, что ни комитеты, ни плановые комиссии власти не имели. Они рекомендовали, советовали. Но уже из басни Крылова мы знаем, что не следует тратить слов там, где надо власть употребить.

Нельзя ли решить проблему путем усиления территориальных плановых органов?

Многолетний опыт дает достаточно убедительный отрицательный ответ на тот вопрос. Но важно рассмотреть его в теоретическом плане.

Многократно указывалось на необходимость существенно улучшить работу плановых органов. Медленное выполнение таких указаний в большой мере вызвано перегрузкой плановых органов текущими вопросами управления. Освободить же Госплан СССР и другие плановые органы от «текучки» трудно потому, что ее некому передать.

Возложить на плановые органы вопросы управления в территориальном разрезе — значит идти в направлении, обратном требованиям партии в области совершенствования планирования. Не решат проблемы и промышленные, и другие экономические отделы местных Советов: у них более чем достаточно своих дел и будет еще больше с возрастанием роли Советов, предусмотренным новой

---

[8] Материалы XXV съезда КПСС. М.: Политиздат, 1976. С. 60.

Конституцией. Видимо, оптимальное решение — в создании территориально-производственных комплексов (ТПК).

Опыт 60 лет развития экономики нашей страны убедил в том, что необходимо полное равноправие отраслевого и регионального аспектов развития народного хозяйства. Недооценка «вертикали» или «горизонтали» равно приносит ущерб. Этот же опыт столь же убедительно доказывает, что одним только совершествованием территориального аспекта планирования проблему не решить. Народнохозяйственный план формирует возможность, которую посредством управления надлежит превратить в действительность. Для этого нужны ТПК.

IV

Где же резервы более эффективной борьбы за рост эффективности? Нам они видятся, повторяем, в требовании сделать неотвратимыми последствия плохой работы. В отсутствии неотвратимости, в возможности тому или иному предприятию довольно долгое время работать неудовлетворительно видится нам слабина в хозяйственном механизме («люфт», как выразились бы автомобилисты).

Проблема имеет и «человеческий» аспект, очень важный: все осуществляется людьми. Рассмотрим его.

В нашей стране сотни тысяч хозяйственных руководителей различного ранга, от бригадира до министра. При подобном масштабе деятельности не может быть стопроцентного отличного отбора людей на руководящие посты. Может ошибиться отбирающий, подчас сам в себе ошибается отбираемый, переоценив свои действительные возможности. Дело не в этом. Подобные ошибки неизбежны в каком-то проценте, а даже один процент равен 500 директорам промышленных предприятий.

Дело в другом, а именно в том, что некомпетентный хозяйственник может долго находиться на посту; в том, что пока еще не существует той требуемой XXV съездом партии неотвратимости, которая принудила бы такого хозяйственника перейти на другое место, соответствующее его возможностям. Совершенно очевидно, что, поскольку речь идет о миллионах людей (а всех видов предприятий в СССР полтора миллиона), механизм не может быть административным: не хватит контролеров. Должна быть система экономической обратной связи, которая при заданных в плане и хозяйственных договорах параметрах (как теперь любят выражаться) автоматически срабатывала бы. А заключается автоматизм в том, что у плохо работающего предприятия на счете в банке пусто, платить нечем, и руководитель объективно выявил свою некомпетентность.

Разумеется, сказанное — схема. В реальной действительности необходимо принимать во внимание всю совокупность обстоятельств, иначе вместо людей в руководящих хозяйственных органах можно бы поставить ЭВМ или даже машины более простые. Впрочем, об ЭВМ и автоматике речь пойдет потом, а сперва о

другом: каковы должны быть взаимоотношения хозяйственного руководителя и государства в борьбе за рост эффективности производства? В чем долг коммуниста-хозяйственника, определяющий его поведение изо дня в день?

Круг этих вопросов вошел в последнее время в центр внимания общественности, в частности благодаря помощи искусства.

Рассмотрим их на этом материале.

Трудно назвать произведение искусства последнего времени, которое вызвало бы такой общественный отклик, как кинокартина «Премия» А. Гельмана (пьеса «Протокол одного заседания»). Чтобы не приводить много доказательств, напомним, что о ней говорилось с самой в нашей стране высокой трибуны — с трибуны XXV съезда КПСС.

Здесь речь пойдет не о фильме как таковом, а о рассуждениях, высказанных писателем А. Стреляным [9]. Нам представляется, что рассуждения эти требуют дискуссии: подобных мнений придерживается не только этот автор.

А. Стреляный положительно оценивает фильм и исполнителей, у нас с ним нет в этом смысле разногласий. Мы займемся только делом — экономикой. Как признает и писатель, зрителей прежде всего и больше всего волнует дело.

Назвав статью «Стройка Потапова», писатель показал, что его он считает главным действующим лицом, и это вряд ли можно оспаривать. Но как понимает Потапова автор статьи?

В самом начале говорится, что Потапов полагает, будто принятие его предложения даст положительный результат. «В результате, мол, на стройке будет наведен порядок...» и т. д. Настораживает авторское «мол». Для чего оно? Это ирония или неверие?

Однако в дальнейшем Потапову дается положительная и правильная, на наш взгляд, характеристика. «Ему вдруг открылось, что от него и его товарищей по труду на стройке действительно зависит все. Что они терпят, то и будет, с чем не согласны, то и переменится, надо только поставить вопрос ребром, а значит, грамотно и твердо. Причем твердо не на словах, а на деле...» [10].

Как относится А. Стреляный к этой позиции? Он ее не разделяет. Он разъясняет Потапову, что не начинать стройку означает при всех условиях нарушение партийной и государственной дисциплины; что ему, Потапову, не видны все масштабы хозяйствования, видные «начальству», и (это уже совсем странно) что, не будь простоев и как бы хорошо ни трудились люди, больше они все равно бы не заработали... Поняв все это, полагает А. Стреляный, Потапов продолжал бы действовать, как действовал до этого, но к Батарцеву (управляющему трестом) и даже к Шатунову (начальнику планового отдела) относился бы иначе, «более здраво и справедливо». Значит, в фильме он, сегодняшний Потапов, относится не очень здраво и справедливо? Да, автор этого

---

[9] Молодой коммунист. 1976. № 7.
[10] Там же. С. 57.

не отрицает. Он пишет, что, «подковавшись» по части экономики, Потапов стал бы менее горячиться, мысль его стала бы крупнее, объемнее.

Я думаю, что если бы экономическое обучение широких масс трудящихся приводило к подобному результату, то лучше бы им оставаться необученными...

Если принять подобное понимание партийной и государственной дисциплины, то мы должны будем оправдать хозяйственников — управляющего трестом Батарцева и плановика Шатунова. Это и делается. Батарцев и Шатунов, оказывается, не менее Потапова болеют за стройку, так же, как и он, бескорыстны, им в равной мере надоели беспорядки на строительной площадке. И потому в Потапове они видят не противника, а того рабочего человека, которого, оказывается, им так все время не хватало. Ибо начал стройку «не с того конца» Батарцев, видите ли, потому, что если и был робок в споре с главком, то его робость есть «лишь часть, следствие робости и безответственности большинства тогдашних Потаповых и Черниковых». Напомним, Черников — молодой инженер, с самого начала осудивший неправильные методы строительства и не проявлявший (впрочем, как и Потапов) никогда робости; «но теперь, когда у него на руках будет решение парткома, принятое по настоянию рабочих, Батарцев, мы надеемся, себя покажет». Какие основания для подобной надежды?..

Полностью себе противореча, А. Стреляный дальше объясняет нам и Потапову, что дело вовсе не в робости Батарцева, а в «несравненно более глубоком понимании экономической жизни отрасли», что, если бы он не начал строить, его заменили бы другим, что раз решение принято, он обязан его выполнять. В качестве аналогии А. Стреляный напоминает нам Мартынова из «Районных будней» В. Овечкина и Бахирева из «Битвы в пути» Г. Николаевой. Мы от себя можем добавить строителей из фильма «Наш современник», решившихся прекратить стройку в самом разгаре. Но разве все эти люди ловчили с государством и партией? Нет, они сражались с Борзовым и Вальганом — Батарцевым того времени.

Еще неприемлемей для меня отношение писателя к плановику Шатунову. Что мы знаем о нем из фильма? Это он подготовил материалы для уменьшения плана, он готовит обоснования для пуска объекта без очистных и других сооружений, он более всех остальных не терпит Потапова. «Этот самый серьезный из противников Потапова», — признает А. Стреляный. Но тогда, сочувствуя Потапову, А. Стреляный должен быть противником Шатунова: враги наших друзей — наши враги. Не так ли? Оказывается, не так. Выше уже приводились лестные для Шатунова оценки А. Стреляного. Оказывается, «стать на сторону Потапова Шатунову мешает хорошее знание хозяйственно-психологического механизма отношений в системе данного министерства». И потому «резоны такого Шатунова заслуживают внимания». Но послушай-

те аттестацию, которую ему дает автор статьи: «Его стихия — так представлять деятельность треста перед главком, чтобы плохое выглядело удовлетворительным, удовлетворительное — хорошим, хорошее — отличным, а отличие — трудовым подвигом. Свой ум, знания, энергию он вкладывает в постоянную, трудную и тонкую игру с вышестоящими инстанциями, которые видят его насквозь, и он это знает».

Что же, характеристике не откажешь в сочности. Действительно, Шатунов — матерый очковтиратель, подлец от экономики (если позволительно подобное выражение), циник до мозга костей. Это по милости подобных экономистов существует грустный анекдот: «Сколько будет пятью пять? — А сколько вам надо?..»

В условиях планового хозяйства, когда от сбалансированности в громадной степени зависит эффективость общественного производства, вкладывать «ум, знания и энергию» в «игру» с государством — значит быть вредителем в полном смысле слова!

Сознательно ли поступает подобным образом Шатунов? Безусловно. «Не будь меня, вас давно бы выгнали»,— бросает он управляющему и секретарю парткома. «И он совершенно прав»,— пишет А. Стреляный.

Что же получается? Значит, честно нельзя строить?

В «обоснование» столь странной позиции А. Стреляный цитирует документ XXV съезда партии: «...непрерывно развивающемуся народному хозяйству стало тесно в рамках существующего хозяйственного механизма». И далее добавляет от себя: «Вот эту тесноту и должен был понять Потапов, доискиваясь до главной причины непорядков на стройке». Признаться, логика более чем странная. В нашей стране возводятся одновременно более 250 000 объектов, и пока, насколько нам известно, ни один хозяйственник-строитель не пытался объяснить жульнические махинации указанным образом. Слов нет, труд строителя нелегок. Но скажи, каким путем ты преодолеваешь трудности, и я скажу, кто ты.

В чем состоит долг коммуниста-хозяйственника в современных условиях? Очевидно в том, чтобы всемерно содействовать повышению эффективости и качества всех сторон работы и ее результатов: продукции, перевозок, продажи и т. д. А поскольку вся экономическая жизнь начинается с плана, то следует определить, какова должна быть позиция коммуниста-хозяйственника по отношению к плану. Ответ дан партией, и он общеизвестен: план должен быть напряженный, но реальный. Из этой формулировки, как из песни, ни одного слова не выкинешь.

Напряженность плана обеспечивается его научной обоснованностью, нормативной базой, включением всего прогрессивного, что имеется на родственных предприятиях, поддержкой изобретательства, рационализации, поисков. Реальность — наличием производственного аппарата, накопленного опыта, развитием соревнования, созданием открытых, честно показанных резервов, без которых ни одно серьезное дело вестись не может.

Конечно, нельзя отмахнуться от того, что порой подводят поставщики, транспорт, строители, что возникают обстоятельства непредвиденные. Потому от хозяйственника и требуются оперативность, предприимчивость, способность маневра. Ему в помощь «приданы» банки, вышестоящие организации, местные органы, печать. Раскройте любой номер газеты, и вы ощутите напряженный темп нашей жизни. Но следует ли из этого вышесказанного, что нужна «двойная бухгалтерия» во взаимоотношениях с государством? Ни в малейшей мере! Прикрытие бесхозяйственности корректировкой плана, сдача объекта с крупнейшими недоделками, приписки, низкое качество продукции ни в коей мере и ни в коем случае не могут прикрываться демагогией о плановой дисциплине.

Можно ли допустить, что управляющий трестом Батарцев был бы снят с работы, откажись он начать стройку без необходимой подготовки? Не будем ханжами и не станем отрицать, что подобный вариант возможен. И не такие фельетоны мы читаем порой в газетах. Оправдывает ли подобный аргумент уступку Батарцева, приведшую к большим бедам? Ни в малейшей мере. Батарцев поставил интересы своей карьеры выше интересов стройки. Вот и вся суть его «философии».

Он поддержал резолюцию парткома не потому, что она дает ему наконец желанную опору масс, а потому, что, как прожженный карьерист, уже готовит выступление в горкоме партии с «искренним» признанием своих ошибок: не разобрался, подвели плановики... И тут голосование «за», по его мнению, ему очень пригодится: повинную голову меч сечет не так сурово.

У каждого из нас свой долг перед страной. Санитарный врач не вправе разрешить нарушение соответствующих правил, и никакие ссылки на возможные убытки не должны его поколебать. Пожарный и летчик-испытатель ежедневно идут на риск. Это входит в «технологию» их работы. Долг хозяйственника состоит в том, чтобы быть предельно честным по отношению к народу, слугой которого он является. А что в житейских буднях можно по этому поводу иной раз схлопотать по затылку,— что ж, это тоже входит в «технологию». Во время войны бывало не раз, что то или иное подразделение посылали по ложному направлению, чтобы скрыть острие главного удара. Можно ли сказать, что люди гибли зря? Нет, они выполняли свой долг.

Но вот как интересно ставит вопрос профессор Р. Г. Карагедов, обсуждая ту же «Премию»: «Что же выиграет наше народное хозяйство, если все руководители приостановят начатые стройки и не будут приступать к новым, предъявив ультиматум — или идеальное материальное снабжение, безупречная работа проектных, транспортных и других организаций, или же стройте без нас? Очевидно, что не этот путь совершенствования хозяйственного механизма является целесообразным» [11]. Конечно, не этот путь,

[11] ЭКО. 1976. № 4. С. 132.

но суть в том, что ситуация надуманная: никакой потребности во всеобщем ультиматуме нет, а вот то, что взаимное всепрощение иных хозяйственников за счет общества наносит нам громадный ущерб,— это бесспорно.

Хозяйствуют живые люди с присущими им характерами, эмоциями, устремлениями, мотивами. Хозяйствуют на 1 / 6 земного шара, в условиях, резко различных и динамичных. Подгонять всех хозяйственников под одну мерку, стричь под одну гребенку было бы губительным шаблоном.

При всем том существует одно требование, равно непреложное и неукоснительное в любой отрасли, в любой части страны,— партийность в подходе к любому делу. Отступление от этого требования, чем бы оно ни прикрывалось и ни мотивировалось, должно осуждаться и словами, и делом. Здесь, думается, не может быть «объективности», воздержания, экивоков. Нет двух правд.

V

Но есть в рассуждениях Батарцева одно место, к которому стоит прислушаться. «Объясни мне, пожалуйста,— говорит он секретарю парткома,— почему так получается: он — за, ты — за, а я против? Всей душой против! Почему ты такой свободный человек, а я весь, понимаешь, в цепях и этих самых... веригах?! Почему?» — и ему вторит (в пьесе) плановик Шатунов. Почему, спрашивает он, вы требуете, чтобы Батарцев героически боролся с главком? Почему для управления строительным трестом необходимо быть героем?

Вопрос очень серьезный и важный. В одной известной кинокартине героизм проявляет секретарь райкома партии: не страшась взрывов, бросается спасать залежи мрамора. В конкретных условиях одной стройки такое поведение, видимо, было необходимо. Но в целом — это партизанщина, отсутствие системы. Будь система, вопрос о судьбе мрамора был бы правильно решен на стадии проектного задания, задолго до начала работ. Кинокартина смотрелась бы хуже, но пользы стране было бы куда больше.

60 лет тому назад оказалось необходимым заменить отдельные революционные отряды регулярной армией, иначе революция погибла бы. При нынешних масштабах хозяйствования импульсивные порывы (если не считать стихийных бедствий) не приведут к желанной цели. Необходима система — комплексная, перспективная, в значительной степени действующая автоматически по заданной государственной программе.

Мы помним, конечно, как издевается Л. Н. Толстой над «системой» Пфуля: die erste Kolonne marschiert... Разумеется, я веду речь не о подобной мертвечине, а о динамичном, согласованном, целеустремленном ритме.

Итак, нужно ли требовать от хозяйственника героизма? Смотря в чем. Героизм подчас требуется, чтобы преодолеть суровые при-

родные условия, решить сложные технические (агрономические и другие) задачи, отстаивать свою позицию, если она верна, но еще не все это поняли. Героизм нужен, чтобы изо дня в день, не уставая духом, делать положенную работу, и делать все лучше. Но, в самом деле, нельзя строить управление экономикой таким образом, чтобы выполнение обычных, рядовых дел требовало необычайного — и для дела ненужного — героизма.

Выше мы уже писали, что истоки неувязок видим в несовершенстве планирования. Сюда же относится и корректировка плана по многу раз: с одних снимают, другим добавляют. Бывали случаи, что речникам в декабре «спускали» дополнительные задания по перевозкам грузов...

Плановые неурядицы мешают не только экономистам и директорам, они дезориентируют и рабочих. «Мне хочется, чтобы наши личные планы были просты и понятны»,— писал в «Комсомольской правде» слесарь-сборщик из Челябинска М. Мишкин. Статья его «Голосую за смелый план» вызвала оживленный разговор: она непосредственно связана с ростом эффективности хозяйствования и потому заслуживает большого внимания. Принципиальное значение, на наш взгляд, имеет один из откликов. Я имею в виду статью академика В. Глушкова «Интуиция — хорошо, а ЭВМ — лучше» [12]. Судя по названию статьи, академик В. Глушков спорит с каким-то оппонентом, не называя его. Прислушаемся к спору.

Из-за недостатков планирования возникают потери, равные на некоторых машиностроительных заводах, по словам академика В. Глушкова, половине возможного изготовления продукции.

Академик В. Глушков видит решение вопроса в глобальном применении ЭВМ. Индивидуальные АСУ у крупных предприятий и кустовые для средних рассчитывают программы с максимальным учетом всех слагаемых и сомножителей вплоть до индивидуальных особенностей работающего (так называемый информационный конвейер) и выдают те самые «простые и понятные» планы, о которых заботится М. Мишкин. «Вот, собственно, и ответ на вопросы рабочего М. Мишкина»,— говорит т. Глушков и... после этого пишет еще 2 / 3 статьи.

Значит, не весь ответ. А чем не весь? Вот об этом и пойдет речь.

Способна ли ЭВМ решить все проблемы совершенствования планирования? Академик В. Глушков всю проблему внутризаводского планирования сводит к задаче расчета задания. И даже причины срывов снабжения он видит лишь в трудности подсчета (номенклатура проката черных металлов насчитывает 1,7 млн наименований!..), и поэтому все тот же рецепт — ЭВМ.

В действительности, однако, дело обстоит гораздо сложнее. Экономика (а планирование, в том числе внутризаводское,— важнейшая часть экономики, ее сердцевина) отнюдь не состоит лишь

---

[12] Комс. правда. 1976. 16 мая.

в трудностях и точности подсчета. И потому сведение проблемы к внедрению АСУ способно создать дорогостоящие заблуждения при неоспоримом значении АСУ и ЭВМ.

Почему слесарь М. Мишкин не имеет «простого и понятного» индивидуального плана? Потому что его план — клетка цехового, а цеховой — часть общезаводского плана, который, в свою очередь, элемент плана подотрасли, отрасли, народного хозяйства СССР. Попытка «навести порядок» на участке безнадежна без совершенствования планирования в целом, хотя, разумеется, на каждом уровне — свои особенности. Не могут существовать правила уличного движения для отдельного пешехода, если движение в целом не регулируется.

Итак, почему общенароднохозяйственный план недостаточно «прост и понятен»?

Потому что план — не сборник таблиц с цифрами, не расписание движения поездов и не прейскурант — перечень цен. План — программа развития народного хозяйства СССР, гигантской страны, в эпоху научно-технической революции. Значит, план не может отвернуться от динамики жизни — от научных открытий и изобретений, от вновь обнаруженных природных богатств, от засухи или затяжных проливных дождей, от изменений в международной обстановке. Планирование не заканчивается составлением плана, а с него лишь начинается.

Значит, что же, не может быть стабильного плана? Может, но для решения этой задачи одних ЭВМ и АСУ недостаточно. Необходимо, как указывается в материалах XXV съезда КПСС, настойчиво продолжать работу по органическому соединению достижений научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйствования. Применительно к планированию это означает, на мой взгляд, потребность оставлять в научно обоснованном, напряженном и реальном плане научно же обоснованный, официальный резерв и за его счет выпонять вновь возникающие потребности, не ломая костяка основного плана. Вероятно, могут быть предложены и другие рекомендации, но именно в области экономики, а не подсчета. Само же определение величины резерва — разного в различных отраслях и районах страны в разные годы — потребует, безусловно, применения ЭВМ.

Такова, на мой взгляд, первая и решающая часть ответа М. Мишкину. А теперь пойдем дальше по тексту статьи академика В. Глушкова. Оказывается, трудность согласования планов производства и потребления не только (а от себя добавлю — и не столько) в подсчетах, сколько в том, что «сталеварам, прокатчикам выгодно выпускать изделия потяжелее, одного и того же профиля, текстильщикам — побольше отправлять в магазины ткани одной и той же расцветки, обувщикам — годами не менять моделей обуви». К этим словам В. Глушкова добавлю, что снабженцам выгоднее поставлять прокат, допустим, ценой в 300 руб. за тонну, чем за 100 руб.: их валовой доход возрастает в 3 раза. Вот почему снабженцы часто «вставляют палки» в личный план М. Мишкина. Ка-

кое предложение вносит академик В. Глушков? Согласовать, опять при помощи АСУ, почасовой график поставок... Чего? Ненужных, тяжелых профилей?

Предвидя подобный вопрос, автор цитируемой статьи указывает на возможность отказа поставщика принять идеальный, до одного часа, график поставки, потому что ему невыгодно переналаживать прокатный стан на выпуск небольшой партии листа. Выход? «Но почему бы заводу холодильников не поделиться частью своих доходов от новейшей продукции с металлургическим комбинатом? Ясно, в этом случае поставщик был бы сговорчивее, охотнее пошел бы навстречу потребителю».

Кто же должен согласовывать экономические интересы сторон (в равной мере государственных!): ЭВМ, АСУ или экономист?

Продолжим чтение цитируемой статьи академика В. Глушкова. Оказывается, ЭВМ в системе АСУ может выдавать непрерывную информацию о вновь появляющихся резервах повышения эффективности производства. «Целесообразно стимулировать рабочего, мастера, бригадира не только за повышение плана, но и за выдачу такой информации».

Хорошо. Стимулируем, и информация к директору поступает. Как он ее встречает? Продолжаю цитирование: «Попробовал я (академик В. Глушков.— *А. Б.*) высказать это предложение хозяйственникам; и они бурно заспорили. Один директор завода сказал откровенно: «Конечно, заманчиво. Но знаете, чем это для нас кончится? Из-за этой самой объективной информации мне дадут... напряженный план».

И как с этим быть? «Планирующие органы должны проявить чувство меры» и не включать сразу в план все резервы, чтобы «не отбить охоту информировать плановиков о неиспользованных возможностях предприятия».

Но, позвольте, чувство меры — это скорее по части интуиции, чем по части ЭВМ, а статья, о которой все время идет речь, утверждает, что ЭВМ лучше интуиции.

Тогда в чем же дело? Да в том, что предприятие — не станок в автоматической линии, а рабочий — не винтик в станке, и потому одними расчетами, пусть идеально точными, проблемы, волнующей М. Мишкина, не решить.

Давно известно, что наши недостатки — суть достоинства, продолженные за допустимый предел. ЭВМ и АСУ, кибернетика и эконометрика в неизмеримой степени расширяют, углубляют и увеличивают возможности экономики, но... не заменяют ее. А экономика — это действия людей в области хозяйствования, порождаемые их интересами (в широком смысле слова), окружающими условиями, воспитанием и множеством других обстоятельств, которые не поддаются подсчету, хотя и определяют во многом его результат.

Щекинская система организации и оплаты труда, бригадный хозрасчет по методу Н. Злобина, безнарядные звенья в сельском хозяйстве, почин завода «Динамо» и многих других предприя-

тий, как и первый субботник в 1920 г. или стахановское движение, не могут быть «выданы» ЭВМ, хотя их результаты материальны и поддаются подсчету.

В статье академик В. Глушков несколько раз столкнулся с проблемой стимулирования, заинтересованности, выгоды. Но выгода транспорта может обернуться убытком клиентуры, эффект гидростанций — потерями для сельского хозяйства, частный итог может уменьшить конечный результат.

Значит, нужен комплексный хозяйственный механизм: цены, процентные ставки, тарифная сетка, премии и санкции, финансы и кредит. Они существуют, но в свете современных требований их надо существенно совершенствовать, и об этом много говорится в материалах XXV съезда партии и декабрьского (1977 г.) Пленума ЦК КПСС.

Что лучше: ЭВМ или интуиция? Однозначного ответа, думается, быть не может. В. И. Ленин, призывая экономистов смотреть в сторону прогресса техники, считал способность мечтать достоинством революционера. Он же требовал, чтобы экономисты вместо писания пустяковых тезисов занимались анализом фактов, цифр и на их основе делали выводы. Значит, не противопоставлять, а сочетать.

К. Маркс, как известно, видел отличие экономической науки от других отраслей познания в том, что здесь неприменимы колбы и реторты, а требуется способность к абстрактному мышлению. Он же считал, что подлинная наука невозможна без использования математики.

Мораль? Чтобы М. Мишкин и десятки миллионов трудящихся получили — каждый — четкий и обоснованный, реальный и напряженный, стабильный и динамичный план, необходимо реализовать всю совокупность задач, поставленных перед экономической наукой, перед планированием XXV съездом КПСС. Подчеркиваю — всю совокупность. Только комплексный подход принесет успехи. Выхватывание отдельных участков, как свидетельствует многолетний опыт, не дает желаемых результатов. Тем более в экономике, которая комплексна почти так же, как жизнь. ЭВМ — хорошо, а экономика — лучше!

VI

Почему, чем дальше мы продвигаемся вперед по пути создания материально-технической базы коммунизма, условия хозяйствования не облегчаются, как, казалось бы, должно быть, а становятся все более жесткими?

Потому что задачи, которые стоят перед обществом, все более усложняются. Чтобы предоставить каждой семье просторную отдельную квартиру, требуется больше затрат, чем при заселении коммунальных квартир. Дать каждому законченное среднее образование сложнее, чем ликвидировать неграмотность. Превратить Сибирь и Дальний Восток в комплексные индустриальные реги-

оны — не то, что строить предприятия в Подмосковье или на Украине.

В общем виде: создание коммунистического изобилия требует более высокого класса хозяйствования, чем до этого.

Я позволил бы себе такое сравнение для наглядности. Рекордсмен по подъему тяжестей все время добавляет вес на штанге. Это его несомненный успех. Но можно ли считать, что ему все легче поднимать штангу? И должен ли он действовать вполсилы?

Да, увеличение числа и размеров предприятий в составе министерства усложняет задачу руководства ими. Возникновение вместо глухомани территориально-промышленных комплексов перекраивает потоки грузов и денег. Один процент ошибок сегодня «стоит» в десять раз дороже, чем, скажем, 20 лет тому назад. У космонавта сложнее работа, чем у шофера.

Но до того, как поставить хозяйственника в жесткие условия, необходимо обеспечить ему определенные, столь же жестко гарантируемые стартовые возможности.

Некоторое время тому назад «Литературная газета» опубликовала выступления ряда видных хозяйственных руководителей «Этот младенец Акопян...».

Речь шла о «фокусах», которыми поневоле занимаются директора предприятий и начальники строек; фокусах, сравнительно с которыми искусство прославленного иллюзиониста Акопяна, действительно, детская забава.

Нет необходимости перечислять искусственно созданные рогатки, заставляющие нарушать инструкции, а то и законы. Суть их всех в том, что решение мелких, но порой предельно важных вопросов, вроде дополнительной машинистки или командировки, отдано в руки районных и городских фининспекторов, не отвечающих ни за результаты хозяйственной деятельности, ни за принятые ими решения.

Выход их создавшихся затруднений не требует ничего, кроме соблюдения «Положения о социалистическом государственном предприятии», никем не отмененного, но многими организациями игнорируемого. Возможно, что был бы полезен закон об охране прав предприятия наподобие закона об охране природы. Юристам было бы полезно собрать и обнародовать циркуляры и указания, противоречащие указанному выше «Положению». Бесспорно, необходим документ, удостоверяющий согласие министерства, объединения, предприятия с установленным для них планом. Такое документ не умаляет директивности плана, он лишь подтверждает, что отношения между различными органами, функционирующими в сфере экономики,— не только административные, но и экономические; подобный документ к тому же полностью содействует принципу демократического централизма. Вряд ли можно сомневаться, что обоснованность и сбалансированность планов усилятся.

Давно известно, что нет ничего практичнее правильной теории. Коренную причину нарушений установленных законом прав пред-

приятий мы видим в недостаточной теоретической разработке вопроса о месте государственного предприятия в системе социалистического народного хозяйства.

Раз предприятие общенародное, то, дескать, можно отдельными решениями государственных органов менять в ту или иную сторону условия его деятельности, если того требуют задачи данного момента.

В действительности, однако, предприятие — не кирпич в здании и не винтик в машине, а клетка в живом организме. Эта клетка живет по законам, присущим именно ей и отличающимся чем-то от законов, управляющих функционированием других клеток, и нельзя от этого обстоятельства отмахнуться, если мы не хотим причинить вред всему организму.

Предприятие — коллектив трудящихся, поставленный обществом в строго определенные рамки ответственности за использование предоставленного ему имущества и трудовых ресурсов. Значит, и права, для этого предусмотренные, должны неукоснительно соблюдаться.

Преимущества обобществленной экономики перед частнокапиталистической в данной области состоят именно в том, что в нашей стране есть объективные возможности обеспечить предприятиям оптимальные условия для устойчивого и динамичного роста, а не в том, что можно манипулировать планом, изымать не предназначенные для изъятия средства и регламентировать то, что такой регламентации не требует. Простые, казалось бы, истины, но опыт свидетельствует, что многими они усваиваются с трудом.

VII

Было бы неверным утверждать, что хозяйственный механизм должен только карать. Он поощряет, доверяет лучшим хозяйственникам, дает широкий простор для проявления социалистической инициативы. Как обычно, при правильных действиях в выигрыше все: хозяйство, работники, государственный бюджет.

Да, одними санкциями, без комплексной и полновесной системы поощрения достичь необходимой эффективности и качества, конечно, невозможно. В эту общеизвестную истину десятая пятилетка вносит ряд существенных уточнений.

Меняется, усложняется состав общественного продукта. Быстрыми темпами развиваются ведущие отрасли производства: химия, нефтехимия, энергетика, машиностроение. Здесь особо важна роль квалификации, дисциплины, аккуратности и ответственности.

Повышается значение качества продукции — любой: от галантереи до тончайших приборов. Прирост национального дохода произойдет почти полностью за счет повышения производительности труда.

Применительно к материальному поощрению (моральное стимулирование также требует материальной базы, об этом прямо

сказано в материалах XXIII съезда КПСС) противоборствуют в экономической науке две точки зрения: по одежке протягивать ножки или, напротив, по ножкам шить одежку?

Стимулирование — не только итог, но и предпосылка быстрого продвижения экономики. Однако на практике в ведомственных инструкциях и указаниях накопилось много «разъяснений», направленных к сдерживанию поощрения. В оправдание приводится довод о трудности обеспечивать премии товарами. Что ж, довод очень серьезный; чтобы выдавать деньги без оглядки, большого ума не надо. Но вопрос в другом: выиграло или проиграло народное хозяйство от экономии на стимулировании? В печати в свое время были опубликованы расчеты, согласно которым в среднем каждый рубль премий приносит 5 руб. дополнительных накоплений. Значит, напрасно не выданный рубль сделал нас на 5 руб. беднее.

Вот и надо определиться в этом исключительной важности вопросе, и если мы согласимся, что надо за исходное принять «ножки», то плановым и финансовым органам придется позаботиться об «одежке». Арифметически, конечно, премия — расход. Но для современной экономики СССР требуется высшая математика.

* * *

Нам представляется, что отдельными, постепенно наслаивающимися решениями частных задач проблему не решить. Видно, надо провести «инвентаризацию» накопившегося за шестьдесят лет и отобрать из него то, что пригодится в предстоящие 15 лет, а уже устаревшее станет уделом истории. Надо осмыслить в совокупности современное и предстоящее и дать комплексное и перспективное — обязательно комплексное и перспективное — решение, ибо, действительно, развивающемуся народному хозяйству стало тесно в рамках существующего хозяйственного механизма. Устаревшие нормы и правила, статьи и параграфы мешают, как неубранные опавшие листья не дают прорасти молодой траве. Дальнейшее совершенствование хозяйственного механизма в соответствии с требованиями неуклонно развивающейся советской экономики — насущная задача, поставленная XXV съездом партии.

КЛЮЧЕВАЯ ЗАДАЧА [1]

Идеи вообще ничего не могут осуществить. Для осуществления идей требуются люди, которые должны употребить практическую силу [2].

К. МАРКС

... Теория становится материальной силой, как только она овладевает массами [3].

К. МАРКС

I

Архитектор может не интересоваться проблемами теоретической физики, плотнику не обязательно знать суть споров в области лечения сердечно-сосудистых заболеваний. Но, кем бы вы ни были, читатель, проблемы экономики занимают вас непрерывно, даже если вы этого не замечаете: на работе, в магазине, при поисках такси или сдаче обуви в ремонт.

В новогоднем (1979 г.) номере «Литературной газеты» академик Б. Кедров характеризует современное состояние естествознания как канун создания общей теории элементарных частиц, открытия закона, охватывающего все виды материи. Он сравнивает нынешний период с тем — сто с лишним лет тому назад,— когда накопившиеся отдельные открытия сформировались в цельную периодическую систему Д. И. Менделеева.

Экономика нашей страны и экономическая наука тоже находятся на переломном моменте, и осознать это важное, без преувеличения историческое обстоятельство, по нашему глубокому убеждению, необходимо прежде, чем приступать к анализу конкретных проблем и выяснению сравнительно более частных вопросов.

До середины 60-х годов народное хозяйство нашей страны развивалось в значительной мере за счет экстенсивных, расширительных факторов. Посевные площади за 1945—1960 гг. увеличились на 89,2 млн га, численность рабочих и служащих — на 33,4 млн человек. Прирост промышленной продукции за счет повышения производительности труда составил в пятой пятилетке, к примеру, 68% и за счет увеличения численность работающих —32%. Разумеется, непрерывно внедрялись новые виды оборудования и прогрессивные технологические процессы, но, повторяем, преобладали факторы количественные, экстенсивные. Урожайность

[1] Звезда. 1979. № 7.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд Т. 2. С. 132.
[3] Там же. Т. 1. С. 422.

зерновых культур составила (ц / га): 7,9 в 1950 г. и 10,9 в 1960 г.; урожайность хлопка-сырца соответственно 15,3 и 19,6. Но экстенсивные факторы имеют предел. К середине 60-х годов почти все самодеятельное население уже было занято в общественном производстве. Без конца расширять посевные площади, сооружать фабрики и заводы, увеличивать потребление сырья и материалов невозможно. Партия взяла четкий курс на интенсивные факторы, т. е. напряженные, усиленные: лучшее использование заданий и сооружений, машин и полей, рост производительности труда работающих. Экономическая реформа, начатая в 1965 г. решениями мартовского и сентябрьского Пленумов ЦК КПСС, и означала перестройку системы планирования, управления и стимулирования применительно к новой обстановке. И вот результаты: за 15-летие (1960—1974 гг.) прирост общественного продукта в стране составил 396,4 млрд руб. против 243,3 млрд руб. в предыдущем пятнадцатилетии (1945—1960 гг.), а посевные площади увеличились за это время лишь на 13,5 млн га, численность рабочих и служащих — на 37,8 млн человек. За счет повышения производительности труда промышленная продукция страны возросла в восьмой пятилетке на 73% и в девятой — на 84%. Урожайность зерновых культур повысилась до 15,4 ц/га и хлопчатника до 29,2 ц/га.

Более обобщенно итоги интенсификации общественного производства выглядят так: чтобы произвести в год продукции стоимостью в 1 млн руб., в 1960 г. должно было целый год работать 267 человек, а в 1975 г.— 113. Рост производительности труда в годы девятой пятилетки «сэкономил» 20 млн человек.

Но, конечно, процесс интенсификации не завершился к середине 70-х годов, он вообще не имеет конца. Каждый из нас видит рост народного хозяйства, но одновременно и сложности его развития. В своей профессиональной области мы знаем достижения и недостатки. Но из-за возрастающей и сужающейся специализации общую картину мы видим все менее полно. Возникают вопросы, большие и малые.

Многое вызывает недоумение. Растут кварталы городских домов, создаются машины циклопической мощности, и возникает вопрос: почему, например, самолеты междугородных рейсов прибывают по расписанию точнее, чем пригородные электрички? И почему иной раз вместо дворников убирают улицы конструкторы? И почему картофель в магазинах хуже своего собрата на рядом расположенном колхозном рынке? И еще разные «почему».

Статья, которую вы начали читать, представляет собой попытку удовлетворить оправданный интерес. Чтобы узнать, удалась ли попытка, придется дочитать до конца: наука, подобно искусству, требует жертв...

Интенсификация общественного производства в условиях социализма не означает, разумеется, введения потогонной системы работы. Речь идет о значительно более полном использовании всех резервов экономики на основе широкого и комплексного

применения рекомендаций науки, точнее наук — от технологии сварки до психологии и социологии.

И процесс этот не только экономический, но и глубоко психологический. Надо усвоить мысль, что не строить во многих случаях важнее, чем строить; что сохранить выращенное важнее увеличения сбора; что понижение темпов роста добычи ископаемых — не минус, а плюс; что повышение себестоимости продукции, если оно сопровождается опережающим ростом качества, важнее снижения затрат и т. д. и т. п. Надо научиться смотреть на свою работу глазами потребителя ее плодов. Как превосходно выразился генеральный авиаконструктор Герой Социалистического Труда О. К. Антонов, показатель ТЕБЕстоимости не менее важен, чем СЕБЕстоимости. В переводе на общепонятный язык это означает необходимость считать, во что обходятся новоселу недоделки строителей, покупателю — недобросовестность производителя.

Надо научиться экономике потребления, имея в виду, что у нас в обиходе миллионы сложных бытовых приборов и машин и, хотя мы оплачиваем их ремонт из своего кармана, обществу накладно чинить то, что мы портим из-за неумелости и «бурсацкого», мягко говоря, беспечного отношения к добру.

Чувствуя новую обстановку, об интенсификации обучения теперь заботятся учителя начальной школы, ректоры вузов, работники научно-исследовательских институтов. Более того, оказывается, малышей полезно обучать плавать еще до того, как они научились ходить...

Да, период, в который вступила наша страна, требует от каждого из нас серьезного осмысления того, что происходит прежде всего в основной сфере нашей жизни — сфере труда. Ибо, как сказано в эпиграфе, чтобы идеи осуществились, нужны практические дела людей.

Что конкретно имеется в виду. Использование уже созданного за 60 лет накопленного экономического потенциала. Вопрос о новом строительстве можно ставить лишь после того, как полностью используются ресурсы уже осуществленного.

Почему такая задача названа ключевой? Что входит в данное понятие? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо хотя бы кратко охарактеризовать экономический потенциал СССР и его неиспользованные резервы. Так как мы отметили уже 50-летие первого пятилетнего плана, мы дадим некоторые показатели в сравнении и с 1928 г., начавшим первую пятилетку.

Главная производительная сила, она же — исходный сомножитель экономического потенциала — трудящийся человек.

Советский Союз располагает огромной армией труда. Самостоятельное население страны состоит из образованных людей, они способны решить все задачи, которые ставит перед ними народное хозяйство. Остается добавить два фактора, характеризующих социальный аспект происшедших изменений: квалификационный уровень населения практически одинаков во всех союзных республиках; во всех колонках доля женщин составляет

50—51%. Это и есть выражение социалистической демократии в самой решающей для человека сфере — в сфере труда, в области проявления своей физической и духовной сущности.

Экономический потенциал страны включает в себя и продукт труда людей, но как его показать, не превращая статью в статистический справочник?

Скажем кратко: чтобы произвести столько же продукции, сколько было произведено за весь 1928 г., требовалось в 1977 г.: по электроэнергии — 1,6 суток, по стали — 11 суток, по нефти — менее 8, по тракторам — один день, по цементу — 6 суток, по кожаной обуви — менее 13 дней!

В 1980 г. будет произведен менее чем за 5 дней национальный доход, равный объему всего 1928 г., и менее чем за 2,5 дня объем промышленной продукции 1928 г.

За годы Советской власти на карте страны появились свыше 1130 городов. Было городов с населением более 1 млн человек в каждом два, нынче их — 22! За последние 10 лет экономический потенциал страны удвоился.

При подобном масштабе народного хозяйства счет должен идти в часах и долях процента. Час простоя оборудования, вагонов и барж, строительных механизмов и (в сезон работы) сельскохозяйственных машин обходится стране в десятки миллионов рублей. Каждый процент роста производительности труда, уменьшения расхода топлива и материалов «весит» 3—4 млрд руб. в год. Это те самые миллионы и миллиарды, за счет которых можно увеличить число построенных квартир, снижать цены на товары, повышать заработную плату и фонды общественного потребления.

И еще одно обстоятельство следует учитывать. За нефтью и газом, рудами и лесом теперь надо идти на север и восток. Там все значительно дороже, чем в Баку или под Курском. Чтобы хозяйственно обустроить в новых районах одного работающего человека, необходимо израсходовать 17 000 руб. ...Потому наиболее полное использование созданного и накопленного — поистине ключевая задача. А неиспользованных возможностей здесь множество. Путь к ним — интенсификация общественного производства.

Как ее достичь?

При современном масштабе хозяйственной деятельности, когда трудятся более 120 млн человек, а в одной промышленности 400 отраслей и подотраслей, невозможно достичь успеха административными распоряжениями по каждому поводу: их не успевают даже прочесть, не то что исполнить. Поэтому решениями партии выдвинуты на первый план экономические методы управления, т. е. воздействие на людей и предприятия через их интересы, через мотивы, побуждающие делать то, что нужно, и так, как нужно обществу.

Интересы, разумеется, не сводятся к тому лишь, чтобы побольше получить в карман. К ним относится и удовлетворенность рабо-

той, и возможности роста, и участие в управлении производством, и вся так называемая инфраструктура, а попросту — быт. И, конечно, заработок, включая премии. А чтобы эти интересы удовлетворить, требуются хорошая организация оплаты труда, поощрений и санкций, обоснованное установление цен, разумная система финансирования и кредитования, правильное осуществление демократического централизма. Словом, выражаясь профессионально, требуется хорошо отлаженный хозяйственный механизм, который во много раз сложнее любого из существующих механизмов; это признают представители всех наук.

Интенсификация — процесс комплексный, она охватывает все элементы производства: работающего человека, то, чем он работает, и то, что он обрабатывает. Но предмет литературы — человековедение, и потому основная часть нашей статьи отведена главному действующему лицу интенсификации — человеку. Мы рассмотрим «человеческий» фактор с разных сторон. Читателю и впрямь надо запастись терпением.

II

Среди советских экономистов ведутся споры: одни утверждают, что в стране ощущается недостаток работников, а дальше будет еще хуже (некоторые западные журналисты уже поспешили оповестить мир, что из-за недостатка людей советская экономика будто бы переживает кризис).

Другие, и авторы этих строк в их числе, соглашаясь, что в некоторых районах действительно рабочей силы недостает, отрицают положение применительно к стране в целом. По мнению этой группы экономистов, самодеятельного населения СССР предостаточно для выполнения народнохозяйственных планов и сегодня, и в любой предвидимой перспективе. Доказательство: из 90 млн человек, занятых в производственной сфере, более 40 млн работают вручную, а среди остальных 50 немало работающих почти вручную. Механизация погрузочно-разгрузочных, ремонтных, торговых процессов, работ в животноводстве, огородничестве и других видах труда высвободит многие миллионы людей.

Ограничусь для примера торговлей. В ней занято более 7 млн человек, при этом доля механизированных процессов колеблется от 12% в розничной торговле до 20% в оптовой. Если из этих средних величин исключить Москву и Ленинград, столицы союзных республик, то процент еще резко снизится. Попросту говоря, большинство грузчиков, товароведов, продавцов работают вручную, и затраты времени в год на покупку товаров занимают у населения 30 млрд часов по расчетам оптимистов и 50 — пессимистов. Между тем одна лишь предварительная фасовка товаров повышает производительность труда от 5 до 30 и более раз, т. е. позволяет уменьшить число работников торговли на несколько миллионов человек и сэкономить покупателям миллиарды часов, за которые они сегодня устают больше, чем на своей работе.

Не маниловщина ли эти подсчеты? Имеется ли апробированный способ высвобождения людей? Имеется, и он всем известен — щекинский метод организации и оплаты труда в различных его вариантах применительно к особенностям отраслей. В октябре 1969 г. он был одобрен Центральным Комитетом партии.

Суть метода, напомним, в том, что путем механизации труда удается совмещать многие профессии (токаря и наладчика, аппаратчика и контролера, основного и ремонтного рабочего и так далее) и уменьшить потребность в кадрах, доплачивая, естественно, за дополнительную работу. В одних случаях исчезают доски, начинающиеся со слова «требуются». В других — люди переходят работать на предприятия, вступающие в строй.

Свое название метод получил от города Щекино Тульской обл., расположенного рядом с Ясной Поляной. Там находится крупное химическое объединение, которое за последние 11 лет сократило численность персонала на 1570 человек. На соседнем, Новомосковском ПО «Азот» за 10 лет высвободили почти 3000 человек, тем самым удовлетворив потребности некоторых производств, построенных рядом. В целом по стране химическая промышленность за счет щекинского метода сократила спрос на рабочую силу на 60 000 человек.

Каждый новый почин рождает не только последователей, но скептиков. Они пророчили короткий век инициативе щекинцев: снимут пенки и выдохнутся. Опасения не оправдались — аппетит во время еды усилился, поиск резервов углубился, эффект возрастал. Сравнительно с 1966 г. в 1977 г. объем производства на комбинате утроился, а производительность труда возросла почти в 4 раза.

Вот как увеличивался выпуск продукции на каждый рубль капитальных вложений: 8-я пятилетка — 44 коп., 9-я пятилетка — 71 коп., 10-я пятилетка (оценка) — 1 р. 14 к.

Конечно, механически переносить опыт химиков на все 400 отраслей и подотраслей промышленности не следует. В машиностроении, к примеру, абсолютного сокращения персонала не происходит, но уменьшается спрос на дополнительных работников. Итог же повсеместно один и тот же — рост производительности труда, что, по В. И. Ленину, образует самое главное, самое важное условие для построения коммунизма.

Но это еще не все. Внедрение щекинского метода в масштабе целого города, области кладет конец неоправданной текучести кадров. «Мой адрес — не дом и не улица; мой адрес — «Советский Союз» — песня неплохая, но кое-кем воспринимается как гимн летунов. При комплексном применении щекинского метода ситуация меняется: уйти с работы легко, а вот устроиться на новое место — не просто, и тогда только что названная песня теряет часть своей привлекательности...

Не боясь впасть в преувеличение, скажем, что инициатива щекинцев — преемственное продолжение Великого почина, субботников 20-го года, стахановского движения, но в условиях

современного уровня промышленности СССР. Потому что это — реальный и оперативный отклик на требование времени. Принципиальную возможность интенсификации щекинцы превратили в действительность, показав своим примером путь всей промышленности, и даже шире — всем отраслям народного хозяйства. Идея интенсификации, овладев массами, стала реальной силой, воплотилась в десятки тысяч людей, высвобожденных для тех районов страны, где их ждут великие и не терпящие отлагательства дела.

Тем обиднее и огорчительнее, что распространяется щекинский метод медленно: из почти 50 тыс. промышленных предприятий его применяют только 1200 [4]. Более того, сфера его применения сужается, а некоторые предприятия, в том числе инициаторы, попали в тяжелое финансовое положение.

Мы подробно объясним сложившуюся ситуацию, так как она — наглядный пример того, как медленно осуществляется некоторыми ведомствами, в данном случае Государственным комитетом по труду и социальным проблемам, перевод хозяйства на рельсы интенсивного развития. Читателю следует надеть «скафандр» и спуститься в глубины экономики.

Развитие почина щекинцев предполагает внедрение так называемого нормативного метода установления размера оплаты труда. Это означает следующее: исходя из отчетных данных за предыдущие годы, установили, что за выпуск продукции на 1 рубль следует расходовать заработной платы, к примеру, 12 коп. в первом году новой пятилетки и постепенно (но в заранее установленных размерах) понижать этот норматив, снижение же будет осуществляться по мере роста производительности труда в результате механизации операций и общего повышения уровня хозяйствования.

Такой, нормативный, принцип важен и для предприятия, и для общества в целом. Коллектив работающих знает, чем он вправе располагать, общество — каков будет платежеспособный спрос населения на товары и услуги.

В пределах нормативного фонда заработной платы предприятия-«щекинцы» доплачивают трудящимся за совмещение профессий. Увеличиваются заработки, дополнительно повышается производительность труда, уменьшается потребность в персонале, вновь повышается заработок — круг, но не порочный, а весьма и весьма хороший.

Антиподом нормативному методу служит планирование «от базы», т. е. от достигнутого уровня. Если на заводе № 1, к примеру, фонд заработной платы составлял в 1977 г. 3000 тыс. руб., то на 1978 г. его установят, допустим, в сумме 3060 тыс. руб., т. е. увеличат на 2%. При том же объеме произведенной продукции на однородном заводе № 2 фонд зарплаты, допустим, составил 3200 тыс. руб. Ему тоже увеличат 2% и дадут 3264 тыс. руб. При обсужде-

---

[4] Правда. 1978. 13 сент.

нии этого вопроса за «круглым столом» в газете «Социалистическая индустрия» главный экономист Тульского завода имени Рябикова тов. С. Коссой так и сказал: «Кто больше истратил средств на единицу продукции, тот больше получит и на следующий год».

Еще вариант: завод в данном году высвободил 200 человек, ему на следующий год запланировали соответственно меньший фонд заработной платы.

Планирование «от базы» относится к нормативному методу, как продразверстка к продналогу. Напомним читателю, что вынужденная в период военного коммунизма продразверстка состояла в том, что крестьянскому хозяйству из собранного урожая оставляли лишь на семена, на прокорм и на фураж для скота. Все остальное, сколько бы его ни было, пришлось забирать — страна была военным лагерем, зажатым в кольцо интервенции и блокады.

Зная, что излишек минимума все равно заберут, многие крестьяне засевали не более минимума. Продналог в противоположность продразверстке определял точное количество продукта, подлежащего сдаче с каждой десятины. Все остальное оставалось крестьянину. Отсюда стимул производить побольше.

Планирование, исходя из достигнутого уровня, заставляет хозяйственника не торопиться, пускать в дело имеющиеся внутренние резервы исподволь, так как, каких бы успехов он ни достиг в истекшем году, на предстоящий ему запланируют такой же темп прироста, как тому, кто придержал. А резервы-то не беспредельные. Вот и получается: тише едешь — дальше будешь... от интенсификации.

Какое все это имеет отношение к щекинскому методу? Самое непосредственное. Спустя несколько лет к «щекинцам» применили метод «от базы». А так как «база» у них была значительно более напряженная, чем у предприятий, работающих по старинке, они сели на мель.

«Почему так поступили?» — написал на полях рукописи этой статьи читавший ее рецензент. Но этот естественный вопрос, вероятно, могут ответить лишь те, кто так поступил. Остается факт: в области планирования и финансов все еще широко распространена «продразверстка». Пока она не искоренится, интенсификации будет трудно. Как выразился заведующий отделом Тульского обкома КПСС тов. В. Сергеев, щекинский метод «останется благим пожеланием до тех пор, пока министерство не установит заводу на ряд лет вперед гарантированный фонд заработной платы либо норматив ее расхода на единицу продукции».

Дополнительные трудности возникают применительно к инженерно-техническому персоналу и служащим. Щекинский метод сам по себе стимулирует совершенствование управления и сокращение аппарата. Но затем, после того как аппарат уже сокращен, поступает дополнительное, как и другим, «не щекинским» предприятиям, задание — сократить штаты и внести в бюджет эконо-

мию от сокращения административно-управленческих расходов. Иначе говоря, и на Онуфрия, и на Антония...

Один из выступавших на упомянутом совещании в газете сказал, что численность управленческого персонала на заводе, где он работает, благодаря применению щекинского метода сократилась на 20%. Но финансовые органы требовали ежегодного взноса «экономии». Тогда они на бумаге высвободили еще 11%, а на деле переименовали инженеров, техников и служащих в рабочих.

Нет нужды перечислять все другие препоны, которые поставлены щекинскому методу разными ведомственными инструкциями. Но об одном упомянуть необходимо.

На обычных, «не щекинских» предприятиях при планировании исходят из численности фактически занятых на предприятии людей и применительно к ней дают задание по росту производительности труда. От тех предприятий, котрые хотят внедрить щекинский метод, требуют, чтобы они сперва сложными методами определили и обосновали потребность в рабочей силе и лишь после этого внедряли новшество. Но к чему оно тогда?— резонно спрашивают хозяйственники. Сегодня фонд заработной платы выдается безо всяких научных определений. Когда же хотят улучшить дело, требуют предварительно сложной научной работы: сперва выздоровей, а затем, пожалуйста, принимай лекарство.

Указанное требование к тому же удобная ширма для тех, кто не горит желанием уменьшать численность работающих.

За прошедшие годы щекинский метод дал добрые всходы: бригадный подряд в строительстве, система оплаты труда на ВАЗе и др. Мы не останавливаемся на этих специальных вопросах.

Интенсификация — курс партии, рассчитанный на многие и многие годы. Чтобы ее энергично проводить, предприятиям нужна гарантия стабильности утвержденных основ хозяйствования. Наука управления дает все больше дельных рекомендаций, руководители предприятий изучают эту науку на факультетах и в институтах повышения квалификации, а ведомственные инструкции действуют подчас вопреки науке. Вот что писал на сей счет В. И. Ленин: «...если коммунист — администратор, его первый долг — остерегаться увлечения командованием, уметь сначала посчитаться с тем, что наука уже выработала... Поменьше приемов Тит Титыча («я могу утвердить, могу не утвердить»), побольше изучения наших практических ошибок»[5].

III

Использование всех потенциальных резервов, заложенных в «человеческом» факторе хозяйствования, не сводится, разумеется, к правильной оплате труда. Более того, по мере роста уровня жизни все более выходит на первый план проблема руковод-

---

[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 347.

ства людьми, взаимоотношения руководителей и руководимых. Это «тонкое», почти невидимое слагаемое имеет громадное и все возрастающее значение.

Рассмотрим эту сторону дела на литературных примерах.

Коль скоро «секрет» победы — в искусстве управлять, то в чем центральное звено, способное резко ускорить движение всей цепи? В совершенствовании управления, в органическом сочетании достижений научно-технической революции с преимуществами нашей социалистической системы хозяйствования; в людях, способных обеспечить это сочетание.

Чувствуя, ощущая эту накопившуюся потребность, искусство во многих своих видах и жанрах откликнулось на нее. Об управлении говорят и спорят на сценах и экранах. Особенно повезло инженеру Чешкову. Придя «со стороны» и непрерывно говоря лишь о производственных делах, он удерживает тысячи и тысячи зрителей в театральных залах и миллионы — у телевизоров. К ним присоединились миллионы кинозрителей фильма «Здесь наш дом» — третьего вида отображения Чешкова в искусстве.

Как подается и воспринимается Чешков? Совершенно определенно: как соврменный советский деловой человек. В пьесе Дворецкого главный инженер фирмы Рябинин, защищая Чешкова, так и говорит: «Одно дело — приятный человек, другое — деловой человек. Конечно, хорошо, если эти качества совпадают». И такая характеристика Чешкова чаще всего не оспаривается — ни на сцене, ни в зале. Чешков восхищает многих зрителей (и особенно зрительниц) своей целеустремленностью, самопожертвованием, широким кругозором.

Согласитесь, что требуется известное мужество, чтобы попытаться доказать (или даже доказывать), что произошла аберрация: Чешков — не деловой человек нашей социалистической формации.

Начнем издалека. Нова ли фигура Чешкова в советском искусстве? Нова ли ситуация, в которой он действует?

Бесчисленное множество так называемых производственных романов и повестей, пьес и кинокартин построено по такой же схеме. На отстающий участок (завод, цех, колхоз, стройку, пристань) приходит энергичный новый руководитель Он сталкивается с рутиной, с косной системой привычек. Он ломает ее, вызывает крайнее недовольство у многих, попадает в очень тяжелое, кажущееся безвыходным положение. Кончается же все благополучно: приезжает кто-то «сверху» и разводит своими руками чужую беду...

Почему же приход «Человека со стороны» вызвал всеобщее внимание и оживление? Да потому, что ложка оказалась к обеду, ко времени. Жизнь требует деловых людей. Чешков многими воспринимается в таком качестве.

Почему?

Ограничиться вышесказанным о Чешкове — это значит не видеть его кардинального отличия от предшественников. Чешков —

человек конца 60-х и начала 70-х годов, а не 30-х и не 40-х. Он знает экономику, он любит и умеет считать деньги. Он понимает значение инвентаризации, перерасхода стекла. Он бьет наповал любого противника показателями себестоимости литья. Чешкова создала хозяйственная реформа, а он двигает ее вперед: идея, овладев массами, стала материальной силой.

Я думаю, что это новое в Чешкове — его экономический инстинкт (если так позволительно выражаться) — и привело к тому, что широкая публика увидела в нем образ советского делового человека.

Что в этом плохого? И к чему развенчивать Чешкова?

Развенчивать его не надо. Он чудесный человек, и побольше бы Чешковых! Не то что на каждый цех, а хотя бы на каждый завод по одному. Но объяснить его действительную сущность необходимо для того, чтобы он сам и миллионы зрителей (сознание которых он во многом формирует, и хорошо, что формирует) верно бы его оценили, ибо переоценка — мы попытаемся доказать — может принести большой вред.

Не мне, экономисту, отрицать важность знания экономики: инженер, не знающий экономики,— всадник без головы. Потому и начат по призыву партии всенародный поход за экономическими знаниями, что без них уже просто невозможно. Чешков — один из первых, кто овладел экономикой. Честь ему и хвала!

Но знание экономики и деловитость — не синонимы, как не синонимы слова «знать» и «уметь». Чешков знает, но не умеет. Он, несомненно, научится. Для этого четко и нелицеприятно ему следует сказать правду. Ему, а также драматургам, режиссерам, актерам и зрителям.

Существует и развивается наука об управлении социалистическим производством. Это самостоятельная наука, не сливающаяся ни с техническими, ни с экономическими, ни с юридической науками, хотя и во многом с ними соприкасающаяся. Без знания этой науки, без ее применения нельзя стать и быть деловым человеком. Но Чешков, судя по его поступкам, не имеет никакого представления о требованиях этой науки.

Послушаем В. И. Ленина. «Дельный экономист, — пишет Ленин, — вместо пустяковых тезисов, засядет за изучение фактов, цифр, данных, проанализирует наш собственный практический опыт и скажет: ошибка там-то, исправлять ее надо так-то. Дельный администратор, на основании подобного изучения, предложит или сам проведет перемещение лиц, изменение отчетности, перестройку аппарата и т. п.» [6]

Вдумаемся в слова вождя революции. Дельный экономист скажет, что и как; дельный администратор осуществит его рекомендации наилучшим образом. Эти две профессии не обязательно должны быть физически разъединены. Напротив, студентов всех вузов следует обучать науке управления. И на этот счет указания

---

[6] Там же. С. 345.

В. И. Ленина предельно четкие: «Чтобы управлять, надо знать дело и быть великолепным администратором».

Следовательно, только «знать дело» недостаточно.

Что главное в науке управления? На этот счет мнения расходятся. Большими тиражами издаются толстые и тонкие книги, наполненные все более сложными формулами. Высказываются мнения, что решения в области управления должны принимать машины на основе заложенной в них информации. Рекламируются «пульсары» и другие формализованные способы подбора и выдвижения кадров. Наиболее ярые энтузиасты считают, что даже выбор жены (мужа) предпочтительнее доверить ЭВМ...

Что можно сказать по этому поводу? Очевидно, во-первых, что следует определить, о каком управлении идет речь: управлении плавкой, движением конвейера или об управлении предприятиями, районами страны, вообще говоря, людьми?

Конфликт у Чешкова получился не с вагранками, а с людьми. Ограничимся и мы этой сферой управления.

Очевидно, во-вторых, что при всем значении ЭВМ, АСУ и формул (которое мы никак не отрицаем) людьми всегда будут управлять люди, а не машины. Когда мы говорим об управлении, то под этим подразумевается руководство людьми. Наука управлять и состоит в умении привлечь, заинтересовать людей.

Рассмотрим поведение Чешкова под этим углом зрения. Он подменяет требовательность грубостью, обучение и воспитание — оскорблениями и санкциями. Он хватается за отдельные (пусть важнейшие!) меры, не показав коллективу общего стратегического замысла, не подготовив его к осуществлению такого замысла.

Исследования советских и зарубежных психологов и социологов показывают, что в тот день, когда мастер угрюм, брак на конвейере заметно возрастает: рабочие нервничают. А каково было командирам производства в цехе № 26 после прихода нового начальника?

Нет слов, он был прав по существу, но ведь не зря еще в школе его учили, что дуги гнут умением, а не «вдруг», и люди, которые могли и должны были стать соратниками Чешкова, ушли из цеха из-за элементарного невежества героя пьесы в области управления.

К чести советских хозяйственников следует сказать, что они — подлинно деловые люди социалистической формации — быстро раскусили Чешкова и отказали ему в признании и уважении. Именно так отозвались о Чешкове т. Кулагин и ряд других крупных хозяйственников при обсуждении пьесы.

Так кто же в конце концов Чешков? Неотшлифованный алмаз. Он станет деловым человеком социалистической формации, если в дополнение к знанию дела овладеет умением управлять. Но для этого, повторим, ему надо открыто и полностью сказать о недопустимости в нашем обществе применяемых им приемов. Такую необходимость дополнительно подтверждает статья критика Леонида Коробкова «А как же без Чешкова?» [7].

[7] Лит. газ. 1978. 22 нояб.

Л. Коробков не согласен с теми, кто предал Чешкова анафеме. Более того, он приветствует новую встречу «с жесткими» (если того потребует дело!), прагматически мыслящими (во имя дела!) людьми Дела и Долга. По его мнению, жизнь, не доверяя нашему прекраснодушию, постоянно воспроизводит такие именно характеры. «Для того и воспроизводит, чтобы они ее, жизнь, двигали вперед!..» Таких людей он видит в романе К. Лагунова «Больно берег крут» [8]. Таков, например, начальник нефтепромыслового управления Бакутин, «идущий порой напролом».

Судя по названию статьи, Л. Коробков считает, что без Чешкова никак невозможно. Более того, «прояви Бакутин или Черкасов (другой герой) больше покладистости, они, может быть, даже нерадивым не внушали бы страха». Главным мерилом людей, работающих в суровых условиях, автор романа и критик, согласный с ним, считают одержимость.

В чем видит критик моральное право руководителей действовать подобным образом? «Так что же дает героям К. Лагунова,— спрашивает он,— нравственное право на их крутые решения?» «Только не итоги философических прений о добре и зле,— пишет он.— У одержимых К. Лагунова точку в спорах ставит материальная реальность: когда идет нефть и налаживается быт, то благо все, что этому способствовало». Вот так: цель оправдывает средства.

Во избежание кривотолков сразу скажем, что действительно любые крутые меры оправданы при тяжелых стихийных бедствиях или при определенном положении на фронтах войны. Но речь не о них, а об управлении социалистической экономикой. И как же, оказывается, ею надо управлять? Идти напролом, принимать крутые меры, кричать в ответственных кабинетах, быть одержимым. И это — методы деловых людей нашей социалистической формации?!

Лет восемь назад в городе, где выходит журнал «Звезда», были опрошены о причинах ухода с работы 10 000 человек. Разные назывались причины, но при подсчете на первом месте оказалась... грубость администрации. Впереди детских садов, квартир, заработной платы.

В чем дело? Что, ленинградские директора — самые грубые? Нисколько, интеллигентность ленинградцев общеизвестна. Но и рабочие здесь им под стать. Они требуют внимательного и вежливого обращения; «патриархальность» нравов здесь не проходит.

Но что высмеивает критик? «Философические прения о добре и зле», т. е., видимо, поиски оптимальных методов комплексного сочетания хозяйственной и идейно-политической работы. А между тем планы социального развития, все более набирающие силы, как раз имеют в виду такой комплексный подход. Создание подобных планов — дело новое в истории человечества. Разве только в сочинениях утопистов и в «Что делать?» Н. Г. Чернышевского можно

---

[8] Урал. 1978. № 7, 8.

заметить предвидение подобных намерений и дел. Как же, начиная столь большое и необычное дело, не заниматься «философическими прениями о добре и зле»? Напомним читателю, что Онегин и Ленский также предавались такому занятию, и ни их гениальный создатель, и никто из критиков, кроме Д. И. Писарева, их за это не осуждал и не высмеивал.

В фильме «Премия» один из дельных и скромных бригадиров говорит другому — горлопану, что тот, другой, только потому и ходит в героях, что на стройке нет порядка, будь порядок, подобного бригадира не терпели бы. И это правда. Хочет того или нет Л. Коробков, но он поднимает на щит партизанщину, горлопанство, штурмовщину — злейших врагов науки управлять, она же в экономике — наука побеждать. Без развенчивания подобного стиля управления народное хозяйство не перейдет на интенсивные методы хозяйствования, не сумеет соединить достижения научно-технической революции с преимуществами социализма, ибо из этих преимуществ Чешков и Бакутин выбрасывают за борт самое главное — положение трудящегося человека как хозяина производства. Мы по справедливости говорим, что депутаты Советов — слуги народа, тем более это правомерно по отношению к хозяйственным руководителям.

При нынешних масштабах экономики СССР управлять посредством внушения страха, скандалов в начальнических кабинетах равносильно стремлению управлять космической ракетой при помощи кнута. Нужна — и она создается — система научного управления, сложнейший хозяйственный механизм.

А в заключение об одержимости. Слово это многомерное, и обращаться с ним следует обдуманно. Мы знает об одержимости людей науки и искусства, спорта. Во всех этих и им аналогичных ситуациях люди создают для себя определенные условия жизни. Это их право, хотя тоже не безусловное: надо учитывать и интересы семьи, и многое другое. Когда же одержимость становится основой стиля управления, то происходят трагические последствия для многих миллионов людей. Подобно тому как марксизм-ленинизм отрицает индивидуальный террор в качестве формы классовой борьбы пролетариата, а требует создания массовых организаций трудящихся, руководимых коммунистическими партиями,— подобно этому одержимость и партизанщина как формы управления социалистической экономикой исключаются и заменяются социалистическими принципами: демократическим централизмом, научной организацией труда, комплексным сочетанием хозяйственной и политико-воспитательной работы, партийностью в подходе к каждой проблеме и в ее решении.

Коммунизм — это не просто электрификация страны, а Советская власть плюс электрификация. И Советская власть поставлена в этой формуле на первое место.

...А между тем есть ведь в нашей литературе настоящий советский деловой человек, экономический и административный стратег на своем участке, организовавший подлинно по-деловому работу огромного коллектива в условиях, несоизмеримо более

трудных, чем те, в которые поставлены Чешков и Бакутин. У того хозяйственника были стратегический план и тактические карты; он торопился без суеты, тщательно готовил каждый шаг, каждый ход и потому пришел к победному финишу ранее установленного сверхжесткого срока.

Я говорю о Батманове из «Далеко от Москвы». Почему мы про него забыли?..

И еще один аспект управления людьми. В газете «Правда» (1978. 25 нояб.) помещена статья Д. Новополянского «Гол в свои ворота. Размышления над фактом». Речь в ней идет о том, что восемнадцатилетнего юношу Петра Ч., окончившего производственно-техническое училище и направленного на работу в цех холодной прокатки завода «Запорожсталь», в цехе принять отказались, так как он... футболист, играет в команде, участвует в соревнованиях, включая всесоюзные. Старший мастер тов. С. сказал: «Мне нужны рабочие, а не спортсмены».

Тов. Новополянский осуждает мастера: ему «было бы, пожалуй, еще удобней, будь на прокатке жести одни пожилые, степенные рабочие, чтобы никаких тебе футболистов, шахматистов, артистов, никаких спартакиад».

Будучи полностью согласен с тем, что с тов. Ч. поступили плохо, хочу объяснить читателю возможную причину поведения старшего мастера. Вопрос выходит далеко за пределы цеха холодной прокатки, он имеет значение общенароднохозяйственное.

Так получилось, что мне пришлось познакомиться с работой клубов и дворцов культуры Запорожья. Они произвели на меня хорошее впечатление, и я поделился им с читателями [9]. Но вот что огорчило: в самый разгар рабочего дня во всех клубных залах на предприятиях шла энергичная подготовка к областной олимпиаде: многие десятки людей пели, плясали, упражнялись на гимнастических снарядах и губных гармошках и т. д. К сожалению, среди них было немало таких, кто в это время должен был быть в литейных и глиноземных цехах, в бухгалтерии и за кульманом. Начальник одного из цехов автомобильного завода на мой вопрос ответил: «За срыв производственного задания мне дадут нагоняй, а если не отпущу на репетицию, снимут голову...»

Тоже факт. Давайте, уважаемый читатель, вместе над ним поразмышляем.

В 1978 г. в народном хозяйстве СССР было занято более 122 млн человек, в том числе в производственной сфере 74,4%, или 90 млн. Ключевой задачей хозяйствования является использование созданного экономического потенциала — а люди образуют его важнейшую часть, и каждая минута рабочего времени обходится стране во многие миллионы рублей. Вот и спрашивается: когда же мы забиваем гол в собственные ворота? Когда хотим, чтобы люди в рабочее время работали, или когда отпускаем их на дела, с работой не связанные?

---

[9] См. журн.: Клуб 1975. № 6, 15.

Во избежание кривотолков подчеркну, что я всей душой за развитие спорта и художественной самодеятельности. Но я, как мастер цеха холодной прокатки, против того, чтобы производственную работу заменять футболом, плясками и фехтованием. До и после работы — пожалуйста. Вместо работы — ни в коем случае!

И. Ильф и Е. Петров к одному из съездов писателей подготовили выступление под заглавием «Писатель должен писать». Только ли к литераторам относится подобный призыв?

Мы знаем, что необходимо в определенные сезоны оказывать помощь сельскому хозяйству и заготовительным организациям; во всех странах мира в период уборки привлекаются горожане. Процесс этот постоянный, повторяющийся из года в год. Значит, его легко включить в плановые и хозрасчетные рамки: такой-то завод в такое-то время выделяет такому-то колхозу или совхозу столько-то людей. Колхозы и совхозы принимают на себя такие-то обязательства по организации и оплате труда, бытовому устройству. Аналогично и с заготовительными органами.

Сегодня же, к сожалению, в некоторых местах чрезмерно легко обращаются с фондом рабочего и учебного времени. Инженеров и токарей, экономистов и швей, профессоров и студентов отвлекают от их непосредственных обязанностей неоправданно часто. Стоило бы посчитать — и сделать это нетрудно,— во что обходится в год стране такое отвлечение. Повторяю, в какой-то мере оно оправданно и необходимо, но посчитать все равно следует: ведь никакой план нельзя выполнять любой ценой.

Возможно, читатель удивится, услышав от меня, экономиста, утверждение, что главная потеря — не экономическая (хотя она очень значительна!), а нравственная. Если профессиональные обязанности оказываются на втором плане, а побочные, пусть и важные,— на первом, то трудно ждать интенсивности, бережливого отношения к каждой минуте при выполнении своих профессиональных обязанностей. Между тем при любых производственных мощностях ключ от «ключевой задачи» в руках человека, в его отношении к работе.

Нам необходимо создать культ труда! Никто не решится отвлечь внимание занятого игрой шахматиста, но обыденное дело подойти к работающему человеку с посторонним делу разговором. А телефонные беседы на любые темы в рабочие часы? А заседания общественных организаций? И сколько еще «А» можно назвать?..

Мы свыклись с подобными нравами. Но они противопоказаны переводу экономики на интенсивные рельсы. Пора, думается, включить все формы и методы агитационно-массовой работы в борьбу за рабочее время.

Интенсификация труда во многом зависит от того, по сердцу ли дело, а это обстоятельство — от выбора специальности, соответствующей способностям и склонностям человека. Важность профессиональной ориентации теперь общепризнанна, но преимущественно применительно к области массовых профессий.

Между тем появился новый аспект — отбор поступающих в высшие учебные заведения. Трудно назвать центральную газету, которая не коснулась бы этой темы в последние месяцы. «По-видимому, организацию набора студентов уже нельзя рассматривать как частную задачу высшей школы. Пришла пора превратить ее в одно из основных звеньев всей системы воспитания молодежи»,— считает ректор Московского энергетического института профессор В. А. Григорьев [10]. Но профессиональная ориентация требует специального разговора.

Подведем итог довольно длинным рассуждениям на тему «Человек и ключевая задача хозяйствования». За годы Советской власти Коммунистическая партия воспитала многомиллионную армию квалифицированных работников. Их трудом создан и расширяется экономический потенциал страны. Много сделано. Производительность труда в истекшем году в отраслях народного хозяйства была в 5—7 раз выше довоенной. Но очень еще велики неиспользованные резервы. Им надо дать «зеленую улицу», а для этого учесть все аспекты такого многогранного и динамичного «слагаемого» экономического потенциала страны, каким является советский человек 70-х годов XX в.

IV

Второй сомножитель экономического потенциала страны образуют фонды: производственные и непроизводственные, основные и оборотные. В переводе на непрофессиональный язык — это фабрики и заводы, шахты и электростанции, транспортные магистрали, колхозы и совхозы, жилые дома и школы; запасы сырья, материалов, товаров в магазинах и книг в библиотеках. Это — окружающий нас рукотворный мир зданий, сооружений, изделий. Из всего этого скопища богатств найден превосходный термин — овеществленный труд.

Решающую роль в экономическом потенциале играют, естественно, основные производственные фонды предприятия. К. Маркс их назвал костной и мускульной системой общественного производства.

Если объем основных производственных фондов и их «отдачу» в 1913 г. примем за единицу, то динамика по годам такова:

	1928 г.	1940 г.	1950 г.	1965 г.	1970 г.	1977 г.
Основные производственные фонды	1,1	2,6	3,3	13,0	19,0	34
Произведенный национальный доход		5,3	8,8	32,0	46,0	68,0

В абсолютных размерах основные производственные фонды СССР увеличились (в сопоставимых ценах) с 360 млрд руб. в 1965 г. до 1000 млрд. руб. к 1978 г. Триллион рублей!.. Когда

[10] Правда. 1978. 27 авг.

Г. М. Кржижановский докладывал съезду Советов план ГОЭЛРО, он водил указкой по карте, на которой горели лампочки, обозначавшие проектируемые электростанции. Не думаю, чтобы сегодня была возможность представить на макете любых реальных размеров даже одни лишь крупнейшие промышленные центры и предприятия СССР.

Отсюда и стратегическое направление: новое строительство можно начинать лишь тогда, когда полностью использованы уже существующие мощности.

Объем незавершенного строительства растет и абсолютно, и относительно. В 1965 г. незавершенное строительство составляло 29,6 млрд. руб., или 69% к объему капитальных вложений за этот год; в 1977 г. соответствующие цифры — 92,4 млрд руб. и 85%.

Как сказывается на экономике страны незавершенное строительство?

Во-первых, по этой причине страна не получила много продукции. В 1966 г. в Находке начали строить фабрику жестяных консервных банок. Она до сих пор не введена в строй. Сколько миллионов банок консервов не поступило в магазины по этой причине? А ведь в составе 92,4 млрд руб. стоимости незавершенного строительства содержится не менее 25 млрд руб. заработной платы, выданной строителям, машиностроителям, транспортникам и другим трудящимся, занятым в строительстве. С этими деньгами пришли в магазины, в том числе и за консервами.

Почему так «распылены» капитальные вложения? Почему так много строек начинают одновременно? На первое место необходимо поставить желание как можно быстрее включить в оборот природные ресурсы, расширить «узкие места» в том или ином районе, предприятии. Но есть и другая, более общая причина. Я сформулирую ее парадоксально: а почему бы не строить?

Увеличение производственных мощностей — экстенсивный путь развития, и он легче интенсивного. Средства на строительство дает государство: либо непосредственно из бюджета, либо оставляя отраслям народного хозяйства соответствующую часть прибыли. К тому же возведение новых крупных объектов престижно, а все мы — человеки, и ничто человеческое нам не чуждо.

Есть ли противодействие этому необузданному стремлению строить?

Разберемся, не торопясь, в этом вопросе. Он того заслуживает.

Частный предприниматель и даже крупная монополия, естественно, строит, исходя из своих финансовых возможностей. Получение кредита в банке в принципе ничего не меняет: ссуду надо вернуть. Зато и прибыль идет в сейф тех, кто вкладывает капитал, и это вызывает стремление строить, расширяться.

При социализме прибыль идет в подавляющей части в «общий котел», и лишь часть на индивидуальные премии. Почему же и при социализме надо, так сказать, по одежке протягивать ножки?

Применительно к стране в целом ответ ясен — не жить же за счет иностранных займов! А относительно отдельных отраслей и предприятий?

Коль скоро возможности всего народного хозяйства строго ограниченны, оно вынуждено ограничивать и каждую отрасль. Разумеется, речь идет лишь о хозрасчетных отраслях, а не, скажем, о просвещении и здравоохранении. Более того, из хозрасчетной сферы исключаются общенародные задачи типа БАМа, тюменской нефти и т. п. Значит, речь идет о «нормально» развивающихся отраслях и предприятиях.

Каким же принципом руководствоваться при распределении общегосударственного фонда между отдельными отраслями? Ленинским, разумеется! «...распределение есть метод, орудие, средство для повышения производства» [11]. Строить по средствам и означает побуждать отрасли и предприятия работать так, чтобы иметь средства на расширение масштабов деятельности.

«Что же получается? — спросит читатель. — Тот, кто имеет прибыль, будет расширяться, а бесприбыльный стоять на месте? А как же с централизованным планированием? И не получится ли нездоровая погоня за прибылью? И совместимо ли все это с социализмом?»

Хорошие вопросы требуют убедительного ответа. Попытаемся его дать.

Что такое прибыль при социализме? Как она получается?

Любое предприятие производит продукцию. Только продукцию. Ничего, кроме продукции. При этом оно использует установленные государством по плану нормы расхода всех видов материалов, энергии и так далее, ставок и фонда заработной платы. Рабочие присоединяют к своему труду эти вещественные элементы производства (как выражаются экономисты, переносят их стоимость) и создают новую, бóльшую, чем получили в форме зарплаты, стоимость. Часть этой вновь созданной стоимости они получают в виде заработной платы, а другую часть отдают в общий общественный фонд для удовлетворения общественных потребностей: управление, оборона, просвещение, здравоохранение, пенсии и др., а также для создания новых рабочих мест подрастающим поколениям; выражаясь терминами политической экономии, — для расширенного воспроизводства.

Эта отдаваемая государству часть вновь созданной стоимости тоже имеет форму продукции: тканей, моторов, минеральных удобрений, панелей, конфет. Продукцию продают, из вырученной суммы покрывают все издержки производства. Оставшиеся после этого средства и есть прибыль. Если нормы были соблюдены (или без ущерба для качества уменьшены), прибыль будет в размерах, предусмотренных планом, или больше. Если был брак, уплачены штрафы, простаивало оборудование и имели место другие проявления бесхозяйственности, дополнительная стоимость, созданная трудом рабочих, оказалась распыленной, утраченной: торгова-

[11] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 359.

ли — веселились, подсчитали — прослезились... Значит, прибыль в плановом хозяйстве никак не противоречит централизованному планированию, так как полностью им определяется.

Строить по средствам в этих условиях означает побуждать к экономии, эффективности. Хочешь расширяться — работай хорошо!

Но это еще не все.

Как мы видели, за каждым рублем прибыли стоят материальные ценности. Значит, одновременно с финансовой возможностью строить создаются и необходимые материальные ресурсы. Значит, не будет так, что деньги у завода имеются, а приобрести материалы и оборудование он не может.

Строить по средствам и есть замена экстенсивной формы интенсивной — по результатам хозяйствования.

А как добиться того, чтобы хозяйственники стремились вкладывать средства в реконструкцию действующих предприятий (если она необходима), а не в строительство новых? Думается, что здесь может помочь делу, если материальное поощрение поставить в зависимость от скорости «отдачи» от вложений. Вы, директор завода, получили 5 млн руб. на увеличение производственных мощностей предприятия. Если строить новый цех, отдача средств начнется, вероятно, года через 3—4, а при реконструкции действующих цехов — в два раза быстрее. Вот и поставить систему поощрения на службу ускорению!

Производственные фонды, как об этом уже упоминалось, состоят не только из основных, но и из оборотных — запасов сырья и материалов, комплектующих изделий, топлива, тары, многих видов оснастки и инструмента и других. По примерному подсчету, в народном хозяйстве применяется около 20 млн наименований средств производства. Только прокат черных металлов насчитывает 1700 тысяч разновидностей. Сегодня управление этой, по выражению академика В. С. Немчинова, «системой общественного пищеварения» основано на административных методах и натуральных показателях. Предприятия подают заявки с подробнейшим перечнем всего им необходимого и с расчетами норм расхода и запасов. Зная, что заявку «урежут», многие потребители их завышают. 200 тыс. сотрудников системы Госснаба СССР проверяют и урезают. Но так как заявителй больше, чем проверяющих, то получается вроде бы непонятная картина: выделили 80—90% испрашиваемого, план должен бы быть сорван, а он выполнен на 103%. Поясню простеньким примером. Вам тербуется 100, а вы запрашиваете 104. Вам урезают до 102...

Что это значит?

Оптовые снабженческие органы не опрашивают каждого потребителя о его нуждах, как не опрашивают нас, будем ли мы и в следующем году чистить зубы, а между тем количество пасты планируют. Для глобального установления потребностей существуют математико-статистические методы, уточняемые впоследствии в договорах между поставщиком и покупателем.

Договоры могут быть многолетние, — при постоянных свя-

зях, — годовые и квартальные. Помимо того, нужные материальные ценности должны продаваться в оптовых базах и складах. Снабженцу, привыкшему к «дефициту», такие слова покажутся фантастикой, но вряд ли они менее реальны, чем возможность направления ракет на Венеру, и уж, конечно, более соответствуют времени, чем роспись в многоверстных ведомостях миллионов гаек.

Медленный переход к оптовой торговле средствами производства тоже отражает недостаточную деятельность ведомств по переводу экономики на рельсы интенсификации.

А как противодействовать охоте накапливать чрезмерное?

Попрошу у читателя извинения за отвлечение от темы и расскажу о факте, похожем на анекдот. Один очень тучный человек обращался к диетологам, но безуспешно: они рекомендовали кефир и морковку, а он любил икру и шашлыки. Наконец нашелся врач, который сказал: «Ешьте что хотите: одну икру, одни пирожные,— что угодно. Но... на 50 коп. в день. И через год вы будете стройны, как Аполлон».

Этим методом и можно сдерживать стремление к плюшкинскому накопительству. 50 коп. в день на языке экономистов называется нормативом оборотных средств. Допустим, что мы существующей научной методикой установили, что оптимальный размер всех видов запасов для данной фабрики требует 4 млн руб., и выделили такой норматив. Если директор одних материалов накупит больше, чем следует, то останется без других, также необходимых.

V

Хотя написанное выше касается всей экономики, на вопросах, относящихся к дальнейшему развитию сельского хозяйства, необходимо остановиться особо — от этой отрасли в решении ключевой задачи зависит очень многое: она — исток продовольствия и сырья для изготовления многих других предметов потребления и потому в большей мере определяет возможности поощрения эффективности и высокого качества работы каждого из нас, чем бы мы ни занимались.

Нередко спрашивают: почему решение аграрной проблемы оказалось столь трудным и длительным? Почему дореволюционная Россия вывозила пшеницу за границу, а мы импортируем?

Да, вывозили. Например, в 1911 г. экспорт зерна составил 13 млн т. В этом же году, по официальным данным, голодали 30 млн крестьян. «Не доедим, а вывезем», — сказал царский министр: он-то «доедал», конечно.

Посмотрите на цифры:

Население, млн чел.	1913 г.	1940 г.	1977 г.
сельскохозяйственное	130,7	131,0	65,4
несельскохозяйственное	28,5	63,1	195,8
Приходилось на одного крестьянина несельскохозяйственного населения, чел.	0,2	0,5	3

Изменение соотношений в 15 раз!

Изменился и уровень потребления продовольственных продуктов. Не говоря уже о 1913 г., за последние 25—27 лет потребление мяса (на душу населения) возросло почти втрое, молока и молочных продуктов — почти вдвое, яиц — в 3,5 раза, рыбы — более чем вдвое, фруктов и ягод — втрое. Наполовину уменьшилось потребление картофеля и на 1/3 — хлеба.

В годы первых пятилеток и послевоенного восстановления экономики сельское хозяйство получало очень малую часть средств для технического перевооружения. До 1965 г. капитальные вложения в сельское хозяйство не составляли и 10% от общего объема строительства в стране. Еще в 1965 г. на долю сельского хозяйства приходилось всего 4% всей вырабатываемой в стране электроэнергии.

Подлинная индустриализация этой жизненно важной отрасли началась после мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС. За 1965—1978 гг. основные фонды возросли с 65 до 183 млрд руб. Утроились поставки минеральных удобрений. В сельском хозяйстве трудятся 4,5 млн механизаторов и 1,6 млн специалистов с высшим и средним профессиональным образованием.

И вот отдача. Среднегодовое валовое производство таково (в млн т):

	1959—1965 гг.	1971—1977 гг.
Зерно	128,1	189,6
Хлопок	4,84	7,91
Сахарная свекла	56,8	81,9
Мясо	9,2	14,0
Молоко	63,9	88,8
Яйца, млрд шт.	28,0	53,5

Интенсификация сельскохозяйственного производства требует, как нам представляется, чтобы мы по-новому оценивали уровень технической оснащенности совхозов и колхозов. «Капитальные вложения должны выделяться министерствам и ведомствам не вообще, не под новые объекты, а под запланированный прирост продукции» [12], — сказано в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезде партии. Это значит, что мощность тракторного и комбайнового парка, количество минеральных удобрений и ядохимикатов, кормов, затраты труда надо считать не на гектар площади или голову скота, а на центнер продукции, т. е. не по экстенсивному, а по интенсивному показателю. Тогда руководители совхозов и колхозов, а также сельскохозяйственных органов переключат значительную часть своей энергии с требований увеличить поставки на требования полнее использовать тот огромный арсенал, которым страна снабдила за последние 13 лет сельское хозяйство.

---

[12] Материалы XXV съезда КПСС. М.: Политиздат, 1976. С. 46.

Не боясь упрека в преувеличении, скажу, что сохранение сельскохозяйственной продукции и повышение ее качества сегодня не менее важно, чем увеличение объема производства. Нет необходимости приводить цифры потерь, мы достаточно об этом читаем. Думается, что медленное решение проблемы вызвано тем, что принимаются приемущественно организационные и административные меры, а экономические — на втором плане. Колхозы и совхозы отчитываются (и оплачиваются) по количеству проданной продукции, дальнейшая ее судьба их не интересует. Заготовительным и торговым организациям планируют объем заготовок, закладки картофеля и овощей, а сколько дойдет до конечного потребителя — об этом будет известно из бухгалтерского баланса, рассматриваемого вышестоящими органами 2—3 месяца по окончании года. В принципе разделение труда необходимо, и колхоз в самом деле не должен отвечать за то, как в овощехранилищах содержится картофель. Но истина конкретна. Сегодня разобщенность интересов разных звеньев цепочки «поле — кастрюля» вредит делу, и из этого следует исходить.

Жизнь подсказывает ответ на вопрос: что делать? В ряде районов страны возникли агропромышленно-торговые комплексы или объединения. Все — от вспахавшего поле тракториста до кассира в магазине и кладовщика на базе — оплачиваются за счет выручки, поступившей после продажи продукции конечному потребителю: фабрике, если речь идёт о сырье, домашней хозяйке при реализации через магазины. Распределяется выручка пропорционально трудовому вкладу каждого звена комплекса. Опыт триумвирата пока небольшой, но и дуб вырастает из желудя.

На июльском (1978 г.) Пленуме ЦК КПСС указывалось, что решение социальных задач для сельского хозяйства имеет не меньшее значение, чем чисто производственных: в конечном счете все решают люди.

За истекшее после 1965 г. время многое сделано в области повышения уровня жизни на селе, улучшения бытового обслуживания и культуры. Капитальные вложения в непроизводственные, главным образом социальные, объекты за эти годы составили более 40 млрд руб. Стиральная машина и холодильник, телевизор и мотоцикл сегодня для сельской семьи так же привычны, как и для городской. И тем не менее значительная часть сельской молодежи продолжает уходить в город. В. Переведенцев пишет в «Литературной газете» [13], что, если раньше село чаще покидали парни, то теперь — девушки. В Зубцовском районе Калининской обл. за последние два года вернулись в колхозы после службы в армии 87 парней. Половина из них женились, а 43 человека ходят в холостяках. Нет невест! «Вот и дрожу,— говорит председатель колхоза «Память Кирова»,— похолостякуют годик, да и убегут».

В. Переведенцев объясняет «текучесть» девушек тем, что сель-

---

[13] Лит. газ. 1979. 17 янв.

ской женщине приходится затрачивать значительно больше сил в домашнем хозяйстве, чем городской: носить воду, топить печи и т. д. Хотя в статье приводятся данные социологических обследований, вывод этот не бесспорен: не исключено, что часовой проезд в автобусах утомляет больше, чем работа в огороде.

Конечно, создавать бытовые удобства для жизни в селе, притом не копируя механически городские формы, и значительно повышать уровень культурно-просветительной работы жизненно необходимо. И все же, думается, главное в том, чтобы сделать более творческим труд сельских юношей и девушек, получающих среднее образование и желающих самовыражения в труде. При любом уровне механизации сельскохозяйственные работы сами по себе не включают в «оборот» физику и химию, биологию и историю, математику и литературу.

Два выхода напрашиваются с позиций экономиста. Первый — указанный выше трехзвенный комплекс, когда не только производят томаты и молоко, но и превращают их в соки, консервы, сыр и другие промышленные изделия и продают их. Второй — создание в селах филиалов приборостроительных и других машиностроительных заводов. Если японские крестьяне и крестьянки собирают на дому транзисторы и радиолы, то советская сельская молодежь способна и на большее. Один из факторов: в свое время на международной выставке в Монреале в качестве экспонатов демонстрировались электроприборы, сделанные в одном из колхозов Подольского района Московской области... Многое «для души» может дать возрождение и развитие традиционных художественных промыслов. Это еще, конечно, не «землю попашет, попишет стихи», но расширение круга занятий и профессий, а, значит, и круга людей на селе. Недостаток разнообразия, впечатлений — вот что выталкивает многих из сел.

VI

Всех слагаемых и сомножителей ключевой задачи в одну статью не вместить. За ее рамками остались очень важные проблемы совершенствования линии наука — производство, профессиональная ориентация, улучшение работы торговых предприятий и многое другое. Мы не коснулись также вопросов управления и хозяйственного механизма, так как о них шла речь в нашей статье «Неотвратимость» [14].

Но необходимо сказать о планировании. Не касаясь в целом этой большой темы, настойчиво повторим, что наибольшие трудности в переходе на интенсивные методы хозяйствования создает въевшаяся практика планирования «от базы», от достигнутого уровня. Она (такая практика) ставит под удар передовые предприятия и позволяет ходить в победителях отстающим. И это — не слова.

---

[14] Звезда. 1978. № 5.

Недавно и Институте экономики Академии наук СССР рассматривалась кандидатская диссертация, в которой приведены данные обследования одного машиностроительного министерства. Оказалось, что передовым предприятиям устанавливали в годовых планах темпы прироста производства продукции в 1,5 раза более высокие, чем в среднем по отрасли, так как у них была выше исходная «база». Отставшие предприятия получали задания в 1,5—2 раза ниже средних по отрасли. В результате передовые срывали план и становились отстающими, а отстающие выходили на первый план и, в свою очередь, становились жертвами «базы»... И это не анекдот.

ИСКУССТВО ЗАРАБАТЫВАТЬ ДЕНЬГИ [1]

I

В данной статье речь пойдет не о личных наших заработках, а о «заработке» для общества, для страны. И тем самым, разумеется, для каждого из нас: прибыль предприятий — это жилые дома и магазины, дома отдыха и автострады, премии и пионерские лагеря... Все создается в сфере производства. Конечно, основным источником накоплений является научно-технический прогресс, включение в хозяйственный оборот целинных восточных районов. По расчетам академика А. Г. Аганбегяна [2], затраты на сибирскую нефть уже пятикратно окупили себя. Но в данной статье речь пойдет не о глобальных направлениях, а о том, с чем мы встречаемся на каждом шагу, о рублях, лежащих под ногами.

Видимо, следует начать с того, что формулировка «зарабатывать деньги» не в ходу у хозяйственников, в общественных организациях. Ее, конечно, имеют в виду, говоря о выполнении плана, снижении себестоимости продукции, рентабельности. Но она, эта формулировка, так сказать, подсознательна, специально не выделяется.

В чем тут дело? Думается, в перешедшем к нам от предыдущих поколений трудящихся представлении и даже убеждении, что деньги — причина всех общественных несправедливостей; они нечто такое, что приходится до поры до времени терпеть, но вслух говорить о них, да еще о стремлении побольше их заработать неприлично.

...История неприязни к деньгам насчитывает столько же тысячелетий, сколько само существование денег. Потому социалисты-утописты в своих сочинениях при характеристике общества будущего прежде всего подчеркивали, что в нем не будет денег.

Прочтите страстный монолог одного из утопистов — Вейтлинга: «Обойдите наши галеры, тюрьмы, рабочие дома; суды, богадельни, приюты,— подведите итог всему тому, что вы называете злом и преступлением, вникните поглубже в причину этих ненормальностей,— вы увидите, что не было бы 9/10 этого, если бы не было денежной системы. Денежная система побуждает ненависть и недоверие, сеет рознь между братьями и друзьями. Всему злу, таким образом, причина — деньги».

В нашу задачу в данной статье не входит объяснение причин денежного фетишизма и обстоятельств, требующих использования денег вплоть до полного построения коммунизма. Ограничимся напоминанием того, что В. И. Ленин, рассматривая эту проблему,

---

[1] Звезда. 1980. № 11.
[2] ЭКО. 1980. № 5

пришел к выводу, что отмирание денег — «дело долгих лет» [3].

Здесь же мы хотим обратить внимание на живучесть денежноненавистнических взглядов и довольно широкое их распространение.

«Не в деньгах суть» назвала свою статью член-корреспондент Академии наук СССР Т. И. Заславская [4], отвечая читателям, полагающим, что многие огорчающие нас явления вызваны лишь тем, что при социализме используются деньги. Не будь денег, замени мы их (и тут каждый предлагает свой «рецепт») или отмени вовсе, мы избавимся от спекулянтов, воров, расхитителей.

Тов. Заславская убедительно разъясняет, что дело вовсе не в деньгах как таковых. Воруют как раз чаще всего материальные ценности, а не денежные знаки. Плохо,— пишет она,— не то, что существуют деньги, а то, что мы их не используем как надо: не заставляем хозяйственника из своего кармана (а не со счета предприятия в банке, как сейчас) покрывать плоды бесхозяйственности, не наказываем ощутимо рублем бракодела, прогульщика, летуна.

Коль скоро речь идет об умении зарабатывать деньги, то очевидно — чем больше умения, тем больше денег будет. Да, нашей стране, чтобы построить материально-техническую базу коммунизма, нужно очень много денег. Одна лишь десятая пятилетка «обойдется» в 2000 млрд руб. (расходы государственного бюджета и предприятий — за счет прибыли и амортизационных отчислений).

Как понимать слова «нам нужно много денег»? Деньги — это стоимостное выражение, стоимостное отображение реальных материальных ценностей: нефти, цемента, тканей, консервов, книг и т. д. За каждым рублем стоит реальная ценность, нужная народному хозяйству, каждому из нас. Следовательно, сказавши, что нужно много денег, мы тем самым говорим, что нужно создать больше продукции. Но ресурсы страны в каждый данный период ограничены каким-то определенным объемом. Поэтому получить из данных ресурсов больше конечных продуктов можно, лишь если самым рачительным образом употребить каждый час работы, каждую тонну материалов, каждый киловатт-час электроэнергии, каждый станок и каждый вагон. Объединить же все перечисленное в его натуральном выражении невозможно: тонны и километры не складываются. Но складываются отображающие их рубли, за которыми мы видим и рост производительности труда, и экономию материалов, и улучшение качества продукции. А этих рублей, как уже было сказано, может быть и больше, и меньше — смотря по тому, как мы хозяйствуем. Значит, деньги не только показывают, сколько имеется материальных ценностей, но и то, как ведется дело. О работе Министерства черной металлургии, к примеру, судят не только по количеству чугуна, стали и проката, но и по полученной прибыли.

---

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 363.

[4] Лит. газ. 1979. 5 дек.

Когда (как об этом писала «Правда») трубы из Японии везут через океаны и моря в Одессу, а оттуда по железной дороге — на Дальний Восток, вместо того чтобы кратчайшим морским путем перевезти их к месту назначения; или когда (как писала «Комсомольская правда») на автомобилях КамАЗа едут из Набережных Челнов в Красноярск за прицепами, а потом с прицепами обратно, то трубы и прицепы в результате, конечно, имеются, но страна становится беднее. Можно выполнять (и перевыполнять) план и обогащать страну, а можно этим наносить ей ущерб. «Почем овес?» — извозчики в прежние времена очень были этим озабочены.

Партия требует от каждого хозяйственника, чтобы он стремился к максимально возможному положительному конечному результату. В экономической литературе ведутся баталии относительно того, как подсчитать этот конечный результат. Но если все усложняющиеся математические формулы выразить житейской прозой, то так они и будут звучать: богаче или беднее стал Советский Союз от данной хозяйственной операции? И не будем смущаться малым иной раз размером операции: Великий, он же Тихий, океан состоит из капель...

Стало быть, нужна ясность: искусство зарабатывать деньги есть искусство работать прибыльно.

Что такое прибыль? Московский завод «Красный пролетарий» поставляет народному хозяйству станки и некоторые товары народного потребления. Он работает прибыльно, т. е. дает не только продукцию, нужную другим предприятиям, но и деньги в доход государственного бюджета, в доход министерства, а часть оставляет себе на расширение производства и создание фондов экономического стимулирования. Но в чем выражена прибыль завода? В производимой им продукции, ибо ничего другого завод не делает, денег не печатает. Если продукция плохая, покупатель ее не оплачивает, и никакой прибыли нет. Значит, прибыль — это нужные стране изделия. И произведены они с соблюдением экономии в затратах труда, материалов и энергии, при полной загрузке оборудования, отсутствии штрафов и другой бесхозяйственности. А иначе продукция была бы, а прибыль — нет, так как цены устанавливает государство, и покрыть убытки путем их увеличения невозможно.

Прибыль составляет основу всех доходов государственного бюджета и, значит, нужна стране не менее, чем станки. Точнее, речь идет о двуединой задаче: чем эффективнее хозяйствование, тем больше продукции и тем больше прибыли. И наоборот. Тот или иной продукт дорог не потому, что его мало, а его мало, потому что он дорог, — на его производство затрачивается много ресурсов, а они не беспредельны.

Приходится констатировать, что провозглашенный и настойчиво проводимый КПСС курс на интенсификацию производства, на повышение эффективности и качества работы не нашел пока в сознании (и, следовательно, в повседневной работе) многих хо-

зяйственников тактического критерия, который приводил бы их к желаемому стратегическому результату. Более того, как сейчас будет показано, многие содержащиеся в экономической литературе рекомендации сбивают хозяйственников с толку. Например, встречаются очень часто призывы «не увлекаться» прибылью, и призывающие искренне уверены, что они ограждают нас от дурных соблазнов, ибо прибыль можно получить и плохими методами, не соответствующими нравственным нормам нашего общественного строя: ухудшением качества изделий, необоснованным повышением цен и другими сомнительными манипуляциями.

Верно, можно получить — и порой получают. Но ведь и продукцию можно производить плохую, а не призывают же «не увлекаться» выпуском продукции. Для борьбы с мошенниками имеются соответствующие органы. Значит, существует настороженность к прибыли вообще как к экономической категории. А исскуство зарабатывать деньги и есть искусство получать прибыль — разумеется, законным путем. Так как же быть директорам предприятий? Другой пример. Упреки хозяйственникам в стремлении к выгодности производства тех или иных изделий, к выгоде. Это стремление критикуется как неправильное, чуть ли не позорное и во всяком случае не соответствующее нормам нашего общества. Наше справедливое негодование вызвано тем, что в результате подобной практики нарушается установленный планом ассортимент изделий и мы остаемся без многих необходимых товаров. На базах снабженческих организаций значительно легче найти прокат ценой в 300 руб. за тонну, чем за 100 руб.: работа с тысячью килограммов груза одна и та же, а доходы в 3 раза меньше — они исчисляются применительно к цене материала. Швейные фабрики в 1978 г. увеличили выпуск мужских сорочек из шерстяных тканей на 46%, а хлопчатобумажных сократили на 19%. Причина? Бумажные менее выгодны швейникам — затраты труда различаются на 3 мин на рубаху, а разница в цене более чем в 3 раза. Аналогично обстоит дело с производством ситца и сатина, товарами детского ассортимента. Изготовление капроновой куртки для взрослых требует затраты 2,19 часа, а для детей — 2,03 часа. Цена же такая: 33 руб. и 18.

Страдают даже новорожденные. В 1979 г. комплектов для новорожденных было произведено 4,17 млн при плане в 3,9 млн. Казалось бы, отлично. Но... в 1975 г. комплект включал 14—18 предметов, а в 1979 г.— лишь 9—10. Так новорожденный с первого дня своей жизни познает объективные действия экономических законов. Хорошо, если он это «запомнит» к тому времени, как сам станет хозяйственником.

Итак, хозяйственнику советуют «не увлекаться» прибылью, его ругают за ориентацию на выгодность того или иного изделия и одновременно требуют от него работать эффективно и выражать эффективность количественно, конкретно. Как же ему быть?

Собственно говоря, партия дала на этот вопрос четкий ответ еще в 1923 г. в резолюции XII съезда «О работе промышленности».

Там сказано, что лучшей характеристикой коммуниста-хозяйственника является активный бухгалтерский баланс предприятия. Решение это, никем не отмененное, многими прочно забыто, об этом свидетельствует довольно высокий процент убыточных предприятий, в том числе планово-убыточных, т. е. получивших «путевку в жизнь» с правом причинять стране убыток. Совместим ли подобнй подход с современными требованиями к качеству работы, с решениями съездов партии и Пленумов ЦК КПСС?

Повторим: отчитаться перед государством о своей работе коллектив предприятия и его руководитель обязаны активным бухгалтерским балансом, т. е. говоря прозой, сохранностью выделенного им уставного денежного фонда и полученной прибылью. И от такой необходимости их не спасают — и не должны спасать — встречающиеся неизбежно в течение года отклонения от плановых предпосылок хозяйствования: перебои в снабжении, транспортировке и т. д. Этим неизбежным непредвиденным обстоятельствам хозяйственник противопоставляет социалистическую предприимчивость, резервы, возможность обоснованного маневра. При всех условиях директор завода отчитывается балансом, как приводит в порт назначения свой самолет штурман независимо от погоды на трассе полета.

Какова же, повторим, должна быть повседневная тактика хозяйственника? Очевидно, он должен считать расходы и сопоставлять с доходами. Цены, тарифы, ставки заработной платы и другие показатели ему даны государством, их менять он не вправе. Поэтому он обращается к калькуляции, к себестоимости изделия и к его цене и определяет: выгодно или невыгодно ему производить данную продукцию? Мы просим читателя задержать свое внимание на этом пункте — в нем главная суть статьи.

Общий итог работы предприятия складывается из результатов от выпуска отдельных изделий, их может быть одно в год (на турбиностроительном заводе) или 2500 (на химическом комбинте или текстильной фабрике). И экономисты предприятий не могут считать по-другому, кроме как по изделиям. Так они и поступают. И, будучи обязаны выйти на конечный плановый итог, порой нарушают установленный планом ассортимент продукции, «балансируют» за счет изделий более выгодных в ущерб потребителю — является ли им новорожденный ребенок или строящийся гигантский комбинат.

О массовости данного явления можно судить хотя бы по тому, что о нем специально говорилось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии: многие предприятия шарахаются от научно-технических новинок, как черт от ладана, потому что их освоение — это дополнительные и часто большие затраты.

Вот и встает принципиальный вопрос: вправе ли коллектив предприятия и его руководитель требовать, чтобы установленная ему в плане продукция, каждое изделие, было для него выгодным, или не вправе? От ответа на вопрос зависит наше отношение к хозяйственникам. Если требование выгодности производства для

предприятия не обязательно, линия хозяйственника будет иной (хотя, признаться, мы не представляем себе, какой именно). Если же подобное требование обязательно, то все органы, от которых данный вопрос зависит, должны подключиться к решению такой задачи, ибо в централизованно планируемой экономике подобные проблемы не могут решаться индивидуально, локально. В газете «Советская торговля» (1979. 15 дек.) доцент В. Прауде решает вопрос очень легко и просто. Его статья называется «Нужно — значит выгодно». Но если «нужно» и «выгодно» — синонимы, то ни к чему весь хозяйственный механизм. Достаточно в административном порядке расписать все виды продукции, и дело пойдет. А оно, как показывает опыт, далеко не всегда идет. Ибо не вписывается в *экономические условия, в которые поставлено предприятие, обязанное отчитываться «балансом»*.

А теперь вдумаемся, как решает этот вопрос партия. Критикуя, как уже упоминалось, предприятия, которые уклоняются от научно-технических новинок, Отчетный доклад Центрального Комитета партии XXIV съезд указал на необходимость «создать такие условия, которые заставили бы предприятия выпускать новейшие образцы продукции, буквально гоняться за научно-техническими новинками»[5].

В этой директиве, как видит читатель, нет отождествления возможности и действительности, а ставится задача — создать для этого «такие условия». Мы полагаем, что хозрасчетное предприятие, которое все приобретает за плату и все реализует за деньги, непременно будет понимать такое как возможность получить больше, чем оно затратило. Если новое изделие или введение новой технологии, пусть более прогрессивной, означает для него уменьшение прибыли и фондов экономического стимулирования, если оно ухудшит его финансовое положение и его бухгалтерский баланс, то вряд ли оно (предприятие) станет стремиться браться за новое.

Но в решении съезда вопрос ставится так, что эти условия должны «заставить» предприятие гоняться за новинками. А заставить на языке экономики означает *побуждать, стимулировать*. Как известно, сейчас во всех отраслях промышленности вводится деление продукции на три категории. Высшая категория поощряется значительной надбавкой к цене, а вторая — скидкой с нее. При этом изделия второй категории — не брак, а морально устаревшая продукция, т. е. не вполне современная, не оптимальная из возможной.Так ежели у завода — производителя продукции второй категории вычтут до 10% от цены — а это большие деньги! — то такая мера, конечно, *заставит* пошевеливаться.

Стало быть, чтобы избежать нарушений установленного планом ассортимента изделий, их надо сделать практически равновыгодными. Слово «практически» означает, что аптекарской точности не достичь, так как изделий в СССР производится 12 млн наимено-

---

[5] Материалы XXIV съезда КПСС. М.: Политиздат, 1972. С. 56.

ваний. Конечно, задача не из простых: различны условия хозяйствования, различны интересы производителей и потребителей, должно быть обоснованное соотношение между ценами на взаимозаменяемые товары, следует учесть социальную значимость товаров и многие другие обстоятельства. Необходимо сформулировать самый исходный принцип. Изделия, включенные в план предприятия, должны быть для него одинаково выгодны, и, более того, это должно поощрять его стремиться к улучшению технологии производства, обоснованному обновлению ассортимента, к повышению качества продукции.

Сейчас утвержден показатель нормативной чистой продукции, т. е. того, что произвел коллектив каждого данного предприятия, без учета полученного со стороны. Представляется наиболее реальным включение в этот норматив прибыли в равном проценте к заработной плате, когда рентабельность будет прямо пропорциональна трудоемкости и исчезнет разновыгодность. Вероятно, могут быть предложены и другие способы, но, повторим, не в этом назначение статьи.

Пора обобщить сказанное.

Когда в США появился афоризм: «Выгодно "Дженерал моторс" выгодно Америке», это было лицемерием с самого начала. Даже в пределах фирмы выгодное хозяевам было невыгодно рабочим. Не менее расходились интересы потребителей и монополии. Но в нашей стране, в условиях обобществления средств производства, где экономика образует единый комплекс, имеются действительно все необходимые предпосылки для полной гармонии интересов общества, предприятия и отдельного трудящегося. Исходя из главенства общественных интересов, мы формулируем, как известно, положение: то, что выгодно стране, должно быть выгодно предприятию и его работникам.

Однако предпосылки гармонии — еще не гармония. Возможность еще предстоит превратить в действительность. И упрощенчество здесь, на наш взгляд, пользы не принесет.

Любая наука исходит из объективных законов и ставит их на службу человеку. Например, гидростанции возводятся на основе того, что вода будет падать вниз, а не полетит вверх. Значит, надобно и экономической науке исходить из того, что в условиях хозрасчета предприятия не могут не руководствоваться понятием выгодности и соответственно строить показатели. Если же это объективное требование игнорировать, остается лишь сетовать и подсчитывать убытки.

Но мы живем в системе централизованно управляемой экономики, и потому проблема выгодности и, что не менее важно, равновыгодности всех видов продукции при одновременном поощрении улучшения ее качества, должна решаться централизованно: через цены, систему распределения прибыли, формирования поощрительных фондов. Это и будут «приводные ремни» от стратегии, сформулированной в общегосударственных документах, к тактике повседневного хозяйствования на каждом из полутора миллионов

предприятий (имеются в виду все предприятия — от ЗИЛа до булочной).

Сказанное, разумеется, не означает, что коллективы предприятий пребывают в бездельном ожидании инструкций и указаний. Тысячи их «зарабатывают» стране деньги изо дня в день. Приведем некоторые примеры.

«Известия» опубликовали статью директора Волжского завода органического синтеза кандидата технических наук В. Рыкова. Называется она «И экономия, и польза». А рассказывается в ней, как отравлявшие воду и воздух отходы превращены в миллионы рублей государственного дохода.

Коллектив предприятия поставил перед собой задачу — создать безотходную технологию. На то они и химики, чтобы все утилизировать! Начали по-государственному: вовлекли в эту работу ряд научно-исследовательских институтов и вузовских кафедр, включая МГУ. Работали настойчиво и широким фронтом. Пересказывать статью не будем, как не станем и называть полученные из отходов продукты (некоторые их названия состоят каждое из 18 букв...); упомянем среди них лишь канифоль, которая, как известно, необходима скрипичному смычку. Но еще более, оказывается, она нужна резиновой промышленности, и на ее изготовление уходит немало дефицитного растительного сырья. Итог работы завода таков: масса сточных вод уменьшилась на 500 куб. м в сутки, объем газовых выбросов — на десятки миллионов кубометров в год, сжигаемых твердых продуктов — более чем на 10 000 т в год. Экономический эффект превышает 5 млн руб. в год плюс некоторое количество валюты в связи с уменьшением потребности в импорте одного продукта, название которого состоит из 25 букв.

Тов. Рыков пишет, что препоной к использованию отходов является плохая информация о том, что можно получить из отходов и кому требуются эти продукты. Информация! — сколько пользы она может принести!

А вот другой пример.

В начале 30-х годов в Голодной степи на площади в 80 га создали колхоз «Ленинград». Название — в честь рабочих-двадцатипятитысячников, прибывших помочь коллективизации сельского хозяйства. Было в колхозе 27 человек, и владели они восемью лошадьми, шестью буйволами и несколькими сохами. Сегодня у колхоза почти 2000 га посевов хлопка. Колхозников — 1600 человек; на каждого работающего приходится машин мощностью в 20 л. с. Сбор хлопка возрос с 30 т до 7000. Во сколько обходится килограмм хлопка колхозу? В шесть копеек! А доход колхоза от хлопка равен 3 млн 700 тыс. руб. в год. Из них 2 млн с лишним ежегодно расходуется на жилищное и культурно-бытовое обслуживание. И вот один из результатов, возможно важнейший: за год в селе играют 150—160 свадеб. Председатель колхоза Кузыбакар Сандаров — Герой Социалистического Труда, кавалер четырех орденов Ленина, двух орденов Трудового Красного Знамени, ордена Великой Отечественной войны I степени и медали «За отвагу». Войну он закон-

чил у стен рейхстага. К слову сказать, ордена и медали имеет каждый пятый колхозник.

Чем озабочен председатель? Как лучше использовать трудовые ресурсы колхоза. 90 человек послали учиться строительному делу. Создают детские группы, в каждой — руководительница, которой колхоз платит 90 руб. в месяц. А матери в свободное от полевых работ время будут ткать ковры, шить платья, производить консервы.

Возможно, что тов. Сандаров удивится, если ему сказать, что он владеет искусством зарабатывать стране деньги; может быть, он не оценивал свою работу в таком аспекте. Если так, то в этом повинна экономическая наука, экономическая пропаганда. Такой пробел должен быть устранен.

А сейчас перескажем историю более драматическую и, к сожалению, не с таким счастливым концом. Написал ее журналист Шелудько и опубликовал в «Правде» (1979. 22 окт.)

Громадное, неоценимое значение для увеличения производства продуктов животноводства имеет обогащение кормов белково-витаминными добавками. Изготовляют их из отходов гидролизного, сульфитно-спиртового и целлюлозно-бумажного производства, а если сказать без ненужной здесь «учености» — из лесных отходов, и называются они кормовые дрожжи. Каждая тонна дрожжей помогает получить дополнительно 5000 л молока, 15 000 яиц, 1 т говяжьего или более 2 т куриного мяса. В денежном выражении это около 1000 руб. прибыли.

В середине 60-х годов на Кададинском (Пензенской обл.) опытном лесокомбинате создали цех по производству древесных дрожжей. Спрос на них был такой, что пришлось обкому КПСС вмешаться и установить очередность в распределении колхозам и совхозам. Прошло более десяти лет, но последователей у кададинцев мало. Их противником оказалась... микробиологическая промышленность — та отрасль, которой следовало сделать все возможное для максимального увеличения числа таких цехов. Мотив? Мелкие цехи — это кустарничество, нужны большие комбинаты. Правда, подсчеты показали, что для строительства необходимого количества таких комбинатов надо затратить 18 млрд руб.; что для снабжения гигантов сырьем пришлось бы перевозить лесные отходы на большие расстояния. Да и вообще, как известно, лишняя ложка масла кашу не портит, а тут до «лишнего» еще годы и годы. Энтузиастам плохо, а мы с вами, дорогой читатель, не получаем того мяса и молока, что содержится в гниющих ныне сучьях, пнях и листьях. Обидно!..

К сожалению, литература не балует нас вниманием к проблеме выгодности. Мы можем назвать лишь одно произведение, где спор о роли стремления к выгоде обострен до предела и... не доведен до конца. Речь идет о пьесе Азата Абдуллина «Тринадцатый председатель», поставленной в театре имени Евг. Вахтангова. Судят председателя колхоза «Красный луч» Сагадеева (его играют народный артист РСФСР В. С. Лановой и артист А. П. Павлов).

Судят за то, что, организовав за счет колхоза поездку по Черному морю ветеранов колхоза, его лучших людей, он, кроме того, оплатил дни поездки как рабочие дни. И еще за то, что, купив сантехническое оборудование у строительно-монтажной организации, оплатил не только его стоимость, но и монтаж, хотя монтировали это оборудование сами колхозники. По ходу дела выясняется, что «туристы» лет по пять работали без выходных и отпусков и если им начислить причитающееся, то это во много раз перекроет полученную за дни поездки оплату. А если не оплатить несделанную работу по монтажу, то ущерб был бы во много раз больший... Но мы не входим в юридическую сторону дела, ибо в ней некомпетентны, да и не в ней суть конфликта.

Суть в том, что, став 17 лет тому назад председателем колхоза, Сагадеев четко и громогласно сформулировал в качестве цели хозяйствования выгоду — для колхоза, разумеется (его личное имущество, описанное перед судом, было оценено в 972 руб.). Он, учитывая структуру почв, четко ориентировал хозяйство на производство мяса и молока: оно обходилось колхозу в 19 коп. за литр. Он открыл консервный цех и перерабатывал овощи и фрукты. Пустошь засеял цветами и продавал их на колхозном рынке. Покупал на верфях ненужные «концы» канатов, их расплетали и делали веревки. Солому не сжигали, как в других колхозах, а использовали на корм. Сагадеев был «бельмом в глазу» районных руководителей, потому что по сравнению с ними все остальные колхозы выглядели плохо. Тяжелее всех пришлось на суде прокурору (заслуженный артист РСФСР Е. К. Карельских и артист В. П. Ермаков): он обязан отстаивать точные требования соответствующих статей Уголовного кодекса, но преступником Сагадеева считать не может, и это в спектакле передано точно и тонко. Драматург из положения вышел легче: пьеса заканчивается уходом судей на совещание для вынесения приговора. А жаль! Представляется, что инженеры человеческих душ вправе ставить проблему пересмотра закона, если он в чем-либо устарел, или указать на особые обстоятельства, оправдывающие действия председателя колхоза, даже если юристы не согласились бы с подобной концовкой пьесы. «Виновен, но заслуживает снисхождения». Забыв сказать присяжным о возможности такого решения, председатель суда погубил, как мы помним, Катюшу Маслову...

II

Итак, каждый день работы предприятия должен повышать экономический потенциал страны, или, что то же самое, делать ее богаче. Для этого хозяйственники должны, как указано в эпиграфе овладевать искусством зарабатывать деньги.

Но советский хозяйственник работает в совершенно определенных условиях. Перечень производимой продукции, плановые нормы затрат на производство и цены, по которым продукция реализуется, установлены сверху. Остается вроде бы немного — выпол-

нять план и получать прибыль. Почему же в условиях социализма зарабатывание денег является сложным искусством, которому надо учиться? Ответ начнется издалека.

В самое тяжелое для молодого Советского государства время, в конце 1918 или в начале 1919 г., В. И. Ленин написал статью «Маленькая картинка для выяснения больших вопросов». Это рецензия на книгу Александра Тодорского, редактора Весьегонской уездной газеты Тверской губернии. Книга называлась «Год с винтовкой и плугом», была издана тиражом в 1000 экз. и разослана по селам и деревням уезда, а также в порядке обмена опытом в редакции некоторых центральных и губернских газет.

В. И. Ленин назвал эту книгу замечательной и объяснил почему. В ней описывался практический опыт строительства новой, советской экономики. Опыт был небольшой, всего один год. Но принципиальное его значение было огромным. «Это превосходное и глубокое правильное рассуждение,— писал В. И. Ленин,— следовало бы вырезать на досках и выставить в каждом совнархозе, продоргане, в любом заводе, в земотделе и так далее»[6].

Что же сделали в Весьегонске? Призвали трех молодых, энергичных промышленников и поручили им организовать лесопильный и кожевенный заводы. Поняв, что они имеют дело с настоящими хозяевами — писал А. Тодорский,— промышленники взялись за дело, заводы были созданы.

Вот какое место в книге В. И. Ленин назвал превосходным и глубоко правильным рассуждением: «Оборудование двух советских заводов „несоветскими" руками служит хорошим примером в том, как надо бороться с классом, нам враждебным.

Это еще полдела, если мы ударим эксплуататоров по рукам, обезвредим их или „доканаем". Дело успешно будет выполнено тогда, когда мы заставим их работать и делом, выполненным их руками, поможем улучшить новую жизнь и укрепить Советскую власть».

Какое значение имеет эта «маленькая картинка» сегодня, когда уже более полувека нет частников-промышленников и строятся заводы покрупнее лесопильных и кожевенных?

Думается, что значение *принципиальное*. Ведь мы ценим первый субботник не потому, что были отремонтированы несколько паровозов, а потому, что то был Великий почин коммунистического отношения к труду.

А что это именно Великий почин, а не рядовой факт, сумел разглядеть лишь гений В. И. Ленина. И если Ленин рекомендовал рассуждения А. Тодорского вырезать на досках и выставить повсеместно, то не вправе ли мы предполагать, что опыт весьегонцев он считал почином в проявлении социалистической предприимчивости, столь важной и нужной?

В. И. Ленин писал, что издание подобных книг «бесконечно более полезно для дела социализма, чем многие из газетных, жур-

---

[6] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 408.

нальных и книжных записных литераторов, сплошь и рядом за бумагой не видящих жизни»; что из этого опыта «надо извлечь серьезнейшие уроки по самым важным вопросам социалистического строительства» [7]. Он обращался к книге Тодорского еще два раза: в плане статьи «Заметки публициста» [8] и в Политическом отчете ЦК РКП(б) XI съезду партии [9]. Предупредив, что книжку он читал «в давно-давно прошедшие времена» и не ручается за точность, В. И. Ленин вновь подчеркнул принципиальное значение примера весьегонцев и сказал, что сегодня, т. е. в 1922 г., у нас в Москве из 100 ответственных работников около 90 не понимают значения этого примера [10].

И третий довод. Статья В. И. Ленина, о которой идет речь, впервые была опубликована в «Правде» (1926. 7 нояб.), т. е. в период, когда партия взяла курс на социалистическую индустриализацию страны, которая, естественно, не предусматривала привлечения промышленников. Публикация ее в день годовщины Октября подтверждает, что статья вождя революции рассматривается партией как наказ.

14 октября 1921 г. В. И. Ленин пишет статью «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции» [11]. Глубоко проанализировав все этапы становления советского общественного строя (а это были этапы, хотя по времени и непродолжительные), великий вождь революции показал, как менялись тактические задачи, решаемые партией в тех случаях, когда этого требовала жизнь. В философском плане эта статья — поразительный пример применения марксистской диалектики в экономической политике, а в собственно экономическом аспекте содержит основополагающее указание о том, что мостки к социализму следует строить и при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, и на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете. Это ленинское положение часто цитируется и широко известно; оно образует основу экономической политики КПСС сегодня и в видимой перспективе.

Но в статье есть еще одно место, приобретающее в современных условиях важное значение. Речь идет о том, что Советское государство «должно стать осторожным, рачительным, умелым „хозяином“, исправным оптовым купцом». «Оптовый купец,— пишет В. И. Ленин, — это как будто бы экономический тип, как небо от земли далекий от коммунизма. Но это одно из таких именно противоречий, которое в живой жизни ведет к социализму» [12].

Эти слова весьма актуальны сегодня. Государственная торговля и потребительская кооперация пока еще плохие купцы, они не умеют покупать и должным образом хранить и продавать карто-

---

[7] Там же. С. 407.
[8] Ленинский сборник. XXXVI. С. 414—418.
[9] Книга А. Тодорского неоднократно издавалась. См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 520.
[10] Там же. С. 97.
[11] Там же. Т. 44. С. 144—152.
[12] Там же. С. 152.

фель, фрукты и овощи, особенно те, что выращены на приусадебных участках. Кто ездил летом 1979 г. по дорогам Тульской и Курской обл., по Украине и Молдавии, видел стоящие вдоль дорог у каждого дома ведра с яблоками. А сколько их осталось неубранными в садах и на полях? И сколько сгнило в пути и в хранилищах? Грустные статьи «Литературной газеты» о персиках-путешественниках и огурчиках соленых — лишь один из примеров.

И еще одна сторона дела. СССР выступает как оптовый купец на внешних рынках. Внешнеторговый оборот СССР возрос с 14,6 млрд руб. в 1965 г. до 70,2 млрд руб. в 1978 г. Внешняя торговля стала существенной частью всей экономики страны. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии были сформулированы конкретные и четкие задачи в области экспорта и импорта. До полного их решения еще далеко. В частности, как указывалось на ноябрьском (1979 г.) Пленуме ЦК КПСС, об эффективности производства потребитель в конечном счете судит по тому, что он видит и может купить в магазине. Значит, торговле и кинуться искать причину пропаж. И если они вызваны экономическими факторами, помочь их устранению, хотя бы формально они и проходили «по другому ведомству», ибо в конечном счете, повторим, потребитель судит по магазину, и такой ответственный общественный пост магазина к очень многому обязывает. В равной мере сказанное относится к оптовой торговле средствами производства.

Какой вывод следует из подробно процитированной статьи В. И. Ленина, — какое отношение она имеет к рассматриваемой нами задаче овладеть искусством зарабатывать деньги? Самое непосредственное. Ленин требует от хозяйственников инициативы, предприимчивости. Не будет преувеличением сказать, что ни на одном из предыдущих этапов развития народного хозяйства СССР эти качества хозяйственных руководителей не имели столь важного, прямо скажем, решающего значения, как на современном этапе. Такая значимость объясняется разрывом между масштабом созданного в стране экономического потенциала и степенью его использования.

Общественная собственность на средства производства и планомерное на ее основе развитие экономики образуют основу эффективности хозяйствования, и наша страна достигла в этой области больших успехов. Рациональное размещение производительных сил, электрификация и теплофикация железнодорожного транспорта, рационализация топливного баланса, широкое развитие комбинирования и кооперирования производства и многие другие меры обеспечили рост накоплений отраслей народного хозяйства с 83,3 млрд руб. в 1965 г. до 210,3 млрд руб. в 1978. Но одновременно велики и потери. Стоимость незавершенных строительных объектов составила на конец 1978 г. огромную сумму в 99 млрд руб. Снижение фондоотдачи (т. е. эффекта, получаемого от использования производственных сооружений и оборудования) «съело» в годы девятой пятилетки 100 млрд руб. из 200 млрд, полученных в результате роста производительности труда. Велики перерасходы мате-

риалов, топлива и электроэнергии, потери сельскохозяйственной продукции.

Следовательно, речь идет о *масштабе*, *уровне* инициативы хозяйственника, которые требуются сегодня и завтра; не о том, чтобы послать «толкача» к поставщику и «выбить фонды» (хотя, к сожалению, и этим пока приходится заниматься), а о создании новой системы организации и оплаты труда, как это сделали в Щекине и на ВАЗе; об «открытии» такой формы хозяйственного расчета, как бригадный подряд; о смелом риске перехода к самоокупаемости (когда можно опираться на помощь государственного бюджета) на самофинансирование, на который пошли руководители приборостроительной промышленности и Главмосавтотранса; о комплексной системе управления качеством продукции и т. п. В «Литературной газете» (1980. 30 янв.) А. Радов сетует на то, что в пьесах и кинофильмах наши хозяйственники и инженеры занимаются лишь большими проблемами, но «решительно никто из них не имел дела с пьяницами, прогульщиками, бракоделами», не показывается, что инженеры разносят разные документы и перебирают гнилые овощи... Все это пока «имеет место», но, говоря о генеральном направлении, будем все же за деревьями видеть лес.

Чего же мы хотим от хозяйственника? Рискуя раздражить читателя многократным повторением, скажем: чтобы он, хозяйственник, совершенно четко ставил перед собой задачу зарабатывать стране деньги, увеличивать экономический потенциал страны ежедневно и ежечасно. Через руки директора предприятия, НИИ, проектной организации ежедневно проходит много операций. Вот и надо, ставя подпись (точнее, до того, как ее поставить), задаться вопросом: что получит от этой операции народное хозяйство? Когда, повторим, морские суда возят трубы из Японии в Приморье через океаны и моря, то тонно-миль набирается много и доходы пароходств больше, но страна беднеет. Так денег не зарабатывают.

А теперь два примера из совершенно разных сфер деятельности, показывающие, как можно деньги для страны зарабатывать, и один, как можно этому мешать.

С доктором Святославом Николаевичем Федоровым читателей впервые познакомил писатель А. Аграновский, опубликовав в 1965 г. в «Известиях» очерк «Открытия доктора Федорова». Коротенько перескажем содержание очерка, без него нам не понять дальнейшего.

В 1960 г. доктор Святослав Николаевич Федоров работал в Чебоксарах. После того как он ввел искусственный хрусталик в глаз двенадцатилетней Лены Петровой и она стала этим глазом видеть, о нем писали в газетах, но из Чебоксар пришлось уехать. «Беда, если про вас напишут в печати! — рассуждает по этому поводу А. Аграновский. — Худо, если раскритикуют, — это каждому ясно. Но вы покаетесь, и вас простят. А вот если похвалят вас, о, тут найдутся люди, которые никогда вам этого не простят». В очерке подробно рассказывается, как врач додумался до искусственного хрусталика, как нашлись добровольцы — Левши, изготовившие

инструменты, а затем и сам хрусталик, как... Короче, пересказывать до конца нет необходимости: заинтересовавшиеся прочтут в оригинале.

Ныне Святослав Николаевич Федоров — доктор медицинских наук, профессор, руководитель НИИ микрохирургии глаза. Огромный девятиэтажный дом начинен современной отечественной и зарубежной аппаратурой. В палатах находится 160 больных, ждущих операции или поправляющихся после нее. Как у всякого талантливого человека и руководителя, у С. Н. Федорова имеются сторонники и противники, в том числе весьма влиятельные. Первых больше: их ряды непрерывно пополняются людьми прозревшими (в буквальном значении этого слова) и близкими этих людей. Противники принадлежат к двум группам. Одни не согласны с методикой, применяемой профессором С. Н. Федоровым и его коллегами. Такое несогласие естественно: без различия в направлениях не развивается ни одна наука. Не нам, неспециалистам, судить, кто более прав. Можно бы сожалеть о том, почему, расходясь во мнениях, обязательно быть противниками. Но эмоциональные люди, искренне убежденные в чьей-либо неправоте, переносят научные расхождения и на личные отношения. Тут уж ничего не поделаешь.

Вторая группа противников — люди, просто завидующие тому, что малоизвестный периферийный врач создал новое направление в офтальмологии, превратил небольшую клинику, ютившуюся при одной из поликлиник Тимирязевского района Москвы, в известный — не только в нашей стране, но и за рубежом — научный институт.

Искусственный хрусталик запатентован в США, ФРГ, Италии и ряде других стран. Противники используют неизбежные в деятельности любого хирурга случаи малоудачных, а иногда и не давших положительного результата операций для охаивания самого метода и коллектива института. Тут тоже ничего не поделаешь: Моцарты не бывают без Сальери.

Какое отношение имеет все сказанное к нашей статье? А вот какое. Святослав Николаевич Федоров громогласно, словами и делами провозглашает ту идею, что каждый работающий советский гражданин, на обучение которого общество затратило немалые деньги, обязан не только честно отрабатывать произведенный на него расход, но приносить, кроме того (или, если угодно, одновременно), обществу доход, измеряемый в совершено конкретных денежных знаках — рублях.

Борьба за доходы ведется по двум направлениям — сокращаются расходы государства на содержание института и больницы при нем и создаются доходы в советской и иностранной валюте.

В институте, о котором идет речь, количество «койко-дней» (есть такой показатель), приходящееся на каждого оперируемого, примерно в 3 раза меньше, чем в аналогичных других учреждениях. Достигнуто это тем, что все исследования, предваряющие операцию (кроме тяжелых случаев, когда это противопоказано), проводятся в поликлинике. А исследований очень много, чтобы

получить максимум информации, ибо одно и то же следствие, как все мы понимаем, может иметь различные причины. На протяжении всего периода обследований счет койко-дням еще не начат, больной приезжает на исследование и уезжает после его проведения.

В больницу пациент ложится обычно за день до операции и находится в ней, если все в норме, после операции 3—5 дней. Дальнейшее наблюдение и процедуры, когда они необходимы, но и не требуют нахождения в стационаре, осуществляются опять же в поликлинике.

Такая организация дела позволяет оперировать в течение года дополнительно к обычным нормам 2600 человек. Не говоря о моральном значении этого факта, которое вообще не может быть измерено никакими суммами денег, мы, держась нашей темы, скажем, что расходы государственного бюджета одним этим больница существенно уменьшает.

Прямой же заработок получается от того, что при клинике (до недавнего времени была клиника, а не институт) было создано производство (не то цех, не то предприятие), в котором изготовляют искусственные хрусталики. Сейчас их делают 8000 в год. Примерно половина этого количества используется самим институтом и пятнадцатью его филиалами в разных частях страны. Вторая половина экспортируется. Внешнеторговые организации могут продать и во много раз большее количество, но его пока нет: изготовителей всего 70 человек.

Рамки статьи не позволяют рассказать, сколько пришлось преодолеть препон, чтобы добыть деньги, «выбить»» фонд заработной платы, приобрести оборудование и материалы.

Помогли три фактора: сознание долга перед больными, органическая предприимчивость (если позволительно так выражаться) и «цепная реакция», возникающая вокруг полезного дела. Хороших людей в нашей стране много, и когда они видят, что делается нужное дело, то впрягаются и помогают тянуть. Правда, рутины пришлось преодолеть столько, что не всякий смог бы довести дело до конца. Но, как говорится, это уже другой вопрос.

Теперь идет речь о создании ряда выездных операционных (одна уже давно функционирует): чем 20—30 больным приезжать из, скажем, Костромы в Москву, проще хирургам выехать к ним на «Икарусе». В далекой мечте — и использование вертолетов, и значительное увеличение производства хрусталиков для внутреннего использования и на экспорт.

...Конечно, повторим, возвращенное зрение не может быть оценено ни в каких денежных суммах. Но С. Н. Федоров ведет и такой подсчет: работающий человек создает в нашей стране в год 3500 руб. национального дохода (по данным за 1978 г.). Так ежели в год возвращается в строй 2500 человек и работать они будут еще, скажем, 10—20 лет, то согласитесь, что по вкладу в казну институт не только не уступает иному промышленному предприятию, но значительно его превосходит.

А теперь с научных высот спустимся на землю (в буквальном смысле слова). В «Правде» (1979. 10 дек.) рассказывается о том, как ряд совхозов Тульской обл., находившихся в очень тяжелом состоянии, в результате умелого руководства директоров в сравнительно короткий срок выходили в самые передовые. Стоило, однако, заменить руководителей, и некоторые хозяйства снова покатились под гору. «От прибылей остались лишь воспоминания», — пишут работники одного из совхозов, заведующая фермой, делегат XXV съезда КПСС тов. А. Евпанова и бригадир Герой Социалистического Труда тов. И. Клинков.

Изменились ли коренным образом общие условия для работы совхоза со сменой директора? Нет. А результат — диаметрально противоположный. Вот оно, конкретное проявление искусства хозяйствовать.

В ростовском объединении «Обувь» ликвидировали конвейер (чем вызвали на себя огонь критики) и поставили задачу — идти в ногу с требованиями моды. Запуск новой модели в производство занимает... 7 дней вместо обычных 2—6 месяцев. Модная обувь, естественно, не залеживается; склад готовых изделий пуст. Между тем в среднем, по данным специалистов, 36% стандартной обуви продается не ранее чем через 3—4 года после изготовления, а 26% — через 5—7 лет...

Добавим, что переход от конвейера к бригадам, когда человек изготовляет чуть ли не всю модель, резко снизил текучесть кадров — работать стало интересно.

К сожалению, из песни слова не выкинешь; объединению досталось от ревизоров за... слишком высокую рентабельность, будто они сами устанавливают цены на сапоги и туфли. Не потому ли, в частности, на анкету новосибирских экономистов: «Заинтересовано ли ваше предприятие во внедрении в производство моделей новой моды?» — 13% опрошенных хозяйственников ответили: «Нет», а 30% — «Внедрение новых моделей убыточно».

Но мода — не прихоть, она отвечает запросам наших людей при современном уровне их материального положения. И кто не хочет с этим считаться, переводит сырье и электроэнергию, рабочее и машинное время в неходовые товары, и к миллиардам рублей издержек производства приходится добавлять миллиарды на уценку. И никому нет радости: ни тому, кто производит, ни тому, кто продает, ни тому, кто покупает. Так еще раз переплетаются рубли и настроения, ибо это две стороны единого.

Врачи утверждают, что борьбу за долголетие следует начинать с того, чтобы своими действиями жизнь не укорачивать. Применительно к нашей теме это означает, что зарабатывание денег должно начаться с того, чтобы не создавать искусственно дополнительных убытков. К сожалению, таких фактов немало, и вот один из них.

Многие товары выходят из моды, их надо срочно уценить, т. е. продать дешевле. За рубежом уценки проходят 1—2 раза в год, по окончании зимнего и летнего сезонов. У нас — реже, хотя уста-

новлен порядок, согласно которому из прибыли торговых предприятий создается специальный фонд для возмещения ущерба от уценки. Но вот уже более 13 лет 50—75% этого фонда изымаются в доход государственного бюджета, а оставшаяся часть нередко также направляется на другие цели. В результате вышедшие из моды товары продолжают терять стоимость, и потом их приходится за счет государственного бюджета уценивать в значительно большем размере, чем если бы это было сделано своевременно. В 1978 г., к примеру, бюджет был вынужден ассигновать на эту цель 1 млрд руб. [13] Выходит, что даже финансисты порой не владеют искусством зарабатывать деньги. Впрочем, сапожники часто ходят босые...

---

[13] Коммунист. 1978. № 13. С. 63.

ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ [1]

Что ни говорите, а «круглые» числа имеют какое-то особое значение. Мы говорим: шестидесятые, семидесятые годы, но не шестьдесят седьмые или семьдесят вторые. Видимо, существует необходимость как-то мысленно остановиться, подвести итог определенному отрезку времени, глобально оценить пройденный путь и охарактеризовать его. Век — слишком большой период, десятилетие — подходит. Мы четко различаем шестидесятников и семидесятников прошлого века. Наши потомки, надо полагать, не менее определенно будут различать нас по десятилетиям. Хотя народное хозяйство направляется пятилетками и каждая из них — важный этап, этого времени недостаточно для формирования принципиально крупных перемен в жизни общества. И «Основные направления экономического и социального развития СССР» нацелены не только до 1985 года, но и на 10 лет.

XXVI съезд КПСС дал подробную и обобщающую оценку итогов труда советского народа под руководством партии в течение истекшего десятилетия, сделал выводы из их накопленного опыта и утвердил стратегию экономического развития страны на восьмидесятые годы. Чтобы не перегружать статью цифрами, скажем кратко: экономический потенциал Советского Союза за 10 лет возрос в полтора-два раза. А каждый «раз» по каждому показателю исчисляется в десятках и сотнях миллиардов рублей.

Должным образом оценив историческое по своей значимости развитие народного хозяйства за десятилетие, и в том числе за десятую пятилетку, съезд партии указал, что наши достижения во всех областях могли бы быть более весомыми, если бы полнее использовались принципиальные преимущества социалистической системы хозяйства.

Думается, что «расшифровка» этого положения должна стать главной задачей общественных наук, в частности экономической науки. А реализация — основной заботой партийных, советских и хозяйственных органов в наступившем десятилетии. В этом, на наш взгляд, краеугольный камень экономической политики в 80-е годы. Успешное решение этой задачи даст нам колоссальный дополнительный эффект не только привычными показателями увеличения добычи полезных ископаемых, производства станков, цемента и т. д., но главным образом дополнительным конечным народнохозяйственным результатом — ростом уровня жизни народа.

---

[1] Звезда. 1981. № 8.

I

Восьмидесятые годы — период, подобного которому в экономике СССР не было и не могло быть. Если пользоваться философскими терминами, можно сказать так — накопившееся количество перешло в новое качество. Впервые сложилась ситуация, которую надо воспринимать по-новому, иначе ее плодами полностью не воспользоваться. Как говорят многие экономисты, сейчас необходим новый стиль мышления, чтобы за деревьями видеть лес, за успехами отдельных отраслей и регионов определять общий конечный народнохозяйственный эффект.

Отсюда новое отношение к количеству, к процентам увеличения производства того или иного вида продукции.

Разумеется, непрерывное увеличение масштабов производства — закон развития социалистической экономики, и на одиннадцатую пятилетку предусмотрен рост выпуска всех видов продукции. Но среднегодовые темпы роста очень различны: от 1,4% по нефти до 11,5 по синтетическим смолам. Растут, естественно, и капитальные вложения. Однако, если в десятой пятилетке по отношению к девятой среднегодовой прирост увеличился на 5,2%, то на 1981—1985 гг. он предусмотрен в 2,9%.

По многим товарам, это касается и средств производства, и предметов потребления, почти не требуется дальнейшего увеличения количества. Но необходимо значительно лучшее их качество, более широкий ассортимент, неизмеримо большая подготовленность к потреблению — все равно, идет ли речь о полуфабрикатах в кулинарии или о прокате черных металлов. В самом деле, сокращение хотя бы наполовину количества проката, «перерабатываемого» в стружку, даст больше, чем любое реально возможное сооружение блюмингов. Выступая в декабре 1980 г. по телевидению, начальник отдела капитальных работ Госплана СССР сказал, что потери цемента в производстве и транспортировке составляют 10% от объема производства, т. е. более 12 млн т в год. Он справедливо заметил, что значительно легче и неизмеримо дешевле сократить эти потери, чем построить заводы подобной мощности. Сказанное можно распространить и на картофель, овощи, электролампы и многие других товары.

И вот оказывается, что осознать новую ситуацию широкому кругу хозяйственников трудно. Приведем пример. В магазинах полно костюмов и платьев, а покупатели часто уходят без покупок. Теперь представим себе, что директор швейной фабрики, исходя из сложившейся конъюнктуры, представил на одиннадцатую пятилетку план, не предусматривающий увеличение выпуска, а направленный на достижение качества изделий, равного лучшим мировым образцам или превосходящего их. Правильно ли он поступит? Несомненно. Будет ли принят его проект? Вряд ли.

Недоумение возникнет в самом коллективе фабрики: «Как так? Из пятилетки в пятилетку мы увеличивали выпуск продукции на 15—20%, а тут нуль процентов прироста?». В объединении, куда входит фабрика, восторг тоже маловероятен. К тому же оно,

объединение, получило из министерства задание по экономии материалов и снижению себестоимости продукции, а улучшение качества обычно вызывает рост издержек производства. Правда, они с лихвой компенсируются прибылью и тем, что не придется тратить государственные средства на уценку залежавшихся костюмов, но прибыль и уценка идут не по тем графоклеткам таблиц, что себестоимость; за них отвечают разные экономические службы, и им нелегко найти общий язык.

Не будем никого осуждать и упрекать: в течение десятилетий количество было важнейшим требованием и критерием. А привычку изменить не просто — она же вторая натура. К тому же применительно ко многим видам продукции и сегодня продолжает оставаться важным прирост количества. Но понять — не значит оправдывать. Новому времени требуются не только новые песни, но и новый подход к привычным проблемам.

Оказывается, для эффективности экономики нужны не только киловатт-часы, тонны и кубометры, не только рубли и проценты, но и психология. Точнее, взаимосвязь тут такая: уровень производства во многом определяет психологию хозяйственников, да и всех нас. Но и наше мышление во многом, оказывается, определяет направленность производства. Это и неудивительно: основная производительная сила — человек.

Итак, развитие народного хозяйства в десятой пятилетке сдерживалось тем, что мы не полностью использовали принципиальные преимущества социалистической системы хозяйства.

Неполное их использование идет по двум направлениям.

Первое. Народное хозяйство СССР представляет собой единый экономический комплекс. Былое отставание некоторых союзных и автономных республик, необходимость специальных мер для их подтягивания давно стали историей. Мы имеем возможность — и обязаны использовать все виды ресурсов таким образом, чтобы общий, конечный эффект для страны был наибольшим. Но до сих пор не преодолены ведомственность и местничество. Много встречных перевозок однородных материалов для обеспечения «своих» предприятий вместо концентрации общих ресурсов в пределах области, края, города и их целесообразного распределения среди потребителей, разумеется, по плану, но независимо от их ведомственной подчиненности.

Огромное количество «своих», ведомственных карликовых ремонтных, строительных, транспортных, жилищных и других организаций. Все еще живуче подвергнутое критике на XXV съезде партии «натуральное хозяйство» предприятий, стремление самостоятельно себя обеспечить всем необходимым. Велико дублирование научных разработок, подготовки кадров, торгового обслуживания.

Второе. Обобществление средств производства превращает каждого трудящегося в хозяина всего народного достояния. Выражением подлинно хозяйственного отношения к работе являются социалистическое соревнование, изобретательство и рационализа-

ция, наставничество и многие другие формы коммунистического отношения к труду. Однако далеко еще не каждый рабочий и служащий, колхозник, научный работник поступает, как положено хозяину. А отсутствие хозяйской ответственности оборачивается совершенно реальными величинами: перерасходом энергии и материалов, браком, порчей сельскохозяйственной продукции, простоями вагонов, неудовлетворительными проектами строек и т. п. Воспитание в каждом гражданине чувства личной ответственности за выполняемую им работу — резерв дополнительного роста экономики, превышающий по своим потенциальным возможностям все другие возможные резервы, взятые вместе.

Мы недостаточно используем и такое принципиальное преимущество социализма, как планомерное развитие экономики, т. е., по Ленину, возможность заранее устанавливать ее необходимые пропорции. Чем же иным объяснить многие проявления несбалансированности отдельных разделов плана? Рост незавершенного строительства, перебои с перевозками грузов, разрыв между доходами предприятий и населения и возможностью их должным образом «отоварить» — таковы далеко не все огрехи планирования. Их обобщенный результат — дефицит тех или иных ресурсов, но дефицит — понятие в принципе невозможное в планируемой экономике. Недостаточно используется и такое преимущество социализма, как хозяйственный расчет, а ведь он дает возможность сочетать основные принципы социалистического хозяйствования: удовлетворение всевозрастающих потребностей народа на основе плана, в котором мера труда, отдаваемого каждым из нас обществу, соответствовала бы мере потребления.

Наличие цен, сдерживающих технический прогресс, элементы уравниловки в оплате труда, о чем говорилось на XXVI съезде КПСС, наличие ненужных ограничений социалистической предприимчивости хозяйственников — все это мешало развитию экономики в десятой пятилетке.

В чем причины недостаточного использования принципиальных преимуществ социализма?

Мы думаем, что имеются три группы причин.

Первая из них состоит в том, что наша экономическая наука совершенно недостаточно разработала в теории и довела до конкретных разработок и программ многие основополагающие вопросы экономики. А что нет ничего практичнее правильной теории — доказывать нет нужды.

Конечно, дело сложное. Нашей стране приходится решать сложные и принципиально новые проблемы. Мы можем использовать — и используем — опыт других стран в области десятков наук и направлений техники, как и они наш опыт. Но в организации народнохозяйственного планирования и управления социалистическим странам учиться не у кого. Все это объясняет, но не оправдывает известное отставание экономической науки от быстрорастущих к ней запросов.

Между тем без критического научного анализа практики труд-

но вырабатывать деловые и в то же время теоретически обоснованные рекомендации. Вот и идут бесконечные споры о том, на что ориентироваться в планировании и оценке работы предприятий и отраслей: на тонны, штуки и метры или на рубли, цены, прибыль? Упускается из виду то «простое» обстоятельство, что при наличии сотен тысяч предприятий и хозяйственных организаций, совершающих триллионы хозяйственных операций в год, возможны лишь такие показатели и критерии, с которыми каждое предприятие неотвратимо имеет дело ежедневно: расходы, доходы, прибыль, премии и санкции. Общие политэкономические понятия, безусловно верные теоретически, неприменимы непосредственно в цехе, магазине, на ферме и стройке. На глобусе не найти нужные улицу и номер дома. Для этого нужны детальные планы города.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии содержалось требование закрыть все лазейки, которые позволяют нерадивым хозяйственникам ходить в передовиках, сделать неотвратимыми санкции за плохую работу. Прошло пять лет. Какие лазейки и как закрывать? Что такое неотвратимость в условиях социализма? Экономическая наука не ответила на эти вопросы, а без нее не создать соответствующих «прозаических» нормативных актов. Видимо, пришла пора покрепче спросить с нас, экономистов, создав одновременно условия, необходимые для ответа.

Вторую группу причин мы видим в том, что не были полностью выполнены некоторые решения предыдущих съездов партии и пленумов ЦК КПСС, в особенности мартовского и сентябрьского (1965 г.) Пленумов.

Напомним читателю, о чем идет речь.

С 1955 до 1959 г. темпы роста сельскохозяйственного производства и качественные показатели работы совхозов и колхозов были значительными, а с 1960 и по 1964 г.— сельское хозяйство, по существу, топталось на месте. Причиной были субъективистские ошибки, снизившие стимулы к увеличению производства, и ослабление политики технического вооружения сельского хозяйства. Решения мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС стали подлинной программой энергичного роста сельского хозяйства.

Сентябрьский (1965 г.) Пленум ЦК партии принял комплекс широких мер по углублению хозяйственного расчета, расширению прав предприятий в целях интенсификации экономического развития. Осуществление решений пленумов благотворно сказалось на производстве продукции, использовании производственных фондов. Однако постепенно «малое законодательство», ведомственные инструкции и разъяснения укорачивали принятые решения. Мы касались этих вопросов в статьях «Неотвратимость» (Звезда. 1978. № 5) и «Ключевая задача» (Звезда. 1979. № 7).

Некоторые из этих важных решений повторялись в последующих партийных документах и все же не были полностью выполнены. Не было, естественно, и отдачи, которую они потенциально могли и должны были принести.

Наконец, не может не сказываться отрицательно неупоря-

доченность управления в том смысле, что слишком много указывающих и проверяющих органов у предприятия. Предоставим слово генеральному директору производственного объединения «Москабель» Е. Я. Банкову: «...заводу дают обязательные для исполнения директивы десятки государственных учреждений. Их несогласованные, а подчас и просто неверные решения нередко приносят народному хозяйству несоизмеримо больший ущерб, чем нарушения, вскрытые на заводе. Но виновные не отвечают за это: у них есть права, но нет материальной ответственности...» [2].

Указание XXVI съезда КПСС о необходимости полностью использовать преимущества социализма в управлении экономикой имеет не только практическое, но огромное принципиальное и научное значение.

Опираясь на него, попытаемся пройтись по всей «цепочке» и выявить, где и что можно и нужно использовать полнее и лучше, чем это мы делали до сих пор.

Начнем с основной производительной силы общества — с работающих людей, с нас с вами, уважаемый читатель.

Те, кому работать до 1990 г., уже давно родились, многие из них отцы и деды; многие — мамы и бабушки. Так вот их, работающих, хватает или нет? По этому вопросу, крайне важному для экономической тактики и стратегии, ломаются копья: существует или нет недостаток рабочей силы? А если существует, то благо это или бедствие? Нет спора о том, что существует нехватка рабочих рук в некоторых очень важных районах и отраслях производства. Речь идет о стране в целом: если в целом рабочей силы достаточно и ее необходимо перераспределить, создав соответствующие экономические предпосылки,— одни меры. Если в целом недостаток людей — другие.

В мае 1980 г. в издательстве «Наука» вышла в свет монография известного специалиста по проблемам труда профессора Е. Л. Маневича «Вопросы труда в СССР». В ней приводятся слова руководителей различных предприятий: они могли бы высвободить от 15 до 30% занятых рабочих, ИТР и служащих при том условии, что в планирование, использование фонда заработной платы и прибыли будут внесены некоторые изменения.

От 15 до 30%! Это значит каждого третьего—седьмого. Какие же изменения требуются, по мнению этих хозяйственных руководителей?

Прежде всего они справедливо указывают на необходимость более четкого научного обоснования плана. Программа на предстоящий год должна исходить из производственных мощностей, материально-технического снабжения, а не строиться по принципу «задание прошлого года плюс более или менее одинаковая прибавка». Много написано о том, что при опоре на прошлогоднее выполнение — «базу» — в проигрыше тот, кто лучше работает, ибо его резервы пущены в ход, а выигрывает тот, кто держит их про запас и использует постепенно.

---

[2] ЭКО. 1980. № 8. С. 32.

Хозяйственники считают, что в пределах утвержденного для предприятия общего фонда заработной платы они должны располагать большими возможностями в его использовании: доплачивать тому, кто работает за двоих, кто улучшает организацию дела. Они полагают, опять же справедливо, что любые изменения в плане должны быть обоснованными и сбалансированными. Скажем, если увеличивается задание, то надо увеличить и снабжение, фонды поощрения и т. д.

Что ж, все пожелания хозяйственников предусмотрены в «Положении» о предприятии, утвержденном еще в 1965 г. Они содержатся в Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР о совершенствовании планирования и укреплении хозрасчета, принятом в июле 1979 г. Следовательно, энергичная реализация постановления, чего требует съезд партии, дает большие возможности для решения проблемы кадров и исчезновения досок «Требуются...» там, где в действительности нисколько не требуется, о чем справедливо пишет другой специалист в вопросах труда — Н. И. Роговский в журнале «Плановое хозяйство». А доски эти многих развращают, создают для недобросовестных людей возможность пренебрегать своим рабочим местом.

Даже если потребуются еще некоторые решения или уточнения, это не меняет принципиального положения дел: одна ситуация, если нет людей. Их надо рожать и ждать 16—18 лет, пока они вырастут. Другая, если надо энергичнее выполнять давно принятые решения.

«Но,— скажет читатель-скептик,— мало ли что наобещают хозяйственники профессору Маневичу. Выкладывайте факты!» Можно и выложить. В «Правде» (1980. 8 сент.) первый секретарь Щекинского горкома КПСС товарищ Г. Гроцескул, к слову скажем — кандидат экономических наук, рассказывает, как партийная организация города провозгласила и реализовала принцип (автор назвал его девизом, тоже неплохое слово) «Персонала меньше — продукции больше». Пересказывать содержание поучительнейшей статьи нет надобности, ее стоит прочесть. А итог такой: «Оказалось, что метод вполне приемлем в металлообработке и на транспорте, в строительстве и угледобыче, в сельском хозяйстве и сфере обслуживания. Высвободив в промышленности города более 500 человек, при значительном росте объема производства, они теперь принялись внедрять метод в колхозах и совхозах. Успех дался не легко — у читателя не должно сложиться шапкозакидательского настроения. Речь о другом — *подобный результат возможен практически в любом городе европейской части страны.*

А теперь от количественной стороны перейдем к «качественной» и рассмотрим, как изменился образовательный и квалификационный состав советских людей.

Среди самодеятельного населения с высшим и средним (законченным и незаконченным) образованием на каждые 1000 человек в 1970 г. городского населения приходилось 748, сельского — 499, в 1979 г. соответственно стало 863 и 693.

За истекшие десять лет профессионально-технические учебные заведения подготовили около 22 млн квалифицированных рабочих; вузы выпустили более 7,5 млн дипломированных специалистов и техникумы — около 12 млн человек. Подобное преобразование культурного и профессионального состава населения непосредственно сказывается на изменениях, происшедших в организации труда в широком смысле этого понятия. Возросший образовательный и квалификационный уровень работающих позволяет широко использовать совмещение профессий, усиливает взаимосвязь между членами единого трудового коллектива, создает нравственную основу для взаимопомощи и ответственности каждого за работу всех. Суть, если не говорить о деталях, в повышении уровня, степени обобществления труда.

Напомним читателю слова В. И. Ленина о различии между формальным и экономическим пониманием такого процесса. Труд в нашей стране обобществлен уже самим фактом национализации предприятий после Октябрьской революции. Сейчас же речь идет о том, что работа каждого человека органически, повседневно включается и ощущается работающим непосредственно как часть общего труда. При индивидуальной сдельщине или повременной оплате такого уровня общности трудовых процессов нет. Мои доходы зависят лишь от моей работы. Она появляется при бригадном подряде — при переходе к бригадной сдельщине от единоличной. Меняется не только организация оплаты труда. Заработок каждого зависит от вклада всех членов бригады; следовательно, расширяется сфера личной заинтересованности в общем успехе. Распределение общей заработной платы между отдельными рабочими осуществляется бригадой. Создаются советы бригадиров, координирующие совместную работу. Конвейерная разобщенность сменяется освоением смежных профессий, взаимозаменяемостью и, следовательно, лучшим качеством и большим количеством продукции. «Я» заменяется «Мы», не приводя к нивелированию личности и к уравниловке.

Такая форма организации и оплаты труда и раньше существовала на рыболовных судах, в безнарядных звеньях в сельском хозяйстве. Теперь речь идет о всемерном ее распространении. Предусмотренное «Основными направлениями...» превращение бригадной сдельщины в основную форму оплаты труда в одиннадцатой пятилетке выражает итог глубинного процесса, подобно тому как в 1935 г. стахановский «внезапный» рекорд, переросший с молниеносной быстротой во всенародное движение, выражал факт превращения миллионов вчерашних сельских парней и девушек в квалифицированный советский рабочий класс. Дело теперь за максимально полным использованием потенциальных резервов, содержащихся в современной армии трудящихся. Ключ — организация труда.

Означает ли сказанное, что в области кадров нет проблем? Ни в коем случае! На съезде партии — и в Отчетном докладе ЦК КПСС, и в выступлениях делегатов — этому вопросу уделялось

большое внимание. Три направления приковывают к себе внимание.

Перемещение значительной части трудящихся в районы Сибири, Севера, Дальнего Востока. Там основной плацдарм прироста экономического потенциала страны. Нужна, следовательно, комплексная и энергичная программа мер — от строительства детских яслей до формирования театральных коллективов,— чтобы люди в тех краях жили не хуже, а лучше, чем на благодатном юге или в Подмосковье. Я опускаю в перечне жилые дома и магазины, городской транспорт и ремонтные ателье — это разумеется само собой.

Использование избыточной рабочей силы в Средней Азии и ряде районов Кавказа. Придется здесь энергичнее готовить кадры разных профессий из состава местного населения и активнее вовлекать их в освоение восточных районов. Одновременно придется активнее развивать в этих районах промышленность, кооперируя ее во многих случаях с сельским хозяйством.

Демографическая проблема. В 1970 г. нас было 241,7 млн человек, на 1 января 1981 г. — 266,6 млн человек. В среднем, следовательно, годовой прирост составил 2,5 млн человек. Много это или мало? Демографы считают, что маловато. Для нормального развития экономики требуется, чтобы в семье было трое детей. Между тем среди родившихся в 1979 г. лишь 23% детей были третьими в семье и более, а 77% — первыми или вторыми. Решениями XXVI съезда партии намечена активная демографическая политика: увеличивается оплачиваемый отпуск женщинам до достижения ребенком годичного возраста, расширяются возможности совмещать работу с уходом за детьми. Но проблема, разумеется, не только собственно экономическая. Она требует комплексного решения, учитывающего духовные потребности женщины в общественном труде, внутрисемейные отношения и еще многое другое, выходящее за пределы нашей темы.

Подчеркиваю, что демографическая проблема — не «довесок» к экономической стратегии, а органическая и очень важная часть ее. Поэтому основные направления экономического и социального развития страны в 80-е годы предусматривают комплексную систему мер помощи семьям, имеющим детей, и молодоженам. Страна не может ограничиваться рамками десятилетия, а люди растут и становятся взрослыми не быстро. Следовательно, и здесь мы можем — и обязаны — достигнуть большего, чем имеем, используя более полно преимущества социалистического строя.

Итак, в целом по стране трудовых ресурсов вполне достаточно — и количественно, и качественно — для осуществления задач одиннадцатой и двенадцатой пятилеток. Имеется и проверенный жизнью способ мобилизации этих ресурсов. Имя ему — щекинский метод организации труда, развитый и обогащенный в годы десятой пятилетки. Нет никакого оправдания медлительности во всеобщем его внедрении — не на отдельных предприятиях, тогда он неэффективен, ибо приводит лишь к текучести кадров, а в масштабе

города, области, республики. С учетом, разумеется, всех конкретных особенностей и условий жизни и работы.

II

К. Маркс, как известно, выделял три элемента процесса труда: живой труд, орудия труда и предметы труда. Каково же положение с резервами в области орудий труда?

Основные производственные фонды страны за 1970—1980 гг. более чем удвоились и выражаются в грандиозной величине — 1149 млрд руб. Это производственные здания и сооружения, машины и механизмы, транспортные средства и приборы. Их не только стало больше, они во многом иные, небывалые. Турбина, единичной мощностью равная Днепрогэсу. Газопровод, пересекающий континент. ЭВМ, производящая миллионы вычислений в минуту. Приборы с точностью до тысячных долей микрона. Экскаватор с пастью, вмещающей четырехосный вагон.

На создание основных производственных фондов страна тратит почти четверть всего национального дохода, многие десятки миллиардов рублей ежегодно. Потому так важен эффект от их использования (фондоотдача, по терминологии экономистов).

Нашему народу хорошо известны передовые предприятия, где в срок и досрочно достигают проектной мощности вступающие в жизнь новостройки, полностью загружен каждый станок, не пустует и квадратный метр производственной площади. Однако, к сожалению, имеется много и противоположных фактов. В целом за годы десятой пятилетки фондоотдача уменьшилась более чем на 14%. По примерным расчетам, это нанесло ущерб в размере 100 млрд руб.

Тому имеются и объективные причины. Быстро развивались отрасли добывающей промышленности, а в них, чтобы получить прирост продукции на рубль, приходится вкладывать в строительство порой до 5 руб. Значительны были затраты на мелиоративную технику, отдача от которой требует длительного времени. И все же, по мнению большинства специалистов, главными были причины организационные.

Объекты возводились чрезмерно долго и сдавались порой с недоделками, на устранение которых уходят месяцы, а то и годы (вспомните «Мы, нижеподписавшиеся...» А. Гельмана). После пуска химического комбината «выяснялось», что он не обеспечен сырьем или не подготовлены кадры. Нарушался ритм поставок комплектующих деталей и изделий предприятиями-смежниками. На иных предприятиях оказалось больше станков, чем станочников, и оборудование работает в одну смену вместо двух. В целом в машиностроении коэффициент сменности равен 1,35. Нередко применяется устарелая технология изготовления продукции, не позволяющая полностью использовать ресурсы нового и мощного оборудования.

Ускорение и повышение отдачи от созданных основных фондов — не рядовая задача, а одно из важнейших генеральных на-

правлений экономической политики в начавшемся десятилетии. Каждый процент успеха «весит» 5—6 млрд руб.! Предстоящая в этом направлении работа не имеет прецедентов в предыдущих пятилетках.

Во-первых, к 1983 г. намечено довести объем незавершенного строительства до нормативного уровня. В переводе на обиходную речь это означает, что стоимость незавершенных строительных объектов, составлявшая к началу 1980 г. более 106 млрд руб., или 91% от годового объема капитальных вложений, уменьшится не менее чем на 1/3. Десятки тысяч недостроенных предприятий в результате этого начнут выпускать продукцию! Должен признаться: для характеристики и оценки значимости данного задания у меня не хватает слов.

Во-вторых, существенно меняется «русло», в которое вливаются средства на обновление основных фондов. На первый план выдвигаются, вместо нового строительства, реконструкция и техническое перевооружение действующих предприятий. Отдача ускоряется в среднем в 3 раза. Такое направление инвестиций намечалось уже в предыдущих двух пятилетках, некоторые успехи достигнуты, но не очень значительные. Все та же инерция, косность мышления делали более престижным сооружение новых предприятий, чем «начинку» существующих. Не стоит предполагать, что эта инерция уже изжита до конца.

В-третьих, станет более точной оценка производимых машин, механизмов и приборов. Не секрет, что порой новая машина отличается от старой больше по внешнему виду и указанному в паспорте году выпуска, чем по эффективности.

Наконец — и это крайне важно, — изготовители машин будут сами осуществлять их установку и наладку, сложный ремонт и техническое обслуживание. По остроумному выражению одного экономиста, то, что называется периодом достижения проектной мощности оборудования, часто в действительности есть период устранения недоделок; производители до сих пор отвечали за продукцию только до ее отправки потребителю. Конечно, организация в широких масштабах подобной системы обслуживания — дело сложное, но эффект, который получит от этого народное хозяйство, трудно переоценить. Не случайно ведь все наши хозяйственники, пишущие об экономике США, Франции, ФРГ и других промышленно развитых стран, подчеркивают, что машиносервис — это важная предпосылка для рациональной организации производства. Мы отстали в этой области, пришла пора догнать и перегнать. Планомерное развитие экономики позволяет быстро наверстать упущенное. Дело за предприимчивостью.

Предметы труда — третий элемент производства — представлены ежегодно многими десятками миллионов тонн минералов, металлов, лесоматериалов, продуктов сельского хозяйства, синтетических материалов; миллиардами киловатт-часов электроэнергии и кубометров природного газа. Применительно к этой «галактике» овеществленного труда более всего близки слова — хозяйское отношение к общественному добру.

Но возникает вопрос: почему сегодня, на 64-ом году существования Советского государства, необходимо вновь и вновь говорить об очень простом и будничном деле — хозяйском отношении к народному добру? О каких недостатках идет речь?

Например, о таких, когда в садах и на полях остаются не вывезенными фрукты и овощи, потому что заготовители не подготовились к их приемке; когда приходится переделывать фундамент и перекрытия из-за того, что проект стройки содержал ошибку; когда 50—70% проката идет в стружку из-за несоответствия металла требованиям данного производства; когда машины стоят под открытым небом и выходят из строя задолго до нормативного срока; когда на овощехранилище при переборке выбрасывают немалую часть картофеля... Если не изживать подобные случаи, трудно ждать хозяйского отношения от миллионов людей.

Значит, нельзя ограничиваться лишь призывами. Необходимо организационно и экономически подкрепить политико-воспитательную работу.

Восьмидесятые годы в этой области выдвигают на первый план задачу формирования развития инфраструктуры: дорог, хранилищ, тары, сбора и переработки отходов. Впрочем, к этому вопросу мы еще вернемся.

III

Проблема интенсификации экономики как главного рычага повышения ее эффективности была сформулирована на XXIV съезде КПСС как необходимость органически соединить достижения научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства.

Индустриализация страны потому и социалистическая индустриализация, что не только были построены заводы, фабрики, машинотракторные станции и железнодорожные линии, электростанции и города в тайге. Преобразились люди. С 1928 по 1932 г. численность рабочих увеличилась с 8,7 млн человек до 17,8 млн. 9 млн парней и девушек из деревень и поселков, местечек, аулов и кишлаков стали рабочими. Их кругозор, восприятие мира, общительность, жизненные интересы и потребности преобразились так, как если бы прошел век. Я знаю об этом не по книгам, сам прошел такой путь. Но можно назвать и книги: «Люди из захолустья» А. Малышкина, «Бруски» Ф. Панферова, «Большой конвейер» Я. Ильина, «День второй» И. Эренбурга, «Время, вперед!» В. Катаева, «Трагедийную ночь» А. Безыменского...

А в чем сегодня, в начале 80-х годов, должно состоять наше преображение, ибо без преображения людей не будет и преображения экономики? Думается, мы по-новому призваны смотреть на свою повседневную работу. Сегодня важен не только профессиональный уровень, в целом достаточно высокий, но и нравственная позиция в каждом деле: как я отношусь к новому, не проявляю ли местничества, бюрократизма? В курсе ли я достижений науки и техники в области моей деятельности и как я применяю свои

познания на практике? Принципиален ли я? В чем конкретно выражается моя ведущая роль в коллективе? Без постановки подобных вопросов не обойтись, говоря об интенсификации, призванной преобразовать облик страны. Потому именно народнохозяйственные планы называются в наше время планами экономического и социального развития.

Дальнейший экономический прогресс общества зависит от ускорения научно-технического прогресса. Достижения советской науки признаны во всем мире, о них подробно говорили и на XXVI съезде партии. В научных учреждениях занято около 4 млн человек. На развитие науки государство расходует более 20 млрд руб. в год. Тем не менее научные учреждения могут — и обязаны — дать больше, чем они дают сегодня. Основной недостаток в данной области видится нам в том, что многие отрасли науки развиваются в значительной мере на экстенсивной основе: числом поболее... И начать разговор представляется полезным опять-таки с кадров, с подготовки людей, которые развивают науку, внедряют в жизнь ее плоды и реализуют их в массовом производстве.

В статье «Рубль и высшая школа», опубликованной в 1968 г. в «Литературной газете», я писал о том, что при возросших масштабах подготовки специалистов хорошо бы подключить рубль к проверке качества обучения: предприятия и организации, куда пришли работать выпускники вузов, возмещают государству затраты на подготовку специалиста в среднем около 5 тыс. руб. на человека. А ежели выявляется, что обладатель диплома не соответствует содержащейся в дипломе записи, он возвращается в институт для доучивания, а институт возвращает «получателю» специалиста уплаченные деньги. До возмещения государству расходов на обучение студентов, правда, до сих пор дело еще не дошло, но, как мне кажется, быстро приближается.

Дело в том, что и высшее образование в значительной степени развивается сейчас экстенсивно: новые университеты и институты, факультеты и филиалы...

Вот данные, приведенные в цитированной выше книге профессора Е. Л. Маневича:

	СССР			США		
	1950 г.	1965 г.	1975 г.	1950 г.	1965 г.	1975 г.
Выпуск инженеров, тыс. чел.	37	170	304	61	41	51
Численность дипломированных инженеров, занятых в народном хозяйстве, тыс. чел.	400	1631	3700	310	735	1100

В 1979 г. вузы СССР выпустили около 300 тыс. инженеров, а общее число специалистов с высшим образованием, занятых в народном хозяйстве, превысило 11 млн человек. Это огромное экономическое и социальное достижение! Но не следует ли и в этой области ключом управления считать не дальнейшее увеличение

количества, а значительно, во много раз лучшее использование имеющегося потенциала?..

Ко многим причинам снижения авторитета этой профессии, которая еще недавно была одной из самых привлекательных, престижных, вероятно, надо прибавить и ту, что инженеры нередко занимают должности, которые требуют совсем иной подготовки.

Можно ли представить себе самого высококвалифицированного экономиста, который станет занимать должность главного инженера завода, стройки, треста, объединения, начальника технического отдела министерства? Никогда! Между тем очень многие главные экономисты объединений и предприятий, руководители экономических подразделений самого высокого уровня — инженеры по образованию и опыту работы. Что касается поста директора предприятия, то тут даже сомнения не возникает. А ведь нередко производство весьма сильно ощущает, что его руководителю не хватает необходимых знаний. Кстати, в большинстве промышленно развитых стран руководители предприятий — не инженеры, а администраторы, управленцы, и это легко понять — управляют руководители людьми, а не машинами.

Насколько прочно убеждение, что инженеры должны уметь все, можно судить и по... «Литературной газете». В № 15 (1981. 8 апр.) она возлагает на инженеров задачу «совершенствовать управление всеми звеньями экономики».

Полезно обратить внимание на то, что и в собственно технической области не все доступно инженеру. Это указывает на необходимость теснее сомкнуть научно-исследовательские и проектно-конструкторские работы с производством.

Экономика социализма — очень сложная область деятельности. Нужны глубокие знания, чтобы планировать, устанавливать цены, балансировать потребности и ресурсы, распределять национальный доход. Многократные указания партии на недостатки экономической практики не в последнюю очередь объясняются тем, что места экономистов заняты не специалистами.

Или, скажем, такая должность, как инженер по соревнованию. Нет спора, социалистическое соревнование в современных условиях требует квалифицированного общественного руководства. Но при чем тут инженер? Это дело скорее социолога, хорошего организатора...

В сфере науки, включая вузы, трудятся 1300 тыс. научных работников, каждый четвертый научный работник в мире — гражданин СССР, а в структуре и в организации работ научных учреждений тоже не все продумано до конца.

Видный организатор советской науки, один из создателей Сибирского отделения Академии наук СССР академик М. А. Лаврентьев утверждает, что научно-исследовательский институт со штатом в 1000—1500 сотрудников неуправляем (ЭКО. 1980. № 5. С. 144), т. е. в нем трудно руководить развитием науки. Но министерства считают зазорным иметь научные институты со штатами меньше 3—4 тыс. сотрудников плюс два-три филиала по

тысяче человек в каждом. На количественной основе строится вся система оценки деятельности научных работников в НИИ. Счет идет на пресловутые «баллы», остроумно названные в свое время «Литературной газетой» баллами-маскарадами. В основе балла — количество: напечатанных статей, проведенных мероприятий, полученных авторских свидетельств. А едва ли стоит разъяснять, что «числом поболее» тут не подходит. Невольно вспоминается анекдот о том, что до революции в Тульской губернии был всего один писатель. То, правда, был Лев Толстой...

Не всегда правильно понимается, какое участие должен принимать научный работник во внедрении сделанного им открытия. Внедрение в современных условиях — сложный организационный и технологический процесс. Конечно, нужно участие и автора идеи, но не в том смысле, чтобы он приходил на предприятие и отвлекал людей от дела. Принятое в июле 1979 г. постановление «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы» содержит комплексную программу интенсификации науки. Не вдаваясь в детали, объясним существо дела. До недавнего времени большинство научных работ в НИИ и вузах финансировалось из государственного бюджета. При составлении планов прилагались расчеты ожидаемой эффективности. Если она оказывалась фактически меньшей или ее не было вовсе, махать кулаками после драки было поздно: деньги уплачены.

Сейчас исследования переводятся на хозяйственный расчет. НИИ имеет небольшую сумму собственных оборотных средств, а все остальные средства, необходимые для проведения исследований, покрываются за счет ссуд Госбанка. Если работа сдана в срок, принята и оплачена заказчиком, погашение задолженности происходит автоматически. Стоит нарушить любую из этих предпосылок, рассчитываться с банком нечем. А ссуда, в отличие от бюджетного финансирования, требует обязательного возврата. Как говорится, берешь на время, а возвращаешь навсегда... Постепенно вводится очень разумная мера: научные институты получают в свои премиальные фонды часть дополнительных накоплений, являющихся плодами их научных разработок. Контроль рублем — великая сила. Он становится катализатором научных исследований.

Есть и другие нерешенные принципиальные вопросы. Например, по мнению многих специалистов, не соответствует современным требованиям организационный принцип построения НИИ. До сих пор отделы, лаборатории и другие подразделения имеют определенную, давно установленную направленность, тематику. В свое время в этой области ими были достигнуты успехи; «виновные» были достойно награждены. А затем годами идет «доработка», «совершенствование»... Но ведь непрерывно возникают новые направления! А штаты уже заняты. И для новых дел возникает еще один НИИ.

Не логичнее ли сделать научные институты «гибкими»: для

решения крупной проблемы организуется соответствующий отдел, лаборатория и т. п. После завершения работы он расформировывается. Кто может быть использован для вновь поставленной задачи, оставляется. А явно непригодный для научной работы человек займется другим делом.

Совместимо ли творчество с подобной организацией? Писатели, многие деятели искусства только так и трудятся. Непривычно? Но мы уже выяснили, что одним привычным не обойтись в восьмидесятые годы.

Второй нерешенный вопрос связан с тем, что многие прикладные НИИ были переданы из Академии наук хозяйственным министерствам. В целом мера несомненно себя оправдала: гораздо энергичнее пошло дело с созданием научно-производственных и производственно-научных объединений. Но у монеты есть не только «орел», есть и «решка»: порой хозяйственники прохладно относятся к поисковым работам, а их в прикладной науке не меньше, чем в Большой, академической, и без задела на много лет вперед прикладная наука захиреет. Возникли отраслевые, министерские, перегородки между близкими и не очень близкими науками (сегодня далеко не всегда просто отличить химическую физику от физической химии), и происходит дублирование исследований, многократные и дорогостоящие «открытия Америк». Пока не найдена эффективная форма координации.

Плохо и то, что многие научные работники, занятые в вузах, не имеют возможности принимать участие в научных исследованиях. Отраслевые НИИ порой создают искусственные пороги на пути «чужих» идей и машин. Об этом нередко пишут в газетах, но вопрос до сих пор не решен.

Краткая мораль из всего вышеизложенного сводится к тому, что наука — это исток интенсификации общественного производства и потому необходимо широко, всесторонне и на много лет вперед решать вопросы повышения эффективности НИИ, лабораторий, опытных производств. Крутой отход от сложившихся представлений и форм организации труда здесь необходим нисколько не менее, чем в собственно хозяйственной сфере. В том числе надо решать и вопрос оплаты труда научных работников: сегодня младший научный сотрудник, кандидат наук, получает намного меньше водителя автобуса.

Пойдем по «цепочке» дальше — в отрасли и на предприятия. За 15 лет после возвращения к отраслевой (вместо территориальной) системе управления промышленностью многие министерства обросли «своими» вспомогательными предприятиями, названными по справедливости на XXV съезде партии натуральным хозяйством. Границы отраслей оказались размытыми. В печати приводились факты, когда одну и ту же машиностроительную продукцию производят свыше 400 заводов, подчиненных 35 министерствам.

Отраслевая, а точнее, министерская распыленность производства дополняется отсутствием должной координации в региональном разрезе. Мы уже касались этой проблемы (см.: Звезда. 1978.

№ 5. Статья «Неотвратимость»), и нет нужды повторяться. Отметим только, что многие производственные объединения не вбирают в себя все подходящие для комплекса предприятия в зоне своей деятельности, как то предусматривалось, в то же время, исходя из ведомственных интересов, имеют подразделения, отдаленные подчас за сотни километров.

У предприятий (производственных объединений) очень много острых проблем, связанных со специализацией. Сплошь и рядом заводы получают задания, ни в какой мере не относящиеся к их профилю. Неизбежная кустарщина причиняет стране ущерб, намного превышающий эффект от полученной таким образом продукции. Еще в худшем положении оказываются многие строительные организации. 1 ноября 1980 г. «Правда» опубликовала статью своего коллективного корреспондента — редакции «Строительной газеты» под названием «Строителям — реальный план». В качестве примера приводится план на 1981 г., установленный Министерству строительства СССР. По мнению «Строительной газеты», утвержденный прирост программы работ более чем в 5 раз выше реальных возможностей министерства, и к тому же он на 13—15% не обеспечен многими важнейшими материалами. При подобном планировании строители интенсивно работать не могут.

Что касается торговли, сферы бытового обслуживания, городского хозяйства, то эти отрасли давно стали сложными в техническом отношении, и к ним тоже нужен новый подход; здесь косная сила инерции мышления сказывается, возможно, всего сильнее. Во многих городах десятки снабженческо-сбытовых органов, складов и баз, торговых организаций, дублирующих друг друга и мешающих один другому. А заняты в них десятки тысяч людей, и обходятся они обществу в миллиарды рублей ежегодно.

Пора подвести итог. Интенсификация производства требует комплексной перспективной программы осуществления самого этого процесса — *интенсификации*. Самотеком, решением тех или иных отдельных технических и организационных вопросов она осуществиться не может. На наш взгляд, нужна целевая народнохозяйственная программа под кодовым названием «*Интенсификация*», и понять важность этой целевой программы необходимо всем ее участникам, какую бы должность они ни занимали.

IV

Интенсификация производства, конечно, не самоцель, а средство решения высшей цели экономической стратегии партии — неуклонного подъема материального и культурного уровня жизни народа. В материалах XXVI съезда подробно указаны направления решения задачи; часть из них названа выше, перечислить же все в рамках статьи не представляется возможным. Ограничусь потому одной — продовольственной.

Сегодня все звенья — планирование, финансирование, управление производством, хранением, переработкой и реализацией про-

дукции — имеют свои показатели, между их планами нет должной координации, и от этого теряют все — и производители, и потребители. Поэтому необходима комплексная система, с тем чтобы работники каждого из этих звеньев были заинтересованы в доведении до конечного потребителя продуктов высокого качества.

Приведем некоторые данные о продаже населению продовольственных товаров, включая общественное питание, но без колхозного рынка (в млрд. руб.):

	1970 г.	1979 г.
Мясо и мясопродукты	12,2	19,0
Рыба и рыбопродукты	3,0	4,3
Консервы овощные и фруктово-ягодные	1,5	2,3
Животное масло	3,1	4,4
Молоко и молочные продукты	5,1	6,8
Яйца	1,6	3,7

Несмотря на значительный рост продажи перечисленных и других продуктов, спрос на них удовлетворяется далеко не полностью. Сказывается и увеличение доходов населения, и уменьшение производства в приусадебных хозяйствах. Покупка сельскими жителями в городах сельскохозяйственных продуктов — явление, к сожалению, не редкое.

Как нам представляется, главными в продовольственной программе будут экономические и организационные меры. Конечно, в агротехнике и животноводстве имеются не решенные в научном аспекте проблемы, но они будут всегда, как и в любой другой науке.

Под сельское хозяйство подведена большая материально-техническая база, и здесь, как и в других отраслях, ключевая задача — лучшее использование уже созданного.

Управлять погодой мы пока не умеем, но уместно заметить, что в хозяйствах, расположенных рядом, находящихся в равных условиях, результаты бывают настолько различны, что складывается впечатление, будто дожди и засухи действуют избирательно. Но посмотрим те участки, где погода не фигурирует.

За годы десятой пятилетки сельское хозяйство получило 1800 тыс. тракторов, свыше 1300 тыс. грузовых автомобилей, около 640 тыс. зерновых комбайнов и много другой техники.

А вот данные о парке машин, т. е. о том количестве, которое находилось и работало в сельском хозяйстве (в тыс. шт.):

	1976 г.	1977 г.	1978 г.	1979 г.
Тракторы	2400	2458	2515	2540
Зерноуборочные комбайны	685	693	700	706
Грузовые автомобили	1442	1501	1528	1568

Примерно такова же картина с парком тракторных плугов, сеялок, кукурузо- и картофелеуборочных комбайнов и других машин. Несмотря на непрерывный поток новой техники, действующий парк машин практически стабилен. Получается, что годовое выбы-

тие почти равно поступлению, а машины, как говорится, железные, и работать им положено не один сезон.

Попытаемся найти корни недостаточной требовательности. Они видятся нам опять-таки в инерции мышления. Мы все еще рассматриваем сельское хозяйство и занятых в нем людей как бы в условиях 30-летней давности, когда на трудодень в иных колхозах выдавали по гривеннику и по килограмму зерна. Отсюда «собесовское» отношение к предприятиям, порождающее у многих руководителей колхозов и совхозов открыто иждивенческие настроения без всяких к тому оснований. Нередки случаи, когда горожане, участвующие в полевых работах, справедливо жалуются на невнимательное, а порой и пренебрежительное к ним отношение.

Между тем для жалостливости давно нет никаких причин. Осуществление аграрной политики партии, принятой на мартовском (1965 г.) Пленуме ЦК КПСС и продолженной в дальнейшем, коренным образом изменило уровень жизни на селе, и это прекрасно! Сегодня на селе никого не удивишь хорошей мебелью, телевизором и холодильником, мотоциклом, а то и автомобилем. На примерно 25 млн семей сельского населения имеется 34 млн вкладов в сберкассах, средний размер вклада составляет 1154 руб. против 1055 руб. в городе. Но достигнутому уровню жизни должен соответствовать и уровень требований к количеству и качеству продукции. От колхоза и совхоза нередко принимают продукцию такого качества, какую никогда не решится сдать завод. А почему, собственно говоря, применяется различный подход? Без резкого повышения требовательности к работникам сельского хозяйства продовольственную программу не решить.

Произведенную продукцию надо вывезти, доставить потребителю — заводу или магазину. Отсюда проблема дорог. В целом этот очень важный вопрос выходит за рамки статьи, но сказать надо: без сети хотя бы удовлетворительных дорог не обойтись. Строительство дорог — дело дорогое, но без них еще дороже: потери от перебоев в завозе необходимых колхозам и совхозам средств производства и в вывозе продукции намного превышают ассигнования, необходимые для строительства дорог.

Очень важное звено — переработка. При любом уровне развития пищевой промышленности одних ее усилий недостаточно: многие ягоды, фрукты, овощи, да и молоко «не доживут» до поступления на предприятия. Назрела потребность иметь в колхозах и совхозах, межхозяйственных организациях предприятия для переработки скоропортящихся продуктов. И иметь их не в виде инициативы того или иного руководителя, а как органический элемент хозяйства, подобно тракторному парку. В пределах средств, направляемых сельскому хозяйству, ресурсов для этого достаточно, а необходимое оборудование можно и должно изготовить, не увеличивая общей программы машиностроения, за счет более продуманной очередности выпуска продукции: не секрет, что многие виды оборудования годами лежат на площадках в ожидании монтажа.

Завершающим звеном продовольственной программы явля-

ется торговля. Если общие затраты общественного труда, необходимые для удовлетворения потребности в продовольствии, мы примем за 100%, то по примерным подсчетам на долю сельского хозяйства приходится из них 46%, промышленности — 37 и на долю торговли — 10. Между тем направление капитальных вложений и других ресурсов ни в какой степени не соответствует этим пропорциям. Поэтому мы постоянно сталкиваемся с нехваткой современных хранилищ, тары, специализированного транспорта, торговых помещений. А ведь каждое негодное хранилище, плохая тара, неаккуратная и длительная перевозка, так же как и один-единственный нерадивый кладовщик, могут погубить годовой труд сотен колхозников. Нерадивым людям для этого не надо даже чего-либо делать. Достаточно именно ничего не делать, и картофель сгниет сам собой... Уровень и организация продажи многих продовольственных товаров все еще не соответствуют нашим возможностям и обоснованным требованиям современного покупателя.

Решить продовольственную программу без индустриализации торговли невозможно. Дело это непростое. Вырастить картофель, кролика, поросенка можно куда быстрее, чем создать разветвленную сеть холодильников, овощехранилищ, фасовочные предприятия. И все же нельзя допустить, чтобы торговля стала барьером на пути решения продовольственной программы!

Понятно, что реализация продовольственной программы партии потребует больших усилий и определенного времени. И самым трудным представляется нам обеспечение комплексности в решении этой задачи. Сами по себе отдельные участки при любом их прогрессе не дают необходимого результата. У нас пока нет опыта в решении подобного масштаба задачи, нет и соответствующего психологического настроя у многих экономистов и хозяйственников. А инерцию мышления преодолевать далеко не просто.

V

В Отчетном докладе ЦК КПСС и в докладе об Основных направлениях развития экономики в 80-е годы, в выступлениях делегатов съезда большое внимание уделялось необходимости совершенствовать хозяйственный механизм, улучшать планирование и управление народным хозяйством. Вряд ли мы найдем хотя бы одно выступление, где не упоминался бы Госплан.

Действительно, совершенствование планирования и управления в самом широком смысле этих слов — то звено, вытащив которое мы откроем широкие возможности использования громадных резервов, имеющихся на любом участке народного хозяйства.

Основной задачей и основным условием для совершенствования в этой области сегодня стал переход к комплексным целевым программам. Поясним, о чем идет речь.

В настоящее время народное хозяйство в основном функционирует в отраслевом, так сказать, продольном разрезе. Министер-

ство ведает объединениями и предприятиями на всей территории страны. Этот отраслевой принцип вызван все более усиливающимся разделением общественного труда: иногда одна деталь или агрегат могут потребовать создания отдельного большого предприятия. Оборотной стороной этого процесса оказываются ведомственные перегородки между близкими отраслями и специалистами. По выражению Бернарда Шоу, возникает ситуация, когда человек знает все... ни о чем.

Чтобы преодолеть эти межведомственные барьеры, в дополнение к отраслевому принципу постепенно, но, к сожалению, крайне медленно внедряется территориальный, в виде ТПК (территориально-производственных комплексов). Потери от медлительности большие. Вот один из примеров. Тобольский нефтехимкомбинат сооружают одновременно 16 министерств, из них только четыре строительных министерства представлены двумя главками, четырьмя трестами и 30 строительно-монтажными управлениями.

Какой можно найти выход из этого положения? Заместитель генерального директора комбината видит его в том, чтобы при Совете Министров СССР создать комиссию под руководством заместителя Председателя Совета Министров для непосредственного наблюдения за строительством. Разумеется, это не выход: крупных строек многие сотни. Но в то же время для ТПК действительно необходим правомочный руководящий орган. В «Основных направлениях...» предусмотрена разработка хозяйственно-правовых основ управления ТПК. Значение подобного документа нельзя переоценить: без четкого организационного оформления прав ТПК и создания соответствующего органа управления дело не пойдет. Трудность здесь в том, что многие финансисты и «трудовики» искренне убеждены, что каждое новое учреждение — зло, раздувание штатов. Это тоже одно из проявлений инерции косности мышления.

Однако создание ТПК тоже не решает всех задач, выросших из современного масштаба экономики СССР. Потому и нужны целевые комплексные программы.

Их конкретное содержание мы раскрыли на примере продовольственной программы: единой цели подчиняются все обеспечивающие ее звенья. Но такие целевые программы требуются и внутри отдельных отраслей. К примеру, сельскохозяйственных машин производится достаточно много, принимаются меры по дальнейшему их совершенствованию, что конечно, правильно. Но не менее, если не более важно иметь комплекс машин для механизации всех процессов в растениеводстве и животноводстве. Если в таком аспекте рассмотреть парк машин, то он совершенно неудовлетворителен: выигрыши на одних участках и операциях поедаются потерями на других, смежных. Следовательно, целевая программа — это не просто сочетание отраслевого подхода с территориальным, а органическая связь, соразмерность и гармония слагаемых, образующих сумму. Условно можно сравнить это со схемой линий

Московского метро, где разнонаправленные радиальные линии объединяются кольцевой трассой.

Переход к планированию и управлению на основе целевых программ — новый этап в развитии народного хозяйства, ставший одновременно и возможным, и необходимым в восьмидесятые годы. Начался этап, как это и должно быть, с научных обсуждений, моделирования. Но практически его внедрение требует четких организационных мер. Многолетний опыт категорически свидетельствует: любая мера, даже наилучшая, остается мертворожденной, если ее внедрение проводится в жизнь не указаниями специального правомочного органа, а только призывами и уговорами. Значит, придется продумать схему плановых и других органов, осуществляющих целевые программы, которые покоятся на трех китах: отраслевой специализации, территориальной интеграции и взаимопроникающей комплексности и согласованности.

Интересная, многообещающая перспектива!

Разумеется, перечисленные «киты» должны органически входить в народнохозяйственный план, разверстываться по министерствам и регионам, рассчитываться по годам пятилеток. Тут непочатый край дел для науки и практики.

«Основные направления...» справедливо требуют усиления роли планирования, совершенствования показателей, выбора наиболее эффективных путей достижения высоких народнохозяйственных результатов. Без этого не может динамично расти экономическая галактика СССР. Но как понимать направление решения этой задачи?

30 октября 1980 г. газета «Советская торговля» отвела почти целую полосу материалам под интригующим названием «Магазин без плана». Просим извинения за длинную цитату: «В конце месяца телефоны во многих торговых организациях начинают раскаляться: — План горит, — взывают руководители магазинов. — Подкиньте для плана. — И торг „подкидывает“... Выполнившим план прощаются жалобы покупателей, и неряшливость в зале, и другие прегрешения. Так план товарооборота входит и противоречие с качеством работы, с культурой обслуживания... Беды, проистекающие из погони за планом товарооборота, хорошо известны... Сама жизнь подсказала, что существующие критерии оценки работы торговых предприятий необходимо изменить». И вот на 41 торговом предприятии страны производится эксперимент. Коротко говоря, суть его в том, что оценивают и поощряют работников за выполненную работу по ее объему и качеству, а не по степени выполнения установленного плана. План перестал быть дамокловым мечом, отпала необходимость занижать его из-за боязни надбавки в следующем году.

Чтобы иллюстрация была более убедительной, расскажем и о другом факте. Председатель колхоза «Красный доброволец» Смоленской обл., работающий на этом посту 26 лет, товарищ Васильев пишет, что их колхоз в расчете на каждые 100 га площади дает 810 ц молока и 157 ц мяса, что в 3,5—4 раза больше, чем в

среднем по области, но оплату труда пастухи и доярки получают меньшую, чем в тех хозяйствах, где отдача на гектар меньшая, но прирост к плану прошлого года больший [3]. Нетрудно понять, что, чем ниже был исходный уровень, тем легче повысить процент прироста.

При обсуждении «Основных направлений...» приводилось много примеров, когда поощрение за одни частные успехи вызывает потери в других местах. Чтобы экономить электроэнергию и получать премии, некоторые машинисты электровозов искусственно замедляют движение поездов. Диспетчеров поощряют за то, что на станциях не стоят составы, и они порой, вместо того чтобы принимать их на запасные пути, задерживают перед станциями, создавая пробки по всей линии...

Сама жизнь требует — все оценивать исходя из общего результата!

Тут уместно обратить внимание читателя на одну любопытную филологическую новацию. Постепенно слово «потери» становится синонимом слова «резервы». Чтобы не называть размера потерь, иной хозяйственник указывает, как велики имеющиеся у него резервы. При подобном подходе наибольшие резервы у студента-двоечника и никаких у круглого отличника...

Так что же, жить без плана? Ни в коем случае! План нужен для баланса, для обеспечения предприятий всем необходимым, короче, для всего развития экономики. Это — азбучная истина. Речь о другом — не считать его критерием оценки работы коллектива. Если продано 100 телевизоров или центнеров молока, то за них надо и платить, независимо от того, было ли в плане предусмотрено 90 или 120. Сдельная оплата (с учетом, разумеется, качества) лучше всего побудит производить, перевозить, строить и продавать больше.

Тут ведь есть и еще одно обстоятельство. Поощрение снижается и при невыполнении плана, и при его перевыполнении более чем на 3%. Следовательно, надо угадать с точностью, недоступной даже при изучении элементарных частиц. Немало написано на тему о том, как «обеспечивается» попадание в цель и на какие ухищрения, никому не нужные по сути, вынуждены идти плановики и бухгалтеры. Не случайно, видимо, в сообщениях о выполнении плана часто фигурируют 100% с небольшим привеском в 2—3 десятые процента...

Указание на необходимость повышения роли планирования в «Основных направлениях...» соседствует с требованием «не допускать нарушения прав объединений и предприятий, мелочной опеки и администрирования по отношению к их руководителям и специалистам».

Необходимые права предусмотрены в «Положении» о предприятии, и если приходится говорить о недопущении нарушения этих прав, то потому, что многие важные пункты «Положения»

---

[3] Правда. 1980. 13 дек.

остаются на бумаге. Видимо, пора спросить с нарушителей установленного ЦК КПСС и правительством порядка.

Мы приходим, таким образом, к выводу, что для повышения уровня планирования и управления необходимо существенное повышение сбалансированности, перспективности, комплексности, дальновидности: значительно более глубокий учет тех реальных факторов, которые определяют выполнение планов и переход частных, «местных» достижений в конечные народнохозяйственные. Для решения такой задачи следует, как сказано в «Основных направлениях...», улучшить организацию планирования, структуру, формы и методы работы плановых органов. А для этого придется плановым органам теснее сблизиться с экономической наукой, рекомендации которой они часто встречают с вежливым равнодушием. Не потому ли, что в их штатах экономисты по профессии составляют незначительное меньшинство, а превалируют инженеры, агрономы и люди других профессий?

VI

По известному изречению, экономика выражает отношения между людьми по поводу вещей, по поводу их производства и потребления. Не обойтись поэтому без произведений искусства, трактующих о людях-хозяйственниках. Здесь речь пойдет о пьесе драматурга Ю. Черняка «Парадоксальный вариант», точнее, о беседе О. Кучкиной с директором завода В. Литвиненко, предполагаемым прототипом героя пьесы — Ломакина.

В пьесе этой нас сейчас интересует не сюжет — драматическая история о заселении только что построенного дома в городе Ярославле и о тяжбе директора завода с горсоветом. Нас интересуют взгляды этого директора завода на управление в целом. Они изложены товарищем Литвиненко так четко, что грех пересказывать их своими словами.

«По существу, разговор идет о соотношении нормативного и творческого в хозяйственной деятельности. Норма — рубеж, существующий безотносительно к личности. А лично я всегда должен найти разумный выход из любого положения, иначе кому я нужен как директор... Мои социальные оппоненты — это безразличные люди. Безразличные не только и даже не столько к недостаткам, сколько к успехам, к рождению методов, позволяющих предотвратить недостатки». И диагноз этим людям поставлен, на наш взгляд, предельно правильно: некомпетентность.

Жаль прерывать пересказ статьи, отсылаем читателя к номеру газеты «Комсомольская правда» за 21 ноября 1980 г., а сами немного пофилософствуем. Инерция косности мышления вызвана не известкованием мозговых извилин у соответствующих работников, а их боязнью нового. А боязнь эта вызвана недостаточной компетентностью. За последние десятилетия в министерства и другие центральные органы управления экономикой пришли работники с предприятий и строек. Процесс нормальный, очень положи-

тельный. Но при том лишь условии, если они, поднявшись на более высокую ступень, подумают о повышении своей квалификации.

Самый лучший генерал тот, кто начинал службу с солдата. Но лишь при том обязательном условии, что он заканчивал соответствующие учебные заведения, а не только менял погоны. Главк — это не просто сумма заводов, министерство — не только совокупность главков, а Госплан СССР — не всесоюзный горплан. Однако многие практики глубоко убеждены, что особо мудрить нечего: руководил заводом, где работали 10 тыс. человек, управлюсь с отделом с 50 сотрудниками. В недостатке знаний — корни близорукого хозяйственного мышления, боязни выйти за пределы усвоенного, недоверия к принципиально новым идеям.

Интенсификация экономики — главное стратегическое направление экономической политики КПСС — требует интенсификации работы органов управления, изменения многих методов подбора и оценки работы кадров. Принципы те же — партийность и деловитость, но конкретное содержание этих понятий неизмеримо более сложное.

Выдвижение на первый план конечных народнохозяйственных результатов ставит перед хозяйственником сложные этические проблемы: часто приходится поступаться интересами предприятия, своими личными во имя общего, порой далекого и не всегда легко подсчитываемого. В названной пьесе Ю. Черняка показан подход с позиций всего народного хозяйства к таким «прозаическим» вещам, как распределение станков, оплата труда и прочее.

Сложившиеся сегодня отношения между хозяйственниками и управляющими ими органами, местными организациями не имеют строгой и единообразной юридической основы. Единоначалие порой превращается в единоответственность при множестве управляющих, а порой и в безответственность при поддержке сверху или сбоку. Между тем интенсификация — процесс длительный, требующий стратегии, а не только тактики. Директор завода, совхоза, начальник стройки должен на много лет вперед знать, на что он может рассчитывать, чем он распоряжается. Так называемые «волевые» методы руководства несовместимы с интенсификацией, и такое положение, если с ним согласиться, должно быть узаконено и неуклонно соблюдаться. «Основные направления...» включают такое требование. Дело за его реализацией.

* * *

Программа развития экономики СССР на 80-е годы не носит привычных на Западе рекламных названий типа «Новый курс», «Доктрина» и т. п. Напротив, подчеркивается, что речь идет о преемственности экономической и социальной политики партии, которая, конечно же, не есть простое продолжение, а применительно к новым возможностям и потребностям выдвигает на

первый план именно те задачи, которые стали основными. Следовательно, имеется в виду динамичная преемственность.

Одиннадцатая пятилетка — сложная пятилетка, об этом следует сказать определенно. Предстоит найти ресурсы для решения одновременно двух крупных и взаимозависимых задач: дальнейшего повышения уровня благосостояния народа и крутого поворота экономики в направлении интенсификации. Накопившиеся за ряд лет частичные диспропорции между отдельными отраслями народного хозяйства не изжить по щучьему велению. Сложна международная обстановка. Поэтому XXVI съезд партии требует от нас высокого чувства ответственности, твердой, действительно коммунистической сознательной дисциплины, неустанных поисков нового, поддержки этого нового, творческого полета мысли.

В 80-е годы могут и должны полностью реализоваться созидательные потенции социализма. От каждого из нас непосредственно зависит, как быстро и полно это произойдет.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 3
СТО МИЛЛИОНОВ ГАЕК 6
МЫСЛИ ПОСЛЕ ПЛЕНУМА 11
ПРОДОЛЖЕНИЕ РАЗГОВОРА
(мысли после съезда) 39
ТАЛАНТ ЭКОНОМИСТА 58
СУТЬ РЕФОРМЫ 91
САМАЯ БЛАГОДАРНАЯ ЗАДАЧА 115
НЕОТВРАТИМОСТЬ 140
МНОГОГРАННЫЙ РУБЛЬ 146
РЕФОРМА. ГОД СЕДЬМОЙ 178
НАУКА УПРАВЛЯТЬ 198
ДЕЛОВОЙ ЧЕЛОВЕК 221
ГЛАВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ 241
УРОКИ ПОЛУВЕКА 265
НЕОТВРАТИМОСТЬ 286
КЛЮЧЕВАЯ ЗАДАЧА 312
ИСКУССТВО ЗАРАБАТЫВАТЬ ДЕНЬГИ 337
ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ 355

Научное издание

БИРМАН Александр Михайлович

ОПЕРЕЖАЯ ВРЕМЯ

Утверждено к печати
Отделением экономики АН СССР

Редактор издательства *В. С. Баковецкая*
Художник *О. В. Кашаев*
Художественный редактор *И. Д. Богачев*
Технический редактор *Н. Н. Плохова*
Корректоры *А. А. Иванова, Р. В. Молоканова*

ИБ № 46548

Сдано в набор 09.02.90
Подписано к печати 14.05.90
Формат $60\times90^{1}/_{16}$
Бумага офсетная № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 24,1 Усл. кр. отт. 24 Уч.-изд. л. 27,8
Тираж 2000 экз. Тип. зак. 4254
Цена 4 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485
Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

В магазинах Всесоюзной фирмы
«АКАДЕМКНИГА»
можно приобрести следующие издания:

Ракитский Б. В., Шохин А. Н.
ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ТРУДОВЫХ ДОХОДОВ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ.
1987. 317 с. 3 р.

В работе исследуются отношения распределения при социализме, понимаемые как совокупность процессов формирования, перераспределения, сбережения и условий реализации трудовых доходов населения. Работа сочетает политэкономическое раскрытие сущности распределения при социализме, анализ фактического состояния процессов движения трудовых доходов, разработку методов планомерной регуляции распределительных отношений. Рассматриваются основные функции и структура отношений распределения; определяется место трудовых доходов в системе социалистического распределения.
Для широкого круга экономистов.

Никифоров Л. В.
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ГОРОДА И СЕЛА.
1988. 288 с. 2 р. 60 к.

В книге обосновано и развито научное направление, исходящее из того, что на современном этапе основные закономерности социально-экономического развития села и преодоления социально-экономических различий между городом и селом совпадают. Показано, что существо этих процессов заключается в становлении единой социально-экономической системы, объединяющей город и село в производственном, экономическом и социальном отношениях (система город — село). Основой такой системы является изменение сложившегося ранее общественного разделения труда между городом и селом, интеграция различных городских и сельских структур и выполняемых городом и селом общественных функций.
Для широкого круга читателей.

Валовой Д. В.

ЭКОНОМИКА: ВЗГЛЯДЫ РАЗНЫХ ЛЕТ.

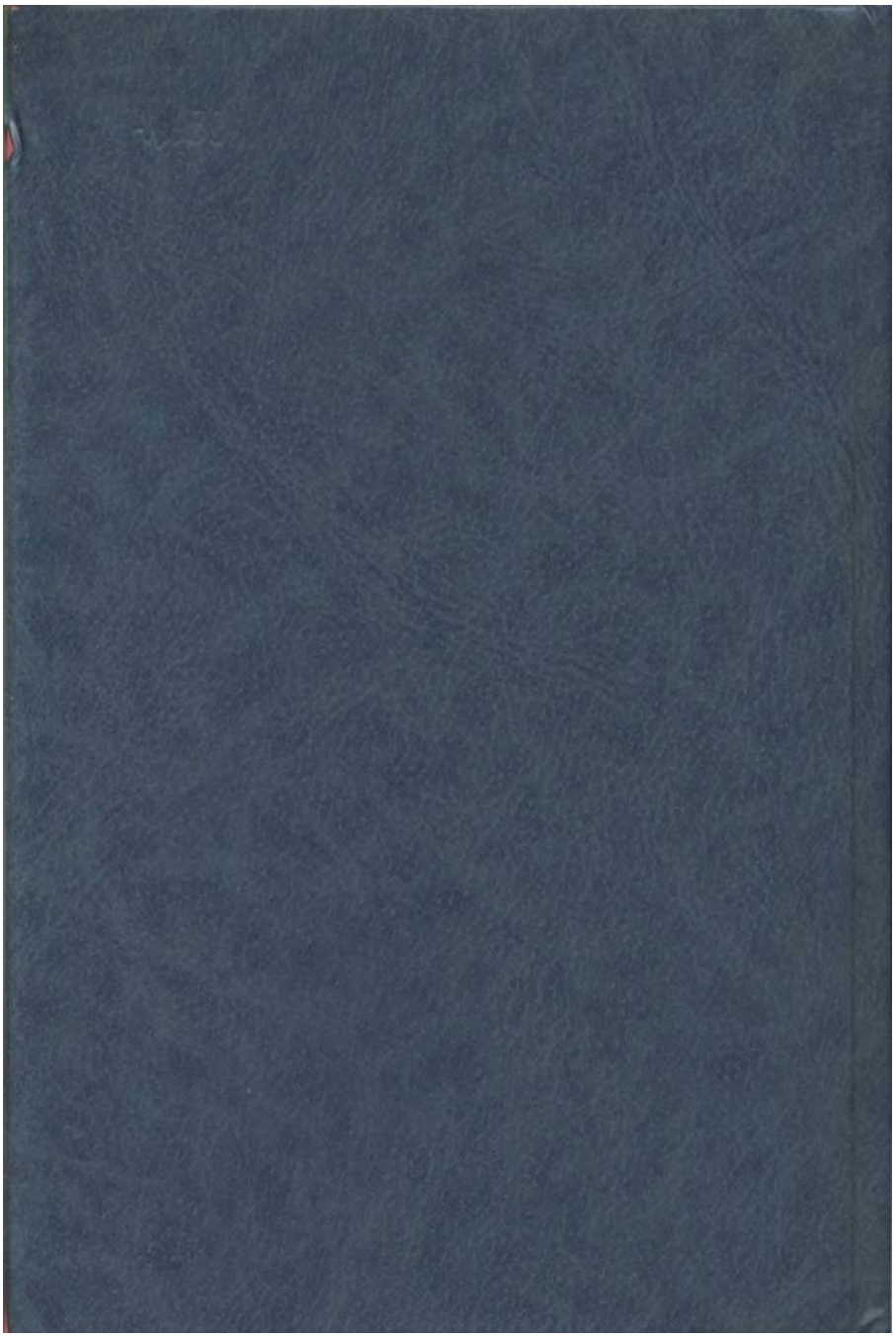
1989. 453 с. 2 р. 40 к.

«Чем больше расточительство, тем выше эффективность производства» — такова суть затратной системы оценки работы предприятий и отраслей. Как могла она появиться при социализме? Поиски ответов на эти вопросы являются лейтмотивом книги. Особый интерес представляет анализ формирования экономического механизма в 20-е годы и в сталинский период утверждения административной системы управления.
Для широкого круга читателей.

Александров Н. И., Комков Н. И.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ И УПРАВЛЕНИЯ РЕШЕНИЕМ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ.

1988. 216 с. 2 р. 50 к.

В книге показана роль комплексных программ в процессе научно-технического развития. Анализируется методология обоснования, выбора и управления реализации этих программ. Авторы приводят структурно-информационное описание процессов решения научно-технических проблем, излагают методы структуризации их целей. Построению экономико-математических моделей анализа программ предшествуют процедуры выявления стратегий решения проблем. Рассматриваются вопросы формирования исходной информации о работах, этапах и стадиях решения проблем.
Для специалистов в области применения математических методов в экономике, преподавателей экономических вузов.

Книга высылается наложенным платежом.
Для получения книги почтой заказы просим направлять по адресу: 117393 Москва, ул. Академика Пилюгина, 14, корп. 2, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 252107 Киев, Татарская ул., 6, магазин «Книга — почтой»; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой».